
Великолепное фэнтези. — Нил Гейман
ГОРОД, КОТОРЫМ МЫ СТАЛИ
премия ЛОКУС
Н. К. ДЖЕМИСИН
FANZON

Город, которым мы стали
Нора Кейта Джемисин

Аннотация
Н. К. Джемисин. Город, которым мы стали
Пролог. Видишь ли, как все было…
Интерлюдия
Глава первая. Вначале был Манхэттен и битва на магистрали ФДР
Глава вторая. Противостояние в последнем лесу
Глава третья. Наша леди (Статен) Айлин
Интерлюдия
Глава четвертая. Бронка и туалетная кабинка злого рока
Глава пятая. В поисках Куинс
Глава шестая. Доктор Белая, критик из иного измерения
Глава седьмая. Чудище в бассейне миссис Юй
Интерлюдия
Глава восьмая. Бессонница в (и рядом с) Бруклин
Глава девятая. Лучший Нью-Йорк не за горами
Глава десятая. Сделаем Статен-Айленд снова великим
Глава одиннадцатая. Кстати, а не пора ли поговорить о командной работе?

Глава двенадцатая. Там нет городов
Глава тринадцатая. В стиле бозар
Глава четырнадцатая. Полоса препятствий Второй авеню
Глава пятнадцатая. «И посмотрела красавица на лик Чудовища…»
Глава шестнадцатая. Кто здесь Нью-Йорк?
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Лауреат премии Британской ассоциации научной фантастики и премии «Локус».

Финалист премий «Небьюла», «Хьюго» и Британской премии фэнтези.

Бестселлер по версии «Нью-Йорк Таймс».

Одна из 100 лучших книг фэнтези «всех времен» по версии журнала TIME.

Топ-100 обязательных к прочтению книг года по версии журнала TIME.

Одна из 15 лучших книг года по версии журнала Vanity Fair.

Одна из лучших книг года по версии Amazon.

Н. К. Джемисин создала новый невероятный роман – захватывающую историю о культуре, индивидуальности, магии и легендах современного Нью-Йорка.

В Манхэттене молодой аспирант сходит с поезда и осознает, что не помнит, кто он, но чувствует, как бьется сердце города, видит его историю и ощущает его мощь.

В Бронксе директор арт-галереи находит

удивительные граффити, разбросанные по всему городу. Ей кажется, что эти прекрасные и сильные работы взывают к ней.

В Бруклине политик и по совместительству мать-одиночка замечает, что слышит, как город поет под перестук ее «Лабутенов».

И они – не единственные.

У каждого великого города есть душа. Одни древние, как легенды, другие – молодые и разрушительные, как дети.

А у Нью-Йорка их шесть.

«В романе мало кто из людей осознает, что крупные города на Земле – Лондон, Гонконг, Сан-Паулу и другие – живые. Когда Нью-Йорк решает присоединиться к этой группе избранных, пять горожан внезапно становятся аватарами одного из пяти боро – районов мегаполиса. Но, к сожалению, первое, с чем они сталкиваются – очень древний враг, который давно охотится на города, а теперь его мишенью стал новорожденный Нью-Йорк. К счастью, воплощения города быстро обнаруживают, что с большой ответственностью приходит и большая сила. Сверхъестественные бои на крышах такси, тайные станции метро, политика городских служб и даже

арт-галереи местных художников – все это переплетается друг с другом в живом послании – признании в любви к городу и его разнообразным обитателям. Джемисин завоевывала награды за свои предыдущие романы, но этот завоюет и сердца читателей». – *Amazon Book Review*

«Это великолепная фантазия, действие которой происходит в самом фантастическом из городов – Нью-Йорке. Она всеобъемлющая, что делает ее только лучше, а в ее основе можно услышать и Борхеса, и Лавкрафта, но уникальный голос и точка зрения принадлежит только самой Джемисин». – *Нил Гейман*

«Джемисин стала основой той фантастики, что поражает воображение смелостью повествования». – *Entertainment Weekly*

«Любовное послание, торжество, выражение надежды и веры в то, что город и его жители могут и будут противостоять тьме, страху и, если потребуется, встанут на защиту друг друга». – *NPR*

«Этот роман – безудержный восторг, ве-

селое путешествие, призыв к действию и революция с обилием танцев. Завидуй, Лавкрафт!» – *Аликс Е. Харроу*

«Одна из самых захватывающих и мощных фантастических книг современности. Новый роман Джемисин привлечет внимание даже тех, кто не читает фэнтези». – *Booklist*

«Самый значительный писатель-философ своего поколения… Она так хороша». – *Джон Скальци*

«Песня любви и ненависти к родному Нью-Йорку. Яростная, поэтичная, бескомпромиссная». – *Kirkus*

«Удивительно изобретательное любовное письмо Нью-Йорку, касающееся всего мира. Талантливый ответ Лавкрафту, с симпатией и юмором. Своевременная и дерзкая аллегорическая история для нашего времени. Эта книга – все и даже больше». – *Ребекка Роанхорс*

«Джемисин показала душу Нью-Йорка так, как это могла сделать только писательница ее уровня. Это шедевр, который игнорирует все правила: красивый, музыкальный,

жизнерадостно странный и настолько невозможно фантастический, насколько и очень правдивый». – *Пэн Шеперд*

«Без сомнения, одна из самых блестящих книг, которую я когда-либо читала. Это дань уважения Нью-Йорку, наполненная любовью и резкая, настолько невероятно изобретательная, что я почувствовала, как расширяются границы моего собственного воображения и возникает понимание того, каким может быть фэнтези». – *Шеннон А. Чакраборти*

«Величайший из ныне пишущих авторов фэнтези открывает свое сердце Нью-Йорку, и в результате получается роман, полный любви, ярости и невероятно убедительных персонажей, как того и заслуживает мой любимый город». – *Сэм. Дж. Миллер*

«Один из самых известных новых голосов в эпическом фэнтези». – *Salon.com*

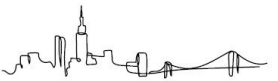
Н. К. Джемисин
Город, которым мы стали

N.K. Jemisin
THE CITY WE BECAME

Copyright © 2020 by N.K. Jemis
Fanzon Publishers An imprint of Eksmo Publishing House

© В. Юрасова, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

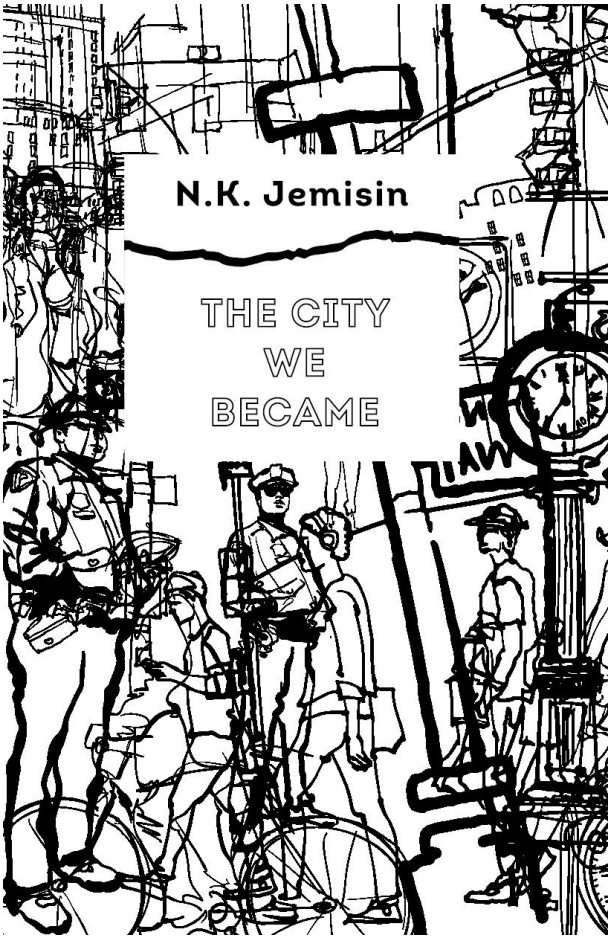
* * *

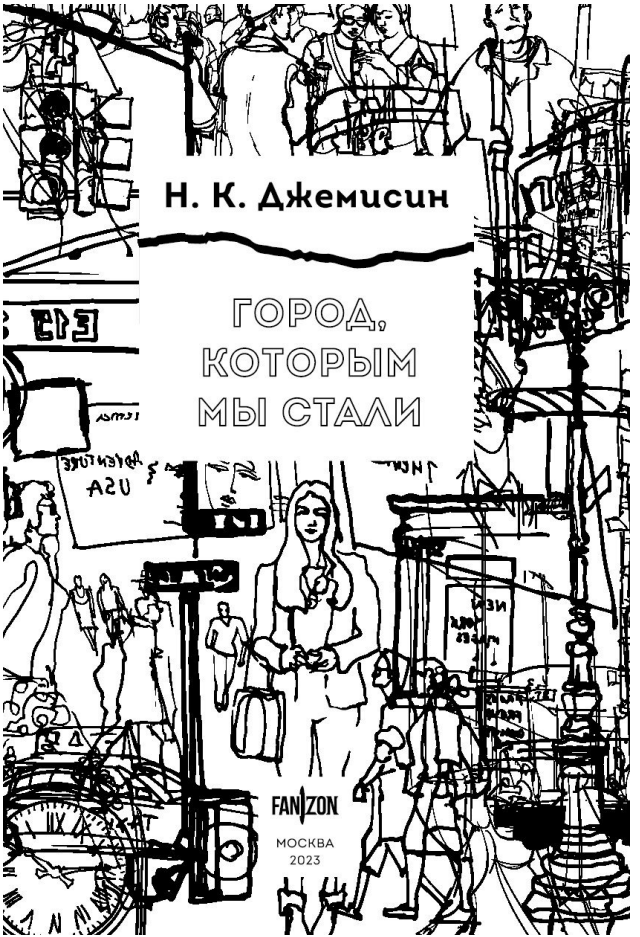


ВЕЛИКИЕ ГОРОДА

Город, которым мы стали

The World We Make


N.K. Jemisin
THE CITY
WE
BECAME


Н. К. Джемисин
ГОРОД, КОТОРЫМ МЫ СТАЛИ
FANZON
МОСКВА
2023

Сродниться с Нью-Йорком можно за один миг; за пять минут вы становитесь здесь своим так же, как и за пять лет.

Томас Вулф

Пролог
Видишь ли, как все было…

Я пою городу.

Чертов город. Я стою на крыше дома, в котором даже не живу, простираю руки в стороны, напрягаю диафрагму и бессмысленно вою на строящееся здание, которое загораживает мне обзор. Хотя на самом деле я пою городскому пейзажу, раскинувшемуся за ним. Город поймет.

Светает. Предрассветная влага липнет к джинсам, отчего они становятся склизкими — впрочем, может быть, дело в том, что их уже много недель никто не стирал. У меня хватает мелочи на стирку и сушку, но вот других штанов, в которые можно было бы влезть на время стирки, — нет. Наверное, вместо этого я зайду в «Гудвил» неподалеку, потрачусь на еще одни штаны… но позже. Сначала я закончу орать: «*АААААаааааАААААаааа*, — вдох, — *аааааАААААаааааааа*», — и послушаю, как звук отражается от каждого фасада вокруг и возвращается ко мне. В моем воображении оркестр играет «Оду к радости», а на фоне битует Баста Раймс. Мой голос лишь связывает их

воедино.

— Да хорош уже горлопанить! — кричит кто-то, так что я отвешиваю поклон и ухожу со сцены.

Однако, положив ладонь на ручку двери, что ведет на лестницу, я останавливаюсь, оборачиваюсь, хмурюсь и прислушиваюсь, потому что на миг мне слышится далекий, негромкий душевный напев. Глубокий и басистый. Словно кто-то отвечает мне, почти застенчиво.

А совсем издалека до меня доносится кое-что еще: зарождающийся рык, негармоничный, режущий слух. Или, может быть, это просто вой полицейских сирен? Как бы там ни было, звук мне не нравится. Я ухожу.

* * *

— Все устроено определенным образом, — говорит Паулу. Этот паршивец снова курит. Я никогда не видел, чтобы он ел. Рот ему нужен только для сигарет, кофе и болтовни. А жаль, ротик-то у него ничего.

Мы сидим в кафе. Я пришел сюда с ним лишь потому, что он купил мне завтрак. Посетители косятся на него — по их стандартам Паулу недостаточно белый, но откуда он конкретно, им неясно. На меня они косятся, потому что я

определенно черный и потому что дырки в моей одежде явно появились не ради моды. Ничем дурным от меня не пахнет, но эти люди за милю учуют всякого, у кого нет ни копейки на счете.

— Ага, — отвечаю я, откусываю сэндвич с яйцом и чуть не растекаюсь от удовольствия. Настоящее яйцо! Швейцарский сыр! Гораздо вкуснее той дряни, которую продают в «Макдоналдсе».

Этот парень любит порассуждать. Мне нравится его акцент, совсем не похожий на испанский: он говорит немного в нос и шепелявит. У него огромные глаза, и я думаю: «Сколько бы мне всего сходило с рук, будь у меня всегда такой взгляд, как у щеночка». Но он, похоже, старше, чем кажется, — намного, намного старше. Седина лишь легонько тронула его виски, придавая ему солидности, но говорит Паулу так, будто ему лет сто.

Он тоже косится на меня, причем в его взгляде есть что-то непривычное.

— Ты слушаешь? — спрашивает он. — Это важно.

— Ну да, — говорю я и снова кусаю сэндвич.

Паулу подается вперед.

— Я тоже поначалу не поверил. Конгу пришлось затащить меня в канализацию, прямиком в вонючую темноту, и показать мне растущие

корни, прорезывающиеся зубы. Я всю свою жизнь слышал дыхание. И думал, что все его слышат. — Он замолкает. — Ты его уже слышал?

— Что слышал? — спрашиваю я, и ответ оказывается неверным. Не то чтобы я его не слушаю. Мне просто плевать.

Он вздыхает.

— Слушай.

— Да я *слушаю*.

— Нет. Тебе нужно слушать, но не меня. — Паулу встает, кидает на стол двадцатку — только делать этого не нужно, потому что он уже заплатил за сэндвич и за кофе у стойки, а официантов в этой кафешке нет. — Встреться со мной здесь в четверг.

Я беру двадцатку, разглядываю, затем убираю ее в карман. Я бы переспал с ним и за сэндвич или просто за красивые глаза. Ну да ладно.

— Пойдем к тебе на квартиру?

Он хлопает глазами, затем его лицо становится сердитым.

– *Слушай,* — снова приказывает он мне и затем уходит.

Я остаюсь, стараюсь растянуть сэндвич на подольше, потягиваю оставшийся после него кофе, воображаю, что я нормальный, и наслажда-

юсь этой фантазией. Я смотрю на людей, на то, как они одеты; на лету сочиняю стихотворение о богатой белой девушке, которая видит в своем кафе бедного черного паренька, и у нее случается экзистенциальный кризис. Я представляю, как произвожу впечатление на Паулу своей утонченностью, как он восхищается мной и не думает, что я — всего лишь тупой парнишка с улицы, который его не слушает. Я вижу, как возвращаюсь в чистенькую квартиру с мягкой кроватью и холодильником, битком набитым едой.

Затем в кафешку входит коп — жирный, красномордый тип, который заскочил сюда купить по бутылке пива себе и своему напарнику, оставшемуся в машине. Его безжизненные глаза обводят зал. Я воображаю, что мою голову окружает вращающийся цилиндр зеркал, от которых его взгляд отскакивает. Конечно, фантазии мне ничем не помогут; так я просто пытаюсь унять свой страх, когда поблизости появляются чудовища. Но на этот раз, впервые в жизни, трюк срабатывает: коп оглядывается, но не замечает единственное в зале черное лицо. Повезло. Я ускользаю прочь.

* * *

Я рисую для города. Когда я еще учился в школе, к нам по пятницам приходил художник; он давал бесплатные уроки, объяснял перспективу, светотень и всю ту прочую ерунду, которую белые изучают в художественных школах. Только тот парень тоже туда ходил, и он был черным. Прежде я никогда в жизни не видел черного художника. Минуту мне казалось, что, может быть, и я смогу им стать.

Иногда у меня получается. Глубокой ночью, где-нибудь в Китайском квартале, я кружусь и ползаю раком по крыше. В каждой руке у меня аэрозольные баллончики, рядом — ведро краски для гипсокартона, которую кто-то выставил за порог после того, как покрасил свою гостиную в сиреневый цвет. Краской для гипсокартона лучше не увлекаться; она начнет отваливаться через пару дождей. Краска из баллончика подходит куда лучше, но мне нравится контраст двух текстур — жидкой черной на грубой сиреневой, с красным по краям черного. Я рисую дыру. Она похожа на глотку, которая не начинается ртом и не заканчивается легкими; она непрестанно дышит и заглатывает, но никак не может на-

сытиться. Ее никто не увидит, если не считать пассажиров самолетов, летящих к Ла-Гуардии с юго-запада, нескольких туристов, которые закажут вертолетный тур, и воздушной разведки нью-йоркской полиции. Мне плевать, что они увидят. Я рисую не для них.

Уже очень поздно. Я не нашел себе ночлег, но зато нашел, чем заняться, чтобы не уснуть. Не будь сейчас конец месяца, я бы пошел в метро, но копы, не выполнившие план, наверняка ко мне прицепятся. Впрочем, здесь тоже нужно быть осторожным: к западу от Кристи-стрит полно стукнутых на всю голову китайцев, которые любят воображать себя бандой, защищающей свою территорию. Так что я стараюсь не привлекать к себе внимания. Я худенький и темный, что тоже помогает остаться незамеченным. Черт, я всего лишь хочу рисовать, потому что во мне что-то сидит и рвется наружу. Мне нужно открыть эту глотку. Мне нужно, мне нужно… да. Да.

Когда я провожу последний черный штрих, раздается едва слышный, странный звук. Я замираю, недоуменно оглядываюсь… а затем глотка позади меня вздыхает. Мощный порыв влажного ветра щекочет мою кожу, поднимая на ней волоски. Мне не страшно. Ради этого я и рисовал, хотя

и не понимал зачем, когда начинал. Я и сейчас не знаю, как понял. Но когда я поворачиваюсь, то вижу лишь краску на крыше.

Паулу надо мной не прикалывался. Ха. Или мама была права, и у меня всегда было что-то не то с головой.

Я подпрыгиваю и улюлюкаю от радости, хотя даже не знаю почему.

Следующие два дня я бегаю по всему городу и рисую везде дыхательные отверстия, пока наконец моя краска не заканчивается.

* * *

В день, когда я снова встречаюсь с Паулу, я так измотан, что спотыкаюсь и чуть не вваливаюсь в витрину кафешки. Он хватает меня за локоть и подтаскивает к скамье для посетителей.

— Ты слышишь, — говорит он, похоже, довольный.

— Я слышу кофе, — намекаю я, даже не пытаясь подавить зевок. Мимо проезжает полицейская машина. Несмотря на усталость, я включаю воображение и представляю, что я ничтожество, недостойное их внимания, и что даже бить меня — только руки марать. Снова сработало — они проезжают мимо.

Паулу пропускает мой намек мимо ушей. Он садится рядом, и его взгляд на миг становится странным, словно он смотрит куда-то вдаль.

— Да. Городу дышится легче, — говорит он. — Ты хорошо потрудился, хотя тебя никто и не учил.

— Я старался.

Он, похоже, повеселел.

— Не понимаю, то ли ты мне не веришь, то ли тебе просто все равно.

Я пожимаю плечами.

— Я тебе верю. — А еще мне немного все равно, потому что я очень хочу есть. Мой живот урчит. У меня еще осталась та двадцатка, которую он мне дал, но с ней я пойду в Проспект-парк на церковную распродажу, о которой недавно слышал, куплю курицу, рис, овощи и кукурузный хлеб, и стоить все это будет меньше, чем чашка импортного латте.

Он опускает взгляд туда, где урчит мой живот. Ха. Я притворяюсь, что мне нужно потянуться, и чешу место над прессом так, чтобы приподнять край футболки. Однажды тот художник привел к нам на урок натурщика и показал небольшую полоску мышц над бедрами, которая называется «поясом Аполлона». Взгляд Паулу упирается прямо в нее. «Ну же, ну же, ловись-ловись рыбка.

Мне нужно где-то переночевать».

Затем Паулу щурится и снова смотрит мне в глаза.

— Я уже и позабыл, — задумчиво, едва слышно говорит он. — Я почти… Как же давно это было. Когда-то, еще мальчишкой, я жил в *фавелах*.

— В Нью-Йорке с мексиканской едой туговато, — отвечаю я.

Он моргает и снова смотрит на меня так, словно я сказал что-то смешное. Затем его лицо становится серьезным.

— Этот город погибнет, — говорит он. Паулу не повышает голос, но это и не нужно — теперь я весь внимание. Еда, выживание — все это кое-что для меня, да значит. — Если ты не научишься тому, чему я должен тебя обучить. Если ты не поможешь. Настанет время, и ты потерпишь поражение, и тогда этот город присоединится к Помпее, Атлантиде и десяткам других, чьи имена уже никто не помнит, хотя вместе с ними погибли сотни тысяч людей. Или же он родится мертвым, станет лишь оболочкой города, которая однажды, возможно, снова оживет, но на время искра его жизни угаснет, как это случилось с Новым Орлеаном. Как бы там ни было, *ты* все равно погибнешь вместе с ним. Ты — катали-

затор, который либо даст ему силу, либо приведет к уничтожению.

Он говорил о таких вещах с тех пор, как впервые появился. О местах, которые никогда не существовали, событиях, которые не могли происходить, о знамениях и предвестниках. Я считаю, что все это чушь собачья, ведь он рассказывает об этом *мне*, парнишке, чья родная мама вышвырнула его из дома и ежедневно молится о том, чтобы он сдох. Наверное, она меня ненавидит. Да сам *господь бог* меня ненавидит. А я ненавижу бога в ответ, так что с чего бы это ему выбирать меня ради какой-то великой цели? Но именно из-за него я и начинаю внимательно слушать, из-за бога. Даже если я во что-то не верю, это не значит, что оно не может испортить мне жизнь.

— Скажи, что мне сделать, — говорю я.

Паулу кивает; вид у него самодовольный. Думает, что взял меня на крючок.

— Ага. Значит, умирать тебе не хочется.

Я встаю, потягиваюсь; чувствую, как улицы вокруг меня удлиняются и становятся податливыми на все усиливающейся дневной жаре. Интересно, это происходит взаправду или только в моем воображении; или же все происходит вза-

правду, но я воображаю, что это как-то связано со мной?

— Да иди ты. Не в этом дело.

— Значит, даже на это тебе плевать. — Тоном голоса он намекает, что это вопрос.

— Дело не в том, что я не хочу умирать. — Когда-нибудь я окочурюсь с голоду, или замерзну одной зимней ночью, или подцеплю заразу, буду гнить, пока больницам не придется принять меня даже без денег и адреса прописки. Но пока я не протянул ноги, я буду петь, и рисовать, и танцевать, и трахаться, и плакать для города, потому что он мой. *Мой*, чтоб его. Вот почему.

— Дело в том, что я хочу *жить*, — заканчиваю я. Затем поворачиваюсь и смотрю на него в упор. Если Паулу не понимает, о чем я, то он может идти в задницу. — Скажи мне, что делать.

В лице Паулу что-то меняется. Теперь он слышит. Меня. Так что он встает и уводит меня прочь, чтобы преподать мне мой первый настоящий урок.

* * *

Урок таков: большие города похожи на живых существ; они рождаются, растут, стареют и, когда приходит их время, умирают.

Тоже мне новость, да? Всякий, кто хоть раз бывал в настоящем большом городе, так или иначе чувствует это. Все, кто живет вне городов и ненавидит их, — они не просто так чего-то боятся, большие города действительно *другие*. Они — бремя для мира, разрыв в ткани реальности, наподобие… наподобие черных дыр, наверное. Да. (Я иногда хожу в музеи. Там внутри классно, да и Нил Деграсс Тайсон красавчик.) Со временем в города стекается все больше и больше людей, они оставляют здесь свои странности, затем уходят, и их заменяют другие. Так разрыв увеличивается. В конце концов он становится настолько глубоким, что образует карман, соединенный… с чем-то… лишь тончайшей нитью из… чего-то. Из того, из чего сделаны города.

Тем не менее процесс запускается, и в этом кармане части города начинают множиться и обретать свои отличительные черты. Его канализационные коллекторы простираются в места, где нет необходимости в воде. В его трущобах прорезаются зубы, в его центрах искусств — когти. Самые обыкновенные процессы, вроде движения транспорта, строительства и тому подобного, начинают происходить ритмично. Если записать их звуки и быстро воспроизвести в обратном

порядке, они будут похожи на биение сердца. Город… оживает.

Но не все города достигают этой точки. Прежде на нашем континенте существовало несколько великих городов, но это было до того, как Колумб подгадил индейцам, так что нам пришлось начинать все сначала. Как и сказал Паулу, Новый Орлеан не смог ожить, но он не погиб окончательно, и это уже хорошо. Он может попробовать родиться снова. Мехико уже почти готов. Но Нью-Йорк — первый американский город, достигший этой точки.

Созревание может занять двадцать лет, или двести, или две тысячи, но в конце концов время придет. Пуповина перерезается, и город становится самостоятельным; теперь он способен стоять на нетвердых ногах и делать… ну, все, что, черт возьми, захочет делать живое, мыслящее существо, имеющее облик охрененно большого города.

Однако, как и всегда по законам природы, рядом таятся другие существа. Они ждут этого момента, желая поживиться новорожденной жизнью, сожрать ее целиком, наслаждаясь воплями.

Поэтому Паулу и пришел учить меня. Поэтому

я могу сделать так, чтобы городу легче дышалось; могу размять и помассировать его асфальтовые конечности. Видите ли, я кто-то вроде акушера.

* * *

Я управляю городом. Я управляю им каждый чертов день.

Паулу отводит меня домой. Это просто чья-то съемная летняя квартира в Нижнем Ист-Сайде, но здесь я чувствую себя как дома. Я залезаю в его душ и съедаю немного еды из его холодильника, без спросу, просто чтобы посмотреть, что он сделает в ответ. Он не делает ровным счетом ничего, только закуривает сигарету — наверное, чтобы позлить меня. Я слышу полицейские сирены на улицах по соседству, частые, близкие. Почему-то мне приходит в голову, а не ищут ли они меня. Вслух я ничего не говорю, но Паулу видит, как я задергался. Он говорит:

— Предвестники Врага будут прятаться среди городских паразитов. Остерегайся их.

Он всегда несет такой загадочный бред. Кое-что я понимаю, например, когда он размышляет о том, что, возможно, у всего этого есть некая *цель*: у великих городов и у процесса, который их создает. А действия Врага — нападения в момент

уязвимости; гнусные преступления, совершенные просто потому, что подвернулась такая возможность, — могут быть разминкой перед чем-то бóльшим. Но порой Паулу несет откровенный бред, например, когда говорит, что мне стоит подумать о медитации. Как будто я стану лучше понимать потребности города, если начну заниматься йогой, как белые девчонки.

— Да, йогой, как белые девчонки, — говорит Паулу, кивая. — Йогой, как индийские мужчины. Ракетболом, как биржевые маклеры; гандболом, как школьники; балетом и меренге. И будешь ходить в залы профсоюзов и галереи Сохо на Манхэттене. Ты станешь воплощением города с населением в миллионы человек. Тебе не нужно *превращаться* в этих людей, но знай, что они — часть тебя.

Я смеюсь.

— Ракетбол? Нет, чувак, эта хрень уж точно не «часть меня».

— Из всех город выбрал тебя, — говорит Паулу. — Их жизни зависят от тебя.

Может быть. Но я все время голоден и измотан, все время напуган, никогда не чувствую себя в безопасности. Пусть я ценен для других, но что в этом хорошего, если никто не ценит меня?

Он видит, что я больше не хочу разговаривать, поэтому встает и идет спать. Я падаю на диван и отключаюсь. Для остального мира я все равно что мертв. Мертв.

И мне снится *сон*, сон о темном месте под тяжелыми холодными волнами, где нечто скользкое пробуждается, распрямляется и направляется к устью Гудзона, где тот впадает в море. Прямиком ко *мне*. И я слишком слаб, слишком беспомощен, слишком скован страхом, чтобы сделать что-либо; я могу лишь дрожать под его хищным взглядом.

Что-то еще приходит издалека, с юга. (Все это не совсем реально. Все происходит где-то около тонкой пуповины, которая соединяет реальность города с реальностью мира. *Последствия* видны в мире, говорил Паулу. *Причина* же сосредоточена вокруг меня.) Оно становится между мной и пробудившимся нечто. Что-то необъятное защищает меня, но только сейчас, один-единственный раз, только здесь — впрочем, я чувствую, как далеко-далеко другие хмыкают, ворчат и становятся на изготовку. Предупреждают Врага о том, что он должен придерживаться правил, по которым всегда велась эта древняя битва. Ему не позволено нападать на меня так рано.

Мой защитник в этом нереальном сонном царстве огромен и раскидист; он — настоящая жемчужина, покрытая коркой грязи; от него разит крепким кофе и примятой травой футбольного поля, уличным шумом и знакомым сигаретным дымом. Он угрожающе демонстрирует балки, похожие на сабли; все длится лишь миг, но этого оказывается достаточно. Пробудившаяся тварь вздрагивает и неохотно отступает в свою холодную пещеру. Но она вернется. Так уж заведено.

Я просыпаюсь. Солнечный свет греет мне щеку. Что это было, просто сон? Спотыкаясь, я вхожу в комнату, где спит Паулу.

– *Сан*-Паулу, — шепчу я, но он не просыпается. Я забираюсь под его одеяло. Когда он пробуждается, то не тянется ко мне, но и не отталкивает. Я даю ему понять, насколько я благодарен, и даю причину снова впустить меня сюда позже. С остальным придется подождать до тех пор, пока я не достану презервативы и он не вымоет свой рот-пепельницу. После я снова залезаю в душ, надеваю одежду, которую постирал в его раковине, и, пока он все еще храпит, выхожу вон.

Библиотеки — это безопасные места. Зимой в них тепло. Никто не станет возмущаться, что

ты торчишь здесь весь день, если только ты не пялишься на детский уголок и не пытаешься посмотреть порно на компьютерах. Библиотека на Сорок второй авеню — та, что со львами, — отличается от остальных. Из нее нельзя выносить книги. Однако она тоже безопасная, так что я сажусь в угол и читаю все, до чего могу дотянуться: законы муниципального налогообложения, «Птицы Гудзонской долины», «Чего ждать, когда вы ждете ребенка в большом городе: издание для Нью-Йорка». Видишь, Паулу? Я же говорил, что слушаю.

Время уже близится к вечеру, и я выхожу на улицу. Люди сидят на ступеньках, смеются, болтают, корчат рожи, орудуя селфи-палками. У входа в метро стоят копы в бронежилетах; они демонстративно выпячивают свое оружие, чтобы туристы чувствовали, что Нью-Йорк им не угрожает. Я покупаю польскую сосиску и съедаю ее у ног одного из львов. У «Стойкости», не у «Терпения». Свои сильные стороны я знаю.

Наевшийся мяса, расслабленный, я думаю о всякой ерунде: например, о том, надолго ли Паулу позволит мне остаться у него и могу ли я воспользоваться его адресом, чтобы подать на какую-нибудь матпомощь. Поглощенный мыс-

лями, я не смотрю по сторонам. Пока, наконец, по моему боку не пробегают ледяные мурашки. Не успев даже напрячься, я уже знаю, в чем дело, но снова поступаю беспечно и *поворачиваюсь, чтобы посмотреть*… Дурак, какой же я дурак, ведь знаю, что так делать нельзя; в Балтиморе копы сломали парню позвоночник лишь за то, что он встретился с одним из них взглядом. Но стоит мне посмотреть на тех, что стоят на углу напротив библиотеки, — на низкорослого бледного мужчину и высокую темноволосую женщину, одетых в темно-синюю, почти черную униформу, — я замечаю кое-что совсем странное, и мой страх ненадолго сменяется удивлением.

День стоит ясный, на небе ни облачка. Мимо копов проходят люди, и послеполуденное солнце оставляет под ними резкие, короткие, едва заметные тени. Но вокруг этих двоих тени сгущаются и клубятся, будто над ними висит их собственное бурлящее грозовое облако. Я смотрю на них, и тот коп, что пониже, начинает… как бы *растягиваться*, его очертания слегка искажаются, пока один глаз не становится в два раза больше другого. На его правом плече медленно появляется припухлость, словно у него вывихнут сустав. Его спутница, похоже, ничего не замечает.

Оу-у-у, нет. Я встаю и начинаю пробираться через толпу на ступеньках. Делаю то же, что обычно, пытаюсь отразить от себя их взгляд — но на этот раз все идет не так. Что-то похожее на липкие ниточки дешевой жвачки цепляется к моим зеркалам. Я *чувствую*, как копы начинают идти за мной следом, как нечто огромное и неправильное поворачивается ко мне.

Даже тогда я продолжаю сомневаться — все-таки многие настоящие копы точно так же источают волны садизма, — но рисковать я не собираюсь. Мой город беспомощен, он еще не родился, и рядом нет Паулу, который мог бы меня защитить. Я должен сам позаботиться о себе, как и всегда.

Я принимаю непринужденный вид, дохожу до угла и там сматываюсь — точнее, пытаюсь. Чертовы туристы! Они торчат не на той стороне тротуара, останавливаются, чтобы посмотреть на карты и сфотографировать всякую фигню, на которую всем остальным наплевать. Я так занят, мысленно обкладывая их трехэтажными матами, что забываю: опасность может исходить и от них. Когда я прохожу мимо, кто-то поднимает ор и хватает меня за руку. Я слышу мужской крик:

— Он пытался стащить ее сумочку!

Я стараюсь вырваться. «Собака, да я же и пальцем ничего не тронул», — думаю я, но уже слишком поздно. Я вижу, как другая туристка тянется к своему телефону, собираясь набрать девять один один. Сейчас все полицейские этого района начнут цепляться ко всем чернокожим парням всех возрастов.

Мне нужно убраться отсюда.

Прямо передо мной стоит Центральный вокзал, манящий и обещающий спасение в недрах метро, но я вижу, что у входа околачиваются трое полицейских, и потому сворачиваю направо, чтобы двинуться по Сорок первой. Толпа редеет за Лексингтон-авеню, но куда же мне податься? Я перебегаю Третью, не обращая внимания на поток машин — проскочить между ними нетрудно. Но я начинаю уставать, потому что я — тощий чувак, который вечно недоедает, а не звезда легкой атлетики.

Однако я продолжаю шагать вперед, даже несмотря на жжение в боку. Я чувствую, что *те* копы, *предвестники Врага*, идут за мной по пятам. Земля сотрясается от их неуклюжих шагов.

Примерно в квартале от меня воет сирена, она приближается. Черт, скоро же саммит ООН; еще

не хватало, чтобы меня стала пасти Секретная служба или что-то вроде нее. Я сворачиваю налево в переулок и спотыкаюсь о деревянный поддон. Снова повезло — полицейская машина проезжает мимо переулка как раз в тот момент, когда я падаю, и копы не замечают меня. Я пытаюсь отдышаться и не встаю, пока наконец шум двигателя не стихает вдали. Решив, что опасность миновала, я поднимаюсь. Оглядываюсь, потому что город съеживается вокруг меня, бетон дрожит и вздымается, и все, от земли до баров на крышах, говорит мне, чтобы я поскорее шел дальше. «Иди. *Иди*».

Позади меня переулок заполняет… какая-то… чертовщина? Мне не хватает слов, чтобы ее описать. У нее слишком много рук, слишком много ног, слишком много глаз, и все они в упор смотрят на меня. Где-то внутри этого скопления я мельком вижу темные кудри и русый ежик и внезапно осознаю, что это… это *нечто* на самом деле — мои два копа. Слившиеся в одно настоящее чудовище. Стены переулка покрываются трещинами, и оно просачивается в узкое пространство.

— Ох. Твою ж мать. Нет, — выдыхаю я.

Я с трудом поднимаюсь на ноги и бегу прочь. Из-за угла Второй авеню выезжает патрульная

машина, но я не замечаю ее вовремя и не успеваю скрыться из виду. Громкоговоритель машины ревет что-то неразборчивое, наверное: *«Сейчас я тебя прикончу»*, — и теперь я по-настоящему потрясен. Неужели они не видят тварь за моей спиной? Или им просто плевать, потому за нее они не смогут вытрясти себе премию из бюджета? Чтоб их, пусть они меня пристрелят. Всяко лучше, чем то, что собирается сделать это чудовище.

Я бросаюсь налево, на Вторую авеню. Полицейская машина не сможет поехать за мной по встречке, но это вряд ли остановит какого-то монстра, слепленного из двоих копов. Сорок пятая. Сорок седьмая, и мои ноги превращаются в расплавленный гранит. Пятидесятая, и я думаю, что сейчас умру. Еще не хватало заработать сердечный приступ в столь юном возрасте; скажут: бедный ребенок, надо было есть больше органики, не нервничать так сильно и не злиться; ведь мир не сможет причинить тебе вреда, если ты просто не будешь обращать внимания на все, что с ним не так. По крайней мере, пока он тебя все равно не прикончит.

Я пересекаю улицу, на свой страх и риск оглядываюсь и вижу, как на тротуар выкатывается *нечто*. У этой твари как минимум восемь ног,

тремя или четырьмя руками она отталкивается от здания, чуть покачивается… а затем снова бросается прямо на меня. Это тот Мегакоп, и он нагоняет меня. «Черт, черт, черт, пожалуйста, нет».

Выход только один.

Сворачиваю направо. Пятьдесят третья, бегу против потока. Дом престарелых, парк, набережная… к черту, не годится. Пешеходный мост? Тоже к черту. Я направляюсь прямо к шести полосам дерьмового асфальта и выбоин, которыми славится магистраль ФДР, — не проходите мимо и не пытайтесь перейти пешком, если не хотите, чтобы вас размазало тонким слоем до самого Бруклина. Что за магистралью? Река Ист-Ривер, но до нее еще нужно дожить. Я настолько напуган, что готов рискнуть и попытаться переплыть эту вонючую сточную канаву. Но, скорее всего, я рухну на третьей полосе, и меня успеют задавить раз пятьдесят, прежде чем кто-нибудь догадается нажать на тормоза.

За моей спиной Мегакоп издает причмокивающий, хриплый звук; он будто прочищает горло, чтобы что-то проглотить. Я бросаюсь вперед, через ограждение, по траве и прямиком в адово пекло; одна полоса, серебристая машина, вто-

рая полоса, гудки, гудки, гудки, третья полоса, ТЯГАЧ С ПОЛУПРИЦЕПОМ, ЧТО СРАНЫЙ ТЯГАЧ ДЕЛАЕТ НА ФДР, ОН ЖЕ СЛИШКОМ ВЫСОКИЙ, ТУПОЙ ТЫ ДЯТЕЛ, ПОНАЕХАВШИЙ ИЗ КАКОЙ-НИБУДЬ ДЕРЕВНИ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ШТАТА, визг, четвертая полоса, ЗЕЛЕНОЕ ТАКСИ, снова визг, малютка «Смарт» — ха-ха, какой милаха, — несущийся грузовик, шестая полоса, голубой «Лексус» задевает мою одежду, проносясь мимо, визг, визг, визг

визг

визг металла и шин, реальность растягивается, и никто не тормозит и не пытается объехать Мегакопа; ему не место здесь, на магистрали Франклина Рузвельта, на этой жизненно важной артерии, по которой переносятся питательные вещества, и сила, и энергия, и адреналин; машины здесь — это белые кровяные тельца, а эта тварь — раздражитель, инфекция, нарушитель, с которым город расправляется решительно и беспощадно визг, и Мегакопа разрывают на куски полуприцеп, такси, «Лексус» и даже тот очаровательный «Смартик», которому приходится немного вильнуть в сторону, чтобы переехать особо живучий извивающийся ошметок. Я падаю на полоску травы, воздух выбит из моих легких,

я дрожу, хриплю и беспомощно смотрю, как перемалывается дюжина конечностей, как давится две дюжины глаз и рот, больше похожий на распоротые пополам десны. Ошметки мерцают, как монитор, у которого закоротило AV-кабель, становятся то прозрачными, то снова обретают плотность, — но ФДР не остановить ничем, кроме, пожалуй, президентского кортежа или игры «Никсов», а эта тварь уж точно не Кармело Энтони. В считаные секунды от нее не остается ничего, кроме наполовину реальных пятен, размазанных по асфальту.

Я жив. Боже.

Какое-то время я плачу. Маминого дружка здесь нет, так что никто не влепит мне пощечину и не скажет, что я не мужик. Папа бы сказал, что это ерунда — раз ты плачешь, значит, ты жив, — но папа мертв. А я жив.

Мои ноги горят и подкашиваются; я заставляю себя подняться, но снова падаю. Все болит. Неужели меня все-таки хватил тот сердечный приступ? Меня тошнит. Все вокруг ходит ходуном и смазывается. Может быть, у меня инсульт. Не обязательно ведь быть стариком, чтобы он случился, верно? Спотыкаясь, я подбредаю к мусорному баку и задумываюсь, а не блевануть ли

в него. Рядом на скамейке лежит старик — лет через двадцать я буду выглядеть так же, если столько протяну. Когда я начинаю давиться рвотными позывами, он приоткрывает глаз и осуждающе поджимает губы, будто смог бы напугать мусорный бак лучше меня.

Он говорит:

— Время пришло, — и поворачивается на другой бок, ко мне спиной.

Время. Внезапно я чувствую, что должен куда-то спешить. Неважно, что мне дурно, неважно, что я измотан, — что-то просто… тянет меня. На запад, к центру города. Я отталкиваюсь от бака, обнимаю себя руками и, дрожа и спотыкаясь, волочусь к пешеходному мосту. Пересекая полосы, которые я только что перебежал, я опускаю взгляд вниз, на мерцающие ошметки мертвого Мегакопа, раскатанного по асфальту сотней автомобильных колес. Некоторые кусочки все еще подергиваются, и мне это не нравится. Они — зараза, инородное тело. Я хочу от него избавиться.

Мы хотим от него избавиться. Да. Время пришло.

Я моргаю и внезапно оказываюсь в Центральном парке. Чтоб меня, как я сюда попал? Сбитый с толку, я прохожу мимо еще одной пары поли-

цейских, но понимаю это, только когда вижу их черные ботинки. Впрочем, эти двое не обращают на меня внимания. А должны бы — на дворе июнь, а тощий парнишка дрожит, будто ему холодно. Даже если они просто уволокут меня с улицы, чтобы засунуть мне в задницу туалетный ершик, они должны хотя бы *заметить* меня. Но копы ведут себя так, словно меня здесь нет. Ральф Эллисон был прав: чудеса случаются, и улизнуть можно от любого нью-йоркского полицейского, аллилуйя.

Озеро. Мост Боу-Бридж — место перехода. Я останавливаюсь на нем, немного стою и понимаю… все.

Все, что рассказал мне Паулу, — это правда. Где-то за городом пробуждается Враг. Он послал своих предвестников, и они потерпели неудачу, но город уже заражен. Эта зараза разносится каждой машиной, которая проезжает по Мегакопу, размазанному по дороге микроскопическим слоем, и так Враг получает возможность закрепиться здесь. При помощи этого якоря он вытаскивает себя из тьмы к нашему миру, к теплу и свету; к тому, кто бросает ему вызов, — ко *мне* и к новой, рождающейся сущности, к *моему* городу. Конечно, Враг бросает в атаку не все свои силы.

Мне предстоит сразиться лишь с малой частью этого древнего, древнего зла, но и ее наверняка более чем хватит, чтобы убить одного ничтожного, измученного паренька, чей город даже не может его защитить.

Пока что не может. Время пришло. Или *придет?* Посмотрим.

На Второй, Шестой и Восьмой авеню у меня отходят воды. То есть трубы прорвало. Водопроводные. Да уж, непорядок, вечером все вокруг встанет в пробках. Я закрываю глаза и вижу то, чего не видит больше никто. Я чувствую, как гнется реальность, меняются ее ритмы, ее возможности. Я протягиваю руку, хватаюсь за перила моста и чувствую ровный, сильный пульс, который проходит через них. «У тебя все получится, малыш. Все отлично».

Что-то начинает меняться. Я становлюсь большим, всеобъемлющим. Я чувствую, как упираюсь в небосвод; становлюсь тяжелым, как фундаменты города. Рядом со мной маячат другие, наблюдают — кости моих предков под Уолл-стрит, кровь моих предшественников на скамейках Кристофер-парка. Нет, это *новые* другие, такие же, как я, грубые оттиски на ткани пространства и времени. Сан-Паулу сидит ближе всех ко мне,

и его корни дотягиваются до костей мертвого Мачу-Пикчу. Он с мудрым видом наблюдает и слегка вздрагивает, когда вспоминает свое собственное рождение, трудное и произошедшее сравнительно недавно. Париж смотрит с отстраненным безразличием, немного оскорбленный тем, что первый город из нашей безвкусной страны выскочек прошел этот переходный период. Лагос ликует, видя нового парня, которому знакома суета, шумиха и борьба. Здесь есть и другие, их много, и все они смотрят и ждут, станет ли их сегодня больше. Или нет. Как бы там ни было, они увидят, что я — *мы* — хотя бы на один блистательный миг стали великими.

— Мы справимся, — говорю я, стискивая поручень и чувствуя, как город сжимается. По всему городу люди слышат щелканье в ушах и недоуменно оборачиваются. — Еще немного. Давай же. — Я напуган, но спешить нельзя. «Lo que pasa, pasa…» — черт, теперь эта песня заела у меня голове, *во мне* и во всем остальном Нью-Йорке. А он весь здесь, как и сказал Паулу. Мы с городом больше ничем не разделены.

И когда небосвод содрогается, смещается и рвется, Враг, извиваясь, вырывается из глубин, и его рев соединяет наши реальности…

Но уже слишком поздно. Пуповина перерезана, и мы у цели. Мы родились! Мы встаем, целые, здоровые и независимые, и наши ноги даже не дрожат. Мы справимся. Не клюй носом, когда имеешь дело с городом, который никогда не спит, сынок, и не смей тащить сюда свою дебильную потустороннюю хрень.

Я поднимаю руки, и авеню подпрыгивают. (Причем это происходит в действительности, хотя и не совсем. Земля содрогается, и люди думают: «Гм, что-то в метро сегодня укачивает больше обычного».) Я встаю поустойчивее, и мои ноги становятся балками, сваями и плитами фундаментов. Тварь из глубин визжит, а я смеюсь, ощущая головокружение и послеродовой всплеск эндорфинов. «Ну давай, нападай». Тварь бросается на меня, и я толкаю ее автомагистралью Бруклин-Куинс, как бедром; бью наотмашь парком Инвуд-Хилл, прикладываю локтем Южного Бронкса. (В вечерних новостях потом сообщат об обрушениях на десяти строительных площадках. Как же плохо в городе соблюдается техника безопасности, ой как плохо.) Враг пробует потрясти передо мной какой-то извивающейся дрянью — сколько же у него щупалец? — так что я рычу и вгрызаюсь в них, ведь в Нью-Йорке

суши жрут не меньше, чем в Токио, с ртутью там и всякой дрянью.

«Ой, а что это мы заплакали? Убежать захотели? Ну уж нет, сынок. Ты пришел не в тот город». Я топчу тварь всей тяжестью Куинса, что-то внутри нее надламывается, и переливчатая кровь брызжет на мироздание. Тварь потрясена, ведь ей уже несколько столетий никто не причинял настоящую боль. Она яростно налетает на меня в ответ, и я не успеваю отразить удар. Из места, которое невидимо для большей части жителей города, из ниоткуда возникает щупальце длиной с небоскреб, которое с размаху врезается в гавань Нью-Йорка. Я кричу, падаю, слышу, как хрустят мои ребра, и — нет! — сильное землетрясение впервые за десятилетия сотрясает Бруклин. Вильямсбургский мост изгибается и разрывается напополам, как хворостина; Манхэттен стонет и трещит по швам, но не поддается. Я чувствую смерть каждого погибшего там, как свою собственную.

«Да я тебя за это урою, мразь», — не-думаю я. Ярость, горе и жажда мщения мутят мой рассудок и ввергают в бешенство. Боль — это мелочь, мне не впервой. Мои ребра скрипят и стонут, но я заставляю себя выпрямиться и расставляю

ноги пошире. Затем я одновременно обрушиваю на Врага радиацию Лонг-Айленда и токсичные отходы Говануса, которые жгут его, как кислота. Тварь снова воет от боли и отвращения, но знаешь что? *Иди ты к черту, тебе здесь не место, это мой город, убирайся!* Чтобы урок запомнился, я режу мразь поездами с железной дороги Лонг-Айленда, длинными гудящими составами, а затем, чтобы сделать побольнее, посыпаю эти раны солью из воспоминаний об автобусной поездке в Ла-Гуардию и обратно.

А чтобы тварь не зарывалась, я бью ее Хобокеном наотмашь по заднице, обрушивая на Врага ярость десяти тысяч бухих чуваков, как божий молот. Портовое управление считает этот район почетной частью Нью-Йорка, ублюдок, и тебя только что уделали по-джерсийски.

Враг — такая же неотъемлемая часть природы, как и любой город. Остановить процесс нашего становления невозможно, и невозможно полностью изничтожить Врага. Я лишь покалечил малую его часть — но отделал я эту часть будь здоров, не сомневайтесь. Что ж, хорошо. Если когда-нибудь придет время для нашей последней схватки, он дважды подумает, прежде чем снова нападать на меня.

На меня. На *нас*. Да.

Когда я расслабляю руки и открываю глаза, то снова вижу Паулу. Он идет ко мне по мосту, и во рту у него очередная сигарета. На миг передо мной опять предстает его истинный вид: просторный город из моего сна, со сверкающими шпилями, вонючими трущобами и украденными, неумолимо переиначенными ритмами. Я знаю, что он тоже видит меня во всей красе, мои сверкающие огни и суету. Может быть, он всегда это видел, но теперь в его взгляде сверкает *восхищение*, и мне это нравится. Он подходит, дает мне опереться о себя и говорит:

— Поздравляю.

Мои губы растягиваются в широченной улыбке.

Я живу городом. Он процветает, и он мой. Я достоин быть его аватаром. Теперь мы вместе, и мы никогда не будем жить в стра…

ой, черт

что-то мне нехорошо.

Интерлюдия

Аватар валится с ног и, несмотря на попытки Сан-Паулу подхватить его, падает на старый деревянный настил моста. И новорожденный Нью-Йорк содрогается посреди своего триумфа.

Паулу приседает на корточки рядом с лежащим без сознания парнишкой, рядом с воплощением, голосом и защитником Нью-Йорка, а затем хмуро смотрит на небо, которое начинает мерцать. Сначала он видит полуденную туманную синеву северо-восточных небес, какими они бывают в июне, затем небо тускнеет, становится красноватым, почти закатным. Пока он смотрит, прищурившись, деревья Центрального парка тоже начинают мигать, а вместе с ними вода и сам воздух. Яркие, они темнеют, затем снова становятся ярче; по ним проходит рябь, затем они замирают и снова рябят; дует влажный ветерок, затем воздух перестает двигаться и пахнет едким дымом, и снова поднимается влажный ветерок. Через миг аватар исчезает с рук Паулу. Он уже видел нечто подобное раньше и на мгновение замирает в ужасе — но нет, город не погиб,

слава богу. Паулу ощущает вокруг его присутствие и жизнь… но присутствие это чувствуется гораздо слабее, чем должно. Город не родился мертвым, но и здоровым его тоже не назвать. Возникли послеродовые осложнения.

Паулу достает телефон и набирает заграничный номер. Тот, кому он звонит, снимает трубку после первого же гудка. Слышится вздох.

— Этого-то я и боялся.

— Значит, все как с Лондоном, — говорит Паулу.

— Трудно сказать. Но да, пока что похоже на Лондон.

— И сколько их, как думаешь? Вся агломерация простирается на три штата…

— Не строй догадки. Их просто больше обычного, а остальное тебя не должно волновать. Найди одного. А он уже сам разыщет остальных. — Пауза. — Ты ведь понимаешь, что город все еще уязвим. Поэтому он его и забрал, чтобы сберечь.

— Я знаю. — Паулу поднимается на ноги, потому что мимо вот-вот промчится парочка бегунов. За ними едет велосипедист, хотя эта тропа предназначена только для пешеходов. По соседней дорожке проезжают три машины, хотя эта часть Центрального парка предназначена только

для пешеходов и велосипедистов. Город продолжает жить и противоречить самому себе. Паулу ловит себя на том, что ищет в окружающих людях признаки опасности: изуродованную плоть, тех, кто стоит слишком неподвижно или смотрит слишком пристально. Пока все чисто.

— Враг был сокрушен, — рассеянно говорит он в трубку. — Битва прошла… решительно.

— Все равно не теряй бдительности. — Голос замолкает, и слышится хриплый кашель. — Город *ожил*, так что он не беспомощен. Помогать тебе он, конечно, не станет, но своих узнает. Заставь их действовать быстро. Нельзя, чтобы город вот так застрял на полпути, ни к чему хорошему это не приведет.

— Я буду осторожен, — говорит Паулу, все еще внимательно глядя по сторонам. — Приятно знать, что ты волнуешься за меня. — В ответ слышится циничная усмешка, однако Паулу все же улыбается. — Есть предположения, где можно начать поиски?

— Для начала можешь заглянуть на Манхэттен.

Паулу сжимает пальцами переносицу.

— А поконкретнее? Манхэттен очень большой.

— Значит, тебе стоит начать прямо сейчас,

не так ли? — Раздается щелчок, и связь обрывается. Паулу раздраженно вздыхает, поворачивается и принимается за свое задание с чистого листа.

Глава первая
Вначале был Манхэттен и битва на магистрали ФДР

Он забывает свое имя где-то в туннеле на пути к Пенсильванскому вокзалу.

Поначалу он этого не замечает. Слишком занят ерундой, которой обычно заняты люди, подъезжающие к своей станции: убирает бутылку и пакет с крендельками, которыми только что позавтракал, пьет воду из пластиковой бутылки, засовывает выпавший провод от блока питания ноутбука в карман сумки, проверяет, снял ли второй чемодан с верхней полки, испытывает приступ паники, а потом вспоминает, что чемодан у него лишь один. Второй отправился вперед него в Инвуд, где его уже ждет сосед по квартире, приехавший несколькими неделями ранее. Они оба поступили в аспирантуру в…

…в… гм…

…ха. Он забыл название своего универа. Ну да ладно, вводные лекции начнутся только в понедельник, так что у него еще будет пять дней, чтобы устроиться и привыкнуть к новой жизни

в Нью-Йорке.

Судя по всему, эти дни будут очень кстати. Поезд начинает сбавлять скорость, люди негромко болтают и перешептываются, с озабоченными лицами смотрят в свои телефоны и планшеты. Кажется, на каком-то мосту что-то произошло — теракт, как одиннадцатого сентября. Он-то будет жить и работать в центре города, так что его это почти не коснется, но все же, возможно, сейчас не лучшее время переезжать сюда.

Впрочем, разве для того, чтобы начать новую жизнь в Нью-Йорке, бывает подходящее время? Ничего, он переживет.

И даже больше, чем переживет. Поезд останавливается, и он первый выходит из дверей. Он испытывает радостное предвкушение, но старается не подавать виду. В городе он будет совершенно один, либо пойдет на дно, либо выкарабкается — но зависит это лишь от него самого. Некоторые из его коллег и родных считают это изгнанием, думают, что он брошен на произвол судьбы…

…впрочем, в тот сумбурный миг он не может вспомнить ни имен этих людей, ни их лиц…

…но это и неважно, поскольку они не могут его понять. Они знают его таким, каким он был, и, может быть, таким, какой он теперь. Но Нью-

Йорк — это его будущее.

На платформе жарко, а на эскалаторе людно, однако он чувствует себя замечательно. Поэтому то, что происходит дальше, так удивительно: едва он поднимается и сходит с эскалатора, едва его нога касается бетонного пола, как вдруг весь мир выворачивается наизнанку. Все кренится вбок перед его глазами, уродливые лампы на потолке становятся слишком яркими, а пол как будто… вздымается? Все происходит быстро. Мир выворачивается наизнанку, его желудок сжимается, а уши наполняет титанический многоголосый рев. Звук отчасти ему знаком; всякий, кто бывал на стадионе во время большой игры, слышал нечто подобное. Над Пенсильванским вокзалом располагается Мэдисон-сквер-гарден, может быть, дело в этом? Вот только этот шум кажется гораздо более масштабным. Словно ревут *миллионы* людей вместо тысяч, и все эти голоса сплетаются друг с другом, ширятся, наслаиваются, выходя за пределы звукового диапазона, становятся цветом, дрожью, эмоциями. Наконец он зажимает уши руками и зажмуривается, но шум не стихает…

Однако среди этой какофонии нитью проходит один повторяющийся мотив, слова и мысль.

Один голос, который яростно кричит:

«Иди ты к черту, тебе здесь не место, это мой город, убирайся!»

Он озадачен и с ужасом думает: «Я? Неужели… это мне здесь не место?» Ответа нет, и сомнения внутри него начинают бить свой собственный ритм, игнорировать который становится невозможно.

Внезапно рев стихает. Его сменяет новый, он раздается ближе и гораздо тише. Отчасти его составляет запись орущих над головой громкоговорителей: «Поезд из Нью-Джерси, следующий в южном направлении, останавливается в аэропорту Ньюарк. Посадка производится на пятом пути». Остальное — всего лишь шум огромного зала, полного людей, спешащих по своим делам. Когда в его глазах проясняется, он вспоминает: Пенсильванский вокзал. Он не помнит, как упал на одно колено под вывеской с расписанием поездов и почему закрыл лицо трясущейся рукой. Разве он не ехал по эскалатору? А еще он не помнит, чтобы когда-либо видел двоих человек, присевших перед ним на корточки.

Он хмурится, глядя на них.

— Вы что, только что сказали мне убираться из города?

— Нет. Я сказала: «Вы хотите, чтобы я позвонила в девять один один»? — отвечает женщина и протягивает ему воду. Она смотрит скорее с сомнением, а не с тревогой, будто он притворяется, что потерял сознание или словил припадок, рухнув посреди вокзала.

— Я… нет. — Он мотает головой, пытаясь сосредоточиться. Ни вода, ни полиция не помогут ему избавиться от странных голосов в голове, или от галлюцинаций, вызванных выхлопами поездов, ну или что там на него подействовало. — Что случилось?

— Да ты просто завалился в сторону, — говорит склонившийся над ним мужчина — грузный бледнокожий латинос средних лет. У него добрый голос с заметным нью-йоркским акцентом. — Мы тебя поймали и отвели сюда.

— О. Вот как. — Он все еще ощущает себя странно. Мир больше не кружится, но тот ужасный многослойный рев все еще гудит в его голове; он лишь стал тише, заглушенный окружающей какофонией, вечно царящей на Пенсильванском вокзале. — Я… кажется, в порядке?

— Что-то ты не очень в этом уверен, — говорит мужчина.

Так он и не уверен. Он мотает головой, затем

снова мотает ею, когда женщина подносит бутылку с водой поближе.

— Я только что пил в поезде.

— Может, у вас сахар упал? — С задумчивым видом она убирает бутылку. Он запоздало замечает девочку, которая сидит рядом с женщиной на корточках. Они похожи почти как две капли воды: обе черноволосые веснушчатые азиатки с честными лицами. — Когда вы в последний раз ели?

— Минут двадцать назад, наверное? — Он не ощущает ни тошноты, ни слабости. Он чувствует себя… — Новым, — негромко произносит он вслух не подумав. — Я чувствую себя… новым.

Грузный мужчина и азиатка переглядываются, а девочка критически смотрит на него, даже приподняв одну бровь.

– *Новым?* Ты только приехал в город, что ли? — спрашивает грузный мужчина.

— Ну да? — О нет. — Мои вещи! — Но они тоже здесь; добрые самаритяне забрали с эскалатора и их, положив поблизости, в стороне от основного потока людей. На миг происходящее кажется ему сюрреалистичным; до него наконец доходит, что помутнение рассудка настигло его в толпе, среди тысяч человек. Однако, похоже, кроме этих

двоих, его никто не замечает. Он чувствует себя одиноким в этом городе. Но все же кто-то увидел, что он в беде, и позаботился о нем. К этому контрасту придется привыкнуть.

— Вам, должно быть, где-то перепала отменная дурь, — говорит женщина. Впрочем, она широко улыбается. Это ведь хорошо, да? Значит, она не станет звонить в девять один один. Он вспоминает, что где-то читал, будто в Нью-Йорке принят закон о принудительном лечении, по которому людей неделями удерживают в психушке. Было бы неплохо убедить его спасителей в том, что у него все в порядке с головой.

— Простите, — говорит он, поднимаясь на ноги. — Наверное, я и правда маловато поел или еще что-то случилось. Я… пойду обращусь в неотложную помощь.

Затем все повторяется снова. Станция уходит у него из-под ног… и внезапно оказывается в руинах. Вокруг ни единой души. Картонная подставка с книжными новинками, стоявшая перед круглосуточным магазином, опрокинута, вокруг раскиданы книжки Стивена Кинга. Он слышит, как вокруг него стонут несущие балки здания, как штукатурка и бетон осыпаются на пол и как трескается потолок. Флуоресцентные лампы

мигают и дергаются, одна даже грозит свалиться с потолка. Он делает вдох, чтобы закричать, предупредить.

Моргает — и все опять в порядке. Никто из окружающих его людей ничего не заметил. Еще секунду он смотрит на потолок, затем снова переводит взгляд на мужчину и женщину. Они все еще смотрят на него. Они заметили, как он реагировал на то, что видел, но сами не видели разрушенную станцию. Грузный мужчина придерживает его за руку — видимо, он несколько нетвердо стоял на ногах. Психические припадки, наверное, здорово расшатывают вестибулярный аппарат.

— Лучше бери с собой бананы, — советует грузный мужчина. — В них есть калий. Полезно для здоровья.

— Или хотя бы нормальной еды, — соглашается с ним женщина, кивая. — Вы, наверное, просто чипсами закинулись, правда? Мне, конечно, тоже не нравится та дорогущая мерзость, которой кормят в вагоне-ресторане, но так вы хотя бы не будете валиться с ног.

— А мне нравятся хот-доги, — говорит девочка.

— Они ужасные, но я рада, что они тебе нравятся. — Женщина берет девочку за руку. — Нам

пора. Вам уже лучше?

— Да, — говорит он. — Правда, большое вам спасибо за помощь. Я так много слышал о том, какие ньюйоркцы неприветливые сволочи, но… спасибо.

— Да бросьте, мы обходимся по-скотски только с теми, кто по-скотски обходится с нами, — говорит женщина, улыбаясь при этом. Затем она и девочка уходят прочь.

Грузный мужчина хлопает его по плечу.

— Ну чего, ты, кажется, ноги протягивать не собираешься. Хочешь, я принесу тебе что-нибудь поесть или сока какого-нибудь? Или банан? — подчеркивая тоном последнее слово, прибавляет он.

— Нет, спасибо. Мне правда уже лучше.

Грузный мужчина с сомнением смотрит на него, затем ему в голову приходит новая мысль, и он моргает.

— Если у тебя денег нет, так это ничего страшного. Я заплачу.

— О, нет. Нет. С этим все в порядке. — Он приподнимает свою сумку, которая, если он правильно помнит, стоит почти тысячу шестьсот долларов. Грузный мужчина непонимающе смотрит на нее. Упс. — Гм, тут, наверное, есть

сахар… — В сумке лежит стеклянный стакан из «Старбакса», в котором еще что-то едва слышно плещется. Он пьет, чтобы успокоить мужчину. Кофе уже холодный и мерзкий на вкус. Он запоздало вспоминает, что наливал его сегодня утром, перед тем как сесть на поезд…

…

Тут он осознает, что не помнит, откуда приехал.

И, как ни пытается, не может вспомнить, в какой университет поступил.

А затем он вдруг резко осознает, что *не знает собственного имени*.

Он стоит, потрясенный этим внезапным тройным откровением, а грузный мужчина тем временем морщит нос, глядя на стакан.

— Купи себе на станции нормальный кофе, — говорит он. — Из хорошей пуэрториканской кофейни, ладно? И заодно поешь хорошей домашней еды. Кстати, как тебя зовут?

— Ой, хм… — Он потирает шею, делает вид, что ему нужно срочно потянуться, и тем временем молча впадает в панику, оглядывается и пытается что-нибудь придумать. Ему не верится, что с ним это происходит. Это каким кретином надо быть, чтобы позабыть собственное имя? Из при-

думанных ему в голову приходят самые обычные вроде Боба или Джимми. Он уже почти готов назваться «Джимми», как вдруг его мечущийся взгляд цепляется за какое-то слово.

— Я, эм-м, Мэнни, — выпаливает он. — А вы?

— Дуглас. — Грузный мужчина упирает руки в боки и явно о чем-то размышляет. Наконец он достает из своего бумажника визитку и протягивает ее. «Дуглас Ачеведо, сантехник».

— Ох, извините, у меня еще нет визитки, я пока не приступил к новой работе…

— Да ничего, — говорит Дуглас. Он все еще задумчив. — Слушай, многие из нас когда-то приехали сюда впервые. Если тебе что-нибудь понадобится, ты дай мне знать, ладно? Я серьезно, мне не трудно помочь. Пустить переночевать, накормить, указать дорогу к хорошей церкви или еще что.

Какая невероятная доброта. «Мэнни» даже не скрывает удивления.

— Ого. Я просто… ничего себе. Вы ведь меня совсем не знаете. Может, я серийный маньяк-убийца или бандит какой-то.

Дуглас усмехается.

— Ну да, только не похож ты на жестокого человека, парень. Ты похож… — Он замолкает,

а затем его лицо немного смягчается. — Ты похож на моего сына. Я помогаю тебе так, как хотел бы, чтобы помогли ему. Понимаешь?

Мэнни почему-то понимает: сына Дугласа уже нет в живых.

— Да, понимаю, — негромко говорит Мэнни. — Еще раз спасибо.

— Está bien, mano, no te preocupes[1]. — Тогда он машет ему рукой и уходит в сторону пересадки на нужную ему ветку метро.

Мэнни провожает его взглядом, кладет в карман визитку, и ему в голову приходят сразу три мысли. Первая: он запоздало осознает, что грузный мужчина принял его за пуэрториканца. Вторая: возможно, ему все же придется воспользоваться гостеприимством Дугласа и переночевать у него, особенно если в следующие несколько минут он не сможет вспомнить свой адрес.

А третья мысль заставляет его поднять глаза на табло прибытия и отбытия поездов, где он нашел слово, которое стало его новым именем. Он не назвался Дугласу полностью, потому что в наше время только белые женщины могут так называть своих детей, и над ними никто не по-

---

[1] Сноски: 1

«Да не за что, парень, не за что» (*исп.*).

смеется. Но даже в сокращенном виде это слово, это *имя*, кажется ему более истинным, чем любое другое, каким бы он ни назывался прежде. Пусть он и не осознавал этого, он всегда был именно им. Такова его суть. И больше ему ничего не нужно.

Полностью слово гласит: *«Манхэттен»*.

* * *

В туалете под газоразрядными лампами он впервые встречается с самим собой.

Лицо у него хорошее. Он делает вид, что очень тщательно моет руки — в вонючем общественном туалете Пенсильванского вокзала это даже необходимо, — и поворачивает голову туда-сюда, рассматривая себя со всех сторон. Понятно, почему Дуглас принял его за пуэрториканца: у него желтовато-коричневая кожа, волосы курчавые, но вьются не сильно, так что, если Мэнни отпустит их подлиннее, они станут прямее. Он, может быть, и правда сошел бы за сына Дугласа. (Только вот Мэнни не пуэрториканец. Уж это он точно помнит.) Одет он опрятно: брюки цвета хаки, рубашка на пуговицах с закатанными рукавами, поверх сумки перекинута спортивная куртка — наверное, на тот случай, если где-то будет слишком сильно работать кондиционер,

ведь сейчас лето и на улице, наверное, градусов девяносто[2]. На вид точно не скажешь, сколько ему лет — он находится где-то в том нестареющем промежутке между «уже не ребенок» и тридцатью. Впрочем, похоже, ему уже ближе к тридцатнику, если судить по паре случайных седых волосинок в его шевелюре. Карие глаза, очки в темно-коричневой оправе. Из-за них он смахивает на профессора. Острые скулы, резкие ровные черты лица, вокруг рта уже закладываются морщинки. Он симпатичный. Типичный американский парень (только не белый), приятного, невыдающегося вида.

«Удобно», — думает Мэнни. Затем задумывается, почему он так подумал, и замирает, прекратив мыть руки и хмурясь.

Так, ладно, не до этого сейчас. С ним и так происходит достаточно странного. Он хватает свой чемодан и шагает к выходу из туалета. Пожилой мужчина у писсуара все это время сверлит его взглядом.

Наверху следующего эскалатора — того, который выходит к Седьмой авеню, — у него случается третий приступ. Отчасти он проходит легче

---

[2] Сноски: 2
90 °F ≈ 32 °C. *(Прим. перев.)*

предыдущих, а отчасти тяжелее. Поскольку Мэнни чувствует, как приближается волна… чего-то, он успевает сойти с эскалатора, схватить чемодан и отойти в сторонку, к цифровому информационному стенду. Он прислоняется к нему, и его пробивает дрожь. На этот раз галлюцинаций нет — поначалу, — но ему внезапно становится *больно*. Ужасное, холодное, отвратительное ощущение расходится от одной точки в его левом боку, где-то внизу. Ощущение кажется ему знакомым. Он чувствовал себя так же, когда его ударили ножом в прошлый раз.

(Погодите-ка, его *били ножом?*)

Мэнни испуганно задирает рубашку и смотрит туда, где боль сильнее всего, но не видит крови. Не видит вообще ничего. Рана есть только в его воображении. Или… где-то еще.

Словно призванный его мыслями, Нью-Йорк, который видят все, исчезает, уступая место Нью-Йорку, который видит только Мэнни. Хотя нет, на самом деле они оба здесь, один слегка накладывается на другой, и восприятие Мэнни переключается между ними, пока наконец реальность не становится двойной. Перед собой Мэнни видит две Седьмые авеню. Их легко отличить друг от друга, потому что они изображены

разными палитрами цветов, отражают разные настроения. На одной он видит сотни людей, десятки машин и по меньшей мере шесть сетевых магазинов, названия которых ему знакомы. Обыкновенный Нью-Йорк. На другой же людей нет, а город пострадал от какой-то непостижимой катастрофы. Мэнни не видит тел или чего-нибудь зловещего; просто вокруг нет ни единой души. Даже неясно, жил ли здесь кто-либо когда-то. Возможно, здания просто возникли сами собой, выросли целиком прямо из фундаментов, и их никто не строил. То же самое и с улицами; они пусты, а асфальт на них растрескался. На одном из столбов покачивается светофор, повисший на своем кабеле и переключающийся с красного на зеленый совершенно синхронно со своим отражением. Небо здесь тусклое, будто вот-вот наступит рассвет, хотя на самом деле уже за полдень, и ветер дует крепче. Бурлящие, клубящиеся облака катятся по небу, словно опаздывают на облачную воскресную службу.

— Круто, — бормочет Мэнни. Наверное, его психика дает какой-то серьезный сбой, но он не может отрицать: то, что он видит, одновременно великолепно и ужасно. *Странный* Нью-Йорк. Впрочем, он ему нравится.

Но с городом что-то не так. Мэнни должен куда-то пойти, что-то сделать, или вся эта двойственная красота, которую он видит, погибнет. Понимание этого, отчетливое и осознанное, приходит к нему внезапно.

— Мне нужно идти, — удивленно бормочет он себе под нос. Его голос звучит необычно, дребезжит, и слова кажутся растянутыми. Может, у него язык не ворочается? Или его голос просто отражается странным эхом от стен двух разных вестибюлей двух разных Пенсильванских вокзалов.

— Эй, — обращается к нему парень в неоново-зеленой рубашке, стоящий неподалеку. Мэнни моргает и переводит взгляд в ту сторону. Перед ним возникает Нормальный Нью-Йорк, а Странный Нью-Йорк на время исчезает. (Впрочем, он все равно где-то рядом.) Рубашка — это часть корпоративной униформы. Парень держит в руках табличку, предлагающую туристам взять напрокат велосипед. Он смотрит на Мэнни с неприкрытой враждебностью. — Иди блевать куда-нибудь в другое место, алкаш.

Мэнни пытается выпрямиться, но чувствует, что его все еще немного кренит вбок.

— Я не пьян. — Он просто видит наложенные

друг на друга реальности и в то же время страдает от необъяснимых навязчивых идей и фантомных болей.

— Ну тогда просто вали отсюда, обдолбыш.

— Ага. — Идея хорошая. Ему нужно идти… на восток. Он поворачивается в том направлении, повинуясь инстинктам, которых у него не было еще несколько минут назад. — Что в той стороне? — спрашивает он велосипедного зазывалу.

— Мой хрен, — говорит тот.

— Там юг! — смеется другая зазывала, девушка, работающая поблизости. Ее напарник закатывает глаза, поворачивается к ней и хватает себя за промежность, что на нью-йоркском языке жестов означает «отсоси».

Такое поведение начинает раздражать. Мэнни говорит:

— Если я возьму у вас напрокат велик, вы мне скажете, что находится в той стороне?

Велосипедный зазывала внезапно расплывается в улыбке.

— Конечно…

— Нет, сэр, — прерывает его девушка-зазывала. Посерьезнев, она подходит к ним. — Простите, сэр, но мы не можем выдавать велосипеды больным или нетрезвым на вид людям. Политика

компании. Если хотите, я могу позвонить в девять один один?

Как же ньюйоркцы любят звонить в девять один один.

— Нет, я в состоянии пройтись. Мне нужно добраться до… — «Магистрали ФДР». — …магистрали ФДР.

Девушка скептически смотрит на него.

— Вы хотите дойти пешком до *магистрали ФДР?* Вы вообще турист или кто? Сэр.

— Да какой он турист, — говорит Южный Хрен и кивком указывает на Мэнни. — Ты посмотри на него. Местный он.

Мэнни раньше никогда даже не бывал в Нью-Йорке, по крайней мере, насколько он помнит.

— Мне просто нужно добраться туда. Поскорее.

— Тогда возьмите такси, — говорит девушка. — Вон их стоянка. Хотите, я договорюсь?

Мэнни пробивает несильная дрожь; он чувствует, как внутри него назревает нечто новое. На этот раз ему не становится плохо — точнее, не становится хуже, ведь та ужасная боль, похожая на жжение ножевой раны, не исчезла. Вместо этого в его восприятии происходит сдвиг. Его рука лежит на стенде, и он слышит тихий шелест множества листовок, побывавших на нем за де-

сятки лет. (Сейчас на киоске ничего нет. Только табличка: «Листовки не клеить». Он слышит то, что было здесь прежде.) Машины проносятся мимо по Седьмой авеню, спешат проскочить светофор, прежде чем миллион пешеходов начнет переходить улицу, пытаясь добраться до «Мейсис» или до караоке-клуба «Кей-Таун», где можно угоститься корейским барбекю. Все на своих местах; все правильно. Но его взгляд цепляется за вывеску «Ти-Джи-Ай Фрайдейс», и он вздрагивает, непроизвольно кривя губы от отвращения. Что-то в витрине этого ресторана кажется ему чужеродным, навязанным, коробящим. Соседняя крошечная, захламленная мастерская по ремонту обуви не вызывает такого же чувства, равно как и смежный с ней вейп-магазинчик. Лишь сетевые точки, которые попадаются Мэнни на глаза, — «Фут Локер», «Сбарро» и все остальные, какие обычно можно найти в дешевом торговом центре в пригороде. Вот только эти торговые точки расположились здесь, в самом сердце Манхэттена, и их присутствие… не вредит ему, нет, но раздражает. Как порезы от листка бумаги или быстрые несильные пощечины.

Впрочем, вывеска метро кажется правильной и настоящей. И рекламные щиты тоже, что бы

ни было на них написано. Такси, поток машин и людей — все это каким-то образом смягчает раздражение. Мэнни делает глубокий вдох, чувствует смрад горячего мусора и едкого пара, который вырывается из крышки канализационного люка неподалеку — они отвратительны, но *правильны*. Более чем правильны. Внезапно ему становится лучше. Тошнота немного отступает, и колющая боль в боку притупляется до холодного покалывания, которое становится болезненным лишь тогда, когда он начинает двигаться.

— Спасибо, — говорит Мэнни девушке-зазывале, выпрямляясь и хватая свой чемодан. — Но за мной сейчас приедут. — Стоп. А откуда ему это известно?

Девушка пожимает плечами. Вместе с напарником она отворачивается и продолжает втюхивать прохожим велосипеды. Мэнни идет туда, где люди ждут свой «Лифт» или «Убер». У него на телефоне есть оба приложения, но он ведь ими еще не воспользовался. Никто не должен его там ждать.

Однако мгновение спустя прямо перед ним останавливается такси.

Машина словно выехала из старого фильма:

гладкая, выпуклая и огромная, с черно-белыми шашечками вдоль бока. Велосипедный зазывала замечает ее и присвистывает.

— Это же «Чекер»! Да я их с детства не видел.

— Это за мной, — зачем-то говорит Мэнни и тянется к двери.

Дверь не открывается. «Мне нужно, чтобы она открылась», — думает он. Дверной замок с щелчком повинуется.

Ого, это что-то новенькое, но обдумает он это попозже.

— Что за… — говорит сидящая за рулем девушка, когда Мэнни бросает свою сумку на заднее сиденье и забирается внутрь вслед за ней. Девушка белая и совсем молодая, настолько, что ей, кажется, еще нельзя водить машину. Она оборачивается и смотрит на него — в целом возмущенно, а не испуганно. Что ж, хорошо, для их будущих отношений это неплохая отправная точка. — Эй, *чувак*. Это не настоящее такси. Это просто антиквариат… реквизит. Люди арендуют ее для свадеб.

Мэнни захлопывает за собой дверь.

— К магистрали ФДР, пожалуйста, — говорит он и одаривает девушку своей самой очаровательной улыбкой.

Это не может сработать. Она сейчас должна закричать изо всех сил и попытаться позвать ближайшего копа, чтобы тот пристрелил Мэнни. Но кое-что помогает девушке сохранить спокойствие. Мэнни сел в машину так, как сел бы в любое такси, причем довольно правдоподобно. Теперь девушка скорее подумает, что он просто ошибся и не представляет для нее угрозы. Кроме того, его действия пробудили и другую силу, выходящую за рамки простой психологии. Мэнни ведь уже чувствовал что-то подобное, верно? Всего минуту назад, когда он каким-то образом подпитался энергией хаоса Седьмой авеню, облегчив боль в своем боку. Он даже слышит, как эта сила шепчет девушке: «Может быть, он актер. Он похож на Того Парня, чье имя ты не можешь вспомнить, из Того Мюзикла, который тебе нравится. Так, может быть, пока не стоит поднимать визг?» Ведь ньюйоркцы не поднимают визг, оказываясь в обществе знаменитостей.

И откуда он все это знает? Да просто знает, и все. Старается схватывать на ходу.

Поэтому, когда проходит секунда, а девушка все так же продолжает смотреть на него в упор, Мэнни прибавляет:

— Ты ведь все равно едешь в ту сторону, да?

Она прищуривается, не отрывая от него глаз. Им горит красный, и они стоят, но сигнал для пешеходов уже мигает. У него есть еще примерно секунд десять.

— Откуда ты, черт возьми, это знаешь?

«Потому что такси не остановилось бы, если бы ты ехала не туда», — он этого не озвучивает и тянется за бумажником.

— Вот, — говорит он, протягивая ей стодолларовую купюру.

Она пристально смотрит на нее, затем кривит губы.

— Фальшивая, небось.

— Если хочешь, у меня есть двадцатки. — В двадцатках больше силы. Многие заведения в городе не принимают сотки, потому что тоже боятся фальшивых купюр. А двадцатками Мэнни сможет заставить ее отвезти его туда, куда ему нужно, хочет она того или нет. Впрочем, он бы предпочел ее убедить. А сила… силу он применять не хочет.

— Действительно, у туристов всегда с собой много налички, — бормочет она, хмурясь и будто споря с собственной осторожностью. — Да и на серийного убийцу ты *не похож*…

— Большинство серийных убийц стараются

не выделяться среди обычных людей, — замечает он.

— Своим менсплейнингом ты меня не убедишь, чувак.

— Да, верно. Прошу прощения.

Похоже, последние слова оказываются решающими.

— Ну ладно. Придурки прощения не просят. — Она задумывается еще на мгновение. — С тебя два Бенджамина, и по рукам.

Он расплачивается двадцатками, хотя в его бумажнике есть еще одна стодолларовая купюра. Впрочем, призывать силу деньгами больше не требуется. Девушка завершила обряд, согласившись подвезти его, а затем выполнила второй, выторговав у него плату побольше. Звезды сошлись. Она его подвезет. Едва девушка кладет деньги в карман, сигнал светофора переключается, и позади нее немедленно начинает сигналить машина. Она небрежно показывает тому водителю средний палец, а затем выкручивает руль и проводит машину через четыре движущиеся полосы так, словно всю свою жизнь занималась только этим, гоняя на «Дайтоне 500».

Вот и все. Вцепившись в дверную ручку и пристегнувшись древним ремнем безопасности,

который застегивается только поперек пояса, Мэнни старается делать вид, что его ничуть не заботит ее манера вождения. Он потрясен тем, насколько безотказно сработала его новая сила. И он догадывается *почему*. Почему в Нью-Йорке можно многое получить за деньги или просто наглостью. Наверное, то же самое сработало бы и во многих других городах, но здесь, в святая святых безграничного хищнического капитализма, деньги обладают почти магической силой. А это значит, что он может использовать их как талисман.

Несколько кварталов светофоры чудом остаются зелеными — и хорошо, потому что девушка, похоже, уже готова преодолеть звуковой барьер. Затем она вдруг чертыхается и жмет на тормоза, потому что светофор впереди быстро переключается на красный. Даже слишком быстро; удивительно, что она успевает затормозить. Через открытое окно до Мэнни доносится запах паленой резины, и он, подавшись вперед, щурится на светофор.

— Сломался, что ли?

— Наверное, — говорит девушка, барабаня пальцами по рулю. Этот жест Мэнни тоже знаком, он необходим для обряда «да переключайся

ты уже поскорее». Вот только жест не срабатывает, потому что и обряд этот тоже никогда не работает. — Обычно они настроены как надо. Стоит одному светофору переключиться не в свое время, сразу образуется пробка.

Мэнни прижимает руку к боку, по которому снова начинает расходиться холодная, пульсирующая боль. Почему-то светофор снова пробудил в нем то чувство неправильности — и этого оказалось достаточно, чтобы свести на нет все его прежние старания. Он открывает рот, собираясь предложить девушке проехать на красный, но это рискованно. Неправильность, вероятно, ослабила его влияние на нее, и теперь ничто не мешает девушке снова задуматься, а что это за странный черный парень сел в ее антикварное такси. Но что бы ни происходило сейчас в восточной части острова, на магистрали ФДР, ему нужно добраться туда как можно скорее. Поэтому он не может допустить, чтобы его вышвырнули из машины.

Однако не успевает Мэнни заговорить, как перед ними перекресток проезжает «БМВ». Из ее колес тянутся длинные белые, похожие на перья усики.

Потрясенный, он смотрит машине вслед. Де-

вушка-водитель тоже это видит; у нее отвисает челюсть. Назвать то, что они видят, *перьями* было бы не совсем верно. Это больше похоже на листья анемоны или на щупальца медузы. Когда «БМВ» проезжает мимо, скользя за кем-то более медлительным, они видят, как один из усиков как будто… делает вдох. Он немного приоткрывается, демонстрируя толстый стебель, который сужается по мере того, как удаляется от колес, и завершается слегка потемневшими кончиками. Они полупрозрачные, словно находятся *не здесь* — не в этом мире. Мэнни сразу же вспоминает, как видел два города сразу: эти усики тоже существуют одновременно здесь и там, где над городом простирается невероятное небо, а о людях никто никогда и не слышал.

Однако все это пустые рассуждения. В следующий миг Мэнни видит то, от чего его волосы встают дыбом. Усики вздрагивают, когда «БМВ» проезжает по яме, но реагируют они вовсе не на покачивание машины. Нет, они удлиняются. Поворачиваются, как антенны, и извиваются, как черви. Тянутся к кабине «Чекера», словно знают, что Мэнни внутри, и чуют его страх.

Водитель «БМВ», находясь, по-видимому, в полном неведении, уезжает, и Мэнни не сразу

приходит в себя.

— Ты ведь тоже это видел, да? — спрашивает его девушка-таксист. Светофор наконец переключается, и они снова несутся в сторону магистрали ФДР. — Никто больше туда не смотрел, но ты… — Они встречаются взглядами в зеркале заднего вида.

— Да, — говорит он. — Да, я все видел. Я не… н-да. — До Мэнни запоздало доходит, что девушке, возможно, потребуется более подробное объяснение, если он не хочет, чтобы его вышвырнули из такси. — Ты не сошла с ума. Ну а если сошла, то не в одиночку.

— Умеешь утешать. — Она облизывает губы. — Почему же больше никто этого не видел?

— Хотел бы я знать. — Когда она качает головой, Мэнни прибавляет: — Мы уничтожим источник этой заразы. — Он говорит это, чтобы ее успокоить, но, произнеся слова, понимает, что они правдивы. Мэнни не позволяет себе размышлять над тем, откуда ему это известно. Он не задается вопросом, кто такие эти «мы». Они уже ввязались в это дело. Если Мэнни засомневается в себе сейчас, его сила ослабнет — и, что важнее, он начнет сомневаться в собственном рассудке. И тогда ему снова придется задуматься о принудительном

лечении.

— Уничтожим… что? — На этот раз она хмурится, глядя на него в зеркало заднего вида.

Мэнни не хочет признаваться, что не знает.

— Просто довези меня до ФДР, и я со всем разберусь.

К его большому облегчению, она расслабляется и, обернувшись, улыбается ему одним уголком рта.

— Странно это, ну да ладно. Внукам эта история понравится. Ну, если у меня когда-нибудь будут внуки. — Она едет дальше.

И вот наконец они выруливают на ФДР и быстро приближаются к смутному, но быстро усиливающемуся чувству неправильности. Мэнни изо всех сил держится за старомодную кожаную ручку, вшитую в спинку переднего сиденья, потому что девушка-водитель все еще корчит из себя гонщика, виляет между медленными машинами и влетает на холмы с такой скоростью, что ему кажется, будто он катается на…

…на «Циклоне»? что такое…

…американских горках. Но они уже совсем близко к источнику всех проблем. У Ист-Ривер, чуть дальше к югу, в одном месте кучкуются вертолеты и катера. Отсюда Мэнни видит лишь

дым. Может быть, это связано с тем происшествием на мосту, о котором он слышал в поезде? Наверное, так и есть; уже начали передавать предупреждения о заторах, объездах и действиях полиции к югу от Хьюстон-стрит.

Еще Мэнни понимает, что *неправильность* находится к ним гораздо ближе, чем катастрофа на мосту. Навстречу им по ФДР несется все больше машин, кишащих странными белыми усиками. Почти все они тянутся из колес, как и у того «БМВ», который они видели раньше. Машины словно проехались по чему-то тлетворному и стали разносить из загнившей раны какую-то метафизическую инфекцию. В некоторых машинах усики зацепились за решетку радиатора или накрутились на ходовую часть. У одного автомобиля, у новенького «Жука», они налипли на дверь и, как потеки грязи, ползут по окну водителя. Водитель — женщина — этого не замечает. Что случится, когда она откроет дверь и инфекция коснется ее? Ничего хорошего.

Затем автомобильный поток резко замедляется… и в поле зрения Мэнни попадает вторая незримая катастрофа, случившаяся в городе.

Сначала он думает, что видит последствия взрыва. Представьте себе струю фонтана, которая

вырывается из асфальта, взлетает футов на двадцать-тридцать в небо и *извивается*. Но вместо воды из фонтана рвутся усики, десятки огромных усиков, похожих на листья анемоны. Они высятся над крышами автомобилей и извиваются в тандеме с другими, завораживая и смутно напоминая нечто фаллическое. Мэнни понимает, что корень этих… отростков… расположен где-то впереди, на стороне дороги, ведущей на юг города, скорее всего, на скоростной полосе — наверное, именно поэтому усикам удается задеть так много машин, едущих в противоположную сторону, даже несмотря на разделительный барьер между полосами. Мэнни видит новенький блестящий внедорожник с пенсильванскими номерами, из которого торчит столько усиков, что он похож на призрачного ежа. Хорошо, что водитель их не видит, иначе усики закрыли бы ему весь обзор. Однако прямо за внедорожником едет древний, ржавый «Форд Эскорт» без колпаков и с облупившейся краской, и его усики не коснулись вообще. В чем же закономерность? Этого Мэнни не знает.

Он видит, что эта разлетающаяся в стороны мерзкая субстанция и стала причиной пробки. Поток машин замедляется и едва ползет, а «Чекер» почти останавливается. Хотя большинство

людей не видят фонтан усиков, они все равно реагируют на его присутствие. Водители в левой полосе пытаются выехать на среднюю, чтобы объехать эту дрянь, водители в средней пытаются втиснуться в правую, чтобы обойти их, а водители в правой полосе никого не пускают. Кажется, будто впереди произошла незримая авария, которую все пытаются объехать. Слава богу, сейчас не час пик, иначе магистраль вообще бы встала.

Пока они стоят, Мэнни открывает заднюю дверь со стороны пассажира и выходит наружу. Тут же за ними несколько машин хором заходятся гудками, возмущенные даже малейшей возможностью того, что он задержит поток еще больше. Однако он не обращает на них внимания и наклоняется к окну, которое опускает водитель. (Для этого ей приходится тянуться через кресло и крутить механическую ручку. Несколько секунд Мэнни завороженно смотрит, а затем сосредотачивается.)

— У тебя есть аварийные знаки? — спрашивает он. — Треугольный отражатель или что-то в этом духе?

— В багажнике. — Она глушит машину и сама выходит из нее. Им снова начинают сигналить, но девушка смотрит на столп усиков. Их кон-

чики колышутся, возвышаясь над пешеходным мостом, который перекинут через магистраль. — Так вот, значит, из-за чего такой затор?

— Да. — Она открывает багажник, и Мэнни вытаскивает аварийный комплект. Впрочем, почти все его внимание сосредоточено на мерзкой субстанции. Если хоть какие-то усики потянутся к ним… что ж, лучше надеяться, что этого не случится.

— Что бы ты там ни собрался делать, лучше поторопись. Копы, наверное, уже едут сюда, чтобы разобраться с, гм, пробкой. Не знаю, увидят ли они эту штуковину — похоже, больше никто ее не замечает, иначе народ вышел бы из машин и пошел бы пешком. Однако помочь полицейские точно не смогут.

Мэнни морщится, соглашаясь с ней. Затем замечает, как сердито она смотрит на фонтан усиков. На него снисходит крошечное откровение, он начинает что-то понимать.

— Ты ведь местная?

Она моргает.

— Ну да. Родилась и выросла прямо в Челси, и все такое. А что?

— Просто предположил. — Мэнни колеблется. Он снова чувствует себя странно. Что-то происхо-

дит — поблизости и с ним самим, — возрастает напряжение, собираются силы и смыслы, и все это приближает момент истины, к которому он, кажется, еще не готов. Под ногами он чувствует колебания, пульс, похожий на равномерный стук колес поезда, который бьется в такт его собственному сердцу. Почему? Да потому что. Потому что каким-то образом все на этой дороге, под ней и вокруг нее стало *частью* него. Его бок ужасно болит, но боль можно стерпеть, потому что сам *город* каким-то образом помогает ему, питает Мэнни своей силой. Даже простаивающие, застрявшие в пробке машины подпитывают его накопленным нетерпением, желанием поскорее рвануть вперед. Он оглядывается на водителей соседних машин и видит, что большинство из них тоже пристально смотрят на штуковину с усиками. Видят ли они ее? Нет, не видят. Но они знают, что там есть *нечто*, остановившее обычное течение жизни города, и они ненавидят его только за это.

Мэнни потрясенно осознает, что так это и работает. Именно это ему и нужно, чтобы победить усики. Эти совершенно незнакомые ему люди — его союзники. Гнев и желание, чтобы все пришло в норму, исходят от них, как волны жара. Именно такое оружие ему и нужно. Осталось лишь по-

нять, как его использовать.

— Меня Мэнни зовут, — повинуясь порыву, говорит он таксистке. — А тебя?

Она удивленно смотрит на него, затем расплывается в широкой улыбке.

— Мэдисон, — говорит она. — Знаю, необычное имечко. Но Мама Номер Один говорит, что меня зачали с помощью ЭКО в клинике недалеко от Мэдисон-авеню, так что…

Слишком много подробностей. Мэнни все равно усмехается, потому что его нервы натянуты до предела и посмеяться было бы полезно.

— Хорошо, — говорит он. — Смотри, план такой… — Затем он излагает ей то, что придумал.

Мэдисон смотрит на него как на сумасшедшего. И все-таки она поможет. Это видно по ее лицу.

— Ладно, — наконец произносит она с притворной неохотой. Возможно, ньюйоркцам не нравится казаться слишком услужливыми.

Они расставляют на левой полосе маячки и треугольники, чтобы машины объезжали это место. Из-за того, что такси стоит, разозленные автомобилисты, проезжая мимо, сверлят их взглядами и сигналят. Они считают, что «Чекер» только усугубляет затор. Возможно, так и есть. Один парень орет на Мэнни так громко, что

брызжет слюной. Впрочем, к счастью, водитель настолько зол, что забывает сначала опустить стекло и забрызгивает его. Тем не менее все вокруг хоть немного, но ощущают, что происходит нечто совсем странное, ведь ни одна машина не возвращается в левую полосу даже после того, как проезжает мимо остановившегося «Чекера».

Масса усиков растет у Мэнни на глазах. Со стороны нее ветер изредка доносит низкий треск — наверное, это их корни зарываются в асфальт, и в арматуру под асфальтом, и, возможно, в грунт под дорогой. Теперь, оказавшись ближе к ним, Мэнни слышит издаваемые усиками звуки: прерывистый, рубленый, заикающийся стон, изредка пощелкивающий, как поврежденный аудиофайл. Он чувствует их запах — маслянистый и рыбный, как от морской воды. Протекающая рядом Ист-Ривер никак не может его источать.

«Триметиламиноксид, — вдруг думает он. — Запах темных, ледяных, удушающих океанских глубин».

— Что теперь? — спрашивает Мэдисон.

— Мне нужно по ним ударить.

— Эм-м…

Мэнни оглядывается и замечает то, что ему нужно, на заднем сиденье спорткара с откидным

верхом. Сидящая за рулем индианка смотрит на него с нескрываемым любопытством. Он быстро подходит к ней и выпаливает:

— Скажите, можно я возьму ваш зонтик?

— А перцовым баллончиком в тебя не прыснуть? — спрашивает она.

Он поднимает руки, стараясь показать, что ничем ей не угрожает. Впрочем, он же небелый парень ростом в шесть футов, и некоторые люди никогда не смогут с этим смириться.

— Если одолжите мне зонтик, я смогу сделать так, чтобы пробка рассосалась.

Это ее явно заинтересовало.

— Да ну? Хм, что ж, ради такого можно и зонтиком пожертвовать. Он все равно не мой, а моей сестры. Мне просто нравится бить им людей. — Она берет зонтик и протягивает его Мэнни острым концом вперед.

— Спасибо! — Он хватает зонт и бежит обратно к такси. — Отлично, теперь мы готовы.

Мэдисон хмурится, глядя сначала на него, затем на фонтан усиков, и открывает дверь машины, чтобы снова сесть за руль.

— Я не вижу, что по ту сторону этой гадости, — говорит она. — Если там стоят машины, а я не смогу вовремя затормозить…

— Да. Я знаю. — Мэнни запрыгивает на капот «Чекера», затем на крышу. Мэдисон таращится на него, пока он разворачивается и садится на крышу верхом, расставив ноги и держась одной рукой за табло «Такси не работает». К счастью, «Чекеры» высокие, длинные и узкие и созданы специально для городских улиц. У него должно получиться сдавить его ногами и удержаться, однако это будет непросто. — Ладно. Я готов.

— Как только все закончится, скину эсэмэску своему поставщику травки, — говорит Мэдисон, качая головой и садясь в машину.

Зонт — это ключ. Мэнни не понимает почему, однако пока он готов просто принять все непонятное как данность. Больше всего его беспокоит то, что он не знает, *как именно* воспользоваться зонтом. Все его нутро кричит, что лес усиков опасен, даже смертелен, если они его коснутся. Возможно, ему так кажется, потому что они похожи на щупальца актиний, которые жалят своих жертв и убивают их. Как бы там ни было, ему нужно что-то придумать, и как можно скорее. Когда Мэдисон заводит машину, он ради эксперимента поднимает зонт и наставляет его металлический кончик на массу усиков, как рыцарское копье.

Нет, не так. Идея верная, но реализовано слабо. Зонтик автоматический, так что Мэнни расстегивает его и нажимает на кнопку. Зонт тут же раскрывается. Он огромен. Это зонт для гольфа, причем хороший — он не дребезжит и не гнется, когда Мэдисон разгоняется и ветер начинает его утягивать. Вот только так тоже неправильно.

Лес усиков нависает над ними, призрачный и бледный. Чем больше разгоняется машина, тем страшнее он становится. Мэнни приходится признать, что в них есть нечто прекрасное: они похожи на жутковатый биолюминесцентный глубоководный организм, который вытащили на поверхность. Однако его неземной красоте место в какой-то другой среде, в другом мире, а в Нью-Йорке он — чужеродный загрязнитель. Даже воздух вокруг этого организма посерел, и теперь, когда они приблизились, Мэнни слышит шипение, словно усики разрушают молекулы азота и кислорода, лишь прикасаясь к ним. Мэнни пробыл в Нью-Йорке меньше часа, однако он знает, *знает*, что города — это органические динамические системы. Они строятся для того, чтобы объединять в себе все новое. Некоторые новшества становятся частью города, помогают ему расти и укрепляют его, но другие могут разо-

рвать его на части.

Они уже нарушают, несясь со скоростью не менее пятидесяти миль в час. Усики закрывают собой небо, воздух холодеет, запах беспросветных океанских глубин становится тошнотворным, и Мэнни уже трудно удерживаться на крыше такси. Однако он все равно цепляется за нее, щурится от встречного ветра и жгучего соленого смрада твари, и *что же он делает?* Прогоняет чужака. Но ведь и Мэнни в этом городе чужак, верно? И если он не сделает все так, как надо, тогда только один из чужаков выйдет из столкновения невредимым, а *зонтик-то не такой уж и крепкий*.

Затем, когда «Чекер» оказывается лишь в нескольких футах от твари, настолько близко, что Мэнни может разглядеть скользкую, испещренную порами шкуру усиков-щупалец, и боль в его боку становится невыносимой, словно кто-то вонзил туда ледяную пику…

…он вспоминает слова женщины, давшей ему зонтик. «Мне просто нравится бить им людей».

Мэнни разжимает руку, которой держался за табло «Такси не работает». И тут же начинает соскальзывать с крыши машины, потому что они едут слишком быстро и у него не получа-

ется удержаться на ней одними лишь ногами. Впрочем, падение с машины он еще, возможно, переживет, а вот столкновение с лесом усиков точно закончится для него плачевно, если он не поднимет свой зонтик *вверх*. Для этого ему нужны обе руки. Борясь со встречным ветром и собственным страхом, он все же успевает за имеющиеся у него считаные секунды поднять раскрытый зонт над головой. Теперь он, может быть, и умрет, но какой-нибудь внезапный дождь точно не застанет его врасплох.

Внезапно вокруг и *внутри* него начинают искриться молнии, сверкающие, ржаво-оранжевые, тускло-серебристые, зеленовато-бронзовые и самые-самые разные. Они окутывают всю машину сферой чистой энергии, горят так ярко, что могут соперничать с июньским полуденным солнцем, — и в их неожиданно громкой песне Мэнни слышит гудки тысяч машин, застрявших на магистрали ФДР. Шипение воздуха заглушается громогласным ревом сотен разъяренных глоток. Когда Мэнни открывает рот, чтобы заорать вместе с ними, то издает крик радости и восторга, потому что внезапно понимает — он здесь *не чужак*. Городу нужны новые лица! Ему есть здесь место, равно как и тем, кто родился и вырос

на этих улицах, потому что всякий, кто желает стать частью Нью-Йорка, может это сделать! Он не турист, пользующийся городом, глазеющий на него и не дающий взамен ничего, кроме денег. Он теперь *здесь живет*. И это самое главное.

От осознания этого и от силы, переполняющей его теперь, у Мэнни кружится голова, он смеется, и они на полном ходу врезаются в лес усиков. Энергетический кокон, окружающий машину, прожигает их, как ракета. Конечно же, такси с шашечками — тоже часть силы, именно поэтому город и отправил его к Мэнни. Мэнни чувствует, как зонтик за что-то цепляется, и сжимает его покрепче; он не отводит его в сторону, как того требует воспитание, потому что: «Я тут иду, и нечего вставать у меня на пути». Он будто бы бодается с этим жестоким, нежеланным *туристом* на узкой тропинке… а затем они оказываются на другой стороне.

Из салона машины до Мэнни доносится крик Мэдисон: прорвавшись через лес, они видят прямо перед собой полосу стоящих машин. Мэдисон жмет на тормоз. Мэнни роняет зонтик, отчаянно пытается уцепиться за табло «Такси не работает» и даже успевает схватиться за него в тот миг, когда всем телом переворачивается и падает

на лобовое стекло и капот. Машину разворачивает, когда Мэдисон выкручивает руль, и теперь вместо того, чтобы улететь вперед, Мэнни швыряет из стороны в сторону центробежной силой. Он в панике, его руки соскальзывают с табло, и он не знает, откуда нашел силы ухватиться за край капота под дворниками. В тот же миг ноги Мэнни слетают с такси, и его тело летит в сторону остановившихся машин. Если такси перевернется, он погибнет. Если Мэнни отпустит капот и его отшвырнет на хетчбэк впереди, то он тоже погибнет. Если Мэнни свалится с машины и окажется под колесами…

Но такси наконец перестает заносить, и оно останавливается всего в дюйме от стоящей впереди машины. Ноги Мэнни помимо его воли с глухим стуком падают на багажник хетчбэка. Это хорошо. Он рад, что под его ногами снова оказалось что-то твердое.

— Убери копыта с моей машины, козел! — кричит кто-то изнутри. Мэнни не обращает внимания на крики.

— Ни хрена себе! — Мэдисон высовывается из окна. Она смотрит на Мэнни выпученными, испуганными глазами. Он чувствует себя точно так же. — Ни хрена… Ты в порядке?

— Ну да? — Мэнни и сам не совсем в этом уверен. Однако ему хватает сил сесть, и он, обернувшись, смотрит на левую полосу.

Позади них лес усиков пришел в бешенство, он хлещет и трясет своими отростками, как умирающий организм. Он и правда умирает. В месте, где они врезались в гущу его корней, красуется выжженный силуэт вроде тех, что показывают в детских мультиках: очертание «Чекера» с венчающим его зонтиком и ссутуленным человеком между ними. Края силуэта пылают, как раскаленный метал, и огонь быстро пожирает тварь изнутри, расходясь по ней, как по листу бумаги. За несколько секунд он охватывает корни усиков, а затем начинает карабкаться выше. После от них не остается даже пепла. Мэнни понимает: это потому, что на самом деле усиков здесь нет, они не существуют в *реальности* в привычном человеку смысле.

Однако нанесенный урон вполне реален. Едва догорают последние усики, парящий, переливающийся яркими цветами сгусток энергии — остаток той оболочки, что окружала машину, превратившийся в бурлящее, необузданное нечто, — исчезает в миниатюрном взрыве, который расходится из центра во все стороны. Мэнни

вздрагивает, когда через него проходит волна света, цвета и тепла. Он знает, что волна не навредит ему, но удивляется, когда она согревает то место в его боку, которое так сильно болело. Теперь боль прошла. Еще происходит и нечто более важное: усики, прилипшие к ближайшим машинам, истончаются и исчезают, едва энергия накрывает их. Мэнни чувствует, как сила катится прочь, уходит за ближайшие здания прямиком в Ист-Ривер.

Все кончено.

Когда Мэнни слезает с капота такси и садится на землю, он снова чувствует, как сквозь него что-то проходит, от кончиков пальцев ног до корней волос. Он понимает — это та же самая энергия, которая переполнила такси, когда оно торпедой летело через усики. Она же уняла его боль на Пенсильванском вокзале, и она же привела его сюда. Откуда-то к Мэнни приходит понимание того, что энергия — это город, который теперь стал частью него самого, заполнил его и вытеснил все ненужное, чтобы освободить место для себя. Поэтому-то Мэнни и забыл свое имя.

Энергия начинает угасать. Вернутся ли его воспоминания, когда все закончится? Этого он не знает. И хотя это должно пугать Мэнни, он…

не боится. Это совершенно неразумно. Амнезия, даже временная, не грозит ему ничем хорошим. У него могло случиться кровоизлияние в мозг или появиться какая-то скрытая травма; ему следует обратиться в больницу. Но вместо испуга он испытывает умиротворение — ведь теперь город с ним, внутри него. Казалось бы, поволноваться все же стоит. Что-то подсказывает Мэнни, что он только что был на волосок от смерти. И все же он спокоен.

Ист-Ривер плещется у него за спиной. Мэнни смотрит на возвышающийся над ним Манхэттен: на бесконечные башни жилищных кооперативов, перепрофилированных банков, на теснящиеся жилые комплексы, зажатые между древними театрами и бездушными штаб-квартирами корпораций. Здесь живет почти два миллиона человек. Он пробыл здесь всего час, но уже чувствует себя так, словно никогда его не покидал. И пусть Мэнни не знает, кем был прежде… он знает, кем стал теперь.

— Я — Манхэттен, — тихо произносит он.

И город бессловесно откликается, прямо в его сердце: «Добро пожаловать в Нью-Йорк».

Глава вторая
Противостояние в последнем лесу

Мэдисон высаживает Мэнни в Инвуде.

— Мне сюда не по пути, — говорит она, когда он вытаскивает свою сумку из машины, — но тут неподалеку есть забегаловка, где делают отличные эмпанады. Да и моей тачке ты, кажется, понравился. — Она ласково, словно поглаживая лошадь, проводит рукой по старой приборной панели, обитой натуральной кожей. — Движок у нее дерьмовый, бензин жрет как не в себя, но по дороге сюда он работал так ладно, как никогда прежде. Надо почаще врезаться в полупрозрачных морских чудовищ, видимо, для свечей это полезно.

Мэнни смеется, глядя на нее через опущенное окно со стороны пассажира.

— Что ж, тогда в следующий раз я снова позову тебя и твою машину, — говорит он. Ведь сомнений у него нет — следующий раз точно настанет.

— Ну уж нет, спасибо, это ты без меня, — говорит Мэдисон. Затем, склонив голову набок,

она окидывает его взглядом, в котором читается такой откровенный интерес, что Мэнни краснеет. — Впрочем, если когда-нибудь захочешь повеселиться по-другому, позвони в «Такси “Чекер”. Свадьба вашей мечты» и спроси меня.

Мэнни посмеивается, хотя ему неловко. Он не привык к такому агрессивному флирту. Она миловидная, и он не против, но что-то останавливает его и не дает принять ее предложение. Что именно? Мэнни точно не знает. Может быть, просто тот факт, что он, похоже, превращается в живое воплощение района крупного мегаполиса и сейчас не лучшее время начинать с кем-то встречаться. Поэтому он пытается отказать ей помягче, ведь дело не в ней, а в нем.

— Буду иметь в виду.

Мэдисон широко ухмыляется, спокойно принимая его отказ, и поэтому начинает нравиться ему еще больше. Затем она отъезжает, и он остается один перед своим новым домом.

Тот представляет собой одно из старых многоквартирных зданий Инвуда, которое тянется на полквартала. Проходя через кованые железные ворота, Мэнни обращает внимание на настоящий сад, раскинувшийся перед домом, в котором кто-то из жильцов высадил маки и, ка-

жется, эхинацеи. В огромном фойе пол выложен черно-белой плиткой, а по стенам тянутся вычурные мраморные карнизы. Рельефный потолок покрыт столькими слоями краски, что выглядит бугристым. Швейцара нет, но и район этот не из тех, где они бывают.

Обстановку Мэнни не узнает совсем. Адрес он нашел в своем телефоне, в заметке под заголовком *«Новый адресок!!!»*, едва разборчиво написанной пальцем по экрану. Однако ему кажется, что прежде он никогда не был в Нью-Йорке.

«Кто вообще пишет “адресок” вместо “адрес”?» — думает он. И кто может так сильно радоваться новому адресу, что ставит три восклицательных знака? Неужели тот же человек, который снял квартиру и выбрал себе соседа, ни разу не видя его в глаза?

Лифт здесь медлительный и древний, с внутренней решеткой, которую нужно сначала закрыть, иначе он не поедет. На верхнем этаже, когда двери лифта открываются, он видит коридор, тускло освещенный древними лампами и уходящий куда-то вдаль — что должно быть невозможно, поскольку кварталы Нью-Йорка не бывают такими длинными. Коридор кажется

жутким, словно Мэнни оказался в каком-то ужастике. Однако, когда он выходит из лифта, перед его глазами словно проносится какая-то волна. Мэнни моргает, и свет в коридоре тут же становится ярче, тени — светлее, контрасты — мягче, а слабые запахи — чьего-то невыветрившегося ужина, пыли, краски, кошачьей мочи — усиливаются. Теперь это обычный коридор… который почему-то кажется гораздо безопаснее, чем секунду назад.

Странно. Ну да ладно.

В его телефоне написан номер квартиры «4J». У Мэнни есть ключ с таким же номером, однако из вежливости он все же стучится в дверь. Изнутри слышится торопливый топот, затем дверь открывает долговязый азиат, на одной стороне лица которого отпечатался след от подушки. Просияв, он разводит руки в стороны.

— Привет, сосед! — с сильным британским акцентом произносит азиат. — Ты доехал!

— Да, — отвечает Мэнни, неловко улыбаясь. Он понятия не имеет, кто перед ним. — Пришлось… гм… постоять в пробке на ФДР.

— На ФДР? А магистраль разве не на восточной стороне острова? Почему таксист повез тебя от вокзала туда? Неужели из-за утренних ужасов

на Вильямсбургском мосту такие пробки? — В следующий же миг азиат забывает про собственные вопросы, выходит и хватает чемодан Мэнни. — Давай помогу. Твои коробки и второй чемодан приехали еще пару дней назад.

Все кажется таким нормальным. Квартира огромная, с большой кухней и двумя спальнями, расположенными достаточно далеко друг от друга — одна сразу за гостиной, другая дальше по коридору, за ванной и кладовкой. Сосед занял ближнюю спальню, так что Мэнни идет на другой конец квартиры, где находит просторную комнату, уже полностью обставленную мебелью. Судя по всему, до потери памяти прежний Мэнни хотел приехать на все готовое. Простыни на постели нет, а в углах лежат клубы пыли, но комната хорошая. Из окна открывается отличный вид на платную парковку. Мэнни нравится.

— Ну, что я тебе говорил? А? — говорит сосед, глядя на то, как Мэнни осматривается. — Классная квартира, да? Все как на фотках, которые я тебе присылал.

Фотки. Видимо, Мэнни из тех типов, что подписывают арендное соглашение, основываясь на одних лишь фотографиях.

— Да, идеально. — Вот только не может же он

все время называть своего соседа «Эй, ты!». — Гм, прости, мне ужасно неловко, но тебя зовут…

Парень моргает, затем смеется.

— Бел. Бел Нгуен. Аспирант на кафедре политических наук Колумбийского университета, как и ты. Неужели поездка на поезде оказалась настолько тяжелой?

— Нет. Эм-м… — Впрочем, оправдание хорошее. Мэнни взвешивает все его потенциальные преимущества и решает остановиться на нем. — Хотя да. Со мной что-то приключилось, обморок, что ли. Сразу после того, как я сошел с поезда. И голова у меня сейчас немного… — Он шевелит пальцами, надеясь, что сосед решит, будто он в замешательстве, а не сошел с ума.

— Ого. Дерьмово. — Бел, похоже, искренне за него забеспокоился. — Тебе что-нибудь нужно? Я могу… эм-м… Может, тебе хорошего чаю заварить? Я привез из дома.

— Нет, нет, я в порядке, — быстро отвечает Мэнни, хотя тут же начинает сомневаться в том, что это так. Здесь, в столь обыкновенном месте, стоит ему подумать о случившемся на магистрали ФДР, все начинает казаться ему более и более невероятным. Если у него амнезия, тогда, возможно, с ним и правда случилось что-то нехорошее. Воз-

можно, он ударился головой. Возможно, у него началась ранняя деменция. — То есть я чувствую себя хорошо. Но кое-какие вещи забываю и не могу вспомнить.

— Вроде моего имени?

Мэнни думает, не ответить ли ему: «Нет, вроде *моего* имени», — однако решает, что лучше этого не делать. О том, что ваш сосед в данный момент не в ладах с реальностью, лучше узнавать *до* того, как вы подписываете договор аренды.

— Вроде того. Так что, гм, я заранее извиняюсь, если спрошу что-то, о чем ты мне уже говорил. Или если сам буду повторять то, что ты уже знаешь. Эм-м, прозвище мое, например. Зови меня Мэнни.

Он готовится к тому, что сосед возразит, но Бел лишь пожимает плечами:

— Мэнни так Мэнни. Дружище, ты хоть каждую неделю меняй имена, только за квартиру плати вовремя. — Он смеется над собственной шуткой, затем качает головой и ставит чемодан Мэнни на пол. — Уверен, что чаю не хочешь? Мне не трудно. Или… О. Я как раз думал о том, чтобы пойти прогуляться, осмотреть окрестности, так сказать. Пойдем со мной, а? Может, на свежем воздухе тебе полегчает.

Предложение кажется в высшей степени разумным. Мэнни кивает, ненадолго задерживается, чтобы скинуть куртку и переодеться в чистые штаны — он только заметил, что обтер ими крышу такси, — и они выходят на улицу.

Их дом находится всего в нескольких кварталах от парка Инвуд-Хилл. Парк огромный — Мэнни помнит, что видел его где-то на карте. (Он бесстрастно замечает, что хорошо помнит общие факты. Ускользают от него лишь те, что относятся к его собственной жизни.) А еще этот парк — последний нетронутый участок старого леса, который когда-то покрывал весь остров Манхэттен. На первый взгляд он похож на любой другой парк — мощеные дорожки, железные заборы, скамейки, теннисные площадки и редкие выгульщики собак, которых тянет за тобой на поводке тявкающая свора. Здесь на удивление пусто, хотя, наверное, это потому, что сейчас середина рабочего дня и большинство людей все еще на работе или в школе. Прямо за ухоженной полоской подстриженного газона и декоративных деревьев Мэнни видит лесистый холм, возвышающийся над всем вокруг. Его покрывает густое сплетение деревьев и кустарников, которые явно никогда не видели ни экскаватора, ни грейдера.

Он смотрит на лес, поражаясь тому, что тот существует менее чем в пяти милях от огней и шума Бродвея. Бел тем временем глубоко вдыхает и блаженно закрывает глаза.

— Ах-х, вот ради этого я и хотел поселиться здесь… ну и еще потому, что дешевле на острове я ничего не нашел. — Он широко улыбается Мэнни и продолжает идти по тропинке. Мэнни идет за ним, крутя головой, чтобы все разглядеть. — С ценами тут хуже, чем в Лондоне в черте города. Но когда я прочитал, что здесь прямо посреди города растет лес, я понял, что это место как раз для меня. В детстве я несколько раз проводил лето в Хакфолле в Северном Йоркшире. У моей бабушки там рядом дом. — Он мрачнеет, и тон его голоса становится суше. — Конечно же, она от меня отреклась, когда выяснилось, какие у меня проблемы. Так что я уже лет сто там не был.

— Сочувствую, — говорит Мэнни и лишь затем замечает в словах Бела нечто большее, чем просто боль. Он моргает и удивленно смотрит на соседа. Ему хватает сообразительности промолчать, однако Бел замечает его взгляд, и выражение его лица тут же становится нейтральным.

— Об этом ты, значит, тоже забыл? И сейчас внезапно вспомнишь, что все-таки хочешь съе-

хать…

— Я… — В этот миг Мэнни понимает, как, наверное, звучит со стороны его рассказ о потере памяти. Он не может придумать ничего лучше, кроме как сказать правду: — Я и правда забыл. Но если бы я хотел съехать, то выдумал бы ложь получше.

Отличный способ впечатлить соседа своими патологическими наклонностями. Но его ответ удивляет Бела, и тот смеется, хотя все еще с горечью. Впрочем, он немного смягчается.

— Да, наверное. И ты почему-то кажешься мне *другим*, не таким, как тот парень, с которым я месяц назад познакомился в «Скайпе».

Мэнни старается не напрячься и, продолжая идти, опускает взгляд под ноги.

— Да ну?

— Ага. Трудно сказать почему. — Бел пожимает плечами. — Честно говоря, я тебя побаивался. Ты казался вполне вежливым, но каким-то, хм-м, *резковатым*, что ли. Дома парни с нетрадиционной ориентацией докапывались до меня не меньше, чем натуралы. И почему-то мне казалось, что ты будешь задираться как никто другой. Но ты сказал, что проблем у нас не будет, а у меня выбора особенно-то не было, так что… — Бел вздыхает.

Вот как.

— Проблем у нас точно не будет, — снова говорит Мэнни, стараясь обнадежить соседа. — По крайней мере, из-за этого. Но если ты начнешь класть в холодильник грязные носки, я за себя не отвечаю.

Бел снова смеется, и напряжение улетучивается.

— Ладно, носки класть не буду. Но насчет шапок я ничего не обещаю.

Они оба замолкают, когда мимо входа в парк проносятся машины «Скорой помощи». Бел и Мэнни уже отошли достаточно далеко, но не заметить три «Скорые» с ревущими сиренами довольно трудно, какой бы густой лес их ни окружал. Все-таки они на Манхэттене. Бел морщится, когда «Скорые» уезжают.

— Я слышал, туда бросили силы всех служб со всей… как она там называется… агломерации? Все, чтобы разобрать то месиво на мосту. Боже, жду не дождусь, когда мы узнаем, из какой национальности они сделают козлов отпущения на этот раз.

— Может быть, там какой-нибудь белый парень постарался. Снова.

— «Одинокий волк», у которого проблемы

с психикой. Ну конечно. — Бел со смешком вздыхает. — Может быть. *Надеюсь*, лишь бы только это не стало поводом к очередным преступлениям на почве ненависти, или к новым войнам, или к еще какой дряни. Черт, ну и надежды у меня.

Мэнни кивает. Больше они ничего не могут сказать по этому поводу, так что продолжают идти молча, просто наслаждаясь компанией друг друга. Мэнни замечает, что прогулка его успокаивает, хотя после всего, что произошло за последние два часа, его бы успокоило что угодно. Важнее другое — парк кажется ему *правильным*, прямо как «Чекер», как люди, которые помогли ему на вокзале, как то чувство причастности к этому городу, который кажется ему столь необычным и живым. Одолевшая его потеря памяти на удивление выборочна. Он помнит, как посещал города, обладавшие похожей странной живостью. Париж, Каир, Токио. Однако ни в одном из них он не чувствовал, что этот город создан для него. Словно везде, куда он приезжал или где жил прежде, он был в гостях и лишь теперь оказался дома.

На одном из пересечений тропинок находится карта. Мэнни дивится размерам этого парка, а затем его взгляд цепляется за слова «Тюльпан-

ное дерево парка Инвуд-Хилл». В тот же миг Бел подходит ближе, тычет пальцем в изображение и, подавшись вперед, вчитывается в микроскопический текст рядом с ним.

— «Согласно легенде, — читает он, — в тысяча шестьсот двадцать четвертом году на этом месте, в индейской деревне, Петер Минёйт[3] купил остров Манхэттен у индейцев за бусы и безделушки общей стоимостью приблизительно в шестьдесят гульденов». Судя по всему, там еще росло большее дерево, но оно умерло в тысяча девятьсот тридцать втором. Ага, так, значит, это здесь твои предки начали прибирать к рукам эти земли. — Он усмехается и имитирует голос Эдди Иззарда: — «Флаг у вас есть? Нет? Тогда, будьте добры, один остров, сдачу можете оставить себе. И вот вам в придачу оспа и сифилис».

По коже Мэнни бегут мурашки. Почему? Он не знает, но, будучи не в силах отвести взгляд от изображения на карте, машинально отвечает:

— Кажется, повальные эпидемии начались на пару веков раньше. Колумб их завез.

— Точно, точно, в тысяча четыреста девяноста

---

[3] Сноски: 3

Петер Минёйт (Везель, Германия, 1580 г. — 5 августа 1638 г.) — голландский политический деятель, губернатор Новых Нидерландов, губернатор Новой Швеции. Валлон по национальности. (*Прим. ред.*)

втором. Доплавался по океану. — Бел отходит и потягивается. — На этом, кажется, можно и закончить. Хочешь, посмотрим на тот архиважный камень, а потом пойдем домой?

— Конечно, — говорит Мэнни. Что-то подсказывает ему, что камень тот намного важнее, чем кажется.

Архиважный камень находится неподалеку от входа в парк, там, где к лиману Спайтен-Дуйвил примыкает большой луг. Когда они подходят к памятнику, Мэнни замечает, что тот, по сравнению с другими, довольно непримечательный: обыкновенный валун высотой примерно по пояс, окруженный голой землей и кольцом грязного бетона. Он расположился на пересечении нескольких мощеных дорожек, и от него открывается красивый вид на лиман и высокий узкий мост, который, наверное, ведет в Бронкс или Куинс. Людей здесь немного; Мэнни видит вдалеке старика, сидящего на парковой скамейке и кормящего голубей, и молодую парочку, устроившую романтический пикник на заросшей лужайке в стороне от дорожек. Не считая этих троих, они здесь одни.

Мэнни и Бел ненадолго останавливаются у камня, чтобы прочитать памятную таблич-

ку. Согласно ей, это — Шораккопоч, названный так в честь деревни, которую отсюда выселили. Или же так называлось давно погибшее дерево — этого табличка не поясняет. Бел садится на камень и какое-то время дурачится, скрестив ноги и делая вид, что медитирует, вбирая в себя «потоки энергий». Мэнни тем временем смеется над ним. Смех, впрочем, ему приходится из себя выдавливать, потому что энергии здесь действительно витают, странные и осязаемые, как тот зонтик на магистрали ФДР, и Мэнни не имеет никакого представления о том, что все это значит.

Однако же он вспоминает, что источником той странной энергии, которой он воспользовался, был вовсе не зонтик — ну или не только зонтик. Сила пропитала его, потому что была повсюду, витала в воздухе, текла по городскому асфальту, а Мэнни просто собрал верную комбинацию… предметов? идей?.. и призвал ее. Автомобиль — в том месте, где царят удушающие выхлопы, резкие повороты и дорожные ямы, он был совершенно необходим. Как и движение, тоже ставшее источником силы. И магистраль ФДР в городе, который никогда не спит, — это дорога, движение на которой никогда не останавливается, если не считать редких аварий и пробок. Значит ли

это, что сила зависит от обстоятельств? Мэнни скрещивает руки на груди, смотрит на камень и гадает, какие же секреты тот хранит.

— Ай, — говорит Бел, спрыгивая с камня. — Как же больно сидеть на истории. Кому вообще пришла в голову светлая мысль поставить здесь *камень?* Вот что в нем значимого? Американцы ведь любят статуи. Что помешало и здесь ее поставить? Похоже, кто-то хотел дешево отделаться.

Дешево. Мэнни моргает. Что-то шевельнулось в его голове, когда он услышал последние два слова. Когда Бел говорит, что пора бы пообедать, Мэнни рассеянно кивает, пытаясь поймать ускользающую мысль. Но затем он внезапно слышит резкие нотки в голосе Бела.

— А это еще что?

Его тон выводит Мэнни из задумчивости. Он оборачивается и видит, что к ним направляется женщина. Полноватая, невысокая, белая и румяная, одетая по-офисному. Неприметельная. Ни Мэнни, ни Бел не обратили бы на нее внимания, если бы в руке она не держала наставленный на них телефон. Судя по мигающему огоньку, камера включена.

Женщина останавливается, не прекращая снимать их.

— Какая мерзость, — говорит она. — Поверить не могу, что вы двое творите такое. Не скрываясь, прямо в общественном месте. Я сейчас вызову копов.

Бел мельком смотрит на Мэнни, и тот недоуменно качает головой; он тоже не понимает, о чем она.

— Слышь, — говорит Бел. Его акцент чуточку меняется с такого, какой можно услышать по Би-би-си, на южнолондонский — и откуда только Мэнни это знает? — а затем выражение лица Бела становится суровым. — Дорогуша, ты что, нас снимаешь? Без спроса? Как-то это невежливо, не находишь?

— «Невежливо» выставлять свои извращения на всеобщее обозрение, — отвечает женщина. Она что-то делает со своим телефоном, похоже, приближает изображение. Камера направлена Мэнни прямо в лицо, и ему это не нравится. Он очень хочет отвернуться или закрыться от телефона рукой, но сдерживается, ведь это может лишь спровоцировать дамочку на дальнейшее хамство.

Однако он делает шаг вперед.

— И что же такого мы, по-вашему…

Дамочка реагирует так, словно Мэнни не при-

близился к ней на шаг, а бросился на нее, как бык на родео; она ахает и семенит назад.

— Не прикасайся ко мне! Не прикасайся! Если ты меня хоть пальцем тронешь, я завизжу, и копы вас пристрелят! Наркоманы! Извращенцы и наркоманы!

— С извращенцем я еще соглашусь, но наркоман? — Бел упер одну руку в бок, скептически глядя на нее. — Я вообще-то не ширяюсь. Ты уверена, что сама не перебрала «Перкоцета», дорогуша? А то у тебя явно глюки. — Он машет рукой перед ее телефоном. Она отдергивает его назад и отпрыгивает в сторону.

В тот же миг Мэнни думает, что глюки начались *у него*. Потому что, когда женщина поворачивается к нему спиной, он замечает что-то, торчащее из ее шеи и проходящее через свободный небрежный пучок, в который стянуты ее волосы. Что-то длинное и тонкое, толще волоса, но тоньше карандаша. Мэнни таращится на это нечто, и оно вдруг вздрагивает. Его кончик, несмотря на отсутствие ветра, единожды сгибается, наклоняется в сторону Мэнни и тут же выпрямляется снова. Мэнни прищуривается, и нечто начинает дрожать, словно он потревожил его одним лишь взглядом. Нечто снова гнется к нему и снова воз-

вращается назад.

Мэнни замирает, потрясенный. Он уже видел что-то подобное. От испуга его мысли превращаются в мешанину слов *«паразиты»*, *«нить марионетки»*, *«питьевая трубочка»* и более отчетливого: *«та дрянь с магистрали ФДР»!*

Он отрывает взгляд от белой штуковины, торчащей из шеи дамочки, и смотрит ей в лицо.

— Ты не та, за кого себя выдаешь, — говорит он. — Покажи, кто ты на самом деле.

Бел хмуро косится на него.

Дамочка поворачивается к Мэнни, открывает рот, набирает в грудь побольше воздуха, чтобы снова начать возмущенную тираду… и вдруг замирает. Причем так, будто попала на стоп-кадр, прямо на середине вдоха, за миг до того, как ее лицо успевает принять презрительное или гневное выражение, отчего оно выглядит пустым. Она не опустила камеру, но, похоже, случайно нажала на что-то обмякшим большим пальцем, потому что огонек записи погас.

— Что за… — произносит Бел, уставившись на нее.

Мэнни моргает… и в ту наносекунду, пока его глаза закрыты, одежда дамочки становится совершенно белой. Костюм, туфли, даже колготки.

То же самое происходит с ее волосами, отчего она резко становится похожа на гибрид церковной прихожанки и женской версии полковника Сандерса. Она вновь приходит в движение, посмеиваясь над очевидным замешательством Мэнни и Бела, затем поднимает свободную руку и взмахивает ею, как бы говоря: «Та-дааа».

— Какое облегчение! — заявляет она. Ее голос изменился. Теперь он ниже, ближе к альту, чем к сопрано. Ее улыбка похожа на маниакальный оскал. — Разыгрывать из себя одну из вас, людишек, и так довольно трудно, но притворяться, что я вас не знаю, мне вконец осточертело. Рада снова видеть тебя, Сан-Паулу. Каждый уголок этой вселенной похож один на другой, пути наши извилисты, пронизывают ее, как дырки в сыре, — однако не далековато ли ты ушел от своего места? Я помню, как пробовала твою кровь на вкус где-то южнее.

Она смотрит на Бела.

— Что? — спрашивает Бел. Он смотрит на Мэнни. Мэнни качает головой, но не потому, что озадачен. Он понимает, что происходит, хотя и не желает понимать. Из головы дамочки все еще торчит белый отросток. Мэнни в голову приходит еще одно слово: *«антенна»*. Белый отросток —

это что-то вроде приемника, который передает из другого места чужой голос, мысли и образ.

«Откуда я все это знаю?» — думает Мэнни, на миг чуть не впадая в панику.

«Я — Манхэттен», — приходит к нему ответ, который сам порождает немало вопросов. Но обдумывать их он будет позже.

Женщина тем временем пристально вглядывается в Бела, словно не может хорошенько рассмотреть его, хотя он и стоит прямо перед ней. Она мельком смотрит на камеру, словно желая убедиться, что ее глаза работают, затем опускает устройство.

— А ты… — она склоняет голову набок, — …разве не тот, за кого я тебя приняла? Неужели под этой личиной скрывается кто-то другой?

Бел заметно напрягается.

— Кто я такой — не твое собачье дело. Уйдешь сама, по-хорошему, или тебе помочь?

— О! — Женщина делает вдох. — Так ты просто человек. Прошу прощения, я приняла тебя за пятнадцать миллионов других людей. Зато *ты*. — Она обращает свой взгляд на Мэнни, и он замечает, что цвет ее глаз тоже изменился. Они были карими, но отчего-то посветлели и стали бледно-коричневыми, почти желтыми. Глядя

в эти глаза, трудно не вспомнить о хищниках вроде волков или соколов, но Мэнни не дает себе отвести взгляд, ведь стоит проявить слабость, как хищники обязательно нападут.

– *Ты* точно не человек, — говорит она ему. У Мэнни получается сдержаться и не вздрогнуть, но она смеется, словно все равно почувствовала этот подавленный нервный импульс. — Что ж, я знала, что тебе будет нужно где-то отлежаться после нашей битвы. Но почему здесь? В лесу? Неужели пытаешься выветрить смрад той мусорки, в которой ты ночуешь?

— Что? — Мэнни озадаченно хмурится. Женщина моргает, затем хмурится в ответ и сощуривает глаза.

— Хм, — бормочет она. — Я была уверена, что ранила тебя. Сломала парочку костей. Но ты, похоже, цел и невредим, насколько я вообще могу судить о твоем виде. А еще… — Внезапно она кренит голову набок, и ее воинственность сменяется замешательством. — Ты чище, чем был раньше. Даже пахнет от тебя как-то… — Она умолкает.

Она сумасшедшая. Но Мэнни, глядя на жуткий белый отросток, торчащий из ее шеи, понимает, что назвать происходящее «сумасшествием» было бы неправильно, ну или не совсем правильно.

Невозможно, увидев отросток, не понять, что эта женщина каким-то образом связана с той массой усиков с магистрали ФДР. Возможно, то же самое произошло с людьми, чьи машины проехались по усикам и подцепили их: они оказались *заражены* на каком-то фундаментальном, метафизическом уровне. Что бы за существо сейчас ни говорило с Мэнни устами этой женщины, его нет поблизости — будучи где-то далеко, оно вещает по своему «Щупальцемонстр ТВ», а женщина подключена к нему индивидуальным высокоскоростным кабелем.

— Так что же ты такое? — решает спросить Мэнни.

Женщина усмехается, продолжая сверлить его взглядом. Она не моргает, и от этого становится жутковато.

— Даже не поболтать с тобой по душам, сразу переходишь к делу. Неудивительно, что все считают ньюйоркцев хамами. Но на этот раз ты и не выпендриваешься. Куда же подевались все твои… — Она на миг отводит взгляд, ее глаза начинают бегать, словно просматривают невидимый словарь, а затем она снова смотрит на него: –…понты. Да. Куда подевались твои дебильные понты?

Обычно Мэнни, если позволяет ситуация, старается не выражаться.

— Мы никогда раньше не встречались.

— Неправда! Неправда! — Она поднимает руку и тычет в него пальцем, широко распахнув глаза. Мэнни тут же вспоминает, как в детстве смотрел по телевизору повторы «Вторжения похитителей тел», и ему легко представить, как эта женщина сейчас выпучит свои нечеловеческие глаза и издаст жуткий вопль. Но затем она снова хмурится. — Однако ты *не ранен*. Неужели ты изменил свою форму? Мне казалось, твой вид на такое не способен и вы меняетесь постепенно, медленно старея.

— Мэнни, дружище, — негромко произносит Бел. Пока женщина разглагольствовала, он подступил ближе. — У этой мадам явно в скворечнике не все дома, и я чуть-чуть паникую от того, как она вдруг так облондинилась…

— Мэнни? — выпаливает женщина прежде, чем тот успевает ответить. Она переводит взгляд с него на Бела и обратно. — Его зовут Мэнни?

— Черт, — говорит Бел. — Прости, мне не стоило называть тебя по имени…

— Ничего страшного. — Мэнни не сводит глаз с женщины и потому видит: на вдохе ее лицо

искажается. На миг оно приобретает *очень* нечеловеческие черты, желтовато-коричневые глаза вспыхивают белым светом, скулы смещаются и будто множатся под кожей… а затем ее лицо расплывается в широченном, маниакальном оскале.

– *Манхэттен*, — выдыхает она. Мэнни пробивает дрожь. В том, как она произносит его имя, ощущается сила, сила, которую она умеет использовать, а он — еще не научился, и это его пугает. Кроме того, его пугает алчная, голодная злоба в ее непостоянных глазах. — Ты — *Манхэттен*, где глупость гуляет, а деньги решают! Неужели ты никогда не спишь, юноша? Смотрю, ты что-то не одет в одни шелка и атлас.

Мэнни старается не дать этой бессмыслице сбить его с толку. Сейчас важно лишь то, что перед ним — противник, от которого исходит опасность. Как бороться с призрачной пришелицей, похожей на морское чудовище с щупальцами и принявшей человеческий облик? Рядом нет ни зонтика, ни старой тачки… ничего, лишь камень Шораккопоч, и Мэнни не знает, как им воспользоваться.

На магистрали ФДР он положился на свои инстинкты, и они привели его к решению. «Заставь

ее говорить подольше», — подсказывают ему инстинкты теперь, и он снова повинуется им.

— На магистрали ФДР, — говорит он, глядя женщине прямо в горящие глаза, — я уничтожил твое создание зонтиком. Или… — Он поправляет себя, как подсказывает ему интуиция: — Нет, не твое создание. Тебя?

— Лишь малую часть меня. Мизинчик, которым я пыталась зацепиться. — Она приподнимает ногу, облаченную в простую белую кожаную туфлю без носа, и шевелит пальцами. Ее лодыжки опухли — наверное, сидячая работа и чудовища из небытия, вселяющиеся в твое тело, не лучшим образом влияют на кровообращение.

— Я ожидала, что утрачу его, — с многострадальным вздохом продолжает женщина. Она поворачивается, начинает расхаживать из стороны в сторону и драматично вздыхать. — Так обычно происходит, когда ваши сущности реализуются, или взрослеют, или как еще вы это называете. И в конце концов мы его потеряли. Кое-кто пришел и *ударил* нас по пальчику, будь он неладен. Злобное маленькое создание. Настоящий бандит. Однако, когда он со мной разделался и я лежала, истекая кровью в ледяных глубинах межмирья, я обнаружила, что мой мизинчик

все же зацепился. Самую малость. Один-единственный пальчик в одном-единственном месте.

— На магистрали ФДР, — говорит Мэнни. По его коже пробегает холодок.

— На магистрали ФДР. Но затем ты выдрал с корнем и его. Это ведь был ты, верно? Вы, людишки, для меня все на одно лицо, но теперь я чую твой запах. Ты похож на него, но не он. — Произнося это, женщина клонит голову набок. В этом жесте читается одновременно задумчивость и презрение. — Конечно, было уже поздно. Ты еще не успел туда добраться, а я уже заразила уйму машин. Теперь мы держимся за этот мир сотней пальчиков, разбросанных по всей агломерации. — Она чуть приподнимается на носки, а затем опускает взгляд и хмурится, будто ей не нравится, что сейчас ей пальцев не хватает.

Мэнни словно наяву видит, как фонтаны щупалец прорываются на трассах и мостах в радиусе сотен миль отсюда. Он старается не показывать, насколько его это пугает. Что это значит? Чего они добиваются? Что они станут делать, когда заразят достаточно машин, и людей, и…

— Что за *хрень* ты несешь? — спрашивает Бел.

Она закатывает глаза.

— Я говорю о политике дробности простран-

ства-времени и суперпозиции, — огрызается она, а затем снова забывает про Бела и вздыхает, глядя на Мэнни. Бел лишь тупо смотрит на нее. — Что ж, ты явно *часть* того, другого. А это значит, что где-то гуляют еще четверо. Еще четыре… ой, как вы, люди, их там называете? Органы? — Она внезапно останавливается, хмурится, о чем-то задумавшись, а затем резко поворачивается к Белу и указывает на запад. — Эй, ты! Человек! Что там?

Бросив на Мэнни крайне обеспокоенный взгляд, Бел смотрит туда, куда тычет пальцем женщина, и его взгляд упирается в лиман Спайтен-Дуйвил. На самом деле она указывает дальше, на драматического вида уступ, усеянный высотными и частными домами.

— Уэстчестер? — гадает Бел. — Или, наверное, Бронкс. Понятия не имею, я тут всего пару недель живу.

– *Бронкс*, именно. — Женщина кривит губы. — Да. Он самый. Еще Манхэттен. Тот, с кем я сражалась, — *сердце*, но вы, остальные, представляете собой голову, конечности и все остальное. Он оказался достаточно крепок, чтобы сразиться с нами и без вас, но ему все же не хватило сил устоять на ногах после битвы. Не хватило их и на

то, чтобы вытеснить меня. И так один пальчик превратился в целый плацдарм.

Несмотря ни на что, Мэнни начинает понимать.

— Боро[4], — зачарованно произносит он. «Я — Манхэттен». — Ты говоришь о боро города. Ты хочешь сказать, что я *действительно* Манхэттен. И… — он вдыхает, — …и ты говоришь, что есть и остальные.

Женщина перестает ходить из стороны в сторону и медленно, очень медленно поворачивается, чтобы снова изучающе посмотреть на него.

— Ты этого не знал, — говорит она, щурясь на него.

Мэнни замирает. Он понимает, что допустил ошибку, раскрыв карты, но лишь время покажет, насколько серьезной была эта ошибка.

— Вас пятеро, — довольным тоном говорит женщина в белом. (И почему-то в сознании Мэнни это становится ее именем, с большой буквы. Женщина в Белом.) Она улыбается, но холодно. — *Пятеро*, и лишь один бедный Сан-Паулу, который должен за вами всеми приглядывать! Он сейчас рядом с тем, с кем я сражалась. А ты

---

[4] Сноски: 4

Боро — муниципальная единица Нью-Йорка, крупный район. *(Прим. перев.)*

один. И ты даже понятия не имеешь, что нужно делать, не так ли?

У Мэнни от страха сводит живот. Он понимает, что Женщина сейчас что-то сделает, и он до сих пор не придумал, как с ней бороться.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он, чтобы ее задержать. Чтобы выиграть время и подумать.

Она качает головой и вздыхает.

— Я могла бы тебе рассказать ради спортивного интереса, но для меня это не состязание. Мне просто нужно выполнить мою работу. Прощай, Манхэттен.

В мгновение ока она исчезает. То есть исчезает Женщина в Белом; стоит Мэнни моргнуть, как ее одежда и волосы возвращаются к своему естественному цвету. Вновь став обыкновенной кареглазой дамочкой, она чуть обмякает. Но через миг, придя в себя, она поджимает губы и снова поднимает телефон. Огонек камеры опять загорается.

Но одновременно с этим происходит и кое-что похуже. Волосы на загривке Мэнни встают дыбом, он подпрыгивает и резко оборачивается, уверенный, что кто-то вот-вот набросится на него сзади. Он видит позабытую парочку на лужайке, еще отдыхающую на пикнике, но, помимо них,

там ничего нет…

Стоп. Нет. Из асфальтовой дорожки, из ее трещин и щербин поднимаются… призрачные белые ростки. Мэнни хватает Бела, оттаскивает его назад, и в тот же миг ростки появляются из трещины, на которой он стоял. Затем они вылезают даже из неповрежденных участков асфальта. Мэнни замечает, что на кольце голой земли, которая окружает памятный камень, и в трех-четырех дюймах за ним ничего нет, и утягивает Бела туда, в этот, по-видимому, защитный круг.

— Что это за… — начинает Бел. Мэнни с облегчением понимает, что Бел явно видит белые побеги. Хотя бы это ему объяснять не придется. Бел пятится к камню, глядя на то, как небольшие ростки превращаются в коротеньких червяков.

— Просто омерзительно, — говорит женщина. Теперь она стоит на целой лужайке усиков, которые уже доходят ей до колен, а тот, что растет из ее шеи, разделился на два, и оба зловеще навострились на Мэнни. Поразительно, но, несмотря на все это, она продолжает их снимать. Или… не только снимать? Секундой позже из динамика телефона раздается голос, искаженный треском. Мэнни не может разобрать, что было сказано, но женщину он слышит отчетливо:

— Я хочу вызвать полицию. Я в парке Инвуд-Хилл, тут два типа, и они, ну не знаю, выглядят очень угрожающе. Думаю, они торгуют наркотиками, и они отказываются уйти. А еще они занимаются сексом.

— Слушай, дамочка, да ты хотя бы *видела,* как занимаются сексом? Хоть раз в жизни-то, а?.. — захлебываясь от возмущения, говорит Бел. Парочка вдалеке хихикает, хотя вряд ли из-за его слов. Они всецело поглощены друг другом, целуются и не замечают того, что происходит у камня.

Дамочка, занятая разговором, пропускает слова Бела мимо ушей.

— Да. Так и сделаю. Я их снимаю. Конечно, да-да. — Она колеблется, затем морщится и прибавляет: — *Афроамериканцы.* Или латиносы? Трудно сказать.

— Я же явно азиат и британец, овца ты безмозглая! — Бел таращится на нее с отвисшей челюстью. Тем временем усики продолжают расти; они уже стали настолько длинными, что смогут дотянуться до Бела и Мэнни, даже если они оба вскарабкаются на камень. А это у них вряд ли получится, поскольку на камне не хватит места для двоих.

Тут Мэнни вспоминает, что это не обычный камень, а *памятный*. Он — объект силы… наверное. Шораккопоч, место первой мошеннической сделки с недвижимостью будущего Нью-Йорка. Что же он может с этим сделать?

О. *О-о-о-о*.

Он подталкивает Бела.

— Залезай на камень, — говорит он. — Мне нужно место. И отдай мне все, что у тебя в бумажнике.

Бел настолько напуган, что сразу же слушается, спешно лезет на камень и хватается за задний карман.

— Худшее ограбление в истории, дружище, — дрожащим голосом подшучивает он.

Мэнни уже достал из кармана собственный бумажник. Он на удивление спокоен. Открывая бумажник и шаря в нем в поиске идей, он отстраненно размышляет над этим. Ему *следовало бы* бояться, ведь он видит, что усики сотворили с другим человеком. Что он почувствует, когда они вторгнутся в его тело, а его разум окажется захвачен тем существом, которому они служат?

«Наверное, это будет похоже на смерть», — думает он. Мэнни внезапно осознает, что какая-то часть него однажды уже сталкивалась со смер-

тью, и именно поэтому он так спокоен. Однако он все же приходит к выводу, что такой исход ему не понравится.

В его кошельке почти ничего нет. Несколько чеков, пятидолларовая купюра, карта «Амекс», дебетовая карта, просроченный презерватив. Ни одной фотографии близких ему людей — позже это покажется ему странным. Есть удостоверение личности, но он тут же отводит от него глаза, не желая знать, как его звали до утренней поездки в поезде. Неважно, кем он был прежде. Сейчас ему нужно оставаться Манхэттеном.

Едва его пальцы касаются кредитной карты, как он ощущает всплеск той же странной энергии и сосредоточенности, что и на ФДР. Да.

— У земли есть цена, — бормочет он себе под нос, отвлекшись от окружившего его поля растущих, колышущихся белых колосьев. — Даже у общественной, вроде парка. Ведь собственность на землю — это всего лишь идея; нам не обязательно жить, подчиняясь ей. Но этот город был основан на этой идее и благодаря ей стал таким, какой он есть.

– *Пожалуйста*, скажи мне, что ты не свихнулся, — говорит Бел, присевший на камне на корточки. — Нам нельзя обоим одновременно

слетать с катушек. Мы только что вписались в аренду.

Мэнни поднимает на него глаза… и бросает на землю пятерку, прямо за кольцо вокруг камня. Он не слышит, а скорее чувствует внезапный глухой, пронзительный визг, доносящийся с места, куда приземлилась банкнота, и, не оглядываясь, понимает, что произошло. Банкнота *ранила* усики и заставила их отпрянуть от того места, где она упала на асфальт.

Бел потрясенно таращится на банкноту. Затем он лихорадочно вытаскивает из бумажника пачку разномастных купюр. У него есть евро, британские фунты, доллары США и даже несколько песо; Бел явно много путешествует. Он бросает одну из фунтовых банкнот. Она приземляется неподалеку от той, которую кинул Мэнни, но ничего не происходит.

— Я же сказал, отдай их мне, — говорит Мэнни, выхватывая пачку банкнот из трясущихся пальцев Бела. Странное чувство тут же усиливается; Манхэттен был возведен не только на оценке стоимости земли, но и на украденных ценностях.

— Я всего лишь пытаюсь помочь бороться с этой *чертовщиной!* — огрызается Бел. — О боже, они приближаются. Давай скорее, колдуй, как ты

там хотел!

Мэнни начинает швыряться деньгами, сорить ими по краю белого поля, как какой-нибудь мот в дорогом клубе. Он сразу же видит, что деньги помогают, но не сильно. Пятидолларовая купюра расчищает землю лишь под собой, не больше, и вскоре теряется среди соседних усиков. Евро и фунты тоже срабатывают, но их сила, похоже, зависит от номинала. Стодолларовая купюра расчищает землю не только под собой, но и примерно в дюйме вокруг. Банкнота в сто евро расчищает чуть больше — но всех вместе их хватает лишь на то, чтобы сдержать натиск усиков и не дать ближайшим дотянуться до Мэнни. А если усики продолжат расти, то рано или поздно дотянутся до Мэнни вне зависимости от того, сколько еще дюймов земли он сможет отжать.

Вот оно что. Мэнни внезапно понимает: он попросту покупает землю вокруг памятника. Но ведь теперь она стоит гораздо больше шестидесяти гульденов.

— Бел, ты не знаешь, почем сейчас недвижимость на Манхэттене? Сколько просят за квадратный фут?

— Ты точно свихнулся.

Один из усиков повыше рассекает воздух

и устремляется к бедру Мэнни, и он отбивает его двадцатидолларовой купюрой. Усик взвизгивает и шарахается в сторону.

— Мне правда нужно это знать, пожалуйста!

— Да я-то откуда знаю? Я снимаю квартиры, а не покупаю их! Может, тысячу долларов за фут? Две тысячи?

Мэнни с горьким стоном понимает, что в этом-то вся проблема. Недвижимость на Манхэттене ужасно дорогая, и у них не хватит наличности, чтобы расплатиться за собственные жизни.

В отчаянии он бросает свой «Амекс», и тот производит пока что самый заметный эффект, расчистив вокруг себя прямоугольник площадью с парковочное место. Похоже, у него неплохая кредитная история. У Бела, впрочем, карточек нет, а за площадкой, которую расчистил Мэнни, все еще колышутся усики… и у Мэнни осталась лишь дебетовая карта. Сколько у него там на счете? Ему никак не вспомнить.

— Хорошо, — довольно говорит дамочка. Мэнни с удивлением осознает, что позабыл о ней. Она улыбается, стоя среди густых зарослей мерно покачивающихся усиков, и по меньшей мере дюжина из них увивают ее голову и плечи. — Полицейские говорят, что уже едут. Может быть,

раньше вам и сходила с рук наркота и извращения в публичном месте, но я не для того сюда переехала, чтобы мириться с подобным. Мы выживем вас отсюда, одного за другим.

Размышления Мэнни о ценах на манхэттенскую недвижимость затмевает внезапный ужас, от которого у него пересыхает во рту. Конечно, не факт, что полиция действительно приедет сюда; пусть Мэнни в Нью-Йорке всего лишь первый день, он уже видит, что Инвуд не из тех районов, куда копы приезжают на вызов оперативно — или вообще приезжают. Тем более что в городе недавно случилось чрезвычайное происшествие. Однако если они все же явятся сюда, то ступят на стремительно растущее поле белых усиков, окружающих Мэнни и Бела. А если один усик смог превратить назойливую белую расистку в проводник для бестелесного экзистенциального зла, то Мэнни не хочет знать, во что превратятся зараженные сотрудники нью-йоркской полиции.

Он уже готовится кинуть свою дебетовую карту и отчаянно надеется, что на ней окажется хотя бы миллион долларов… когда внезапно до них доносится музыка, рвущаяся из динамика какого-то другого телефона.

«Нью-Йорк, Нью-Йорк, большой город больших надежд…»[5]

На таком расстоянии кажется, что эта мешанина исходит из консервной банки. Наверное, из айфона. Но в мешанине Мэнни разбирает хлопки и ритмичную музыку. Электронные барабаны и… как будто диджей крутит пластинку на пульте? Как в старом рэпе?

«Здесь тесно… И толпы людей…»

Мэнни резко оборачивается и видит, что по дорожке, ведущей к Шораккопочу, к ним направляется чернокожая женщина. Высокая и сильная, с величавой осанкой и округлыми бедрами, изгибы которых подчеркивает юбка-карандаш, чертовски ей идущая. Впрочем, привлекательность женщины — лишь отчасти заслуга стильной одежды, туфель на высоком каблуке и элегантно уложенных кудряшек, окрашенных в медово-русый цвет. По большей части дело *в ней самой*. Она приковывает внимание и своим видом напоминает не то генерального директора крупной компании, которая направляется на сверхважную встречу, не то королеву, которая просто где-то оставила своих придвор-

---

[5] Сноски: 5

Песня «New York, New York», исполнители: Грандмастер Флэш, Мелл Мэл. *(Прим. перев.)*

ных.

Затем Мэнни замечает, что она тоже держит в руках мобильный телефон. Однако камера на нем выключена, а из динамиков орет музыка. Песня чуть старше Мэнни, но он пару раз слышал ее и… *ого*. С каждым ударом синтезированных барабанов усики, заполнившие поляну Шораккопоча, вздрагивают все разом. Мэнни облегченно вдыхает; в тот же миг женщина ступает на замощенную часть, и усики отшатываются прочь от скорого щелканья ее каблуков. Те, на которые она наступает, начинают *кричать*, издают едва слышный, шипящий визг, корчатся в муках… а затем исчезают. Когда она направляет телефон вниз, те, что еще не успели убраться прочь, содрогаются от каждого ритмичного удара барабана, словно им больно. Затем они рассыпаются, не оставляя за собой ни следа, ни намека на то, что вообще были здесь. Усики рассыпаются *повсюду*.

«Здесь тесно… И толпы людей…»

Да. Пусть город и принимает приезжих вроде Мэнни с распростертыми объятиями, но потусторонним туристам, столь хамски паразитирующим на людях и подчиняющим их своей воле, он не рад.

— Нас пятеро, — бормочет Мэнни. Он знает, кто эта женщина — или, по крайней мере, что она воплощает.

Бел косо смотрит на него, затем качает головой:

— Дружище, я искренне надеюсь, что ты пьешь. После такого мне точно понадобится что-нибудь крепкое и приторно-фруктовое. — Мэнни смеется, не столько над шуткой, сколько для того, чтобы дать волю накопившемуся адреналину.

К тому моменту, когда хор заканчивает петь, усиков уже нет и поляна стала прежней: деревья, трава, асфальт, фонарный столб, камень, Бел и Мэнни, опустившиеся в полуприсед и приготовившиеся защищаться — хотя защищаться уже и не от кого. Усики исчезли даже с шеи и плеч белой дамочки, которая теперь смотрит на них троих — в особенности на черную женщину, — с растущим беспокойством. Однако она продолжает снимать их на камеру.

Мэнни и Бел поворачиваются к чернокожей женщине. Та наконец выключает музыку и убирает телефон в сумочку-шопер. (Мэнни с некоторым восхищением замечает, что сумочка фирменная, от Биркин. Судя по всему, он из тех парней, которые разбираются в дорогущих

сумочках от Биркин.) Женщина кажется ему знакомой, хотя Мэнни и не уверен, что видел ее раньше. Возможно, дело в том, что они похожи. Он жадно пожирает ее взглядом.

— Я так понимаю, вы двое еще не разобрались, как эта ерунда работает, — обращается она к ним. Ее взгляд скользит по Белу, затем по Мэнни и останавливается на нем. Она чуть прищуривается. — А, значит, не двое. Только ты.

Мэнни кивает и сглатывает. Она такая же, как и он.

— Я, эм-м, ничего не знаю. А ты? — Он понимает, что это звучит глупо, но не может придумать вопрос получше.

Она приподнимает брови.

— Это зависит от того, о чем ты спрашиваешь. Стала ли я внезапно слышать какие-то голоса, которые несут откровенную чепуху? Да. Вижу ли я эти белые голубиные перья, которыми порос весь мой район? Тоже да. Но если ты хочешь узнать почему, то я даже представить себе не могу. — Женщина качает головой. — Мне пришлось уничтожить три такие полянки, только чтобы добраться до метро.

— Голубиные перья? — Впрочем, Мэнни понимает, что она говорит об усиках. Ему они кажутся

больше похожими на щупальца морских существ, но и сходство со стержнем пера он тоже видит.

— Хуже наркодилеров, чем вы, нужно еще поискать, — говорит белая дамочка, качая головой. — И хватает же вам наглости так открыто говорить о той дури, что вы варите у себя в притонах.

Вдали слышатся сирены, но Мэнни не может понять, приближаются они к парку или просто случайно проезжают поблизости.

Чернокожая женщина переводит взгляд на белую.

— Вы что, действительно вызвали копов? Из-за того, что чернокожий и азиат прогуливались по парку? — У нее вырывается недоверчивый смешок. Однако, едва смех стихает, Мэнни подходит к белой дамочке и выхватывает телефон из ее рук.

— Ох ты ж… — говорит Бел. Впрочем, это он от неожиданности, а не потому, что возражает. Дамочка ойкает и набирает в грудь воздуха, чтобы закричать, но прежде, чем она успевает хоть пикнуть, Мэнни подступает к ней и зажимает ей рот, закрыв ладонью нижнюю половину лица.

С губ чернокожей женщины срывается ко-

роткое ругательство, но затем она отходит чуть в сторону, чтобы следить за двумя тропинками, выходящими из леса. Белая дамочка, вместо того чтобы отстраниться, пытается схватить Мэнни за руку. Именно этого он и ожидал; дамочка явно не собирается уступать тому, кто, по ее мнению, не имеет права гулять в общественном месте и уж тем более вторгаться в ее личное пространство. Она не напугана, нет. Она лишь предполагала, что он не осмелится напасть на нее.

Что ж. Мэнни хватает одной лишь секунды, чтобы опустить руку и схватить дамочку уже за горло. Ее глаза распахиваются шире.

— Не вздумай кричать, — говорит он.

Она делает вдох. Мэнни крепче сжимает руку и резким движением разворачивает их, заставив ее потерять равновесие. Теперь он стоит между ней и парочкой на траве, чтобы те не видели, что происходит. Впрочем, они не обращают на них внимания. Глядя на то, как они расположились и как двигаются, Мэнни подозревает, что они снимают на камеру, как занимаются сексом в общественном месте. Впрочем, осторожность никогда не бывает излишней. Теперь, если они глянут в их сторону, то увидят лишь, что Мэнни

стоит близко-близко к дамочке и они о чем-то негромко беседуют.

Женщина замирает, ее горло напрягается, но она все же сдерживает крик. Когда становится ясно, что она поняла намек, Мэнни ослабляет хватку. Он хочет лишь заставить ее помолчать, а не перекрыть ей кислород. Кроме того, ему стоит держать ее осторожнее, чтобы не оставить следы от пальцев. К таким делам нужно подходить искусно.

(Только откуда ему это известно? Боже.)

Когда она замирает, Мэнни как бы между прочим спрашивает:

— Разве наркодилеры не убивают стукачей?

Она судорожно вдыхает, глядя ему прямо в глаза. Вот *теперь* она напугана. Мэнни улыбается и свободной рукой листает содержимое ее телефона. Все очень мило, по-дружески. Просто один друг шмонает другого.

— Мне так про них всегда рассказывали, — продолжает Мэнни, просматривая сохраненные на телефоне файлы. Ага, нашел. Дальше — запущенные приложения. — Мы сами-то, конечно, никакие не наркодилеры. Но если бы мы вдруг ими оказались, то ты бы вряд ли остановилась рядом с нами и начала снимать. Ведь это было бы

небезопасно, не так ли? Но мне кажется, что ты включила камеру именно потому, что не считала нас торговцами наркотой. Потому что увидела двух обыкновенных людей, которые гуляют по парку, и тебе не давало покоя, что мы вели себя беззаботно и ничего не боялись. И поэтому ты влезла в очень опасную ситуацию. Не дергайся.

Последние два слова щелкают как кнут, и дамочка застывает. Стоя к ней так близко, Мэнни хорошо чувствует, насколько она напряжена. И он с легкостью заметил, как она стала переносить вес, чтобы попытаться отпрыгнуть в сторону. Убедившись, что она больше не шевелится, Мэнни продолжает копаться в ее телефоне.

— Итак, давай посмотрим… ага, у тебя открыт «Фейсбук»[6]. Ведешь трансляцию? — Он смотрит ее настройки. — Похоже, нет. И приложений для резервного копирования у тебя тоже нет… — Он просматривает шапку ее профиля на «Фейсбуке», и его лицо растягивается в лучезарной улыбке. — Марта! Марта Блеминс. — Рукой он чувствует, как из горла дамочки вырывается горестный звук. — Какое невероятно красивое имя. И Блеминс — довольно редкая фамилия. Я смот-

[6] Сноски: 6

Социальная сеть, принадлежащая организации Meta, признанная экстремистской на территории РФ.

рю, ты работаешь в «Ивент Флайт». Аналитиком рынка? Похоже, должность очень важная.

Теперь Марта Блеминс в ужасе. Она вцепилась в запястье Мэнни, но он чувствует, что ее руки дрожат, а ладони немного вспотели. Из одного глаза бежит слеза. Она близка к панике, и Мэнни удивляется, когда ей удается выдавить из себя:

— Т-ты не можешь причинить м-мне вред, — дрожащим голосом говорит она. — Т-тебе же б-будет хуже.

Мэнни чувствует, как на него накатывает огромная волна печали.

— Я *могу* причинить тебе вред, Марта, — говорит он. — Я знаю, как это делается, и я уже не в первый раз причиняю кому-то боль. Кажется… Кажется, я делал это довольно часто.

Внезапно он понимает, что это на самом деле так, и ему становится *тошно* от того, что из огромного серого болота забытых воспоминаний о прошлом к нему вернулось именно *это*. Мэнни чувствует, как ее пульс быстро стучит под его ладонью. Он уверен — такое обращение травмирует ее психику; ведь по сути своей это ограбление, хотя ее и не грабят. Она больше никогда не сможет спать спокойно в Нью-Йорке, никогда не пойдет на работу, не оглянувшись

через плечо. Он влез к ней в голову и радостно машет из маленькой коробочки, где она хранит свои предубеждения об Определенных Типах Людей. Пусть эти предубеждения повлияли на ее отношение к нему еще до того, как он что-либо сделал, и пусть Мэнни никак не мог их опровергнуть, ему все же тошно от того, что он только что подтвердил сложившиеся у нее стереотипы.

Звук сирен стихает. Либо полиция проехала мимо, направляясь в другое место, либо они припарковались и идут сюда пешком. Пора уходить. Мэнни отпускает горло Марты, отступает назад, тщательно вытирает ее телефон о брючину и, придерживая его только за неровные края декоративного чехла, возвращает ей. Она хватает телефон и смотрит на Мэнни, онемев от шока.

— Всего хорошего, Марта, — искренне говорит он. Впрочем, ему приходится прибавить кое-что еще, чтобы она больше не представляла для них опасность. А для этого она должна считать его еще более опасным. Поэтому он говорит: — Надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

Затем он отходит к одной из тропинок, которая ведет прочь от места, откуда доносился вой сирен. Бел потрясенно смотрит на него, но через миг идет следом. Чернокожая женщина взды-

хает, но тоже присоединяется к ним, и Мэнни поворачивается, чтобы вместе с ними подняться на холм.

Марта остается на том же месте; она не издает ни звука и не оборачивается, чтобы посмотреть им вслед.

Они проходят парк почти до конца — полицейских пока не видать, — и наконец чернокожая женщина произносит:

— Я так понимаю, ты — Манхэттен.

Он моргает, выходя из задумчивости, и поворачивается к ней. Она уже успела вытащить из сумки злаковый батончик и поедает его.

— Да. Как ты догадалась?

— Шутишь? Умный, обаятельный, хорошо одетый и готовый хладнокровно душить других в переулках? — Она усмехается, а Мэнни пытается не показывать, насколько ему обидно слышать о себе такое. — Да на Уолл-стрит и в мэрии таких парней пруд пруди. Хотя я думала, что ты будешь злее. Не остановишься на одних лишь угрозах.

«Я не всегда останавливался», — уныло думает Мэнни.

Бел издает какой-то звук, не то сглатывая, не то прокашливаясь.

— Так ты все-таки вспомнил, кто ты такой?

Когда Мэнни переводит взгляд на соседа, тот улыбается. Улыбка печальная и не касается его глаз.

— Я хочу сказать, ты снова стал похож на парня, с которым я разговаривал раньше. Резковатого такого.

Мэнни взвешивает в уме несколько ответов, затем говорит:

— Нет, не вспомнил.

— Не очень-то ты в этом уверен, приятель.

Он не уверен, но и говорить об этом не хочет. Чтобы отвлечься, Мэнни смотрит на чернокожую женщину и пытается угадать:

— Куинс? — Она смотрит на него с таким отвращением, что он тут же исправляется: — Бруклин.

Она смягчается.

— Да. Зовут меня, кстати, так же. Бруклин Томасон. Адвокат, хотя и больше не практикующий. Ушла в политику.

Ее на самом деле зовут Бруклин. И она *помнит*, кто она такая. Получается, что бы с ними ни произошло и что бы ни превратило их в то, чем они стали, Мэнни не должен был потерять память.

— Как ты узнала, — не сдержавшись, спрашивает он, — где меня искать? Как узнала, что нужно включить музыку? Почему *я* всего этого

не знаю?

Она смотрит на него холодно, хотя от ходьбы вверх по склону у нее на лбу проступил пот. Мэнни вдруг понимает, что они заложили крюк по парку. Он с трудом ориентируется среди деревьев, но подозревает, что они движутся на юг и должны выйти из парка где-то неподалеку от… Дикман-стрит? Он помнит, что видел это место на карте в своем телефоне.

— Ты ведь не отсюда, да? — спрашивает она.

— Ну да. — Он смотрит на нее, желая понять, откуда она узнала и это. Ребята у вокзала, сдававшие в аренду велосипеды, приняли его за местного.

Она видит, что он в растерянности, и вздыхает. Ему мельком кажется, что ей не нравится разговаривать с ним, хотя он и не понимает почему. Может быть, дело в личной неприязни, или же она просто в целом не выносит мужчин, которые поднимают руку на женщин.

— Я не знаю, откуда все узнала. Просто чувствую, что нужно делать. Весь день так и провела, делая и думая полную бессмыслицу лишь потому, что она кажется мне правильной.

Мэнни медленно выдыхает, чтобы успокоиться.

— Да. У меня так же.

Бел уже успокоился, и его провинциальный акцент снова превратился в типичный британский.

— Как же я рад, что понятия не имею, о чем вы говорите. Звучит очень, эм-м, чревато.

Бруклин усмехается, но затем снова сосредотачивает все внимание на Мэнни.

— Я с самого детства… слышала… всякое, — признается она. — Шепот, чувства, образы. И ощущала тоже — подергивания, вздохи, прикосновения. Все началось так давно, что я уже даже не задумываюсь об этом. Было время, я отвечала. Никогда никому не рассказывала, что мои песни были серенадами городу, ведь не каждому нужно все знать.

Выражение ее лица становится каменным, и тогда Мэнни понимает, что ей не нравится вовсе не он — ей не нравится рассказывать о чем-то столь личном. Он кивает в ответ, пытаясь дать понять, что не станет использовать это против нее, но она лишь качает головой, все равно злясь, что ей пришлось открыться. Внезапно ее хмурое лицо снова кажется Мэнни знакомым. Он останавливается как вкопанный. Бруклин проходит еще шаг или два, затем с явной неохотой обора-

чивается. Вид у нее такой, словно она затаила дыхание и к чему-то готовится. Мэнни понимает, что не ошибся.

— Ничего себе, — говорит он. — Ты же Эм-Си Свободная.

— Чего-о-о-о. — Бел тоже останавливается и пялится на нее. — Чтоб меня, вы и правда она.

— Я — Бруклин Томасон, — отвечает она беззлобно, но твердо. — Эм-Си Свободная — это мой старый сценический псевдоним из времен, когда я была на тридцать лет моложе и на тридцать фунтов[7] легче. А сейчас я работаю в городском совете. У меня докторская степень, четырнадцатилетний ребенок и недвижимость, которую я сдаю в аренду. — Затем она вздыхает и уступает: — Но да, когда-то меня так звали.

— Боже мой, — с нескрываемым благоговением говорит Бел. — Да вы же величайшая из первых женщин Эм-Си. В Луишеме в то время *только вас* и слушали. Я вырос на ваших песнях.

Выражение лица Бруклин становится немного кислым.

— Всякий раз, когда кто-нибудь говорит подобное, у меня появляется очередной седой волос.

---

[7] Сноски: 7
30 фунтов ≈13,6 кг. (*Прим. перев.*)

Не заметил, что я их теперь крашу?

Бел морщится, поняв намек.

— Н-да, простите. Затыкаюсь.

На какое-то время они все замолкают, потому что подъем их утомил. Пока они шагают, Мэнни, повинуясь порыву, поднимает глаза на кроны деревьев. Здесь, в тени леса, прохладнее, чем на асфальтовых улицах и бетонных тротуарах. Так странно думать, что в этом лесу, вероятно, водятся дикие животные вроде енотов и, возможно, оленей или койотов. Он где-то читал, что они потихоньку возвращаются в некоторые районы города. Впрочем, здесь обитают и другие, кого тоже можно назвать животными. Скольких людей помимо Марты Блеминс здесь прижали и ограбили? Скольких избили, скольких зарезали, скольких изнасиловали? Голландцы изгоняли из города и его окрестностей целые деревни народа ленапе; и сколько индейцев при этом погибло? Сколько крови и страха впиталось в эту старую землю?

«Я — Манхэттен, — думает он, и на этот раз его постепенно охватывает отчаяние. — Каждый убийца. Каждый работорговец. Каждый арендодатель — владыка трущоб, отключивший отопление и заморозивший до смерти

детей. Каждый биржевой маклер, нажившийся на войне и страданиях».

Такова правда. Впрочем, это не значит, что она ему нравится.

Вскоре они добираются до Дикман-стрит. Движение на улицах плотное, а это значит, что час пик уже начался. Занятия в школах заканчиваются, и по обеим сторонам улицы устремляются стайки детей, все примерно одного возраста. Когда Мэнни и его спутники выходят из парка, никто не обращает на них внимания. Если полиция и приехала на вызов Марты, то поблизости их не видно. Впрочем, учитывая, что сейчас творится у Вильямсбургского моста, они, скорее всего, даже не поехали сюда.

— Так что теперь? — спрашивает Мэнни.

Бруклин вздыхает.

— Представления не имею. Но вот что я тебе скажу: все эти странности начали происходить не просто так. — Она внимательно смотрит на него. — Ты ведь знаешь, что случившееся на мосту тоже имеет к этому отношение, да?

Мэнни удивленно смотрит на нее. Бел недоверчиво переводит взгляд между ними.

— На Вильямсбургском-то? Хотите сказать, он рухнул из-за… — он машет рукой в сторону

камня-памятника, — …тех извилистых штуковин и той, *другой* женщины?

Бруклин хмурится, глядя на него.

— Какой другой женщины?

— Той, в которую ненадолго превратилась миссис Любопытная Паркер. Еще до того, как пришли вы. — Он слегка содрогается. — Никогда не видел большей жути, если не считать тех мерзких маленьких белых штуковин.

Бруклин недоуменно мотает головой, и Мэнни приходится все разъяснить. Он с трудом подбирает слова, чтобы описать, что они видели, однако после нескольких попыток ему удается передать, что дамочка, которую видела Бруклин, была лишь временным пристанищем для кого-то — или чего-то — иного.

— Она управляет этими штуковинами, — говорит Мэнни, указывая себе на загривок. Бруклин тем временем переваривает все сказанное. — Я в этом уверен. И теми, что были на магистрали ФДР. Всем, к чему эти усики прикасаются.

— Что-то подсказывало мне сегодня не соваться на ФДР. Я все равно нечасто сажусь за руль и сегодня поехала на метро. — Бруклин вздыхает. — Так я тебя и… почувствовала. Даже не знаю, как это описать. Из-за происшествия на мосту чи-

новников города сегодня собрали на экстренное совещание в Вашингтон-Хайтс. Я собиралась уже ехать домой, но что-то заставило меня вместо этого сесть на поезд в центр города. Чем больше я приближалась к тебе, тем сильнее становилась эта, гм, тяга. А потом я увидела, что ты в беде.

— Всего нас пятеро, — говорит Мэнни. Он видит, как до Бруклин доходит, что это значит, и она вздрагивает.

— Черт. Ты думаешь, что остальные трое тоже в беде. — Она хмурится, а затем медленно качает головой. — Слушай, я рада, что смогла помочь тебе, но… я на вторую работу не подписывалась. У меня ребенок и больной отец. Хочешь попытаться найти остальных — вперед и с песней. А мне пора домой.

Мэнни собирается заговорить, убедить ее, но затем замечает что-то краем зрения. Повернувшись, он смотрит на другую сторону улицы, на небольшой круглосуточный магазин на углу. Рядом с ним находится прачечная, любезно поставившая перед входом хлипкую скамейку. На скамейке сидит старичок, который держит на поводке маленькую собачку. Старичок поглощен беседой с женщиной, стоящей в дверях прачечной; они над чем-то смеются. Но собака

не отрываясь, пристально смотрит на Мэнни и его спутников, и взгляд ее совсем не похож на взгляд животного.

Затем Мэнни приглядывается. Промеж когтистых пальцев собаки колышется полдюжины белых усиков, похожих на застрявшую во время прогулки призрачную траву.

Бруклин тоже их замечает.

— Да ты, блин, шутишь.

По коже Мэнни бегут мурашки, он смотрит на собаку и говорит:

— На ФДР случилось то же самое. Эти усики цепляются за все, что к ним приближается…

— И разносятся, как зараза, — выдыхает Бруклин.

Бел тоже смотрит на собаку. Он слегка щурится, словно ему трудно разглядеть усики, но затем морщится и его заметно передергивает.

— Я видел, как этот дедуля выгуливал свою собаку, пока мы бродили по парку. Если все, кто там сейчас побывал, эм-м, заразились, то, думаю, через день или два эта дрянь разнесется по всему городу.

Они ненадолго замолкают, переваривая сказанное.

— Белые отростки отвалились от той дамоч-

ки, когда я избавилась от остальных, — говорит Бруклин. Она хорошо это скрывает, но при виде собаки ее уверенность чуть пошатнулась. Собака дает понять, что они имеют дело с чем-то коварным и зловещим. — Когда я закончила, она варилась лишь в своей собственной злобе, и ни в чьей еще.

Мэнни вспоминает волну силы, которая разошлась от магистрали ФДР сразу после его выходки с такси. Теперь он догадывается, что это была энергия города: когда Мэнни больше не нужно было сосредотачивать ее в себе, она волной разошлась от него в стороны. Но как далеко ушла эта волна? Он не знает, но помнит, что она уничтожила все белые усики, которых коснулась.

Мощное оружие — если только Мэнни сумеет разобраться, как им пользоваться по необходимости. Он поворачивается к Бруклин:

— Слушай, я не могу заставить тебя помочь мне, но если придется действовать в одиночку, то мне бы не помешало пройти курс молодого ньюйоркца.

Бруклин моргает. Затем мир вокруг них вдруг снова раздваивается — и здесь, в другом, странном Нью-Йорке, Мэнни вдруг видит гораздо больше, словно поднялся над городом. Словно

кто-то переключил масштаб с микро на макро. В ином измерении она нависает над ним, обширная, похожая на пеструю мозаику и очень плотно застроенная. Она не только старше, но и больше. Она во многом сильнее его; ее руки и тело покрывают мускулы районов, каждый из которых живет своим собственным ритмом и имеет свою репутацию. Вильямсбург — анклав хасидов и рай художников, превратившийся в рассадник хипстеров. Бед-Стай (шевелись или подыхай). Краун-Хайтс, где в наши дни погромы случаются только во время позднего завтрака из-за нехватки мест за столом. Она стискивает зубы с упрямой свирепостью старых гангстеров из Брайтон-Бич и рабочего класса из Рокавей, сопротивляющегося жестокому, неизбежному повышению уровня моря. Но в сердце Бруклин тоже высятся башни — пусть не такие величественные, как его собственные, и пусть некоторые из них — всего лишь воздушные, причудливые башенки парка развлечений на Кони-Айленде, но они так же сверкают и так же рвутся в небо.

Она — Бруклин, и она могущественна. Незнакомка или нет, в тот миг Мэнни не может не любить ее. А затем она вновь становится обыкновенной женщиной средних лет, с сияющей,

яркой улыбкой.

— Пожалуй, с этим я могу тебе помочь, — уступает она. — Наверное, *придется*, раз эта хрень распространяется. — Она переходит на просторечие и возвращается к более строгому языку так, словно меняет сумочки, с легкостью и всегда выбирая то, что идеально подходит ей в данную минуту. Мэнни впитывает все это, пытается прочувствовать ритм ее голоса и успеть заметить все детали. — Вот только не существует единого способа стать ньюйоркцем. Большинству нужен год, чтобы по-настоящему почувствовать зов города.

Вместо «только» Мэнни слышит *«тока»*. Он внимательно следит за ее мимикой. Акцент слегка меняет звучание слов и добавляет им дополнительный смысл.

— Я постараюсь, только научи, — отвечает он, нарочно произнося «только» как *«тока»* и пробуя слово на вкус. Акцент не совсем ему подходит. Он бруклинский, а не манхэттенский. Но он лучше среднезападного, которым сейчас окрашен говор Мэнни и от которого он принимает осознанное решение избавиться. Ему здесь не место.

— Погоди, я позвоню родным, — наконец говорит Бруклин, вздыхая. — Скажу им, что домой приду поздно. А потом пойдем в какую-нибудь

кафешку или…

В этот миг они вдруг оба что-то чувствуют. В другом мире Бруклин и Манхэттен расступаются — насколько вообще могут расступиться создания с фундаментами вместо ног — и освобождают место для кого-то третьего, чей силуэт возник на фоне сверкающей вспышки лучей заходящего солнца. В мире людей они переглядываются и одновременно, с южно-индийским акцентом, произносят:

— «Да ну, брось нести ерунду! Даже *у Земли* форма *неевклидова*. Просто расчеты будут другими! И никакой мистики».

Бел пораженно таращится на них.

— Ничего более жуткого я сегодня не видел. Если не считать инопланетных спагетти, которые подчиняют себе людей.

— Ладно, — говорит Бруклин. — Значит, ищем автобус. В паре кварталов отсюда есть остановка.

Мэнни кивает. Внутреннее чутье подсказывает ему, что им нужно поторапливаться, хотя он еще не настолько хорошо прочувствовал город, чтобы полностью понимать, что именно чувствует.

— Где?..

— Куинс, — говорит Бруклин. — Черт. Это была Куинс.

Ну конечно. Мэнни делает глубокий вдох, затем поворачивается к Белу:

— Думаю, тебе лучше пойти домой. Прости, но… Дальше начнутся странности. Еще более странные странности.

Бел покачивается на пятках и со свистом вздыхает.

— Для меня все и так уже слишком странно, так что да, я согласен. Ступайте с богом и все такое. — Он отходит и машет им. — Только постарайся, чтобы тебя не сожрали спагетти. Или заплати сначала аренду хотя бы за следующий месяц.

Мэнни невесело улыбается и кивает ему на прощание, затем поворачивается и догоняет Бруклин, которая направилась в сторону нужной автобусной остановки. Лишь когда они оказываются в одном квартале от Бела и зараженной усиками собаки, он спрашивает:

— А почему мы не ловим такси?

— Я не знаю, что сказать таксисту, — отвечает Бруклин. — Куинс огромен; там у нас не получится просто так взять и «почувствовать Силу». Сядем на маршрут Бруклин — Куинс и доедем на нем до пересечения с седьмым маршрутом. Общественный транспорт привел меня к тебе, так что, надеюсь, сейчас он нам тоже поможет.

Раз уж я в это ввязалась. Эх, а я еще надеялась домой пойти. — Она вздыхает.

— Ладно. — План у них удручающе туманный. Но Мэнни прекрасно понимает, почему Бруклин шагает так быстро и почему они не ждут, когда их странная новая чуйка не подскажет ничего более определенного. Он ощущает внутреннюю дрожь, быстро нарастающее чувство, что им нужно спешить. Где-то там боро Куинс нашел свое воплощение в человеке, и этот человек в опасности. И если Мэнни и Бруклин хотят хоть чем-то ей помочь, то им нужно поспешить.

Вот только… Есть только одно «но». Мэнни почти уверен, что они уже опоздали.

Глава третья
Наша леди (Статен) Айлин

«Время пришло».

Айлин Халихэн стоит посреди терминала Сент-Джордж паромной переправы Статен-Айленда и дрожит. Она стоит здесь уже двадцать минут и все это время дрожит. В зале есть пустые места, ведь сейчас еще день, час пик пока не начался, и паром не будет забит битком — однако, вместо того чтобы сесть, она расхаживает мимо панорамного окна. Дрожать все-таки лучше на ногах.

Терминал представляет собой большой, залитый светом зал, способный вместить в себя несколько сотен человек. В нем нет ничего страшного. Стены увешаны рекламой фильмов, которые Айлин не собирается смотреть, и косметики, которой она, скорее всего, не станет пользоваться. Люди, которые стоят или сидят вокруг нее, — это *ее* люди; она чувствует это нутром, хотя разум и возражает, когда ее взгляд скользит по лицам азиатов или когда до ее слуха доносится язык, не похожий ни на испанский, ни уж точно на английский. («Кечуа», — шепотом

подсказывают ей новые обостренные чувства, но она не хочет этого слышать.) Впрочем, никто из *этих* к ней не пристает и вокруг полно обыкновенных людей, так что у Айлин нет причин быть такой напуганной. Ужас не всегда приходит по веской причине.

По громкоговорителю что-то невнятно объявляют, и большие двери с одной стороны комнаты тут же распахиваются. За ними находится открытый пирс и паром, готовящийся отбыть в четырнадцать тридцать. Сотня человек, слоняющихся по терминалу, начинают стекаться туда, и Айлин запоздало пытается двинуться вслед за ними.

С первого же шага ей кажется, что она поступает неправильно. *Все* кажется ей неправильным. Обычно жители Статен-Айленда *уезжают* отсюда на пароме по утрам, отчего остров на время становится тише и безлюднее. Однако сейчас день. По всему городу — а *городом* всегда называют Манхэттен — тысячи жителей острова с нетерпением ждут окончания рабочего дня, ерзают на своих современных креслах и с тоской думают о месте, где еще остались леса, ранчо и почти нетронутые пляжи; где большинство семей живут в отдельных домах и ездят на собственных

машинах, как нормальные люди. Айлин же покидает остров в то время, когда большинство хотят на него вернуться. Она плывет против течения, меняет полярность. И неправильность этого поступка давит на нее. По ее коже бегут мурашки. Но она все равно пытается переставлять ноги, движется вслед за толпой наперекор своим ощущениям. Через двери. Наружу, на причал, к парому. Она сама выбирает, куда ей двигаться по жизни! «Правильно» и «неправильно» существуют лишь в ее воображении.

Или… может быть, дело в другом. Может быть, это не сильный встречный ветер, дующий с воды, почти заставляет ее остановиться. Может быть, это ее ноги налились свинцом, стали тяжелыми, как сваи и фундаменты. Может быть, кожу ее головы покалывает не из-за того, что волосы развеваются на ветру. Может быть, это остров — ее остров — тянет Айлин назад, пытается предупредить, потому что любит ее и боится за нее.

Или, может быть, у нее просто начинается паническая атака.

Она пытается бороться с ней и даже доходит до трапа, который ведет на паром. «Джон Ф. Кеннеди» — гласит надпись на рулевой рубке: так зовут ее мучителя. Интересно, а настоящий

Кеннеди чего-нибудь страшился перед тем, как кто-то — мафия, если верить отцу Айлин, или сумасшедший, если верить ее матери, — вышиб ему мозги? Если она ступит на палубу, то отправится в город, где подобное случается регулярно. На Статен-Айленде люди тоже убивают друг друга, но в городе все по-другому. Там все совсем по-другому.

Если она ступит на этот корабль, то вернется совершенно другой.

Кто-то подталкивает ее, причем сильно.

— Эй, дорогу загораживаешь.

Если она ступит на этот корабль, не вернется ли она *неправильной?*

Кто-то другой кладет руку ей на плечо. На трапе так тесно, что этот кто-то врезается в нее, бурчит под нос ругательства, а толпа тем временем толкает их вперед, и этот человек случайно стискивает правую грудь Айлин. Ей не больно, и незнакомец явно сделал это случайно, но, когда она оглядывается, чтобы посмотреть, кто до нее дотронулся, ее взгляд упирается в чью-то черную кожу. Айлин кажется, будто она смотрит в черноту игрушечного шара предсказаний, и через секунду на нем всплывает надпись: «Вот теперь паникуй».

В ее сознании вспыхивает: «ПОШЕЛ ПРОЧЬ, РУКИ ПРОЧЬ, НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ, МНЕ НУЖНО ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА». Все мышцы ее тела неосознанно напрягаются. Теперь она движется против потока (наконец-то прислушавшись к желанию острова), отшатывается от одних ужасных незнакомцев, которые ее касаются, и врезается в других. Все это время она гадает, кто же это столь пронзительно кричит. Затем она запоздало узнает свой собственный голос. Люди вокруг нее замирают или шарахаются прочь, как от чокнутой, но они все равно слишком близко. Сдавливают ее. Она огибает их, уже направляясь к стеклянным дверям.

— Тише, тише, тише! — говорит кто-то, и Айлин кажется, что сейчас ее попытаются остановить. Кто же это? Она не позволит тому черному парню снова к себе прикоснуться.

Но за запястье ее хватает белая рука. Айлин не видит, чья она, но впивается ногтями в кожу, а затем вырывается из хватки. Кто-то вскрикивает — на этот раз не она, — а затем толпа расступается, и наконец, наконец Айлин свободна. Она пробегает через стеклянные двери, через терминал. Из отдельной кабинки туалета выходит коп, он все еще застегивает свой ремень

и держит под мышкой сложенный журнал. Он кричит ей вслед, и Айлин понимает, что должна остановиться. Отец столько раз повторял ей: «Убегают только преступники». И она ведь кого-то поцарапала, разве это не считается нападением? Она теперь преступница. Ее отвезут на остров Райкерс — на другой, гораздо более страшный остров, совсем не похожий на ее собственный. Ее увезут со Статен-Айленда, *заставят* сесть в полицейский катер и больше никогда не позволят вернуться…

— Но ведь никто не может заставить город сделать что-то, чего он делать не желает, — озадаченно произносит кто-то поблизости. Айлин смотрит налево и видит, что рядом с ней бежит женщина.

От удивления Айлин спотыкается. Женщина быстро выставляет руку, чтобы не дать ей упасть, они обе замедляются и останавливаются. Айлин с удивлением видит, что уже отбежала от терминала и оказалась меж двух автобусных остановок, которые выстроились рядом с ним. Прохожие пялятся на нее, и она вздрагивает от их взглядов, однако свежий воздух помогает ей выйти из порочного круга паники. Она сглатывает и начинает успокаиваться.

— Ну же, все хорошо, — говорит женщина, которая уже взяла ее за плечи. Она ободряюще улыбается, и Айлин успокаивается еще больше, глядя на ее бледное сероглазое лицо, обрамленное светлыми волосами, постриженными в стиле пикси. На ногах у женщины балетки, которые явно не мешают ей быстро бегать. Еще на ней белые джинсы, наверное модные, и точно модная белая блузка. Айлин, запыхавшись, бессловесно смотрит на нее, а женщина тем временем продолжает говорить: — Так ведь лучше, правда? Здесь нет ничего пугающего. Никаких кораблей. Никакой воды. Никаких нелегальных иммигрантов, которые тебя лапают. И никто не давит на тебя, не подначивает, чтобы ты пересекла гавань! К слову, я бы туда тоже не поехала. Манхэттен, конечно, прекрасен, но на этом юноше водится столько пчел.

Ее монолог звучит настолько бредово, что остатки паники, которую испытывала Айлин, рассеиваются. Манхэттен ведь неодушевленный остров, верно? А никакой не юноша. И… *пчелы?* Сама того не ожидая, Айлин хихикает.

Однако полностью обдумать сказанное она не успевает — у нее начинает звонить телефон. Айлин сильно вздрагивает. Женщина нелепым

образом поглаживает ее по плечу — причем она делает это с тех пор, как они остановились, словно задалась целью вытеснить воспоминания о прикосновениях всех тех незнакомцев своими собственными, — однако, как ни странно, Айлин становится от этого легче. Она хватается за свой телефон и видит на экране: «Мэттью Халихэн (Папуля)».

— Где ты? — спрашивает он, когда Айлин снимает трубку.

— Вышла за покупками, — отвечает она. Врать у нее получается плохо, а отец всегда замечает, когда она пытается это сделать, поэтому Айлин всегда старается примешивать ко лжи правду. По пути к переправе она действительно зашла в продуктовый, чтобы купить чеснок. — Взяла кое-чего в продуктовом, сейчас просто хожу по магазинам. У тебя на работе все хорошо?

Пусть лучше он рассказывает о себе, а не думает о ней. Отец вздыхает, но уловка срабатывает.

— Как же меня достали эти *иммигранты*, — говорит он. На работе он всегда старается использовать приемлемые слова и выражения, а не те, которые говорит дома. Он объяснял ей, что это главная ошибка многих копов. Они не знают, как оставлять домашние слова дома, а рабо-

чие — на работе. — Что за… *люди*. Сегодня утром пришлось арестовать одного парня. Сидит он в своей машине, да? Я и решил, что он наркоту толкает. Ничего не нашел, но документов у него при себе тоже не было, понимаешь? Так вот, пробиваю я номер его тачки и говорю, что буду звонить в иммиграционную службу. Просто чтобы его встряхнуть, понимаешь. Он делает вид, что ему по барабану. Говорит, мол, он пуэрториканец, а они, видите ли, *граждане*, начинает катить на меня бочку, говорит, что напишет в этом своем «Твиттере» о предвзятости полиции. — Айлин почти слышит, как отец закатывает глаза. — Ну я его и *обработал*. Прямо в камеру, за нападение на сотрудника полиции.

Превращать его возмущенные тирады в разговор — настоящее искусство, и Айлин уже давно овладела им в совершенстве. Нужно зацепиться за последнюю фразу, задать подходящий по смыслу вопрос, а затем снова перестать его слушать. За прошедшие годы ей только так и удавалось освободить место для собственных мыслей.

— Нападение? Папуля, ты в порядке?

Судя по голосу, он удивлен, но и доволен ее вопросом, что хорошо.

— О… Нет, Яблочко. Не переживай за своего

старика. Если бы он *и правда* на меня напал, я бы вколотил ему башку по самую задницу. Нет, мне просто нужно было что-то ему пришить. — Айлин почти слышит, как отец пожимает плечами. Затем он усмехается. — Он еще говорит, что слушал в машине музыку, нью-эйдж, расслаблялся. Ты можешь в это поверить? Что за люди.

Пока он возмущается, Айлин рассеянно кивает и смотрит по сторонам, пытаясь вспомнить, на какой же автобус ей нужно сесть, чтобы поехать от парома домой. Ее взгляд цепляется за странную женщину, которая все еще стоит рядом и рука которой все так же лежит у Айлин на плече. Айлин почти не чувствует прикосновения; ее нервные окончания как будто не замечают ни тяжести, ни тепла, которое должно исходить от женщины. А другую руку Айлин, ту, за которую ее схватил чернокожий парень на трапе парома, напротив, все еще покалывает. Неужели он что-то с ней сделал? Может быть, у него на руках был наркотик, и теперь тот впитывается в ее кожу? Отец предупреждал, что некоторые наркотики так и действуют.

Однако внимание Айлин привлекает жест, который время от времени повторяет женщина в белых одеждах, все так же не отходя от Айлин.

Свободной рукой она прикасается к прохожим, идущим мимо них по тротуару, — не ко всем, а так, то к одному, то к другому, словно по-дружески, легонько похлопывает их по плечу. Они, похоже, даже не замечают этого. Но когда один мужчина останавливается, чтобы завязать шнурки, Айлин замечает нечто странное. Там, где женщина дотронулась до него, виднеется тонкий бледный росток, торчащий из ткани его футболки. Прямо на глазах у Айлин росток удлиняется, становится толще и наконец достигает в длину шести дюймов. Он возвышается над плечом мужчины и колышется на ветру. Он белый, толщиной примерно с шерстяную нить для вязания.

Ладно, это очень странно. Но еще страннее то, что белокурая женщина все так же стоит совсем рядом с Айлин, пока та ведет по телефону явно личный разговор. Может быть, она просто хочет убедиться, что с Айлин все в порядке.

Ее отец потихоньку успокаивается. Но стоит Айлин подумать, что она вот-вот освободится, как он прибавляет:

— Ну да ладно. Я просто услышал по нашим каналам предупреждение и подумал о тебе. — Айлин напрягается. «Нашими каналами» ее отец называет полицейское радио. — Говорят, девуш-

ка, по описанию похожая на тебя, нарушила общественный порядок и напала на кого-то.

Айлин смеется в ответ — тоже уже по привычке. Она понимает, что ее голос звучит так, будто она нервничает. Он всегда так звучит.

— Разве на острове мало белых тридцатилетних шатенок?

Он тоже смеется, и Айлин расслабляется.

— Ну да. К тому же я и представить не могу, чтобы ты порезала кого-то ножом. — («Ножом?» — думает она. Впрочем, ногти у нее довольно длинные.) — Или села на этот паром.

Айлин невольно напрягается. Женщина в белых одеждах снова похлопывает ее по плечу, бормочет что-то умиротворяющее, но теперь это почти не помогает.

— Я могу сесть на паром, — слетает у Айлин с языка. — Если захочу.

На этот раз его смех раздражает ее.

— Ты? Да город сожрет тебя с потрохами, Яблочко. — Затем, будто услышав, как она обиделась, и сделав вид, что ему не все равно, он меняет тон голоса на более мягкий. — Ты хорошая девочка, Айлин, а город — не для хороших людей. Что я тебе всегда говорил?

Она вздыхает.

— «Все, что случается в других местах, случается и здесь, но здесь люди хотя бы *пытаются* быть порядочными».

— Верно. А что еще?

— «Оставайся там, где ты счастлива».

— Правильно. Если город когда-нибудь станет местом, где ты счастлива, езжай туда. Но пока это место здесь, оставайся дома. Нет ничего плохого в том, чтобы оставаться дома.

Да. Она повторяет себе это каждый день своей взрослой жизни, чтобы оправдать то, что она, взрослая женщина, до сих пор живет дома с родителями. Это ложь. Она одинока, стыдится этого и все еще не утратила надежды на интересную, изысканную жизнь, которую когда-нибудь где-нибудь начнет. Но ей нужна эта ложь, особенно сейчас, после провальной попытки сесть на паром.

— Ну да. Спасибо, папуля.

Айлин знает, что он улыбается.

— Скажи маме, что я сегодня буду поздно. С арестами столько бумажной волокиты. Что за чертовы люди. — Он вздыхает так, словно пуэрториканец нарочно родился с небелой кожей и слушал нью-эйдж только для того, чтобы Мэттью Халихэн опоздал на ужин, и вешает

трубку.

Айлин убирает телефон, снова вешает свою сумочку на плечо и берет себя в руки… точнее, пытается. Странная женщина все еще держит ее за плечо и при этом слегка хмурится, словно недоумевает, как ее рука там оказалась. Айлин тоже косится на руку женщины.

— Эм-м, что-то не так?

— Что? Ой. — Женщина наконец убирает руку и улыбается. Улыбка получается слегка натянутая. — Все в порядке. Просто мне, судя по всему, придется пойти трудным путем. — Затем ее улыбка становится шире и искреннее. — Но я уверена, что не ошиблась в тебе.

Айлин внезапно начинает чувствовать себя неуютно. Женщина не кажется ей опасной, но с ней явно что-то не так.

— Что значит — не ошиблись?

— Ну, во-первых, я не смогла пометить тебя. — Женщина скрещивает руки на груди, отворачивается от терминала парома и смотрит на скопление высоких офисных зданий и многоэтажных жилых домов, которыми богата эта сторона острова. — У тебя нужные наклонности, однако ты уже слишком тесно связана с сущностью этого места — и это несмотря на то, что

город родился только этим утром. Он не дает притянуть тебя ко мне. Теперь ты даже *пахнешь* как город, а не как обычный человек. — Она пожимает плечами. Айлин озадаченно осмысливает сказанное, а затем украдкой наклоняет голову, чтобы понюхать свою подмышку.

Женщина бормочет себе под нос, глядя на невыразительный силуэт Сент-Джорджа.

— Я со времен Лондона не сталкивалась с такими сложностями. Обычно изолировать отдельные векторы гораздо проще. Конечно, городская морфология непредсказуема, однако за его эпигенетическими проявлениями и метаболическими потоками все же можно проследить. Но этот город… — Она качает головой и морщится. — *Слишком* многие жители Нью-Йорка стали неразрывно с ним связаны. Коэффициент аккультурации здесь опасно высокий.

Внезапно голова женщины поворачивается к Айлин. Прямо как на шарнире. Так и кажется, будто мышцы ее шеи — это моторчики, или шкивы, или какой-то другой механизм. Вид у женщины задумчивый.

— Ты уже знаешь, кто ты?

— Эм-м, я не… Хм… — Айлин снова оглядывается. На какой же автобус ей надо сесть? Их так

много, и они все похожи. Наверное, ей просто стоит выбрать какой-то один и пойти к нему. Что-то в этой женщине наводит Айлин на мысль, что ей нужен путь к отступлению. — Простите, но я, кажется, не…

В один миг — оглядываясь назад, Айлин ясно это вспомнит — внимание женщины в белых одеждах переключается. До этого она была как будто… не совсем здесь. Под умиротворяющими улыбками скрывалась отчужденность и… натужность каждого действия, если так можно сказать. Однако в мгновение ока женщина вдруг оказывается *здесь* и становится чем-то бóльшим. Теперь она грозно нависает над Айлин. Она всего на несколько дюймов выше нее, но этих дюймов достаточно, чтобы Айлин полностью оказалась в ее тени. Женщина улыбается, и Айлин чувствует себя маленькой, забытой, беспомощной и ужасно одинокой.

Но почти в тот же миг в ней пробуждается *то другое чувство*. То, которое она испытала сегодня утром, когда мыла посуду после завтрака и размышляла о любовном романе «Тайна шотландки», который читала перед сном. И, может быть, она немного фантазировала, представляла себя сильной, волевой дворянкой из Хайленда,

которая тайком спит с красивым заморским конюхом. Сам конюх не чернокожий — черный у него лишь пенис, и то не полностью (его головка — розовая, и Айлин точно не знает, авторская ли это выдумка или такое действительно бывает).

Тогда, соскребая со сковородки пригоревшую яичницу и вспоминая эротическую сцену из предыдущей главы, Айлин вдруг услышала в своей голове крики. Грубые, вульгарные, *гневные* крики, настолько переполненные яростью, что услышь она их ушами, то ни за что не смогла бы разобрать слов. Они больше походили на поток бессвязного гнева. Однако, слыша их в своей голове, Айлин не только понимала слова, но и *знала* их, и *чувствовала*. Она хотела сражаться так же, как и тот, кто их произносил, — а он точно в тот миг где-то сражался. И она каким-то образом это поняла. Чужая агрессия наполнила ее столь ужасной, всепоглощающей яростью, что она пошла в свою комнату и разорвала на части подушку. На нее это было не похоже, совсем. Айлин никогда не отвечала ударом на удар. Однако этим утром она порвала подушку и, поднявшись среди перистых ошметков, ощутила сильнейшее желание отправиться в город. На волне той

ярости она ощутила себя настолько сильной, что впервые за многие годы попыталась это сделать.

И потерпела неудачу. Снова.

Однако теперь Айлин опять чувствует, как в ней пробуждается тот странный гнев и та сила. Да кто такая эта женщина и как она смеет смотреть на нее сверху вниз? Ей здесь не место, Айлин это знает. Пусть Айлин и боится города, но Статен-Айленд — это *ее* остров, и она не потерпит, чтобы кто-то *грозно нависал* над ней на ее же земле.

Но прежде чем Айлин успевает открыть рот и пролепетать сокрушительное: «Пожалуйста, уйдите, иначе я сейчас позову полицию», — Женщина в Белом наклоняется поближе и с ухмылкой смотрит на нее.

— Ты — Статен-Айленд, — говорит она.

Айлин вздрагивает. Ее удивляют вовсе не слова, а то, что их произнес кто-то другой. Женщина тихонько смеется, ее глаза бегают, разглядывая лицо Айлин, словно впитывая ее потрясение. Затем женщина продолжает:

— Забытый и презираемый, когда о нем все же вспоминают. Тот боро, который никто, даже его жители, не считают «настоящим» Нью-Йорком. Однако же поглядите! Каким-то чудом, несмотря на их пренебрежение и презрение, ты смогла

развить достаточно самобытную культуру и пережить рождение. Сегодня утром ты услышала, как остальной город воззвал к тебе. *Разве нет?*

Айлин отступает на шаг. Просто чтобы освободить личное пространство.

— Я не… — Но ведь так все и было. Она *слышала*. Она слышала грубый, непокорный, требовательный призыв и даже попыталась ответить на него. Так она и оказалась у парома. Она замолкает на середине фразы, потому что ей не нужно ничего говорить. Женщина в Белом знает Айлин так же хорошо, как Айлин знает свой остров.

— Ох, бедняжка, — говорит Женщина, и выражение ее лица сменяется с алчного на ласковое так быстро, что гнев Айлин испаряется. Остается лишь быстро растущее беспокойство, вызванное присутствием этой женщины. — Волей-неволей ты чувствуешь правду… но ты одна среди ее просторов, верно? Одна маленькая автотрофа, плывущая среди зеленого моря себе подобных, убежденная в собственной незначительности, даже несмотря на то что ты угрожаешь существованию сотни миллиардов реальностей. Я бы пожалела тебя, не будь ты так опасна.

— Я… — Айлин выпучивает глаза. Автотрофа? Она что, выдумывает слова? Похоже на «автотро-

фы» в единственном числе. Боже, неужели эта женщина только что назвала ее *одноклеточной?*

— И теперь тебе придется жить этой правдой, — продолжает Женщина. Она больше не возвышается над Айлин, по крайней мере, не так сильно, однако исходящая от нее снисходительная участливость нравится девушке ничуть не больше. Айлин таращится на нее, все еще пытаясь понять, оскорбиться ей или нет. Женщина наклоняется еще ближе. — Поэтому ты и боишься парома. Половина людей на этом острове ежедневно испытывают ужас от того, что им нужно пересечь гавань. Они знают, что на другой стороне их ждет вовсе не власть и не шик, который мы видим отсюда, а отвратительная работа, мизерный заработок, задающиеся, накачанные бариста, воротящие нос, когда их просят приготовить самый обычный кофе, и чопорные узкоглазые сучки, которые едва говорят по-английски, но получают семизначные барыши, рискуя *твоим* «Фор-о-уан-кей»[8], и феминистки, и евреи, и трансы, и н-н-н-негры, и *либералы*, либерасты повсюду, стремящиеся сделать этот мир безопасным для извращенцев всех разновидностей. А вторая

[8] Сноски: 8

Фор-о-уан-кей, 401(k) — самый распространенный в США пенсионный план. *(Прим. перев.)*

половина острова — *это и есть* те самые бариста, узкоглазые и феминистки, стыдящиеся того, что они не могут позволить себе жить там и навсегда покинуть Статен-Айленд. *Ты — это они*, Айлин! Ты несешь в себе страх и недовольство полумиллиона человек, так что же удивительного в том, что часть тебя хочет с воплями сбежать от этого?

К этому времени Женщина уже не просто грозно возвышается над ней. Она размахивает руками, говорит наигранным шепотом, громким, как крик, ее ноздри раздуваются, глаза бешено выпучены. И Айлин реагирует точно так же, как и всегда, когда кто-то высокий и громкий начинает кричать: она сжимается в комок и отстраняется, однако Женщина подается вперед и хватает ее обеими руками за ремень сумочки.

Когда поток слов иссякает, а Женщина умолкает и закрывает рот, на котором блестят капли вспенившейся слюны, Айлин выпаливает первое, что приходит ей в голову:

— Я… У меня нет «Фор-о-уан-кей».

Женщина в Белом склоняет голову набок. Становится чуть менее грозной.

— Что?

— В-вы сказали… — Айлин сглатывает. Она не может повторить то слово здесь, у парома.

Ведь это домашнее слово. — Вы сказали, эм-м, что азиатки отнимают наши «Фор-о-уан-кей». Но у меня… у меня его нет.

Женщина в Белом долго смотрит на нее. Похоже, она впервые услышала нечто более безумное, чем говорила сама. Через секунду она разражается смехом. Ужасным смехом. Довольным, но ужасным, пронзительным, резким, с интонациями, напоминающими Айлин злых девочек в старшей школе или хихиканье мультяшной ведьмы. Прохожие отшатываются от женщины и смотрят на нее так, словно услышали нечто потустороннее.

Однако через миг Айлин понимает, что тоже улыбается. Самую чуточку. Затем хихикает, когда напряжение улетучивается. Смех более чем заразителен. И Айлин заражена. Благодаря ему они сближаются. В следующую секунду она и Женщина в Белом уже хохочут вместе, так сильно, что у Айлин на глаза наворачиваются слезы, и так свободно, что в этот прекрасный миг все ее заботы кажутся сущим пустяком. Так, будто они — закадычные подруги.

Когда смех стихает, Женщина в Белом с сожалением вытирает один глаз.

— Ну надо же. Как прекрасно. Должна при-

знать, когда все заканчивается, я скучаю по этой вселенной. Она отвратительна, но и свои маленькие радости в ней есть.

Айлин все еще улыбается, упиваясь эндорфинами.

— Вы хоть когда-нибудь говорите что-нибудь, ну, нормальное?

— Никогда, если можно этого избежать. — Легко вздыхая, Женщина протягивает Айлин руку. — Но я хочу тебе помочь. Пожалуйста, скажи, что позволишь мне помочь тебе.

Айлин машинально принимает руку помощи. Но хмурится.

— А, хм, с чем вы хотите мне помочь?

— Справиться со всем этим процессом. Я уже сотни раз видела, как тебе подобные проходят через него, и это всегда… непросто. Ты мне *нравишься*, Айлин, маленький островок, и если тот первый, главный аватар наконец очнется, с тобой произойдут ужасные вещи. Он — чудовище. Я хочу спасти тебя от него.

После приступа смеха Айлин чувствует себя легче, мыслит яснее, и она понимает, что Женщина — сумасшедшая. Она всегда считала, что сумасшедшие в основном водятся в городе — бездомные наркоманы и насильники с растрепан-

ными дредами и (как ей кажется) язвами от вшей и венерических болячек. Женщина хорошо одета и умыта, но в ее глазах виден нездоровый блеск, а ее светлый, жизнерадостный голос звучит фальшиво. Настолько жизнерадостных людей не бывает. Она явно Не Отсюда. Может быть, она тоже иммигрантка… легальная, конечно. Может быть, она из Канады и сошла там с ума от холода и общедоступного здравоохранения.

Однако Айлин нравится эта сумасшедшая. Кроме того, Женщина сказала, что хочет помочь ей, и она откуда-то знает о странных голосах в голове Айлин и о еще более странной тяге, приведшей ее к парому. Поэтому Айлин испытывает к ней больше сочувствия, чем обычно.

Так что она протягивает Женщине руку в ответ.

— Ладно. Меня зовут Айл… — Тут она замолкает, вспомнив, что Женщина уже знает, как ее зовут. Но откуда?..

— Статен-Айлин, — заканчивает Женщина и хихикает, как будто бы она — не тысяча первый человек, произносящий эту шутку. Айлин в очередной и не в последний раз жалеет о том, что ее родители выбрали американский вариант имени, а не его более мягкое ирландское

произношение. Женщина хватает Айлин за руку и рьяно ее трясет. — Да. Рада знакомству — так ведь принято говорить, верно? Мы обе — сложные сущности, для которых имеют значение границы пространства, времени и плоти! Будем с тобой лучшими подружками.

— Эм-м. Ладно.

Женщина снова встряхивает руку Айлин, а затем практически отбрасывает ее.

— Теперь. Поскольку ты у нас натура, по всей видимости, сердобольная, давай начнем с того, что временно спасем этот локальный узел вашей общей реальности от уничтожения и полного стирания с грани бытия, да?

— Ну, мне вообще-то пора домой… Подожди, что? — Ей понадобилась секунда, чтобы осознать слово «уничтожение».

— Ты слышала о Происшествии на Мосту? — Как и «Женщина в Белом», в сознании Айлин эти слова уже стали произноситься с заглавной буквы.

— Конечно, но…

Женщина снова поворачивается к силуэту Манхэттена, дугой прочерченному над крышей паромного терминала. Мост, о котором они говорят, отсюда не видно, но последствия

происшествия были заметны весь день по всей агломерации. Пока они стоят, над ними проносятся три военных самолета, которые затем поворачивают, чтобы облететь Ист-Ривер. Женщина чуть подпрыгивает на месте.

— Знаешь, из-за чего упал мост? — говорит она Айлин. — Из-за меня! Я его обрушила. Совершенно случайно, конечно же. Целилась я в того мелкого мерзавца, в вашего главного. — Ее улыбка исчезает так же быстро, как и появилась. — Города всегда сопротивляются, когда я прихожу за ними, но обычно все проходит честно. Сила против силы, как и должно быть… но он начал швыряться в меня *идеями*. Я и подумать не могла, что ваш вид уже настолько развился, что может использовать в бою заряженные абстрактные макроконструкции. Кому в голову могло прийти, что микробы станут бросаться атомными бомбами? Тогда я и поняла, что время действовать скрытно прошло.

Айлин, позабыв легкую тревогу, смотрит на женщину с потрясением и ужасом. «Террористка!» — кричит ее сознание… и тут же отвергает это. Террористы — это бородатые арабы, бормочущие что-то на гортанных языках и жаждущие насиловать девственниц. А эта жен-

щина просто сумасшедшая. Так что она не могла разрушить мост… однако безумные люди все же могут быть опасными. Айлин решает подыграть ей, пока не окажется в безопасности.

— Вот как. Хм. Н-ну… ладно.

Голова Женщины в Белом снова поворачивается к ней.

— Я спала, — поясняет она. — Точнее, спала бóльшая часть меня. Прежде, чтобы действовать в этом мире, мне требовалась лишь малая частица самой себя. Но обстоятельства сложились так, что я наконец смогла по-настоящему здесь закрепиться. — Она приобнимает Айлин за плечи, и та не успевает придумать, как бы ей вежливо отстраниться. — Видишь ли, не считая главного, вас пятеро. Пятеро потенциальных союзников. Пять слабостей, которыми я могу воспользоваться.

То, что говорит Женщина, *почти* обретает смысл. Айлин *почти* понимает… но в конце концов с досадой мотает головой.

— Что еще за «главный»?

— Главный аватар. Помоги мне найти его, и тогда ты станешь свободна.

— Свободна? Но я не…

Женщина уже идет и тащит Айлин за собой.

Они направляются к автобусу, который искала Айлин, и девушка так потрясена этим, что не может заставить себя стряхнуть руку Женщины.

— Не свободна? Конечно же. Пока что ты — часть него. Хотя нет, не так; вы все — части друг друга. Наверное? Лучше я объяснить все равно не смогу. У вашей колонии автотроф, у этого *сообщества бактерий*, есть нукле… Хм-м, нет, постой-ка, у всех тебе подобных есть душа, так что аналогия неудачная. — Она нетерпеливо вздыхает. — Короче: вы шестеро важнее всех прочих. Это означает, что, найдя одного, я смогу найти остальных. — Она скалится, обнажив зубы. — И *его* в особенности.

Они подошли к автобусу и остановились у его открытых дверей. Судя по часам на телефоне Айлин, до отбытия еще три минуты. Впрочем, Айлин начинает беспокоиться, что Женщина в Белом захочет поехать с ней или даже навяжется к ней в гости. Она пытается придумать какое-нибудь оправдание, чтобы объяснить Женщине, почему ей туда нельзя.

— А теперь езжай домой, — говорит Женщина, к огромному облегчению Айлин. — Мне нужно позаботиться и о других делах. А пока мы не встретились вновь, подумай-ка вот о чем. —

Женщина наклоняется ближе, и Айлин едва сдерживается, чтобы не отшатнуться. Она заговорщически шепчет: — Почему остальные оставили тебя без защиты?

Вопрос больше похож на пощечину. Айлин сначала чувствует себя задетой, затем цепенеет.

— Ч-что?

— А то: я уже успела найти почти всех вас. — Женщина распрямляет пальцы руки и смотри на свои ногти. Они длинные и изогнутые. — Бронкс полон сердитых, подозрительных людей, вечно ждущих, что им ударят в спину; она хитра, и мне придется подумать, как к ней подобраться. Манхэттен подкатил ко мне на крыше такси и представился. Дерзкий мальчик, хотя это и неудивительно. Бруклин, самоуверенная и нахальная, пришла к нему на выручку, когда я пыталась представиться ему. И этот проклятый Сан-Паулу все еще здесь, прячется, грубиян! Он наверняка сторожит главного, чтобы я не нашла его.

Пока Айлин пытается все осмыслить (*«…вас пятеро…»*), Женщина вонзает занозу поглубже.

— Однако никто не пришел выручать или стеречь *тебя*. Манхэттен и Бруклин обрели друг в друге могущественных союзников и вместе

пытаются найти Бронкс и Куинс… но они и не подумали о тебе. Ни. Разу.

Айлин не отрываясь смотрит на нее и наконец понимает. Их пятеро, и есть еще некий шестой, который *главный*. Она — Статен-Айленд, а они — другие боро и сам Нью-Йорк. Неужели они, эти незнакомцы, такие же, как она? Неужели они чувствуют, в чем нуждаются тысячи людей, и слышат в своих головах голоса миллионов? Она хочет встретиться с ними. Задать им вопросы, например: «Как заставить мой боро заткнуться?» и «Он правда мой друг или я просто настолько одинока?».

Но она их не нашла, потому что струсила и не села на паром. Впрочем, даже доберись она до Манхэттена, где бы она стала их искать? Раз Манхэттен и Бруклин уже нашли друг друга, значит, должен быть какой-то способ. Какой-нибудь городской эхолот или что-то, что сработало бы, попытайся она добраться до них. Но она не приложила никаких усилий, и потому ее эхолот безмолвствовал.

Но тогда почему они не могут прийти к ней?

«Сюда неудобно добираться, — напоминает она себе. — Тем, кто живет в городе, всегда неудобно добираться до Статен-Айленда».

Да, но ведь это важно, разве нет? Проклятье, они же знают, что в городе пять боро. И если они решили не искать ее…

«Да кто тебе поверит? — кричит в ее памяти голос отца. — Кто тебе поможет? Всем насрать. Ты нахрен никому не нужна».

Эти слова никогда не были адресованы ей, но Айлин все равно впитала их, и теперь они проникли глубоко в ее нутро, обволокли кости, как токсичное, отравляющее вещество, как свинец. Она не может избавиться от убеждения, что «никому не нужна», как не может избавиться от страха перед городом.

— Конечно, я не думаю, что они *нарочно* забыли о тебе, — говорит Женщина. — Рано или поздно они вспомнят и тогда придут… но они же терпеть не могут паром. Такой медлительный и неудобный. Есть еще мост Верразано, но ездить по нему так дорого. Что за боро делает себя таким недоступным? Разве тот еврей, который пел джаз со всякими черными, не называл Нью-Йорк «гостеприимным местом»? Ах да, он же говорил не про эту часть города. Он упомянул даже *Йонкерс*, но в песне нет ни слова про этот боро. Статен-Айленд всегда сбоку припека.

Айлин стоит, слышит слова, ненавидит их и по-

нимает, что это — правда. Она никому не нужна. Ее остров никому не нужен. Остальные забыли о ней в то время, когда так *нужны* ей, когда рушатся мосты и все ужасно, и теперь она должна найти свой путь в одиночку, обезопасить себя.

— О, что это у нас с лицом? — Женщина в Белом отстраняется и по-сестрински берет Айлин за плечи. — Чего это мы взгрустнули? Не переживай. Пусть они тебя бросили, но я же здесь! Посмотри сюда. — Она снова с веселым видом разворачивает Айлин в нужную сторону, а затем, протягивая руку у нее над плечом, указывает на дверь терминала, из которой Айлин в панике выбежала менее двадцати минут назад.

— Что я должна уви… — И тогда Айлин видит его. На пороге из трещины в металле выглядывает нечто крайне странное. Оно похоже на ветвь папоротника или на очень длинный лепесток экзотического растения. Оно настолько белое, что кажется прозрачным, неземным в своей красоте. Айлин восхищенно затаивает дыхание. — Что это?

Женщина в Белом смеется.

— Можешь считать это камерой, — говорит она. — Если хочешь. Или микрофоном. Если я когда-нибудь тебе понадоблюсь и ты увидишь

рядом нечто похожее, просто поговори с ним. «Увидели — сообщите»[9], верно? Я услышу и сразу прибегу.

Снова безумные речи. Конечно же, Женщина не может видеть и слышать что-либо через растение. Айлин нужно возвращаться домой, чтобы помочь матери приготовить ужин, так что она очень осторожно отводит руку Женщины со своего плеча.

— Хорошо, — говорит она. И все же Женщина ей нравится. Айлин рада, что завела новую подругу, пусть даже эта подруга — чокнутая. Впрочем, ей стоит хотя бы узнать *имя* этой подруги. — Пока я не ушла, скажи, как мне тебя называть?

Женщина склоняет голову набок и морщится.

— Мое имя тебе не понравится, — говорит она. — Оно чужое. Его очень трудно произнести. Я уже называла его нескольким тебе подобным, и они его просто коверкали.

«Она точно из Канады», — убеждается Айлин.

— Позволь, я все же попробую.

— Ну ладно. Только мне придется прошептать его тебе на ухо. Придет время, и я смогу про-

---

[9] Сноски: 9

«See something — say something» — девиз кампании Министерства национальной безопасности США по противодействию терроризму и связанным с ним преступлениям. (*Прим. перев.*)

кричать его громко, оно разнесется по всему небосводу, и все будут знать его… но пока что в этом мире я — всего лишь шепот. Ты готова?

Водитель автобуса уже идет к ним, потягиваясь и почесываясь. Айлин нужно поскорее закончить разговор.

— Да, конечно.

Женщина наклоняется близко-близко и шепчет в ухо Айлин слово, которое гремит в ее черепе, как удар гигантского колокола, пробирая ее до самых костей. Айлин спотыкается и падает на колени. Мир смазывается. Ее кожу начинает щипать, она чешется и становится горячей, словно ветер, подхвативший то слово, обжег ее.

Затем рядом с ней на корточки присаживается кто-то еще.

— Мэм? — Это водитель. Айлин моргает и оглядывается. Она перед автобусом, который должен отвезти ее домой. Как она здесь оказалась? Кажется, рядом с ней только что кто-то был?..

Водитель спрашивает:

— Мэм, мне позвонить в девять один один?

— Нет… — Айлин мотает головой, пытаясь дать понять, что она в порядке. Но разве это так? Головокружение проходит, но она снова чувствует себя плохо. Придя немного в себя, Айлин опускает

взгляд на руки. Она одета в легкий сарафан, так что руки открыты, и Айлин, проморгавшись, видит, что они покрыты едва заметной припухшей сыпью. Крапивница. У нее крапивница.

Водитель тоже это видит. Он хмурится и чуть отстраняется.

— Мэм, если вы больны, то вам не стоит садиться на общественный транспорт.

— А-аллергия, — бормочет Айлин, разглядывая свои руки. У нее аллергия на кедровые орехи и базилик, но она и представить себе не может, где могла случайно съесть какой-нибудь песто. — Просто аллергия. Я… Хм… Это скоро пройдет.

Водитель, похоже, не очень-то ей верит, однако он помогает ей встать и, когда видит, что Айлин может идти сама, пожимает плечами и жестом приглашает сесть в автобус.

Проходит десять минут поездки. Айлин разглядывает дома и людей, которых они проезжают, думает ни о чем и размышляет, не стоит ли ей носить с собой «ЭпиПен»[10], как вдруг вспоминает про Женщину в Белом. Вздрогнув, она оглядыва-

---

[10] Сноски: 10

ЭпиПен (EpiPen) — шприц-тюбик с раствором для экстренных внутримышечных инъекций для экстренной помощи при возникновении внезапных опасных для жизни аллергических реакций (анафилактического шока) на укусы насекомых, продукты питания, лекарства или физическую нагрузку. (*Прим. ред.*)

ется, но видит рядом лишь других пассажиров. Некоторые в ответ тоже одаривают ее скучающими взглядами. Женщина исчезла так же незаметно, как и появилась.

И все же. Взгляд Айлин падает на загорающееся табло «Остановка» и задерживается на нем… потому что прямо над головой водителя болтается такой же красивый белый росток, на который указала Женщина в Белом.

«Не переживай. Я здесь».

Как же звали Женщину? Ее имя начиналось на *Р*, но дальше Айлин не может вспомнить. Все остальное слилось в неразборчивую какофонию чужеродных звуков.

«Роузи», — думает Айлин. Она решает, что будет звать Женщину Роузи. Имя ей даже подходит; Айлин улыбается, воображая Женщину на старомодном плакате, демонстрирующую обнаженный бицепс. И подпись: «Ты нужен мне». Хотя нет, подождите. Айлин путается в старых плакатах. Ей никак не вспомнить, что было написано над Клепальщицей Роузи.

Что ж, неважно. Почувствовав себя несравнимо лучше, Айлин подавляет желание почесать сыпь, устраивается поудобнее и едет дальше домой.

Интерлюдия

Впарке Инвуд-Хилл происходит что-то очень плохое.

Паулу всегда с трудом ориентируется в других городах. Будучи ребенком — обыкновенным ловким острозубым крысенышем из фавел, задолго до того, как он стал двенадцатью миллионами человек, — он с поразительной точностью определял направление. Ему было достаточно посмотреть на солнце, чтобы сказать, где восток или юг. Это получалось у него даже в незнакомых местах, но та способность пропала, когда он стал городом. Теперь он — Сан-Паулу, и его ноги должны ходить по другим улицам. Его кожа жаждет других дуновений ветра и других лучей света, падающих под другими углами. Север и юг, конечно, везде находятся в одной стороне, но на его родине сейчас зима; и пусть в Сан-Паулу никогда не бывает холодно, сейчас там точно прохладнее и суше, чем в этом душном, обжигающем своей летней жарой, нелепом городе. Здесь ему кажется, что он ходит задом наперед и вверх тормашками. Дом не там, где твое сердце, а там,

где ветер дует правильно.

Ах, но у него нет времени на подобные размышления.

Сетка улиц Манхэттена и приятный голос из карт «Гугл», говорящий на бразильском португальском, вполне заменяют ему утраченное чувство направления, и вскоре Паулу доходит до того места, которое воспринимается его органами чувств как чужеродное, мешающее. Враждебное. Это ощущение лишь усилилось за часы, прошедшие с рождения Нью-Йорка, а не ослабло, как должно было. Кроме того, оно меняется так, как не менялось никогда прежде на его памяти. Возникает повсюду, притягивает его внимание, как линии магнитного поля. Сливается в полюса. Появление одного из них на магистрали ФДР было ожидаемо, ведь Сан-Паулу знает, что произошло прямо перед рождением Нью-Йорка. Он собирается посетить то место и осмотреться, вдруг там найдутся какие-то зацепки. В Инвуде же возникло нечто новое.

Он не спеша прогуливается по парку, наслаждаясь прохладным воздухом и свежим запахом травы и деревьев, однако остается настороже. Поначалу он не видит ничего, чем можно было бы объяснить смутное, не дающее ему покоя чувство

неправильности, которое тянет его в определенную сторону. День сегодня рабочий, так что в парке почти пусто. Птицы издают красивые трели, какими бы чуждыми они ни казались его уху. Комары замучили Паулу, и он постоянно от них отмахивается. Что ж, хотя бы в этом Нью-Йорк похож на него.

Затем он огибает одну особенно густую рощицу и останавливается.

У подножия узкой пешеходной дорожки находится небольшая заасфальтированная прогалина, за которой раскинулся широкий травянистый луг. За лугом — лиман, обозначенный на его карте как Спайтен-Дуйвил. Посреди прогалины стоит то, что Паулу ожидал увидеть: простой памятник, отмечающий место, где европейцы купили прекрасный, покрытый лесом остров, чтобы превратить его в помпезный торговый центр с вонючими парковками. (Паулу понимает, что придирается. Но он не собирается менять свое мнение до тех пор, пока не выберется из Нью-Йорка.) Памятник выглядит как простой камень с табличкой. Однако, учитывая историю этого места, он наверняка представляет собой место силы для всякого, кто слышит голос города.

В первую же секунду Паулу понимает, что здесь

произошла битва. К витающим в воздухе ароматам зелени теперь примешивается и соленый, хорошо знакомый ему морской запашок. По земле разбросаны купюры — и Паулу, кое-что знающий о природе Манхэттена, тут же понимает: кто-то воспользовался деньгами и их обобщенным образом, направив с их помощью силу города. Куда направив? Против Врага. Паулу не знает, какой облик он принял, но другого объяснения просто не может быть. И тот, кто сражался здесь с Врагом, одержал победу или, по крайней мере, ушел невредимым.

Однако — это Паулу понимает уже во вторую очередь, хотя его глаза сразу же заметили эту деталь, — Враг тоже оставил здесь свой след.

На прогалине очень людно. Около двадцати человек толпятся у памятника и что-то говорят. Когда ветер начинает дуть в его сторону, Паулу слышит обрывки их болтовни. («…*поверить* не могу, как мало здесь просят за аренду. Намного меньше, чем в Бруклине…» «…*настоящая* доминиканская еда…» «…я просто не понимаю, зачем они врубают музыку *на полную катушку*!..») У нескольких человек с собой еда или напитки: одна женщина держит дорогую на вид вафельную трубочку с по меньшей мере тремя шариками

мороженого; у мужчины из заднего кармана торчит бутылочка «Сойлента»; кто-то третий вообще потягивает розовое вино из пластикового бокала. Почти все они белые и хорошо одетые, хотя тут и там попадаются смуглые и неопрятные.

Паулу замечает, что все эти люди говорят *не друг с другом*. Вместо этого они произносят слова в пустоту или в погасшие телефоны со включенной громкой связью. Один мужчина вообще разговаривает со своей собакой, которую держит под мышкой, а та лижет ему лицо, скулит и ерзает. Никто не смотрит на своих соседей. Мороженое в руке женщины почти растаяло, трехцветная молочная масса течет по ее руке, капает на одежду, но она, похоже, не замечает этого. К ее ногам, где талое мороженое собралось в лужицы, уже начали слетаться голуби.

А еще Паулу замечает — заметил это *в первую очередь*, — что все они одеты в белое.

Конечно, прежде Паулу уже видел нечто подобное, однако он уверен, что набрел не на случайную вечеринку белых людей. Хмурясь, он поднимает свой телефон и делает снимок. Телефон издает негромкий щелчок, как у затвора фотоаппарата, ведь Паулу не позаботился о том, чтобы отключить звук в настройках. Услышав

шум, все стоящие вокруг камня люди замолкают и поворачиваются к нему.

Паулу напрягается. Тем не менее он как можно более непринужденно убирает телефон в карман штанов и достает сигарету из кармана куртки. Дважды стряхивает ее и лишь затем берет в рот. Старая привычка. Затем, под взглядами двадцати пар немигающих глаз, Паулу достает зажигалку и делает хорошую, глубокую затяжку. Небрежно скрещивает руки на груди, удерживая сигарету двумя пальцами. Дает дыму медленно, струйками вылететь из его ноздрей. Тот маленькими облачками клубится у его лица.

Их глаза теряют фокус. Некоторые хмурятся и смотрят из стороны в сторону, словно что-то потеряли и не могут вспомнить, что именно. Когда Паулу начинает пятиться, уходит за поворот тропинки и скрывается из виду, они не идут за ним. Через несколько секунд он слышит, как их машинальная, бездумная болтовня возобновляется.

Паулу быстро уходит. Парк большой, и идти приходится долго, но Паулу не сбавляет шаг до тех пор, пока не отходит от Инвуд-Хилла на целый квартал. Тогда и только тогда он смотрит на фотографию.

На ней — сцена, которую он только что видел.

Жуткая сама по себе, она становится лишь страшнее оттого, что лицо каждого человека искажено, словно запечатлено не на цифровой фотографии, а на старой полароидной пленке, которую покоробило от жара. А за головами или над плечами людей Паулу видит еще одно искажение. Малозаметное, похожее на завихрение воздуха, оно присутствует рядом почти с каждым человеком. Камера поймала нечто незримое для его глаз. Пока что.

Он заходит в крошечный, плохо освещенный ресторанчик, персонал которого явно составляют члены одной семьи. Там он садится за столик и заказывает что-то не глядя. Паулу не голоден, но его силы иссякают, а он чувствует, что они еще пригодятся ему для защиты. Ведь это не его город. Здесь он уязвим куда больше привычного.

Пока Паулу поедает самую лучшую свиную лопатку из всех, что ел в жизни, он отправляет фотографию на зарубежный номер. И прибавляет: *«Боро. Их пятеро. И мне понадобится твоя помощь».*

Глава четвертая
Бронка и туалетная кабинка злого рока

Бронка толчком распахивает дверь в туалет.

— Эй. Бекки[11].

Высокая азиатка, поправляющая макияж у зеркала, вздыхает и не поворачивается.

— Ты ведь знаешь, я терпеть не могу, когда ты так меня называешь.

— Сейчас я буду называть тебя так, как захочу. — Бронка подходит, становится рядом с ней у зеркала и замечает, как азиатка, чуть напрягшись, втягивает голову в плечи. — Расслабься, я не собираюсь устраивать тебе *такую* взбучку. Разберемся как культурные люди. Я словами скажу тебе свалить к чертовой матери отсюда, а затем ты найдешь какую-нибудь чертову мать, к которой свалишь хотя бы на пару дней. В ближайшее время я не хочу видеть здесь твою тупую рожу.

Азиатка поворачивается, кривя лицом.

---

[11] Сноски: 11

Бекки (Becky) — в США стереотипный образ и уничижительное прозвище, означающее молодых белых женщин. *(Прим. перев.)*

— Если хочешь вести себя как культурный человек, то хотя бы называй меня по имени. *Ицзин*.

— Ой, не знаю, мне казалось, мы с тобой так здорово фамильярничаем. К моему имени, например, прилагается докторская степень, но ты, обращаясь ко мне, всегда об этом забываешь. — Бронка подходит к азиатке в упор и тычет пальцем ей в нос. — Ты подала заявку на грант, которую почти полностью *написала я*, и не указала меня в авторах. Как ты вообще смеешь…

— Да, подала, — перебивает ее Ицзин, хотя в их Центре это запрещено правилами. Женщин перебивают только мрази-сексисты. Впрочем, Ицзин и сама та еще мразь, так что Бронка ничуть не удивлена. Ицзин скрещивает руки на груди. — Я долго думала, включать тебя в заявку или нет, Бронка, но факты таковы, что у тебя совсем нет новых работ и…

Бронка, не веря своим ушам, поворачивается и взмахом руки указывает на стену туалета. На ней изображено абстрактное буйство цветов и форм, местами фотореалистичных, а местами воздушных, почти акварельных. В нижнем углу виднеется стилизованная под граффити витиеватая подпись, гласящая: *«ЗеБронка»*.

Ицзин морщится.

— Я говорю о том, что ты нигде не выставляешься, Бронка. Галереям…

— У меня прямо сейчас выставка проходит, дура ты безмозглая, всего в двух милях отсюда!

— Да, и в этом-то все дело! — Ицзин, разозлившись, оставляет все попытки сохранить хладнокровие и повышает голос. Это хорошо. Бронка изредка видела, как Ицзин собачится с другими сотрудницами и своими многочисленными бойфрендами; она громче Бронки, и от ее визга разве что не бьется стекло. А Бронка уважает искреннюю ярость, как бы уродливо она ни проявлялась. — Ты стала слишком местечковой. Комиссия может дать нам хороший грант, но, чтобы его получить, нам нужен больший охват. Вроде галереи на *Манхэттене*.

Бронка чертыхается, отворачивается и начинает расхаживать по туалету.

— Манхэттенским галереям не нужно настоящее искусство. Им нужны безобидные поделки от приезжих девочек, приехавших в Нью-Йорк и получивших высшее художественное образование лишь для того, чтобы позлить родителей. — На этих словах она смотрит на Ицзин и расплывается в свирепой ухмылке.

— Можешь сколько угодно пытаться переве-

сти стрелки на меня, Бронка, но чертовой сути вопроса это не меняет. — Ицзин качает головой. В жесте заметна толика искреннего сожаления — ровно столько, чтобы привести Бронку в бешенство. — Твои работы недостаточно актуальны. Ты не разговариваешь с людьми из других боро. И хотя ты так любишь хвалиться своей докторской степенью, преподаешь ты в местном общественном колледже! Меня это не волнует — все-таки работа в Центре не оставляет много времени для академических устремлений… но ты ведь знаешь, что комиссии по грантам думают совсем по-другому.

Бронка несколько секунд потрясенно таращится на нее. Она даже не до конца осознает, насколько эти слова ранили ее. *«Не актуальны?»* Но по старой привычке она дает сдачи:

— А ты что, спишь с председателем комиссии, что ли?

— Ох, Бронка, *а не пойти бы тебе на…* — Затем, чтобы хорошенько обматерить Бронку, Ицзин переходит на китайский, а ее голос поднимается на октаву и набирает несколько децибел.

Ну и ладно. Бронка выпрямляется. Она не так

хорошо знает язык манси[12], чтобы достойно ответить на поток неанглийских ругательств Ицзин, однако за годы она успела понабраться наиболее крепких словечек.

— Matantoowiineeng uch kpaam! Kalumpiil! Поцелуй меня в мою «неактуальную» ленапскую задницу!

Дверь в туалет с грохотом распахивается, и Бронка с Ицзин вместе вздрагивают. Это Джесс, художественный руководитель их экспериментальной театральной постановки, и она сердито сверлит их обеих взглядом.

— Вы понимаете, что мы все вас слышим? *Весь квартал* вас слышит.

Ицзин качает головой, в последний раз укоризненно смотрит на Бронку, затем обходит Джесс и уходит. Бронка прислоняется к одной из раковин, складывает руки на груди и стискивает зубы. Джесс смотрит Ицзин вслед, затем качает головой и, видя, какую позу приняла Бронка, скептически приподнимает бровь.

— Только не говори, что надулась, как дитя малое. Тебе же лет шестьдесят, если не больше.

— Дуются, когда капризничают и злятся попу-

---

[12] Сноски: 12

Манси — почти исчезнувший североамериканский индейский язык. *(Прим. перев.)*

сту. Я же испытываю праведный гнев.

— Ну да, ну да. — Джесс качает головой. — Вот уж не думала, что услышу, как ты будешь стыдить кого-то за их личную жизнь.

Бронка вздрагивает. Вот черт, она ведь так и сделала? Гнев — праведный, капризный гнев — заставил ее вернуться к старым дурным привычкам. Например, нападать, когда она понимает, что не права.

— У этой сучки нет вкуса. Я бы заметила, начни она трахаться с мужиками, которые хоть чего-то да стоят.

Джесс закатывает глаза.

— Теперь она еще и «сучка». И ты всех мужчин считаешь никчемными.

— Мой сын еще ничего получился. — Шутка давняя, и Бронка чувствует, как начинает остывать. Наверное, этого Джесс и добивается. — Я просто… Ну что за *япона мать*, Джесс.

Джесс качает головой:

— Никто не может отрицать того, сколько ты сделала для этого места, Бронка. Даже Ицзин. Но давай ты сначала успокоишься, а? И тогда мы позже поговорим о гранте. А сейчас у меня назревает проблема, и мне нужно, чтобы ты была в форме.

Именно это Бронке и нужно было услышать. Она тут же сосредотачивается и разрывает порочный круг мрачных мыслей («*Неактуальные* — это потому что я старая? Неужели так и закончится моя карьера, не ярким взрывом, а жалким всхлипом? Я всего лишь хотела дать миру что-то значимое»…) Она выпрямляется и щелчком сшибает воображаемую пылинку со своей джинсовой куртки, чтобы взять себя в руки.

— Ладно, ладно. Что случилось?

— Новая команда художников хочет устроить выставку. За ними стоит какой-то большой меценат, так что Рауль вьется вокруг них, как муха над дерьмом. Но работы у них… — Она морщится.

— Ну и что? Мы ведь уже выставляли отстойные работы. — Каждой галерее, которая финансируется из бюджета, изредка приходится так поступать.

— На этот раз все хуже. — Видя, как напряжена Джесс, Бронка наконец сосредотачивается на насущной проблеме. Она никогда прежде не видела Джесс по-настоящему рассерженной, но сейчас под маской профессионализма кипит настоящий гнев, с возмущением и отвращением в придачу. — Так что возьми себя в руки и выхо-

ди. — Джесс захлопывает дверь туалета и уходит.

Бронка вздыхает и мельком смотрится в зеркало — скорее по привычке, а не потому, что ей важно, как она выглядит. Ну хорошо, выглядит она спокойной. Джесс захочет, чтобы она поскорее помирилась с Ицзин, но это и понятно — в Центре не так много сотрудников, так что разойтись по углам не получится. И все же…

— «Все шире — круг за кругом — ходит сокол»[13], — произносит негромкий женский голос. Бронка замирает, запоздало сообразив, что какая-то несчастная весь их спор провела в кабинке. Однако голос смеется. Смех звонкий, радостный, приятный и почти заразительный. На мгновение Бронка тоже начинает улыбаться, но затем спрашивает себя: а что, собственно, такого смешного?

Всего в женском туалете шесть кабинок, и три дальние сейчас закрыты. Бронка не наклоняется и не смотрит, где виднеются ноги, потому что не хочет узнать, что ее и Ицзин подслушивали *трое*.

— Прошу прощения за крики, — говорит Бронка закрытым кабинкам. — Мы увлеклись.

---

[13] Сноски: 13

У. Б. Йейтс «Второе пришествие», перевод Григория Кружкова. *(Прим. перев.)*

— Ничего, бывает, — отвечает голос, низкий и глубокий, несмотря на столь пронзительный смех. Он очень похож на голос Лорен Бэколл. — Ицзин просто молода. Она не желает выказывать должного уважения старшим. А старших *нужно* уважать.

— Ну да. — Бронка внезапно понимает, что не знает, кому принадлежит голос. — Простите, мы с вами раньше встречались?

— Столь часто «*не слышит*, как его сокольник кличет». — Снова всплеск смеха. И никакого ответа.

Бронка хмурится. Наверное, это одна из нью-йоркских подружек Ицзин, вечно мнящих о себе невесть что.

— Да ну? Я тоже могу цитировать Йейтса. «Все рушится, основа расшаталась, мир захлестнули волны беззаконья»…

— «Кровавый ширится прилив»! — Голос уже откровенно злорадствует. — «И топит невинности священные обряды»… Ах, моя любимая строка. Как точно она указывает, насколько поверхностны и искусственны многие человеческие замашки, не правда ли? Ведь невинность — это всего лишь священная пустышка. Так странно, что вы, люди, так сильно ее превозносите. В каком еще

мире так славят *совершенное невежество* о том, как на самом деле устроена жизнь? — Негромкий смешок, похожий на вздох. — Я никогда не пойму, как ваш вид сумел так сильно развиться.

Бронке… совсем не нравится этот разговор. Секунду ей казалось, что незнакомка заигрывает с ней. Теперь же она совершенно уверена, что женщина в кабинке вовсе не заигрывает, а скорее сыплет завуалированными угрозами.

«Нельзя ссориться с посетителями», — напоминает она себе и, глядя в зеркало, поправляет волосы, чтобы успокоиться. Муженек как-то пошучивал, что она сексуальнее Васкес из «Чужих»…

Из закрытой кабинки доносится очередной смешок, и Бронка внезапно холодеет — за несколько секунд, прошедших с тех пор, как голос замолк, она успела совершенно забыть, что здесь кто-то есть. Она смотрит на три последние кабинки, отражающиеся в зеркале. С этого угла ей видно, что *ни в одной* на полу нет ног.

— Какая невинность, — задумчиво произносит женщина в кабинке.

Так, ну все.

— Что ж, ладно, было приятно обменяться стишками, — говорит Бронка, щелкая краном

и споласкивая руки, чтобы сделать вид, будто она задержалась не просто так. — Надеюсь, эм-м, что у вас все хорошо. — Все-таки эта женщина уже минут двадцать сидит на горшке.

От одной из закрытых дверей доносится щелчок, настолько громкий, что Бронка вздрагивает и, не высушив руки, резко оборачивается. Дверь медленно распахивается. Внутри никого нет.

— О, у меня все просто замечательно, — говорит Женщина в Кабинке. — Видишь ли, у меня получилось найти точку опоры.

— На унитазе, что ли? — Даже сейчас Бронка не может прикусить свой острый язык. Когда-нибудь она умрет с язвительным комментарием на устах.

Раздается хихиканье, словно в кабинке засела двенадцатилетняя девочка.

— Во многих местах. На Статен-Айленде. В этом городе. В вашем столь невинном мире. Может быть, даже на тебе, милое создание.

Бронка нарочно вытягивает из диспенсера бумажное полотенце, чтобы женщина не думала, что она просто застыла в растерянности. Даже если так и есть.

— Дорогуша, я скоро стану бабушкой. Или тебе нравятся дамочки в возрасте?

Вторая кабинка тоже открывается с щелчком, медленным, скрежещущим. На этот раз Бронка не вздрагивает, но по ее телу пробегают мурашки, когда дверь ме-е-едленно открывается. И все это время скрипит, как в ужастике. Бронка трясущимися руками сминает бумажное полотенце. Она остро чувствует все: слабый запах плесени в воздухе, вонь чьего-то переваренного обеда, шершавую поверхность дешевого коричневого бумажного полотенца, которые ей приходится закупать, потому что ни на что получше денег не хватает. Тишину в туалете, вытяжка которого снова вышла из строя. Духоту и зловоние.

Дверь в последнюю кабинку, еще не открывшуюся.

— Мне нравятся все, — произносит Женщина в Кабинке. Бронка почти что *слышит*, как она ухмыляется. — Целый город, полный столь милых людей, что я так бы и съела их целиком, вместе с улицами, канализацией и метро. Кроме того, ты вовсе не стара! Чуть старше новорожденной. Впрочем, немного опыта ты уже приобрела, так что обаянием тебя, скорее всего, не взять. Чего я никогда не могла понять о тебе подобных, так именно этого. Вы все сотканы из одного ничто, но ваши ничто функционируют совершенно

по-разному. К каждому нужно находить свой подход! Как же это досадно. — Женщина в Кабинке недовольно вздыхает. — За этим стоит следить. Когда я раздосадована, то говорю слишком много правды.

Бронка замечает, что не видит в щели между дверью и кабинкой ни намека на Женщину. Большинство дверей в туалетах никогда не закрывают людей полностью, а так, создают лишь видимость уединенности. В щели все равно многое можно рассмотреть. (Бронка почти уверена, что проектировали их мужчины.) В последней же кабинке в щели не видно ровным счетом ничего. Лишь белую пустоту. Словно кто-то прикрыл щель бумагой для принтера… но зачем? И ног под дверью тоже нет, теперь Бронка видит это совершенно точно.

— В правде нет ничего плохого, — говорит Бронка. Пора бросить этой дамочке вызов, чтобы Бронка перестала чувствовать, как волосы на ее коже встают дыбом. — Я всегда считала, что лучше не валять дурочку, а прямо говорить то, что думаешь.

— Именно! — почти что с гордостью говорит женщина. — Ведь нет необходимости все усложнять. Если бы я могла изменить вашу природу,

сделать вас не столь вредоносными, я бы так и поступила! Мне *нравятся* тебе подобные. Но вы все такие негибкие и опасно невинные. И никто из вас, скорее всего, не стал бы добровольно участвовать в геноциде — хотя это я, пожалуй, могу понять. Я бы на вашем месте тоже не стала бы.

Она замолкает, чтобы вздохнуть, а Бронка тем временем думает: «Погоди-ка, что она только что сказала?»

— Но разве ты не хотела бы остаться в живых, когда придет конец? Ты, и твой драгоценный сын, и твой будущий внук. Я даже готова согласиться на твоих бывших — естественно, тех, кто все еще жив. Разве тебе не хочется, чтобы это твое маленькое… гм, заведение осталось стоять, когда все вокруг сровняется с землей? — Бронка кипит от негодования и растерянности, но Женщина в Кабинке не то не понимает этого, не то ей все равно, и она продолжает говорить: — Я могу это устроить. Помочь и тебе, и себе.

Бронка всегда плохо реагировала на угрозы. Даже сейчас, когда эта ситуация и эта невидимая женщина пугают ее до мурашек. Но ей не в первой. Она знает — слабость показывать нельзя.

— Знаешь, что: выйди-ка сюда и скажи это мне

в лицо, — резко рявкает она.

Повисает удивленная пауза. Затем Женщина в Кабинке смеется. Не хихикает, как раньше, а заходится глубоким, раскатистым смехом, хотя из-за хрипотцы он становится не очень приятным. Смеется она оскорбительно долго и заканчивает словами:

— О, ну надо же! Нет, *милая*. День был очень долгий, а поддерживать эту форму так неудобно. Мне пришлось, так сказать, отойти, попудрить носик и отдохнуть. Так что поверь мне… тебе не понравится, если я открою эту дверь прямо сейчас.

— Вылезай давай, — резко отвечает Бронка. — Или так и собираешься сидеть в этой сраной кабинке и угрожать мне и моим родным? — Бронка хорохорится. На самом деле ее *мутит* от страха, хотя обычно страх лишь злит ее еще больше, накручивает для драки. Однако сейчас интуиция изо всех сил кричит ей, что она не готова. Почему-то. Бронка не может просто так спустить этой девке угрозы… но и не хочет увидеть, что же находится внутри той кабинки.

— А это и не угроза, — говорит Женщина. И внезапно ее голос меняется. Становится менее приятным. Менее хриплым и более… глухим.

Как будто она уже не в кабинке, а где-то далеко. Будто кабинка — это не тесный параллелепипед, а огромный зал со сводами, и ее голос отражается от множества поверхностей, которых не может быть там, где стоит унитаз и коробка с тампонами. А еще она — эта женщина, засевшая в туалетной кабинке в Южном Бронксе, — больше не улыбается, о нет. Бронка слышит, как она процеживает слова через стиснутые зубы:

— Можешь считать это советом. Да, *советом*, полезным советом, компенсирующим твою бессмысленную невинность. В ближайшие дни ты многое ув-в-в-в-видишь и поймешь. — Растянутое слово прозвучало как на записи. Словно битый аудиофайл заел или система вдруг не смогла его корректно воспроизвести. — Много нового, мно-о-о-о-ого *уникального*! Когд-д-д-да это случится, вспомни наш разговор, хорошо? Вспомни, чт-т-то я предложила тебе возможность выжить, а ты отвергла ее. Я протянула тебе руку, а ты ее *об-б-божгла*. И когда твой внук будет лежать, вырванный из утробы м-м-матери, брошенный на землю и размазанный по ней, как упавшие с мусоровоза отбросы…

Бронка сжимает кулаки.

— Ну все, тебе *пи*…

И в тот же миг по комнате как будто проходит волна.

Бронка вздрагивает и оглядывается, на миг отвлекшись от Женщины в Кабинке. Волна показалась ей похожей на подземный толчок или на встряску от проехавшей внизу подземки, но рядом ничто не гремит, да и ближайшая линия метро проходит в трех кварталах от них. Бронка не сдвинулась с места, однако ей так не кажется. Что-то изменилось *внутри нее*.

Женщина в Кабинке все еще продолжает бормотать, и с каждым словом ее голос становится громче и быстрее. Однако почему-то Женщина уходит на второй план. Происходит растяжение… щелчок, словно фрагмент мозаики встает на место. *Становление*. И вмиг Бронка становится другой. Она становится больше самой себя.

Внезапно в памяти Бронки всплывает день из ее детства. Она стянула — позаимствовала — у папы строительные ботинки со стальными носами, чтобы, отправившись по делам, пройти через кирпичный завод. Территория завода была завалена обломками здания, снесенного так давно, что развалины уже заросли цветами и вьюном; но Бронка решила срезать путь, чтобы избежать встречи с соседскими парнями,

чьи недвусмысленные оклики и приставания недавно превратились в настоящую охоту. Один из мужчин (а они все были взрослыми мужчинами, в то время как ей было всего одиннадцать; так что ее низкое мнение о сильной половине человечества сложилось заслуженно), который подрабатывал ночным сторожем, был особенно настойчив. Ходили слухи, что он вылетел из рядов полиции из-за неподобающего поведения с несовершеннолетней свидетельницей. А еще ходили слухи, что ему нравились латиноамериканки, и никому в Бронксе не хватало мозгов понять, что Бронка к ним не относилась.

Так что, когда этот человек шагнул из полуразрушенного проема старого здания, когда она увидела на его губах ухмылку и то, как его рука демонстративно лежит на рукояти пистолета, Бронка ощутила себя точно так же, как и сейчас, пятьдесят с хвостиком лет спустя, в туалете выставочной галереи. Она почувствовала себя *больше*. Превыше страха или гнева. Она подошла к проему, конечно же. Затем обеими руками уперлась в косяк и пнула гада в колено. Он провел три месяца в больнице, утверждая, что оступился на кирпичной крошке, и больше никогда с ней не связывался. Шесть лет спустя, купив себе соб-

ственную пару ботинок со стальными носами, Бронка проделала то же самое с полицейским информатором в Стоунволле — и тогда она снова ощутила себя частью чего-то большого.

Огромного. Столь же огромного, как весь этот чертов боро.

Женщина в Кабинке обрывает свою безумную тираду на полуслове. Затем она раздраженно выдает:

— О нет. И ты *туда же*.

— Закрой рот, кишки простудишь, — говорит Бронка. Этому ее научила Венеца. Затем Бронка устремляется вперед, сжимая кулаки и улыбаясь. Неважно, что ей страшно, — она всегда любила хороший махач, хотя сейчас на дворе двадцать первый век и никто больше не называет это «махачем». И неважно, что она стала старой и «уважаемой», — она по-прежнему Бронка с кирпичных заводов, Бронка — гроза Стоунволла, Бронка, противостоявшая вооруженной полиции вместе со своими братьями и сестрами из Движения американских индейцев. Ведь это своего рода танец, понимаете? Каждая битва — это танец. Она всегда хорошо танцевала на индейских

пау-вау[14], ну а в наши дни? В душе она всегда обута в ботинки со стальными носками.

Пока она приближается к кабинке, защелка сдвигается, и дверь начинает открываться. Белизна виднеется только по ее краям — не свет, а именно *белизна*, — и на кратчайший миг Бронка видит в приоткрывшейся щели то, что находится внутри. Белый пол, а чуть дальше — неясная геометрическая фигура, которая, похоже… неравномерно пульсирует? Однако больше всего Бронку озадачивает то, что фигура находится по меньшей мере в двадцати футах от нее. Как будто кабинка — это не кабинка, а туннель, прорытый прямо в водопроводных трубах и обшивке и каким-то образом приводящий в *иное измерение*, ведь Бронка уверена, что нигде — ни в Центре искусств Бронкса, ни за его пределами — нет подобного места.

Но не успевает дверь открыться больше чем на несколько дюймов и не успевает Бронка поподробнее разглядеть то, что ее разум отказывается осознавать, как она упирается рукой в ближайшую покрытую кафелем стенку, поднимает ногу

[14] Сноски: 14

Пау-вау — собрание североамериканских индейцев, сопровождающееся танцами, песнями, общением и обсуждением важных для племен вопросов. (*Прим. перев.*)

и ударяет по чертовой двери, толкая ее обратно.

Секунду Бронка ощущает сопротивление. Слышит странный, негромкий звук, словно она пнула подушку, а за ним — рокот, будто предвещающий молнию.

Затем дверь кабинки смазывается и отлетает от нее. Кажется, будто она сорвалась с петель и провалилась в прямоугольный туннель ровно такого же размера. Или же будто дверь отразилась в двух стоящих друг напротив друга зеркалах, и теперь дверей дюжина, миллион, невообразимое число, стремящееся к бесконечности. Из-за нее доносится удивленный, яростный вопль — это кричит Женщина, ее голос переходит в столь пронзительный визг, что оконные стекла покрываются сеткой трещин, а светильники начинают раскачиваться и мерцать…

Тишина. Дверь кабинки, обычная и снова на своих петлях, влетает от удара Бронки внутрь, врезается в коробку с тампонами и отскакивает обратно. Кабинка пуста. В ней нет ни туннеля, ни иного измерения, а есть лишь вполне обыкновенная стена за вполне обыкновенным унитазом. Светильники перестают раскачиваться и мерцать. В воздухе не остается даже эха того визга.

А Бронка так и стоит на месте, чуть пошаты-

ваясь, пока в ее разум в один миг сваливаются знания, собранные примерно за сто тысяч лет.

Это естественно. Ведь Бронка старше всех остальных, и город решил, что она, как никто, готова нести груз знаний. Когда посвящение заканчивается, Бронка приваливается спиной к ближайшей раковине и переводит дух. Она чуть дрожит, потому что теперь понимает, насколько только что была близка к гибели.

И все же. Пусть теперь она знает, что нужно сделать — аватары должны найти друг друга, защитить и научиться сражаться вместе, как бы безумно это ни звучало, — Бронка все же упрямо стискивает зубы. Она не хочет этим заниматься. Ей это *не нужно*. У нее есть обязанности. Внук, которого нужно воспитывать и баловать! Проклятье, да она всю свою жизнь сражалась. Ей придется работать еще пять лишних лет, чтобы получить хотя бы что-то похожее на приличную пенсию, и она *измотана*. Разве у нее остались силы на войну с существом из иного измерения?

Нет. Не остались.

— Другим боро придется позаботиться о себе самим, — бормочет Бронка. Наконец она заставляет себя выпрямиться и идет к выходу из туалета. Бронксу никогда никто не помогал; пусть теперь

сами почувствуют, каково это.

Когда она уходит, в пустой кабинке туалета воцаряются тишина и спокойствие.

И только за унитазом остается маленький бугорок, почти полностью сожженный неожиданным, яростным отпором Бронки… Короткий, едва заметный, но все же живой белый отросток. Он судорожно дергается, а затем успокаивается и начинает ждать своего часа.

Глава пятая
В поисках Куинс

Бруклин и Мэнни ждут автобус, но тот все не приходит.

Впрочем, так у них появляется время проработать план. Им известно, что некоторые боро «пробудились» — или стали подавать мысленные бэт-сигналы, или как еще это назвать, — но, не считая этого, Мэнни и Бруклин не представляют, как найти своих товарищей по несчастью, когда они доберутся до их владений. Точнее, Мэнни не представляет. Едва они доходят до автобусной остановки, как Бруклин заявляет, что ей нужно «провести разведку», которая, по всей видимости, состоит лишь из короткого, немногословного телефонного разговора неизвестно с кем. Мэнни из вежливости старается не подслушивать. После Бруклин поясняет:

— Если моя догадка верна, то через пару часов мы узнаем, что сейчас творится с Бронксом.

— Просто *догадка*? — Мэнни глядит в конец улицы. Они ждут уже двадцать минут. А кажется, что сорок. День выдался жарким и душным,

воздух кажется густым от влажности, и Мэнни уже получил три новых комариных укуса. — Ты ведь не случайно… *почувствовала* меня тогда. И сейчас, когда ты рядом, я чувствую…

Он очень остро ощущает ее присутствие. Иногда, когда Бруклин оказывается совсем рядом, пространство вокруг них как будто искажается, словно центр гравитации меняется каким-то незримым, неосязаемым образом — и Мэнни даже чувствует его смещение на вкус, хотя это и невозможно. У гравитации ведь нет вкуса. Однако если бы он был, то Мэнни почувствовал бы на языке соль, сначала безвкусную, почти сладкую, затем переходящую в тяжелый, горький металлический привкус, от которого у него начинают слезиться глаза, щекотать в носу и чесаться уши. В другом месте, в Странном Нью-Йорке, Мэнни видит, как Бруклин смещается, как движется непостижимо огромный городской пейзаж на фоне небосвода, сопоставимый лишь с его собственной острой небоскребностью; как они накладываются друг на друга невозможным в реальности образом, который при этом отражает и то, как они стоят по отношению друг к другу. Мэнни подозревает, что именно это и вызывает гравитационные сдвиги; слишком много мас-

сы и пространства оказывается в одном месте в одно и то же время. Возможно, именно из-за того, что это видение противоречит законам физики Нормального Нью-Йорка, оно никогда не длится долго. Бруклин всегда снова становится женщиной.

И женщина-Бруклин выглядит так, словно только что вышла из помещения, оборудованного мощным кондиционером. Она не потеет, и ее, похоже, ни капли не волнует то, как долго они ждут автобус. А еще комары пока что ее не трогают.

— Догадка и зацепка, — говорит она, когда Мэнни замолкает, и пожимает плечами. — Когда я сошла с поезда, то даже не знала, что ищу… а затем совершенно случайно прошла мимо магазина, продающего телевизоры. Там показывали анонс местных новостей. Кто-то снял на мобильный телефон, как какой-то придурок несется по магистрали ФДР на крыше такси. Так что в одиннадцать тебя покажут в новостях, новичок.

— Чудесно.

Она посмеивается над его недовольством, затем снова становится серьезной. Ее ровные брови нахмуриваются, и Мэнни понимает, что

она не меньше него озадачена происходящими с ними таинственными событиями.

— Однако едва я увидела тебя, то сразу же поняла, кто ты такой — *что* ты такое. Как будто… будто, увидев тебя, человека, олицетворяющего саму идею *Манхэттена*, я наконец смогла сосредоточиться. И тогда я поняла, *где* тебя искать, почувствовала направление. Думаю, нам стоит снова попытать счастья на общественном транспорте и надеяться, что по пути мы увидим очередную зацепку.

Значит, им нужно было просто понять, что представляет из себя Куинс. Узнать имя, увидеть лицо или хотя бы смазанную зернистую фотографию а-ля снежный человек. Получить хотя бы маленькую подсказку, чтобы разыскать одного человека среди полутора миллионов. Легко.

Мэнни вздыхает, потирая глаза.

— От всего этого с ума сойти можно. Перед тем как пришла ты, я уже подумывал наведаться в больницу и проверить, не ударился ли я головой. Но не пошел, потому что происходящее кажется мне…

— Естественным, — заканчивает за него Бруклин, когда он, не найдя слов, качает головой. — Нормальным. Да, я понимаю. Я, как и ты,

была уже готова позвонить своему психотерапевту, назначить срочный прием… особенно в тот миг, когда мне вдруг пришло в голову, что Грандмастер Флэш спасет меня от призрачных перистых чудовищ. Но такую странность точно не могло породить ни мое подсознание, ни радиоволны инопланетян, ни что-либо еще. — Она крутит пальцем у виска. — Я только все пытаюсь понять, как твой сосед смог их увидеть. Даже на том видео… никто кроме меня не замечал, что ты с чем-то сражался на магистрали. Не считая тебя, твой сосед — первый на моей памяти, кто… эм-м… видит глазами города.

— Вообще-то на ФДР был еще один такой человек, — говорит Мэнни. — Девушка, которая сидела за рулем такси, видела ту большую, э-э-э… тварь с усиками. А другие люди, похоже, отчасти осознавали, что там что-то есть. Они пытались объехать ее, если успевали. Поэтому пробка и образовалась.

— То есть странности замечают лишь те, кому надо, и больше никто. Ладно. — Бруклин усмехается.

Но она, похоже, права. Мэнни вспоминает, как Бел все время щурился, глядя на окружившие их белые усики, словно он едва их видел

и был не до конца уверен, что они реальны. Тем не менее Бел замечал больше, чем многие люди на магистрали ФДР. И Мэдисон тоже. Они оба должны были увидеть усики, иначе те бы навредили им…

Нет, не так. Мэнни хмурится в ответ на собственные мысли, ощущая, что его логика неверна, причем яснее всего это почувствовала та расчетливая, жестоко-рациональная часть него, которая, похоже, осталась от его старой личности. И эта часть предложила ему иное объяснение: «Бел ничем не смог бы тебе помочь, если бы не видел усики, — говорит она. — А если бы Женщина в Белом захватила его разум, то проблем у тебя стало бы больше. Оставаясь в здравом уме, он был хотя бы… полезен».

Да. Наличные деньги Бела подали ему идею воспользоваться кредиткой — которую теперь нужно заблокировать, ведь он, дурак, просто бросил ее там, — а тревога за Бела заставила Мэнни сосредоточиться. И Мэдисон не согласилась бы пойти на таран, не увидь она гигантский фонтан усиков, плещущийся на магистрали ФДР. Так что да, как и сказала Бруклин, видели их только те, кому это было необходимо… но необходимость определял не Бел и не Мэдисон. Дело было в Мэн-

ни — это *ему* было нужно, чтобы *другие* узнали про усики, благодаря чему он мог воспользоваться этими людьми, как инструментами.

Город поступил так с Белом и Мэдисон, и точно с таким же холодным расчетом он отнял у Мэнни его личность, оставив лишь приятную наружность и способность беспощадно пугать незнакомцев, заставляя их исполнять его волю. И если это правда… тогда Мэнни не уверен, что может считать город своим союзником. И он не уверен, что оказался на стороне хороших ребят.

Мысли Бруклин, похоже, движутся в похожем направлении.

— Ты все еще хочешь пройти тот «курс молодого ньюйоркца»?

— А разве у меня есть выбор? — Он слышит в собственном голосе горечь.

— Конечно, есть. — Когда Мэнни поднимает на Бруклин удивленный взгляд, она пожимает плечами. — Выбор есть у всех. Какие бы странности сейчас ни происходили, они связаны с городом, так что самый очевидный способ все прекратить — это уехать из него.

Мэнни… ожидал услышать от нее совсем не это. Но, хмурясь и глядя на Бруклин, он чувствует, что

она не ошибается. Можно просто уехать. Вернуться в… Он не помнит, откуда приехал, но это ведь и неважно, верно? Можно поехать на Пенсильванский вокзал, запрыгнуть в ближайший поезд до Филадельфии, или Бостона, или любого другого города, разорвать договор аренды и не явиться на учебу. Он потеряет кучу денег и собственную гордость, но, может быть, к нему вернется память. И, самое важное, он откуда-то знает, что вместо него Манхэттеном станет кто-то другой. Обязанность сражаться с невидимыми глубоководными тварями и одержимыми рыночными аналитиками ляжет на другие плечи — а Мэнни понимает, что таких битв будет еще много. Все случившееся — это лишь пролог к чему-то более масштабному.

Когда настанет время, город вступит в войну с той армией, которой будет располагать на тот момент. Хочет ли Мэнни оказаться в этой армии? Он в этом не уверен.

Наконец появляется автобус, неприлично медленно выезжающий из-за угла. У Мэнни в бумажнике лежит проездной, купленный его прежним «я». Он надеется, что не поскупился и купил безлимитные поездки.

Они садятся в автобус. (Карточка не безлимит-

ная, но прото-Мэнни положил на нее пятьдесят долларов. Молодец, прото-Мэнни.) Затем автобус отъезжает от обочины, медленно, как тягучая патока, стекающая с ложки. Боже, помоги Куинсу и Бронксу, ведь пока Мэнни и Бруклин будут добираться до них, Нью-Йорк уже успеет обратиться в руины. Впрочем, пока они едут, Мэнни решает временно сосредоточиться на том, что в его силах.

— Ладно, расскажи мне о Нью-Йорке, — говорит он. — И рассказывай так, будто я никогда здесь не был или не помню о том, что был. Потому что я, э-э-э, и правда не помню.

— Ты не…

Мэнни делает глубокий вдох.

— Я… не помню, кем был прежде.

– *Что?*

Мэнни пытается объяснить, и оказывается, что это не так-то просто. Он рассказывает ей обо всем, что произошло на Пенсильванском вокзале, о том, что он помнит слова песен Эм-Си Свободной, но не помнит лица своей матери. Когда он умолкает, Бруклин не отрываясь смотрит на него. Время идет, и Мэнни уже думает, что она ничего не скажет про его амнезию, как вдруг Бруклин говорит:

— Я слышу музыку.

Он хмурится, не понимая, к чему это. Бруклин продолжает:

— Я все время ее слышу. Еще в детстве я постоянно битбоксила, выдумывала тексты, разговаривала сама с собой в метро на платформе. Ну, ты видел, наверное, таких чудиков. А теперь я будто слышу целые, мать их, *симфонии*. Щелчки женских каблуков по тротуару. Рокот неисправного ремня ГРМ старой машины. Как школьницы играют в ладошки и что-то скандируют в ритм… От всего этого в моей голове начинается целый концерт. Это похоже на какой-нибудь тиннитус[15], но только прекрасный и музыкальный. — Бруклин трет лицо руками. — Он пробудил ту часть меня, которую я уже давно оставила в прошлом. И оставила я ее не просто так, а чтобы можно было сосредоточиться на самом, черт возьми, важном.

— А музыка не важна?

— Не так важна, как медицинская страховка для моей малышки. — Она хмурится. — К тому же

---

[15] Сноски: 15

Тинни́тус (*от лат.* tinnīre — «позвякивать или звенеть, как колокольчик») — звон или шум в ушах без внешнего акустического стимула, может характеризоваться пациентами как гул, шипение, свист, звон, шум падающей воды, стрекотание кузнечиков. (*Прим. ред.*)

я устала от шоу-бизнеса еще до того, как ушла. Меня все время пытались заставить измениться, стать сексуальнее, жестче и всякое такое. Когда родилась дочка, я решила, что больше не могу так жить, и сейчас я *счастлива*. Но эта новая музыка словно пытается сделать меня прежней. А это неправильно. Свободной больше нет.

Сначала он слышит: «Свободы больше нет», — потом понимает, о чем она, и лишь тогда осознает, зачем Бруклин ему это рассказала.

— Ты думаешь, что, становясь частью города, мы меняемся, — говорит Мэнни. — Что он переделывает нас, но каждого по-разному.

— Ну да. Думаю, что это, гм, цена за то, что мы получаем. Твои воспоминания, мое душевное спокойствие, и кто знает, что пришлось отдать другим. Но, наверное, так и должно быть? Став городом… — Она качает головой. — Возможно, мы больше и не можем оставаться обыкновенными людьми.

«Ты точно не человек», — вспоминает Мэнни слова Женщины в Белом. Он думал, что она лжет, но…

Внезапно Бруклин издает не то вздох, не то стон и потирает глаза.

— К черту все. Давай сосредоточимся. Так.

Нью-Йорк для чайников. — Она включает свой телефон, пролистывает несколько приложений, а затем поворачивает экран к нему. На нем Мэнни видит уже знакомую карту нью-йоркского метро.

— Манхэттен, — говорит она, указывая на узкий остров посередине. Мэнни едва сдерживается, чтобы не вздрогнуть. Затем, начиная с верха и двигаясь по часовой стрелке, она перечисляет все боро, указывая на них маленьким стилусом. — Бронкс, Куинс, Бруклин, Статен-Айленд. *Официально* в город входят только они, хотя Лонг-Айленд, вообще-то, находится на том же острове, что и Бруклин с Куинсом. Йонкерс смог увильнуть от того, чтобы его причислили к городу; Статен-Айленд пытался оторваться, но не сумел. А еще есть Джерси. — Она закатывает глаза.

— А что не так с Джерси?

— Это Джерси. Ну да ладно. Карту видишь? Так вот, это все — бред собачий.

Мэнни удивленно моргает.

— Но ты ведь только что…

— Да, да. Поэтому-то я ее тебе и показала. Почти все, кто приезжает сюда, первым делом видят карту. Даже те, кто уже много лет здесь живет, думают, что *это* и есть город. — Она трясет те-

лефоном, чтобы подчеркнуть свои слова. — Они считают, что Манхэттен — это центр всего, хотя бóльшая часть населения живет в других боро. Они считают Статен-Айленд чем-то ничтожным, сбоку припека, потому что его уменьшили, чтобы вместить на карту. Однако географически он больше Бронкса. Так вот, нью-йоркский урок номер один: то, что люди *думают* о нас, не всегда соответствует действительности.

Мэнни косится на нее, гадая, не намекает ли она на него.

— Вроде как член городского совета и адвокат Бруклин Томасон на самом деле втайне — Эм-Си Свободная?

— Не такая уж это и тайна, малыш. Бруклин секретов не держит. — Она снова щелкает по карте, на этот раз в другом месте. — Куинс — это то, что осталось от старого Нью-Йорка: пенсионеры, рабочие и орава иммигрантов. Все рвут задницы, лишь бы заработать себе на собственный дом с задним двориком. Проклятые технари все пытаются занять этот район, и когда-нибудь, наверное, они победят, но пока что они живут в своем засранном Лонг-Айленд-Сити. Который находится на Лонг-Айленде. Куинс, к слову, тоже на Лонг-Айленде, но *не является частью* Лонг-

Айленда. Сечешь?

— Нет.

Она смеется и не объясняет подробнее. Затем тычет в Бронкс.

— Этой части города достается больше других. Тут тебе и банды, и аферы с недвижимостью, и черт знает что еще. И живут здесь жесткие люди, которым приходится через все это пройти. Так что во многом этот боро — сердце Нью-Йорка. Та его часть, которая сохранила характер, творческий подход и стойкость, которые обычно приписывают всему городу.

— Значит, в Куинсе мы ищем трудоголика-нетехнаря, а в Бронксе — кого-то творческого, но с характером? Да уж, сузили круг поиска. — Мэнни вздыхает. — А что насчет… — Он щелкает пальцем по ее телефону, указывая на Статен-Айленд.

Бруклин поджимает губы — недовольно, а не задумчиво, как кажется Мэнни.

— Здесь будет кто-то с менталитетом обывателя из маленького городка, несмотря на то что они живут в крупнейшем американском городе. Помни, люди там *не хотят* быть частью Нью-Йорка. И они не дадут тебе об этом забыть. — Бруклин пожимает плечами. — Какой-нибудь говнюк с ку-

чей комплексов. И, скорее всего, республиканец.

Автобус наконец дополз до нужной им станции метро, где они садятся на ветку «N».

— Надо было ловить лимузин, — бурчит Бруклин. Час пик в самом разгаре; в метро толпа народа. Они стоят, и Мэнни старается не толкнуть кого-нибудь ненароком. Он впервые в подземке, но из-за толкучки насладиться этим не получается. — Хотя на дорогах сейчас, наверное, так же плотно.

— Да и нанимать лимузин, кажется, чересчур, — говорит он.

— Милый, «лимузин» означает такси, которое нельзя вызвать. Все, что не относится к желтому или зеленому такси, у нас обычно называют лимузинами, в том числе и те роскошные лимузины, о которых ты подумал. Только в Бруклине их еще называют «таксомоторами». — Она пожимает плечами. — Впрочем, их все равно постепенно поглощают «Убер» и «Лифт».

— А почему в Бруклине их называют по-другому?

Она меряет его таким взглядом, какой он, наверное, заслуживает. В Бруклине говорят по-другому, потому что Бруклин делает все по-своему. Он старается схватывать на лету.

На станции «Куинсборо-Плаза» они пересаживаются с маршрута «N» на седьмой. От стояния у Мэнни начинают затекать ноги, но он внезапно снова чувствует, что гравитация сместилась, и на этот раз виной тому не Бруклин. Он чуть переносит свой вес, чтобы компенсировать смещение, и видит, что Бруклин делает то же самое. Они переглядываются и кивают друг другу.

— Хорошо, — довольно произносит она. — Я уже начала переживать, что нам придется ехать до самого Флашинга. Но, похоже, та, кого мы ищем, сейчас в Джексон-Хайтс.

Они выходят из вагона и идут наверх. Остановившись на углу, по диагонали от картавого уличного проповедника, Мэнни решает попробовать провернуть нечто похожее на то, что сделала Бруклин, чтобы найти его. Зайдя в соцсети, он начинает перебирать ключевые слова. На комбинации «Куинс» и «странное» он находит уйму жалоб на местных дрэг-квин в плохо подобранных нарядах. Однако среди них все же попадаются несколько твитов от пользователей из Джексон-Хайтс, в которых упоминаются детские вопли и «странная суматоха». Пока Мэнни и Бруклин просматривают ленту, появляется новый пост: «Лол, у одной бабульки бассейн хочет

сожрать ее детей, зацените фотки».

Фотографии размыты, на них — чей-то задний двор с бассейном, выложенным необычно темной плиткой; два барахтающихся в нем ребенка и столь же размытый черноволосый силуэт на краю бассейна. Однако этого достаточно. Мэнни и Бруклин тут же чувствуют притяжение, исходящее от черноволосой женщины.

Затем телефон Бруклин издает блеющий звук, и она достает его из сумочки, чтобы прочесть сообщение.

— Ну надо же. Ты только посмотри. Похоже, мы и Бронкс нашли.

Она поворачивает телефон, чтобы Мэнни мог посмотреть. На крошечном экране фотография настенной росписи. Поначалу ему трудно что-либо разобрать. Мэнни видит линии, проведенные среди красочных пятен; они пересекаются и сплетаются в умопомрачительную россыпь цветов, написанную на шершавой кирпичной стене. Затем в сознании Мэнни что-то встает на место, и та, иная часть него делает глубокий вдох. Он внезапно осознает, *что* видит перед собой.

Это то, другое место. Его *второе воплощение*. Город, которым он стал. Нью-Йорк во всей своей индивидуальности, изображенный как единое

целое, а не как сборище отдельных образов и идей, которые маскируют его суть в этой реальности. Мэнни внезапно понимает, почему видел то место пустым, хотя на самом деле это не так. Люди все еще там, но лишь духом, равно как и сам Нью-Йорк незримо присутствует в жизни каждого жителя и гостя. В этой странной росписи на стене Мэнни видит истину, которой теперь живет.

И он точно знает — роспись сделана руками той, кто воплощает Бронкс. Он уверен в этом, потому что в тот же миг, как Мэнни осмыслил картину, он ощутил то странное притяжение, на этот раз ведущее его куда-то на север. Притяжение не столь же сильное, как то, что исходит от Куинс — ведь та находится ближе, — но спутать его ни с чем нельзя.

— Ты сказал: «Кто-то творческий, с характером», — бормочет Бруклин, тоже не отрывая взгляда от фотографии. — Для тебя это всего лишь догадка… но я всю жизнь думала про Бронкс именно так. Там возник хип-хоп, там лучшие граффити, и танцы, и мода, и… — Она качает головой. — Я уже попросила своих помощников обращать внимание на всякие странности, но, когда ты это сказал, я велела им найти опреде-

ленную картину. Никак не могла сообразить, где и когда я ее видела, но у меня получилось припомнить кое-какие детали, и они нашли. Это она.

Бруклин проводит пальцем по экрану. За фотографией открыто сообщение от Марка Вишнерио, помощника члена городского совета Нью-Йорка Томасон. Сообщение пришло пять минут назад: «Сейчас выставляется в галерее в Бронксе. Подписано как “ЗеБронка” — это псевдоним Бронки Сиваной, доктора наук и директора Центра искусств Бронкса. Название картины: “Нью-Йорк, Реально Реальный”».

Бруклин поднимает голову и смотрит, где солнце.

— Уже час пик… к слову, у нас он начинается примерно в два или три часа дня, когда первые школьные автобусы начинают мешать движению. Если только Куинс не присоединится к нам по-быстрому или Бронкс не задержится на работе, то мы, скорее всего, разминемся с ней, если поедем в Центр искусств.

— Тогда отправимся к ней домой, — говорит Мэнни. — Одной ей сейчас оставаться, наверное, опасно.

Бруклин вздыхает и качает головой:

— Мы не поспеем сразу всюду. Может, разделимся?

Поступить так было бы логично, но Мэнни морщится.

— Поодиночке с нами будет только проще разделаться. Смотри, Куинс мы нужны уже здесь и сейчас. Давай разбираться с проблемами по очереди.

— Чем больше боро, тем больше проблем, — бормочет Бруклин, а затем кивает, неохотно соглашаясь.

Мэнни недолго копается в приложении для райдшеринга на телефоне и выбирает на карте точку, рядом с которой, как им подсказывает чутье, находится Куинс. Затем они отправляются в путь — ведь лучше поздно, чем никогда.

Глава шестая
Доктор Белая, критик из иного измерения

Их работы отвратительны.

Бронка идет вдоль выставочного стенда медленно, давая себе время подумать. Краем глаза она видит Джесс, стоящую у стойки администратора. Поближе к телефону. Позади нее за столом сидит ассистентка Центра, Венеца. Джесс стоит с каменным лицом, у Венецы же такой вид, словно ее взяли в заложницы; выпучив глаза, она переводит взгляд с Бронки на Джесс, на Ицзин — да, на Ицзин, ведь, что бы между ними ни происходило, с таким кошмаром они должны разбираться вместе, единым фронтом, — и, наконец, на их гостей.

Их гости толпятся посреди зала, хотя их представитель — молодой белый парень с длинными, убранными в пучок волосами цвета «клубничный блонд» и бородой дровосека — дипломатично держится между своими спутниками и Бронкой. Он назвался менеджером этих ребят, считающих себя «художественным коллек-

тивом». Все члены их компании — мужчины, и почти все белые, если не считать одного низкорослого паренька, тоже на первый взгляд белого, но с щедрой примесью южноамериканских кровей. Паренек этот зачем-то отрастил себе всклокоченное подобие такой же дурацкой бороды. Видимо, он так сильно старается сойти за своего в этой тусовке, что не замечает, насколько она ему не идет. Без бороды он был бы гораздо симпатичнее.

«С низкорослыми пареньками нужно быть осторожнее», — как-то сказал Бронке ее бывший муж. Они остались друзьями, ведь вместе пережили судебные иски на Движение американских индейцев, демонстрации для привлечения внимания к проблеме СПИДа и воспитание ребенка. Крис всегда любил делиться нажитой мудростью со своими друзьями. Он говорил: «Низкорослые пареньки похожи на тех крошечных собак, от которых все умиляются. Но они же тявкают без умолку, эти умалишенные, у которых яйца больше мозгов».

Настоящий старейшина и воин, Крис Сиваной. Она скучала по нему. Он, наверное, придумал бы, как разобраться с этим *отборнейшим дерьмом*.

Она поворачивается к Клубничному Блондину.

Тот смотрит на нее с чрезмерно вежливой улыбочкой, означающей: «А не пошла бы ты на…» Он прекрасно знает, что думает Бронка. Он ждет, когда она это озвучит и нарушит негласный договор, покрывающий белых людей, которые творят что хотят и разве что прилюдно не бросаются словом на букву «н». Черт, и некоторые из них еще пытаются прикидываться, будто они «вовсе не это имели в виду».

— Так, ладно, — говорит Бронка, отчасти отвечая на свою последнюю мысль. — Это что, какой-то дебильный розыгрыш?

Ицзин издает стон и закрывает лицо рукой. Джесс, впрочем, скрещивает руки на груди — это для нее то же самое, что снять сережки перед дракой. Бронка надеется, что до *такой* драки дело все же не дойдет, но по ледяному выражению лица Джесс видно, что та готова ко всему. Молодые сердитые еврейки не терпят подобных выкрутасов, равно как и сердитые старушки-ленапе.

Клубничный Блондин пытается изобразить на лице потрясение. Актер из него никудышный, хотя в резюме и говорится, что он якобы работает дублером в нескольких бродвейских постановках. Бронка не сомневается, что это ложь. Такие типы всегда лгут и нападают на других, чтобы

прикрыть свою собственную посредственность.

И именно поэтому их работы настолько оскорбительны. Да, они полны расизма, ненависти к женщинам, гомофобии и, наверное, груды других мерзостей, которые она не разглядела с первого взгляда. Но вдобавок к этому они *ужасны*. Бронка вообще считает, что те, в ком столько ненависти, не способны сотворить хоть что-то стоящее — все-таки художник должен уметь сопереживать другим. Кроме того, у их Центра хорошая репутация, и Бронка привыкла, что другие относятся к ней с уважением и стараются не тратить рабочее время попусту. Другими словами, обычно ей не приносят откровенное фуфло.

Это — фуфло. Коллаж из фотографий линчеваний, на которых запечатлены мертвые или измученные лица чернокожих, и все это окружают схематичные человечки, нарисованные белой краской, тычущие пальцами и широко ухмыляющиеся. Триптих, нарисованный в графике, углем с акварелью: на первой части изображена темнокожая женщина с комически огромными губами, сосками и вульвой; она лежит, связанная веревками на манер того японского искусства, название которого Бронка не может вспомнить. Выражение лица женщины застряло где-то меж-

ду скучающим и бездушным. На второй части на ней нарисован мужчина; его голый зад смазан, намекая на движение. На голове у него штраймл и пейсы; Бронка изумлена, что ему не намалевали на ягодице звезду Давида, чтобы зритель точно все понял. На третьей части триптиха мужчина уже другой, длинноволосый, воплощающий собой мешанину стереотипов об индейцах Прерий. На него даже нахлобучили чертов венец из перьев. (Небрежно намалеванная набедренная повязка и штаны закрывают обзор, поэтому через его тело, как на рентгене, видно широко растянутую вульву женщины. Вероятно, это сделано для того, чтобы зритель не думал, будто в нее не проникают? Кто ж, черт возьми, разберет этих «творцов».) Рядом с женщиной — шеренга мужчин, которые ждут своей очереди и держат в руках собственные пенисы — или, местами, ножи. И на всех трех изображениях, пока мужчины по очереди имеют темнокожую женщину, она выкрикивает цитаты хорошо известных цветных активисток.

Есть и другие работы, но они больше навевают скуку, нежели жгучую ярость; от плохого искусства быстро устаешь. Худшее из представленных творений — скульптура мужчины, согнувше-

гося пополам и обнажившего огромную дыру в заднице, по форме явно напоминающую оттиск кулака. Но больше всего, похоже, их гости гордятся триптихом.

Бронка указывает на скульптуру.

— Вы на «Форчане» это подглядели или сами додумались? — Она мельком бросает взгляд на Венецу, и та отвечает ей короткой взволнованной улыбкой. Это Венеца рассказала Бронке о «Форчан»-культуре. Бронка гордится собой за то, что запомнила название.

Один из спутников Клубничного Блондина, сутулый и бледный, выглядит так, словно у него чахотка или какая-то другая викторианская болячка. Бронка решает, что будет звать его Док Холлидей.

— Я и не жду, что вы поймете, какой смысл я пытаюсь передать этим произведением, — огрызается он. — В него заложена *ирония*, если вы сами не догадались. В музее современного искусства вообще выставлено двадцать два абстрактных изображения клиторов, вот так вот.

Бронка чувствует, что начинает горячиться. Это нехорошо. Ей нельзя выходить из себя.

— И вы решили, что на клиторы логично ответить пошлой карикатурой? А групповое

изнасилование — это что, по-вашему? Призыв обратить внимание на проблемы репродуктивного здоровья женщин?

— Это высказывание на тему женского обрезания, — отвечает шкет, которому на вид лет пятнадцать. Он даже не может сдержать ухмылку и с серьезной миной подать свой бред. — Видите? Она черная. То есть *африканка*.

Бронка делает глубокий вдох, берет себя в руки и натягивает самую неискреннюю улыбку.

— Ладно. Джентльмены, я ценю, что вы пришли сюда и уделили нам свое время, так что буду говорить кратко. Центр искусств Бронкса был основан в тысяча девятьсот семьдесят третьем году и спонсируется как из городского бюджета, так и на частные пожертвования. Наша цель проста: с помощью искусства показывать все сложные культурные особенности нашего чудесного боро. Мы…

— Что вы нам зубы заговариваете, — говорит Клубничный Блондин. Он смеется, но в его голосе звучит отвращение. — Это вы нам так типа вежливо отказываете?

Но Бронка уже завела шарманку:

— …принимаем и прославляем Бронкс и его разнообразие рас, этнических групп, талантов,

национальных принадлежностей, религиозных меньшинств, а также…

— Мы сами из Бронкса, — говорит Шкет, чья восторженная ухмылочка вмиг сменяется багровым, разъяренным выражением лица. Видимо, в детстве он часто закатывал истерики. — Я здесь вырос. И я вправе выставлять у вас мои работы.

Он из Ривердейла, думает Бронка. Из страны ухоженных лужаек, тюдоровских усадеб и живущих в них НИМБИстов[16], не подпускающих к своим домам прогресс.

— Это не совсем так, — говорит она парнишке. — Мы существуем, чтобы расширять художественное пространство Нью-Йорка за пределы Манхэттена, но мы все же остаемся частью этого пространства. Поэтому, чтобы подкреплять нашу репутацию, мы должны выставлять *хорошие* работы. Кроме того, в этом боро проживает полтора миллиона человек, и многие из них — художники. Так что нам есть из чего выбирать.

— Да даже если бы и не было, — выпаливает

---

[16] Сноски: 16

NIMBY — акроним от *англ.* «not in my backyard» («не на моем заднем дворе»), протест против возведения крупных инфраструктурных и общественно значимых объектов вблизи жилой застройки (убежищ для бездомных, тюрем, аэродромов, атомных электростанций, химических предприятий и проч.). Чаще используется в негативном смысле. (*Прим. перев.*)

Джесс, очевидно решив, что Бронка ушла от главного, — *мы не распространяем нетерпимость*. Никаких стереотипов. Никаких фетишистских изнасилований. Никаких гомофобных приколов… — Жестом она снова передает слово Бронке.

— У вас остались вопросы? — спрашивает Бронка таким тоном, чтобы было ясно — вопросы не приветствуются.

— Ну мы еще не показали вам нашу главную работу, — говорит Клубничный Блондин. Когда Бронка впивается в него взглядом, оскорбленная подобным нахальством, он одаривает ее такой улыбкой, от которой все предупредительные звоночки в ее голове начинают сходить с ума. Во взгляде Блондина заметен нездоровый блеск — возможно, он успел чем-то обкуриться, поскольку из его кармана торчит вейп. И блеск этот ничуть не скрывает, насколько мистер Блондин взбешен. Он явно что-то задумал. — Если вы посмотрите на нашу лучшую работу и все равно откажетесь, мы уйдем. Без шума. Просто посмотрите. Больше мы ни о чем не просим. — Он разводит руками, изображая из себя разозленную невинность.

— Вы думаете, я захочу смотреть на еще одно

подобное *творение?* — Бронка указывает на триптих. Он выглядит омерзительно. Ей хочется вымыть глаза с мылом.

— Эта работа более абстрактная, — говорит Док Холлидей. Он поворачивается к одному из оставшихся бородачей, которого Бронка еще не удосужилась никак окрестить. Тот быстрым шагом выходит в коридор. Когда они шли сюда, Бронка заметила прикрытую непрозрачным полиэтиленом картину, но совсем позабыла о ней во время измывательства над ее органами чувств. Новая работа больше предыдущих, примерно десять футов по стороне, и написана на холсте, если судить по тому, с какой легкостью они ее несут. Безымянный начинает отклеивать скотч с полиэтилена. Холлидей встает между ним и Бронкой — Бронка подозревает, что он пытается помешать ей увидеть фрагменты того, что под упаковкой; видимо, хочет, чтобы картина произвела впечатление целиком. Настоящие художники так не делают. Только дрянные художники устраивают такой театр. А еще ему явно не терпится показать свое творение.

— Мне лишь хочется услышать ваше мнение об этой работе. Я уже получил хорошие отзывы о ней от одной манхэттенской галереи.

Ицзин выходит из оцепенения. На ее лице застыло выражение отвращения, и в кои-то веки Бронка рада тому, как она чопорно вздергивает свой носик.

— От какой галереи?

Док называет ту, о которой Бронка слышала. Она переглядывается с Ицзин и видит, что та самую чуточку впечатлена. Ицзин поджимает губы.

— Ясно, — говорит она, но Бронка подозревает, что очень скоро Ицзин позвонит дельцу, владеющему той галереей, и спросит, чем они там вообще думали.

Клубничный Блондин вопросительно смотрит на Дока Холлидея, и они вместе прислоняют картину к одному из пустых стендов. Секунда возни, и они готовы.

— Я назвал ее «Опасные ментальные машины», — говорит Док, после чего они стягивают брезент.

Бронка сразу видит, что эта картина отличается от остальных. Те представляют собой лишь пародию на живопись — вроде тех работ, которые люди, ненавидящие изящные искусства, считают последним писком изобразительной моды. Но это — искусство настоящее. Цвета складыва-

ются в сложные узоры, вложенные друг в друга. Бронка осознает, сколько мастерства потребовалось, чтобы написать эту картину. В ней видна *техника*. В целом неоэкспрессионистская, но с изяществом граффити. Всем хочется творить как Баския, но не все справляются. Сам Баския не всегда справлялся. Но кто бы ни сотворил это полотно — а Бронка прекрасно понимает, что ни Док, ни Шкет его не писали, — справляется еще как.

Но.

На полотне изображена улица или намек на нее. Вдаль, вдоль загруженной дороги, разновеликими группками бредут около дюжины силуэтов. Друг к другу теснятся магазины с хаотично развешенными разномастными вывесками, и все это кажется очень знакомым. Китайский квартал. Пейзаж ночной и дождливый, краски сверкают, изображая мокрое мощение дороги. Силуэты больше похожи на чернильные кляксы, безликие и нечеткие, но… Бронка хмурится. Что-то в них не так. Они *грязные*, эти силуэты, облаченные в тусклое немодное тряпье; рукава закатаны, обнажая почерневшие руки, ботинки перемазаны грязью, а фартуки запятнаны кровью и менее различимыми телесными жидкостями. Они

грозно маячат, эти грязные создания, которых даже *людьми* не назвать. В воздухе висит дымка, намекающая на запах мокрого мусора, который смешивается с вечерним туманом, и Бронка почти что слышит журчание их болтовни…

(В галерее стало темнее и тише. Клубничный Блондин стоит с краю зрения Бронки словно в свете прожектора, улыбается и жадно всматривается в ее лицо. Больше никто не шевелится.)

Но шум голосов не похож на тот, что она слышала в реальности, проходя по Китайскому кварталу. Настоящий уличный шум складывается из обычных разговоров, он похож на разминку перед концертом, на какофонию различных интонаций и языков — английского и других европейских, на которых говорят туристы, — с вкраплениями детского смеха и криков разозленных водителей. Но сейчас, стоя перед картиной, Бронка слышит нечто иное, на тон выше.

Невнятное бормотание.

(День уже клонится к вечеру. Она должна слышать совсем не это. Старый, задыхающийся кондиционер должен едва слышно трещать, с трудом борясь с летней жарой. Да и Центр выходит окнами на одну из главных магистралей — так

где же шум машин с улицы? Еще до них должно время от времени доноситься жужжание пилы из столярной мастерской внизу, где выполняются заказы художников Центра. В Центре искусств Бронкса не бывает так тихо, тем более в это время суток. Бронка хмурится… но затем картина вновь перетягивает ее внимание на себя.)

Бормотание. Лица маячат перед ней и, кажется, меняются, пока Бронка рассматривает картину.

(Ну-ка, подождите. Она что-то слышит…)

Стрекот. Похожий на скрипучий хитиновый треск насекомого, измененный расстоянием и движением.

(Раздается голос Венецы: «Старушка Би. Эй, Старушка *Би*. Бэ-рр-о-ннн-ка». Бронка терпеть не может, когда Венеца так коверкает ее имя, произнося каждую фонему как отдельный слог. Из-за этого она начинает переживать, что у нее случился инсульт, и именно поэтому Венеца продолжает так делать.)

Появляется новый звук. Позади нее на полированный бетонный пол Центра шлепается что-то тяжелое и влажное. Звук кажется ей похожим на то, как на причал вытаскивают швартовы. Она даже чувствует легкий запах морской воды. Но Бронка не успевает задуматься, зачем кто-то

размотал в зале мокрый трос, потому что лица на картине, размытые и невыразительные, внезапно оказываются намного ближе. Это *они* издают стрекот. Дребезг.

Лица поворачиваются к ней.

Лица поворачиваются и надвигаются, и *они окружили ее*…

Кто-то хватает Бронку за плечо и рывком оттаскивает назад.

На миг вселенная останавливается и немного растягивается. У Бронки перехватывает дыхание, и на долгую секунду она застревает в этом податливом моменте. А затем реальность возвращается на круги своя.

Она моргает. Венеца стоит рядом с ней и озабоченно морщится. Рука девушки все еще лежит на плече Бронки. Это она оттащила ее назад. Картина стоит перед ними, представляя собой всего лишь краску на холсте. Бронка внезапно чувствует, что картина никогда и не менялась, но вот зал вокруг нее…

Поскольку она должна стать проводником, Бронка прекрасно понимает, что сейчас произошло, — хотя осмыслить это довольно сложно, и она рада, что ей, скорее всего, не придется никому это объяснять. Здесь многое замешано:

корпускулярно-волновой дуализм, процесс распада мезонов, этические вопросы квантового колониализма и многое другое. Но если оставить самую суть, то случилось вот что: нападение. Нападение, которое не просто чуть не убило ее, а чуть не *уничтожило*. А вместе с ней и Нью-Йорк.

— Старушка Би? — Это Венеца дала ей такое очаровательное прозвище, которое подхватили молодые художники Центра. Саму Венецу, второе имя которой Бриджида, прозвали Малышкой Би. — Ты хорошо себя чувствуешь? Ты отключилась, и… — Девушка замолкает на середине предложения с приоткрытым ртом, а затем, несмотря на колебания, договаривает, что хотела: — Я не знаю. Несколько секунд происходило что-то совсем странное.

Вот уж приуменьшение вселенских масштабов.

— Я в порядке. — Она похлопывает Венецу по руке, чтобы успокоить, а затем поворачивается к Клубничному Блондину и его прихвостням. Блондин больше не улыбается, а Док Холлидей так и вовсе нахмурился.

— Прикройте эту дрянь, — рявкает на них Бронка. — Хоть и не сразу, но до меня дошло.

«Опасные ментальные машины». Ха-ха-ха. — Она оглядывается и видит непонимание на лицах Джесс и Венецы. Но не на лице Ицзин. Нет, пусть Ицзин и сучка, но она хотя бы разделяет любовь Бронки к университетскому образованию в сфере семи свободных искусств. Вновь разгневавшись, она сверлит Дока Холлидея взглядом. Так что Бронка продолжает: — Да. Так Говард Лавкрафт весело окрестил жителей Китайского квартала. Ах, простите, «азиатских отбросов». Он был готов признать, что они ничуть не глупее белых, поскольку умеют зарабатывать деньги. Но души, по его мнению, у них нет.

— Ох, как же он ненавидел принцип равенства возможностей, — растягивая слова, говорит Ицзин. Она скрещивает руки на груди и сверлит мужчин взглядом. — В том же письме он прошелся почти по всем. Дайте-ка припомню… если не ошибаюсь, черных он назвал «детоподобными гориллами», евреев — «проклятием», а португальцев — «обезьяноподобными» или как-то так. Мы здорово повеселились, разбирая этот текст на семинаре по моей диссертации.

— Да ладно, даже португальцев? — Венецу, похоже, это впечатлило. Бронка вспоминает, что Венеца наполовину черная, а наполовину

португальских кровей и не ладит со своей португальской родней.

— Ага. — Бронка упирает одну руку в бок. Гости еще не прикрыли картину — которая на самом деле никакая не картина, — но теперь Бронка знает, что больше секунды на нее смотреть нельзя. Хотя Джесс и остальным, скорее всего, ничего не угрожает, поскольку нападение было нацелено исключительно на Нью-Йорк, ну или на значительную его часть. — Я бы еще поняла, попытайся вы переиграть Лавкрафта. Показать, насколько извращенными были его страхи и предрассудки. Но эта картина их лишь подкрепляет. Она показывает Нью-Йорк таким, *каким его видел он*, этот ссыкливый мелкий подонок, который шел по улице и воображал, будто каждый встречный человек *не был* человеком. Итак, джентльмены, я снова спрашиваю, что именно вы не поняли во фразе «мы не распространяем нетерпимость»?

Док, кажется, потрясен тем, что Бронка еще говорит. Клубничный Блондин выглядит так, словно сдерживает в себе всю вселенскую ярость, но он натягивает улыбочку и кивает одному из спутников, чтобы тот снова завернул картину.

— Ладно, — говорит он. — Вы посмотрели, и вам все равно не нравится. Все честно.

Нет. Людей вроде него не интересует никакая честность. Но Бронка отходит в сторону, чтобы дать гостям возможность завернуть и убрать свои работы, и оказывается рядом с Ицзин. Следующие несколько минут они разыгрывают единство, вместе сверля взглядом Блондина и его бригаду.

Однако есть в этих ребятах нечто странное. Пока они работают, Бронка размышляет. Они даже страннее богатеньких малолеток-«художников», считающих, что любовь к стереотипам и фетишистскому порно делает их авангардистами. Во-первых, сама картина. На Дока и остальных она, похоже, тоже не действует, значит, они — обыкновенные люди, не такие, как Бронка и другие пятеро, которые сейчас бродят по городу и, наверное, пытаются разобраться, что же им делать. Но обыкновенный человек не смог бы написать подобное произведение. Во-вторых, не ясно, зачем они вообще попытались сюда прийти. Зачем тратить время и пытаться выставить в Центре свои дерьмовые работы? Почему не назначить встречу под предлогом показа, а затем, воспользовавшись элементом неожиданности, сразу же огорошить Бронку убойной картиной? Скорее

всего, она что-то упускает. Бронка щурится и окидывает их взглядом, пытаясь разглядеть хоть какие-то признаки прослушки.

Она ничего не видит и нехотя признает, что не знает, что искать. Бронка уже лет двадцать не следит за такими технологиями. Сын подарил ей смартфон, и Бронке даже нравится, что она может смотреть на нем фильмы. И все же, кажется, еще только вчера люди пользовались дисковыми телефонами и набирали буквенно-числовые комбинации.

Что-то мелькает в поле ее зрения. Бронка моргает, переводя внимание туда. Что, неужели и правда прослушка? Клубничный Блондин помогает тащить коробку с бронзовой скульптурой, и что-то болтается у его лодыжки. Но нет. Пусть Бронка ничего не знает о скрытых подслушивающих устройствах двадцать первого века, но она вполне уверена, что они не похожи на… развязавшийся шнурок? Вот только на ногах Блондина сандалии по типу вьетнамок, так что и шнурка там точно быть не может. (Бронка морщится, видя уродливые ногти на его ногах.)

Но вот же — прямо над длинными костями его стопы из кожи Блондина что-то торчит. Оно похоже на очень длинный полупрозрачный

волос. Белый, а не клубнично-русый. Длиной по меньшей мере шесть дюймов… впрочем, прямо на глазах у Бронки он вытягивается вперед, словно пытаясь коснуться ящика, который несет Блондин. Девять дюймов. Почти целый фут. Отросток почти дотягивается до стенки ящика… а затем останавливается и сжимается. Длины, по всей видимости, все же не хватает. Он снова приходит в изначальное положение, просто ложится Блондину на ногу, притворяясь волосом. Может быть, он попытается снова, когда еще немного отрастет.

Бронка точно не знает, что это такое. В той коллекции знаний, которую она впитала, нет сведений ни о чем подобном, и это ее сильно тревожит. Однако Бронка умеет складывать одно с другим.

Поэтому, когда «коллектив художников» заканчивает сборы, она идет за Блондином к двери. День уже почти закончился. Сегодня она закроется пораньше, даст сотрудникам отдохнуть после такого. Но сейчас, когда Блондин собирается выйти, она спрашивает его:

— На кого вы работаете?

Бронка ждет, что он промолчит. Такие, как он, обычно так и делают. Но вместо этого Блондин

лишь криво усмехается и говорит:

— О, не беспокойтесь. Вы скоро с ней встретитесь. Лицом к лицу, она так и сказала. И на этот раз между вами не будет туалетной дверцы, которая вас защитит.

Бронка поджимает губы. Вот, значит, как.

— Спросите ее, чем все закончилось в прошлый раз, — резко отвечает она и захлопывает дверь перед его носом. Дверь стеклянная, поэтому сделать жест по-настоящему убедительным не получается — не может же она шарахнуть дверью, не разбив стекло, — но Бронка все равно торжествует, видя, как ухмылка сползает с его лица.

Закрыв дверь, Бронка смотрит, как гости забираются в машины — в огромный «Хаммер» и «Теслу», которые обе сто́ят больше, чем она зарабатывает в год, — и уезжают в общем потоке. Затем Бронка выдыхает и поворачивается к остальным. Вид у всех разный — у кого-то разгневанный, у кого-то обеспокоенный.

— Н-да, и такое тоже случается.

— Я знаю кое-каких ребят, — тут же говорит Ицзин. — Думаю, нужно им позвонить. Устроить этим уродам веселую жизнь.

Бронка приподнимает брови.

— Ты. Знаешь таких ребят.

— Если ты имеешь в виду ораву адвокатов, то да. — Она скрещивает руки. — То, что сейчас произошло, — это харассмент, да еще и с угрозами. И не говори мне, что это не так. Компания мужланов с фашистскими наклонностями приходит в галерею, которой руководят цветные женщины, и показывает такие «произведения искусства»? — Она поднимает пальцы, беря последние слова в кавычки. — Да пошли эти ублюдки куда подальше.

Черт. Бронке даже возразить нечем. А Джесс вообще молчит. Бронка обращается к ней:

— Джесс?

Джесс моргает, затем хмурится.

— Я считаю, нужно сказать всем, кто работает в мастерских наверху, что на сегодня мы закрываемся. Уйти должны даже те, у кого есть ключи. Нужно освободить здание.

Бронка отшатывается, потрясенная, а Венеца говорит: «Чего-о-о?» Ицзин тут же начинает возмущаться, но Джесс повышает голос, чтобы перебить их всех:

— Исключительно в качестве меры предосторожности, — говорит она резко, почти прикрикнув. — Вот что. Не знаю, как вам, дамы, но мне эти

парни показались уж очень похожими на коричневорубашечников. У меня еще живы бабушка и дедушка, которые отвесили бы мне подзатыльник, не скажи я это вслух. А вторые бабушка с дедушкой погибли в концлагере. Смекаете?

Бронка смекает и мрачно кивает, соглашаясь. Все-таки… кое-кого из старших в ее семье постигла та же участь, да и некоторых сверстников тоже. Ты не параноик, если люди вокруг в самом деле поджигают дома и устраивают перестрелки в ночных клубах.

И все же.

— Те, у кого ключи, пусть остаются, — говорит Бронка. — Я их предупрежу, но некоторым из них больше некуда идти.

Некоторые из художников-резидентов Центра в нем же и живут. Среди них ребята, чьи семьи выставили их за порог за нейроатипичность или за то, что они сказали «нет»; взрослые художники, вынужденные покинуть собственное жилье, потому что не смогли за него заплатить; и даже женщина одного с Бронкой возраста, недавно ушедшая от своего мужа, — она создает потрясающие стеклянные скульптуры, а муж избивал ее и уничтожил лучшие работы, прежде чем она ушла и стала проводить ночи на кресле-

мешке в мастерской Центра.

Мастерские не предназначены для проживания, так что Центр никак не нарушает жилищные нормы… строго говоря. Чтобы соблюсти формальности, Бронка периодически напоминает тем, у кого есть ключи, что оставаться здесь можно лишь временно. Некоторым она твердит это уже несколько лет.

Венеца с мрачным выражением лица возвращается к столу, садится за компьютер и начинает делать что-то непонятное. Джесс вздыхает, но говорит:

— Ну хорошо, пусть остаются. Но хотя бы предупреди их. И… тебе стоит позвонить исполнительному комитету. Пусть они будут готовы.

Бронка склоняет голову набок, пытаясь понять, к чему клонит Джесс.

— К чему готовы? К протесту, что ли?

— Да, я так и думала, — прерывает их Венеца. — Подойдите сюда. Я хочу вам кое-что показать.

Они все обходят стол, чтобы посмотреть в монитор. У Венецы в браузере открыт «Ютуб», и поиск выдал ей целый ряд видео с кричащими названиями и мерзкими, ухмыляющимися рожами. Бронка уже собирается спросить, на что ей нужно смотреть, как вдруг она узнает одну из рож.

— Смотри-ка! — Она указывает на экран. Это Клубничный Блондин.

— Да ты шутишь, — бормочет Джесс, затем отворачивается и издает стон. — О, *ну конечно*.

— Что? — Бронка хмурится, глядя на нее, затем переводит взгляд на Венецу. — Ну что?

— В общем, я провела поиск по логотипу из их имейла. — Венеца стучит пальцем по иконке в углу видео. Бронка припоминает, что где-то уже ее видела. В письмах и на их визитках. Логотип словно предупреждал, насколько ужасными окажутся их работы. Он представляет собой стилизованную «А», окруженную подобием нордических рун и уродливых узоров. Изображение совершенно неразборчивое и не запоминающееся, отчего смысл в таком логотипе теряется полностью. — Это логотип «Альтернативных Творцов», а вот их канал.

Венеца кликает по одному из видео, выводит его на весь экран, а затем перематывает примерно на середину. Экран заполняет лицо Клубничного Блондина; тот в бешенстве, его пучок расплелся от того, как яростно он жестикулирует.

«…гвоздь в крышке гроба, последняя буква в алфавите, — говорит он. На заднем фоне комната,

похожая на гостиничный номер. — Вот на чем настаивают эти *ревизионисты*, на неуважении к превосходящей их культуре, подарившей им Пикассо, Гогена и…»

— Выключи звук, — говорит Бронка, которую его голос уже начал раздражать. Слава богу, Венеца слушается. — Суть мы уловили. Значит, эти ребята устраивают что-то вроде… перформансов? Создают дерьмовые работы, пытаются пропихнуть их в галереи, у них это не выходит, потому что работы дерьмовые, а затем они снимают видео и говорят всем, что все дело в расизме против белых?

— Ну, примерно так? Все не настолько логично. Они скажут что угодно, лишь бы их аудитория продолжала смотреть видео или посылать им донаты. А еще вот что: Пикассо плагиатил африканских художников, а Гоген был педофилом, одарившим многих коричневых девочек сифилисом. Но что я в этом понимаю? — Затем девушка стучит пальцем по надписи под видео, и Бронке приходится прищуриться, чтобы различить ее. Кажется…

— Пожалуйста, скажи, что «k» не значит *тысяча*, — потрясенно говорит она, в ужасе выпрямляясь. — Скажи, что эту лажу не посмотрели сорок

две тысячи человек!

— Ага. — Венеца возвращается к поиску и показывает другие ужасающе большие цифры. — То был один из их самых популярных роликов, но все же. Да и вообще, таких, как они, целая индустрия. Чем провокационнее они себя ведут, тем больше людей их смотрит и тем больше денег они получают.

— Нытье белых мужчин превратилось в прибыльную индустрию, — мрачно говорит Джесс. Она светленькая, милая и бледная, как бумага, и Бронка подозревает, что ей часто приходится выслушивать нытье белых парней, которые понимают, что она не на их стороне, лишь когда они начинают говорить про глобальные теории заговора. — Я хотела сказать, что нужно предупредить комитет о возможном погроме, но я забыла про интернет.

— Да уж, — говорит Венеца, — фанаты у таких ребят просто отбитые сектанты. Что бы те ни сказали, они всему верят. Они вывесят ваши адреса в интернете, если смогут найти. Станут писать угрозы начальству, преследовать ваших детей, вызывать наряды полиции к вам домой, сами приходить туда с оружием… ну или на работу. Вам нужно все потереть.

— Потереть? — Бронка непонимающе смотрит на нее. — Что потереть?

— Личную информацию. Все, что о вас известно. Я могу помочь, но придется остаться допоздна.

Они принимаются за дело, составляют планы и запасные планы, пока Венеца шерстит по сайтам-поисковикам, находит их имена и пытается за пару часов объяснить, как скрыть документы и упоминания, накопившиеся за целую жизнь. От этого кружится голова и становится страшно — а затем еще страшнее, потому что Бронка вдруг осознает, какие фундаментальные изменения произошли в мире со времен необузданных дней ее молодости. Тогда она беспокоилась лишь о том, что правительство может прослушать ее телефон. Скорее всего, оно и сейчас так делает, но все остальное было отдано *на аутсорс*. Теперь ей приходится бояться не только контрразведчиков, но и какого-нибудь придурка, который может следить за ее родней из подвала своей бабушки; и подростков, которые завалят ее угрозами, чтобы повоображать себя участниками террористической банды; и фермы троллей, которые раздуют из Центра Бронкса очередной скандал и раззадорят нацистов. Всех тех людей, которые по-настоящему угрожают этой стране

и которых каким-то образом убедили выполнять ее грязную работу почти что за бесценок. Бронка восхитилась бы таким раскладом, если бы ей не было так страшно.

Поздней ночью они заканчивают делать все, что могут, — а Венеца может помочь им лишь уменьшить угрозу, а не избавиться от нее полностью, поскольку это невозможно. Ицзин и Джесс едут домой, а Бронка и Венеца остаются, чтобы разослать тем, кто работает в мастерских, письма с просьбой проявлять осторожность в интернете.

Бронка выходит на улицу, чтобы опустить на ночь наружные жалюзи. Когда она почти заканчивает, из двери для сотрудников выходит Венеца. Ей явно не по себе. Она бойкая девчонка — хотя Бронке пора бы перестать называть ее девчонкой. Венеца уже закончила колледж — Купер-Юнион, ведь у нее хорошая голова на плечах. Но сейчас коричневая кожа девушки выглядит посеревшей.

— В туалете, — негромко произносит она. — Даже не знаю, Би. Там всегда жутковато, но сегодня от последней кабинки у меня аж поджилки затряслись.

Бронка морщится. Ей следовало раскурить там шалфей или табак, или надраить кабинку амми-

аком, или все вместе.

— Н-да. Давай будем считать, что в ней завелась нечистая сила.

— Но ведь еще вчера ничего не было. Что, черт возьми, могло случиться за один день? На вид ничего не поменялось, но все вдруг стало таким странным.

Венеца поворачивается и смотрит на улицу. Центр стоит на склоне над рекой Бронкс, напротив выезда на скоростную магистраль Кросс-Бронкс, которая теперь, когда час пик завершился, наконец перестала притворяться парковкой. За ними вдали горизонт прочерчивает силуэт ночного города. Северный Манхэттен впечатляет не так сильно, как та его часть, которую любят туристы, и все же этот вид нравится Бронке больше. Он дает понять, что Нью-Йорк — это город людей, а не только дельцов и достопримечательностей. Отсюда, когда в воздухе не висит дымка, можно увидеть бесконечные жилые кварталы Инвуда, гигантские общеобразовательные школы Испанского Гарлема и даже несколько величавых таунхаусов, что еще остались на Шугар-Хилл. Дома, школы, церкви, местные магазинчики — и лишь изредка где-то, как бельмо на глазу, торчат высотки из стекла и стали. С такого ракур-

са город видит лишь Бронкс, и Бронка уверена, что именно поэтому его жители не терпят выкрутасов нахальных манхэттенцев. В конце концов, всякому, кто желает жить в Нью-Йорке, нужно что-то есть, где-то спать, как-то зарабатывать на образование детям, да и вообще сводить концы с концами. Так что нечего задирать носы.

Но Бронка видит и то, что замечает Венеца. Город действительно *другой*, потому что вчера он был просто городом, а сегодня — ожил.

Такое случается не в первый раз. Всегда находятся те, кто чувствует город лучше других… только обычно они не живут в совершенно другом штате. Венеца ведь из Джерси. Бронка осторожно спрашивает:

— Когда ты говоришь, что все стало странным, — ты это о чем?

— О кабинке в туалете! А еще о картине, которую притащили те парни. — Ее передергивает. — Ты о чем-то задумалась и, наверное, не заметила, но *все изменилось*. Вся галерея. Ицзин и те ребята исчезли, зал опустел, и стало очень тихо. Свет переменился, и картина была не картиной, а…

Она вдруг замолкает, словно ей стало неловко. И Бронка внезапно осознает, что она может разобраться с Венецей двумя путями. Она мо-

жет притвориться, что ничего не было, сказать девочке, что та выдумывает. Нафантазировала что-то, или ей продолжают приходить глюки от тех грибов, которые она, по ее же рассказам, когда-то пробовала. Отчасти Венеца такая, какой могла бы стать Бронка, если бы выросла в мире получше… и отчасти она очень похожа на Бронку, потому что мир все еще остается довольно дрянным и безумным местом. А Бронке очень хочется ее защитить.

Эта мысль помогает ей принять решение. Раз Венеца все видит, значит, она должна знать, что это не галлюцинация. Она должна знать, когда нужно убегать.

Бронка вздыхает.

— Картина была проходом.

Венеца поворачивает голову так резко, что ее пышная африканская прическа встряхивается. Какое-то время она в упор смотрит на Бронку, затем сглатывает и медленно произносит:

— И мы не просто смотрели на изображение абстрактных людей на абстрактной улице, да? Мы действительно туда *чуть не попали*. В место, которое выглядит вот так. — Она делает глубокий вдох. — Старушка Би, мне очень хотелось, чтобы ты сказала, что это просто очередной глюк от тех

грибов.

— А людям в аду хочется прохладной воды. И, строго говоря, улица была экспрессионистской. Но это я просто умничаю, чтобы мне стало легче. — Бронка печально улыбается. — Впрочем, я даже немного рада, что не одна попала в этот Бредостан.

— Би, ты всегда и во всем можешь на меня рассчитывать, но все же — *ни фига себе*.

Да уж, по-другому и не скажешь. Бронка вздыхает и потирает глаза. Как же ее злит, что вся эта чертовщина свалилась именно на ее голову. Ей и так было чем заняться. Сейчас все ее мысли должны быть заняты покупкой ненужных погремушек и милых вещичек для будущего внука или внучки. Вместо этого она по горло увязла в художественных нападениях из иного мира.

— Да, вот что… Послушай, — произносит она. — Нам надо поговорить. Тебе *нельзя* мне в этом помогать, ясно? Тебе… нельзя и все тут. — Интересно, есть вообще какое-то слово, которым можно описать то, во что превратилась она и остальные пятеро? В ее мозг свалилось множество понятий и образов, но вот словарь к ним не прилагается. — У тебя нет… ботинок.

Венеца смотрит вниз, на свои сандалии.

— Ну да, сегодня было около девяноста градусов[17], так что…

Бронка качает головой.

— Ты на машине?

— Нет. До зарплаты нечем заплатить за бензин.

— Тогда пойдем. Часы уже пробили двенадцать, общественный транспорт Нью-Йорка и Нью-Джерси превратился в тыкву, так что я подвезу тебя до дома. К тому же мне нужно кое-что тебе показать.

— О-о, секреты. Я вся в предвкушении. — Венеца накидывает сумку на плечо, и они вместе идут к старенькому джипу Бронки.

По пути к Джерси-Сити Бронка выкладывает ей все. Здесь, на одной из важнейших артерий города, глядя на то, как движутся его кровяные тельца — люди, — в это легче поверить. Над ними в сторону Палисейдс мчатся наперегонки облака, подсвеченные луной, а слева неизменно виден силуэт города, усеянный огнями. Он всегда здесь, всегда рядом. «Расскажи ей все, — шепчет город Бронке, когда она запинается, размышляя, стоит ли раскрывать особо странные или страшные

---

[17] Сноски: 17

90 °F ≈ 32 °C. (*Прим. перев.*)

подробности. — Враг стал другим: хитрее, жестче. Помоги ей выжить. Нам ведь нужны союзники, правда? Настоящие союзники».

Что ж, он прав.

Затем, пока Венеца молча переваривает то, что рассказала Бронка, она сворачивает со скоростной магистрали прямо перед мостом, который ведет в Вашингтон-Хайтс. Так они оказываются на краю Бронкса. Движение здесь не очень плотное, улицы относительно пусты — все-таки уже ночь. В этом районе нет ничего, кроме муниципального жилья, и город сделал все, чтобы изолировать обитающих в нем людей решетками, автомагистралями, которые разрезают район пополам, и кольцом заброшенных промышленных зданий, стискивающих его со всех сторон. Бронка знает здесь один-единственный захудалый продуктовый магазин, но зато они проезжают с десяток организаций, дающих в долг до зарплаты, и магазинов, где все продается за доллар, — они усеивают каждую хотя бы немного загруженную улицу, как быстро разрастающиеся опухоли.

Въезжая на гравийную дорогу, которая ведет в парк Хайбридж, Бронка с трудом подавляет беспокойство. Она еще помнит те дни, когда парк

был пустошью, полной полусгнивших зданий, и ночью здесь гуляли лишь бомжи, наркоманы и скучающие подростки, искавшие с кем потрахаться или кого бы затрахать. Или, например, там можно было встретить грузную смуглокожую индианку с лесбийской стрижкой, которой просто хотелось остаться наедине со своими мыслями. Сейчас, впрочем, все по-другому. Парк был облагорожен скучными лужайками, скамейками и декоративными деревьями, высаженными вдоль старой велосипедной дорожки. В нынешнее время здесь можно столкнуться с совершенно иной опасностью. Бронка слышала слишком много рассказов о копах, которые выгоняют из парка местных, чтобы более богатые белые, переселяющиеся в этот район, чувствовали себя в безопасности. А Бронка так и осталась грузной смуглокожей индианкой, которая приехала сюда поздно ночью в компании молодой чернокожей девушки. И ни один коп-расист не станет слушать их оправдания, почему и зачем они здесь оказались.

Впрочем, и Бронка уже не совсем та, что прежде. Припарковав машину и выйдя из нее, она мысленно тянется к городу, и тот довольно, протяжно мурлычет ей в ответ. «Никто вам

не помешает, — обещает он без слов. — Это наше место, что бы ни думали незваные гости. Иди и покажи ей, кто ты на самом деле».

По ее коже проходит легкий холодок. Она слышит голоса, точнее, не столько голоса, сколько поток впечатлений и чувств, и это должно бы сильно ее напугать. Но почему-то не пугает.

— Так, мне становится жутковато, — говорит Венеца. Когда Бронка оборачивается, девушка смотрит на нее с сомнением. — Будь ты парнем, я бы уже достала перцовый баллончик — которого, если кто-то вдруг спросит, у меня нет.

— В городе не запрещено носить перцовый баллончик. Я знаю, что дуралеи из Джерси считают нас всех миролюбивыми хиппи, но почитали бы криминальные сводки, черт возьми.

— Ой. Ну я просто к тому, что ты ведешь себя как-то *страннее обычного*.

Бронка смеется.

— Да уж, и дальше будет только страньше. Но есть вещи, которые я вряд ли смогу объяснить словами. Идем.

За мощенной булыжником дорожкой и ограждением тянется река Гарлем. Здесь, к востоку от живописных очертаний Вашингтон-Хайтс и сильно к югу от настоящих окраин — Йонкерса

и Маунт-Вернон, — смотреть уже почти не на что. Лишь мутная темная река вяло течет в теплой ночи. На стороне Вашингтон-Хайтс стоит расписанная граффити стена, которая тянется вдоль магистрали Гарлем-Ривер-драйв. Но для Бронкса это — берег, усеянный упавшими ветками, мшистыми камнями и парой старых заржавевших магазинных тележек, которые, насколько помнит Бронка, были здесь всегда. От воды поднимается легкий запах сероводорода — скорее всего, где-то в реку вытекает канализация. Сейчас район развивается, но он долгое время был очень бедным, а в этом городе политики не думают об инфраструктуре даже в районах побогаче.

Однако в одиннадцать пятьдесят четыре утра по восточному времени в городе возникла инфраструктура иного рода. Бронка спускается к воде, она шагает уверенно и быстро. Венеца следует за ней, но с большей осторожностью. Когда Бронка останавливается, Венеца поскальзывается на влажном камне, но у нее получается не упасть.

— Старушка Би, если ты решила пополнить мной свой список серийных убийств, то, пожалуйста, прирежь меня на земле, ладно? Не хочу я умирать в этой вонючей жиже, цепляя хламидии

или еще какую-нибудь дрянь.

Бронка смеется и протягивает Венеце руку, чтобы та могла на нее опереться.

— Отсюда тебе, наверное, будет хорошо видно. Так, ладно. — Она указывает на берег реки. — Скажи, что ты видишь?

Венеца смотрит. Бронка понимает, что ее подруга замечает лишь черные тени корней деревьев и старые трубы в воде.

— Что твои налоги уходят в трубу. А что я *должна* увидеть?

— Просто помолчи минутку. Дай-ка я… — Трудно делать два дела одновременно, находиться одновременно в двух местах и думать сразу за две личности. Но это важно. — Я сейчас поиграю мускулами.

Если Венеца и хочет сострить на этот счет, то Бронка этого не слышит, потому что погружается в журчание воды, стрекот насекомых и нескончаемый гул автомобилей, проезжающих по автострадам и по далекому мосту Джорджа Вашингтона. Но это ведь не единственные звуки, которые она слышит, не так ли? Под ними, как опорный столп, как метроном, задающий ритм и смысл, слышится дыхание. *Мурлыканье.* В Нью-Йорке много похабного и неправильно-

го, но ведь все это — тоже часть города, разве нет? Так что все нормально. И несмотря на то, что он пробудился лишь наполовину, что его аватары разрознены и в страхе, а улицы кишат паразитами, стремящимися зарыться поглубже, размножиться и уничтожить носителя, здесь, в этом месте, Бронкс спит спокойно.

Здесь Бронка может показать свою истинную суть.

Она поднимает ногу и дважды ее опускает. Снова поднимает, дважды опускает, поворачивается. Шум города усиливается, превращаясь в песню. Его сердце бьется, причем быстро — *тук*тук*тук*-тук*тук*тук. Она ловит эти ритмы. Поворачивается вместе с ними, перескакивает от камня к камню, удерживая центр тяжести на весу, чтобы шаги оставались легкими. Это — танец.

— Это — история, — говорит она. Ее глаза закрыты. Ей не нужно видеть камни или осторожно вглядываться, чтобы не наступить на скользкие места; камни — это праотцы, пригласившие ее ноги ступить на них, так что Бронка идет туда, куда они велят. История течет в ней, направляя ее шаги. Танец — это молитва, и, хотя она уже много лет так не танцевала — с тех пор, как перестала ходить на пау-вау, посещать подпольные клубы

и бродить по дворам кирпичных заводов, чтобы ощутить силу земли под ногами, — у нее получается так, словно она никогда не переставала. *Тук*тук*тук*тук*тук*тук.

Это город.

*Тук*тук*тук*тук*тук*тук.

Город — это она.

*Тук*тук*тук*тук*тук*тук.

— Это — мой палец, — говорит Бронка вслух. Она поднимает одну руку; ладонь направлена вниз, кисть расслаблена. Затем выпрямляет указательный палец.

Поблизости, может быть, в тридцати футах в стороне, одна из тяжелых изогнутых труб, что уходят в воду, начинает двигаться. С гулким металлическим стоном она поднимается из воды. Распрямляется, все еще поднимаясь, пока не замирает над водой под тем же углом, что и палец Бронки. Бронка удерживает руку на весу, делает оборот и перепрыгивает на соседний камень, чтобы Венеце было лучше видно.

Открыв глаза, она косится на Венецу — та с открытым ртом таращится на трубу. Бронка улыбается и прекращает танцевать — физически. В мыслях же она все еще пляшет. Она — это город *и земля*, что под ним, и поэтому Бронка всегда

будет танцевать.

— Именно это я и пыталась тебе объяснить, — говорит Бронка, все еще не опуская руку. Теперь Венеца таращится на нее. — Именно эти перемены ты и почувствовала в городе, и именно эту истину тебе придется запомнить. Что бы ты ни увидела, в первую очередь знай — оно происходит наяву. А во вторую — оно может быть опасно. Поняла?

Венеца медленно качает головой, но Бронка подозревает, что это от потрясения, а не от непонимания.

— А ты можешь… Я даже не знаю. Ты можешь заставить любую часть города сделать что угодно?

— Да, могу… Где-то это проще, где-то сложнее. Но это мелочь. — Бронка снова сгибает палец, и труба с ворчанием становится на место. Затем она поднимает другую руку, глядя при этом на Венецу и широко улыбаясь, потому что хотя *это танец* и умом она понимает, *что* сейчас случится, увидеть это — совсем другое дело. И кое-что лучше видеть глазами молодых.

Так что, когда *сама река*, вся ее гладь шириной в пятьсот футов, поднимается в воздух, сгибает локоть и кисть и сжимает пальцы в ку-

лак, образуя гигантскую призрачную пародию на Клепальщицу Роузи, именно восторг Венецы помогает Бронке успокоиться и принять случившееся. Бронка никогда не желала подобной силы. И хотя она знает, почему была избрана и насколько это важно, она никак не могла решить, как ей к этому относиться. Она испытывала лишь обреченность, раздражение и страх перед будущим, однако теперь, когда Венеца восклицает: «Ни фига себе!», — Бронка впервые чувствует радость.

С нотками самодовольства она говорит:

— Да, зрелище и правда чумовое.

— Старушка Би, никто больше не говорит «чумовой», чтоб меня.

— А вот и зря, мне это слово всегда нравилось.

— Только вот… — Венеца, немного хмурится. — Как-то мелковато получается. Если он… символически — часть тебя, да? Я хочу сказать, если это — твоя рука, то твое тело заканчивается где-то через улицу от парка.

— Все не настолько пропорционально. — Да и боро не повторяет ее тело каким-либо предсказуемым образом или силуэтом. На одном только этом берегу, например, можно найти тысячу потенциальных пальцев, которые послушаются ее пятерню, и у некоторых из них

есть когти. А сердце боро — это другая река, река Бронкс, конечно же. Зубы боро, гниющие, но еще острые, — это его муниципальное жилье. Уши — тысяча студий звукозаписи, рожденные музыкой буги-даун. А его кости — это камни, древние, как предки, основа всего.

Венеца, похоже, не может оторвать взгляда от речной руки.

— А можешь сделать так, чтобы она показала мне средний палец?

Бронка усмехается и меняет положение руки, чтобы сложить пальцы в нужном жесте. Река следует за ней, изворачивается, и, когда из середины кулака вырывается столп высотой в пятьдесят футов, им обеим в лицо ударяют брызги.

— Ой, *фу!* — кричит Венеца, но она все равно смеется, утираясь. А затем моргает, уставившись на реку. Бронка подняла ее из русла… но река так и осталась на месте, продолжая неспешно течь, как текла тысячи лет.

— Это другая реальность, не та, к которой ты привыкла, — мягко говорит Бронка.

— Так это что, галлюцинация? Грязная вонючая вода, летящая мне в лицо…

— Не галлюцинация. Просто… реальность небинарна. — Бронка вздыхает, отпускает руку

и расслабляет пальцы. Огромная речная рука опускается обратно в русло и выпрямляется, снова становясь рекой — то есть самой собой.

— Нью-Йорков много, — поясняет Бронка. — В некоторых из них сегодня утром, когда ты выходила из метро, ты свернула направо, в других — налево, и еще ты добиралась на работу на динозавре и ела на ланч какие-то стремные муравьиные яйца. А где-то ты подрабатываешь на стороне оперной певицей. Все эти сценарии возможны, и они все *произошли*, понимаешь?

— Как в научной фантастике? — Венеца склоняет голову набок и задумчиво щурится. — В многомирной интерпретации квантовой механики? Речь об этом?

— Гм, если в «Звездном пути» об этом не говорили, то я не знаю. — Бронка смутно помнит, как смотрела странную серию про вселенную-отражение, где все герои стали злодеями. Указывало на это то, что у всех мужчин была козлиная бородка. А в этом мире злодеи собирают волосы в пучок. Ну да ладно.

— Я расскажу тебе, как возникла Вселенная, — говорит Бронка. — Только эта история не похожа на легенды моего народа, и на легенды твоего народа тоже. Та, что расскажу я, скорее… — Она

задумывается, а затем смеется, вспомнив термин. — Она больше похожа на *единую теорию поля* возникновения Вселенной. Так что постарайся не отвлекаться.

— Давным-давно, когда бытие было еще совсем юным, существовал всего один мир, полный жизни. Никто не скажет, хорошей она была или плохой. Жизнь как жизнь. — Бронка пожимает плечами.

Река, что течет рядом с ними, проходит через другие грани бытия, где говорят другие Бронки — тысяча рассказчиц, повествующих тысячу историй под десятью тысячами различных небес. Если Бронка сосредоточится, то сможет их увидеть: небеса, на которые взошло второе солнце, или где ночной воздух стал лилово-золотистым и в нем горит нечто ядовитое для нее. Однако она старается их не видеть. Венеца заслуживает ее полного внимания. К тому же кое-что видеть просто опасно. Об этом Бронку предупредил город.

— Тот первый мир, первая жизнь, был чудом, но из-за каждого решения, что принимали живые существа, от этого мира отпочковывался новый — тот, где некоторые из них повернули налево, и еще один, где некоторые повернули направо. Затем от каждого из этих новых

миров отпочковывались уже другие, и так продолжалось и продолжается до бесконечности. Как остановить чудо? А никак, просто создаешь новую вселенную, которая начинает плодить свои собственные чудеса, и так жизнь разошлась по тысячам миллионов вселенных, и каждая была страннее предыдущих.

Бронка меняет положение рук, одна ладонь повисает в нескольких дюймах над другой, а затем она начинает переставлять их лесенкой, все выше и выше, изображая слои. Торт «Наполеон» из миров, каждый надстраивается над предыдущим, образуя ветвящиеся кораллы, которые тянутся все выше, сплетаются и снова расходятся. Бесконечно разрастающееся древо, которое возникло из единственного крошечного семени и ветви которого отличаются друг от друга настолько невообразимым образом, что жизнь на одной была бы совершенно неузнаваемой для жизни с другой. Но есть одно важное исключение.

— Города пронизывают все слои. — В этом мире Бронка указывает на силуэт города, который возвышается над деревьями парка Хайбридж на их стороне реки. — Люди все еще рассказывают о том, как ужасен Бронкс. В то же время

где-нибудь какой-нибудь риелтор расписывает, как здесь замечательно, чтобы те, у кого есть деньги, пришли и все скупили. В то же время есть те, кто здесь живет, и для них Бронкс не замечателен и не ужасен. Он — просто их повседневность. Все эти люди одновременно правы, и это только в нашей реальности. Что я пытаюсь сказать: дело не только в *решениях*, дело в каждой истории этого города, в каждой *лжи* — все они тоже становятся новыми мирами, все они увеличивают массу Нью-Йорка, пока наконец все не рушится под собственным весом… и не становится чем-то новым. Чем-то живым.

«Да, черт возьми», — произносит голос в ее голове.

«Солнышко, помолчи. Я разговариваю», — пропевает Бронка в ответ.

Венеца поворачивается, смотрит на деревья, и на воду, и на ночные огни, словно они возникли только что. Впрочем, так и есть. Полным благоговения голосом она негромко говорит:

— Раньше, дома, я всегда смотрела на город с крыши. И мне всегда казалось, будто он дышит.

— А он и дышал. Самую малость. — Зародыши вдыхают собственные амниотические жидкости, поглощают сами себя, готовясь ко дню, когда они

превратятся в нечто совершенно иное. — Но сегодня все изменилось. С сегодняшнего дня город стал по-настоящему живым.

— Почему сегодня?

Бронка пожимает плечами.

— Звезды сошлись? Создателю стало скучно? Не знаю. Неважно, когда это произошло, важно само событие.

— Да, я, похоже, не на то обращаю внимание. — Венеца становится серьезнее. — Сегодняшняя картина. Расскажи мне о ней.

Да уж. Бронке пора заканчивать с позерством. Она вздыхает, отворачивается от камней и жестом приглашает Венецу идти за ней к джипу.

— Картина. В общем, одна из реальностей не в восторге от того, что существует наша. Фиг знает почему… но, какой бы ни была причина, некто из той реальности пытается убить города в тот момент, когда они оживают. То же самое произошло с Нью-Йорком. Этим утром они попытались напасть, нанесли кое-какой урон, но провалили основное наступление.

Глаза Венецы расширяются.

— Ох, черт. Вильямсбургский мост!

— Он самый. — Бронка мрачно кивает. — А могло быть намного хуже, ведь, как я и сказала, их

цель — весь город. Кто-то их остановил, некто вроде меня, еще один человек, ставший городом.

— Что? То есть… — Венеца замолкает и хмурится. — Не ты одна можешь управлять рекой?

— Нас шестеро, по одному на каждый боро и еще один, который воплощает весь город. Он и остановил сегодняшнее нападение, однако то существо из другой вселенной… — *«Враг»*, — шепчет голос в ее сознании. — …оно все еще здесь, и почему-то его облик изменился. *Обычно* оно представляет собой огромное, ужасное чудовище, которое нападает на города в момент рождения. Раньше так и было — всегда, на протяжении тысяч лет. Но теперь оно изменило тактику.

И это очень беспокоит Бронку. В ее кладезе знаний нет ничего о том, чтобы Враг набирал себе прихвостней, подчинял людей и заставлял их подбрасывать чудовищные картины. Неужели остальные тоже столкнулись с подобными трудностями? Быть может, ей все же стоит…

Нет. *Нет*. Бронка лишь предупредит Венецу, подготовит ее, насколько сможет, но дальше будет держаться в стороне от этой заварушки.

— Картина. — Венеца, чьи мысли, похоже, пришли к тому же, заметно содрогается. — Изображение на ней двигалось. — Голос девушки

звучит испуганно, и она замолкает.

— Вспомни, что я говорила: жизнь в тех, других местах нам может и не показаться чем-то живым.

— То есть где-то на самом деле существуют люди, которые выглядят как двумерные пятна краски? — Венеца качает головой. — Капе-е-ец.

Поэтому те красочные силуэты и вызывали такую жуть. Бронка понимала, что видит не просто безмозглых чудовищ со смазанными лицами, а существ, обладающих разумом и чувствами. Разумом настолько же непостижимо чужим, насколько чуждыми Лавкрафт некогда считал других людей.

Они садятся в машину, и Бронка снова вывозит их на магистраль, направляясь в сторону Нью-Джерси. Венеца едет рядом и молча переваривает сказанное. Но Бронке нужно, чтобы девушка уяснила еще кое-что важное.

— Итак. — Она ненадолго отводит взгляд от дороги, чтобы посмотреть на Венецу. Это важно. — Видела, что я сделала с рекой? То же самое я проделала сегодня в Центре. Если действовать осторожно, если все делать правильно, то я могу вытолкнуть Врага обратно в его мир. Ну или просто отбросить подальше от меня самой. Но ты

этого сделать не можешь, так что в следующий раз, когда увидишь из ряда вон выходящую чертовщину…

— Я пойду позову тебя. Поняла.

— Ну… да. Так тоже можно. Но если меня нет рядом — тикай. Беги *прочь* от странностей, а не к ним, как сегодня. Ладно?

Венеца, впрочем, хмурится.

— Если бы я не побежала к странностям и не оттащила тебя, когда они потянулись к тебе своими мелкими… — Она шевелит пальцами в воздухе и корчит рожу. Бронка удивленно хмурится. Неужели те твари к ней тянулись? — Тогда стала бы ты… даже не знаю, кормом для краски.

Какая же она упрямая.

— Хорошо, если мне не грозит непосредственная опасность, от которой ты можешь меня спасти, давай деру. Потому что я даже думать не хочу, что случится, если эти твари схватят *тебя*. — Когда Венеца поджимает губы, Бронка расчехляет тяжелую артиллерию. — Пожалуйста. Ради меня.

Венеца хмурится, но все же перестает упрямиться.

— Черт. Ладно, договорились. — Затем ее лицо приобретает озабоченный вид. — Но почему же

я их видела, а Иц и Джесс — нет? Они же вообще не шевелились, пока все происходило. Словно попали на затемненный стоп-кадр. И те парни, что принесли картину, тоже. Вот ты выглядела нормально, а я вообще не застыла. Почему?

— Всегда находятся люди, которые оказываются более близки к городу, чем остальные. Некоторые становятся такими же, как я; другие просто по необходимости служат его воле.

Венеца ахает.

— Ох, черт. Так ты хочешь сказать, что *я* могла стать такой же, как ты?

— Возможно, если бы ты была не из Джерси.

— Ничего себе. — Вот и доказательство тому, что Венеца уже не ребенок, хотя и ведет себя порой соответствующе: она не радуется тому, что у нее может развиться сверхспособность управлять другими измерениями. Напротив, она крепче стискивает ручку двери джипа, словно ища в ней опору. — Господи, так ты же, значит, теперь город. Что ж, здорово, э-э-э, поздравляю! Полностью поддерживаю этот новый шаг в формировании твоей идентичности. Вот только если к тебе уже заявляются на работу и пытаются сожрать нарисованными монстрами, то что ты будешь делать, если твои данные сольют в Сеть?

Представляешь, если эти твари *придут к тебе домой?*

Бронка старалась об этом не думать.

— Понятия не имею.

Всю оставшуюся поездку до Джерси-Сити, то есть всего лишь около десяти минут, Венеца молчит. Когда Бронка подъезжает к дому Венецы — маленькому, невзрачному, невысокому, расположившемуся через улицу от наполовину заставленной парковки, — она останавливается у тротуара. Однако Венеца не выходит.

— Ты можешь остаться у меня, — совершенно серьезно произносит она.

Бронка удивленно моргает.

— Ты живешь в студии.

— Правильно. Причем одна, без соседей. Шикарно устроилась.

— У тебя даже *дивана* нет.

— Зато, между прочим, есть целых двенадцать квадратных футов свободного от мусора места на ковре. Или, черт возьми, я даже пущу тебя к себе в кровать. Я меняла белье всего дней пять назад. Семь! Ну, восемь. Ладно, я поменяю белье.

Бронка ошеломленно качает головой:

— Никакого лесбийства.

— Клянусь, что не изнасилую тебя, пока ты

спишь, Би. — Несмотря на шутливые препирательства, Венеца смотрит на нее сердито. — Но ты только что сказала мне, что с тобой хочет расправиться целая вселенная чудовищ, которые пожирают города, так что, может, тебе стоит перестать беспокоиться о целомудрии и подумать о своей *жизни?*

Какая же она лапочка. Бронка вздыхает и затем тянется к ней, чтобы потрепать ее по голове. Венеца притворяется, что хочет увернуться, но потом все же поддается, потому что на самом деле она не против, да и Бронка старается не испортить ей прическу.

— Я не пущу этих тварей в здание, — говорит Бронка. — Это у меня получится. Наверное. Но чтобы сделать хотя бы такую малость, мне нужно находиться *в Нью-Йорке*. В городе, частью которого я стала, понимаешь? Сейчас же мы не в этом городе, верно?

— Тьфу ты. — Венеца вздыхает. — Точно, я и забыла, что у вас еще *правила* есть.

Она выходит из машины и слишком долго возится, доставая с заднего сиденья сумочку. Бронка понимает, что девушка все еще пытается придумать, как бы ей помочь.

— Эй. — Когда Венеца поднимает взгляд, Бронка

кивает. — Со мной все будет хорошо. Я же…

— …«бунтовала в Стоунволле, растоптала там копа». Да, да, я *знаю*, Би. Но копы — это тебе не нарисованные краской чудовища из фрейдовских ид.

«То место называется Ур», — думает Бронка, но она и так уже достаточно напугала Венецу.

— Как бы там ни было, я справлюсь. *Спокойной ночи.*

Что-то бурча себе под нос, Венеца захлопывает дверь.

Бронка ждет, пока девушка не уйдет в дом, и лишь затем отъезжает и направляется обратно. Когда город с радостью приветствует ее по возвращении, она молится любому богу, какой только готов ее услышать, из любого измерения, чтобы ее подруга осталась невредима.

Глава седьмая
Чудище в бассейне миссис Юй

Встранный теплый день, когда все меняется, Королева находится в Куинсе и размышляет о стохастических процессах трехчленной модели дерева. Королева, которую на самом деле зовут Падмини Пракаш, не хочет работать над своим проектом вычислительного анализа, поэтому она вспоминает обсуждение работ Лавкрафта, которое прочитала в «Тумблере», и в момент рождения города смотрит в окно. Обсуждение было не столько интересным, сколько забавным: любители науки спорили с любителями фэнтези о смешных представлениях автора о том, что неевклидова геометрия может нести в себе зло. Завершалось обсуждение выводом, что Лавкрафт, скорее всего, просто боялся математики. Вид из окна Падмини тоже не особенно примечателен. Она смотрит на бесчисленные кварталы Куинса, церкви и рекламные щиты, за которыми маячат вполне евклидовы шпили Манхэттена. День яркий и солнечный, июньский; уже одиннадцать пятьдесят три утра, и, как говорят

американцы, часики тикают, поэтому Падмини с тяжелым вздохом возвращается к работе.

Она ненавидит финансовую инженерию и, конечно же, учится в магистратуре именно по этой специальности. Она бы предпочла чистую математику, где можно изящно применять теории ради более благородной (или, по крайней мере, абстрактной) цели — для понимания различных процессов, мышления и самой Вселенной. Но в наши дни получить работу в математике гораздо труднее, чем в финансах, особенно учитывая то, что лотерея с визой H-1B становится все более безвыигрышной, а гестапо из Иммиграционной и таможенной полиции США так и ждет, чтобы под любым предлогом ворваться к ней домой. Так что приходится вертеться.

Затем что-то — может быть, интуиция — побуждает Падмини снова поднять глаза. Она вглядывается вдаль, смотрит на очертания Манхэттена — и в тот же самый миг гигантское щупальце поднимается из Ист-Ривер и крушит Вильямсбургский мост.

Поначалу Падмини даже не знает, который это мост. Она не отличает один от другого. Однако щупальце, по всей видимости, довольно огромно, раз она вообще поняла, что это щупальце.

«Оно ненастоящее», — тут же думает Падмини с презрением, свойственным любому истинному ньюйоркцу. Всего за два дня до этого весь ее квартал заполнили большие съемочные трейлеры. В наше время это происходит постоянно, поскольку киношникам вечно хочется, чтобы многонациональный, полный рабочего класса Нью-Йорк стал фоном для их комедийных драм о белых из правящего класса. Поэтому они едут в Куинс, ведь в Восточном Нью-Йорке, по их мнению, все еще слишком много черных, а у Бронкса «своеобразная репутация». Щупальце, огромное и полупрозрачное, возвышается над прибрежными домами Лонг-Айленд-Сити и мерцает, как плохо подключенный монитор — или как дешевые спецэффекты. Естественно, Падмини решает, что это какая-то постановка. «Звонил две тысячи двенадцатый год, просит вернуть голограмму Тупака». Подумав об этом, Падмини хихикает, чрезвычайно довольная собственным остроумием. Умеет же Королева Математики шутить.

Однако щупальце выглядит страшно тяжелым. Падмини признает, что эту деталь мастера спецэффектов уловили правильно; тяжелые, объемные массы вытесняют больше воздуха,

чем мелкие предметы, и столь большое трение должно заметно замедлять их движение. Щупальце движется чересчур быстро для тела в свободном падении, но это они, скорее всего, поправят в постобработке. Или обыграют, сказав, что щупальце просто невероятно сильное. Тогда зрители не скажут «не верю».

Когда щупальце ударяется о мост, тот изгибается в голографической тишине… но миг спустя ветер меняется и доносит звук рвущегося металла, трескающегося бетона, а также автомобильные гудки. Дом Падмини содрогается. И… теперь она слышит крики, искаженные расстоянием и эффектом Доплера, но ясно различимые. Находясь в Джексон-Хайтс, в нескольких милях от Вильямсбургского моста, Падмини слышит *крики*.

Затем сразу за этой звуковой волной поднимается волна… эмоций? Предвкушения? Страха и волнения. Что-то пошло неправильно… и в то же время правильно. Ее внезапно окружают *напряжение* и *правильность*, дрожью проходящие через деревья на заднем дворе и вибрирующие в фундаменте старого каркасного дома. Из трещин в стенах вылетают облачка пыли. Падмини вдыхает слабый запах плесени и кры-

синего помета — он отвратителен, но *правилен*.

Она встает из-за стола, движимая беспокойством. В тот же миг невдалеке по одному из надземных путей проезжает состав метро. Секунду Падмини мчится вместе с ним, *становится* поездом: быстрым, мощным, жаждущим, чтобы кто-нибудь нанес граффити на его гладкую, но скучную серебристую кожу, — а потом снова оказывается самой собой. Обыкновенной молодой магистранткой, уже миновавшей пик своей зрелости — двадцать пять лет, если верить модным журналам, — прислонившейся к окну чужой спальни и пытающейся понять, насколько изменился мир.

Внезапно у нее пересыхает во рту. Падмини инстинктивно чувствует что-то дурное, и на этот раз оно намного ближе, чем Ист-Ривер.

Рядом. Здесь. Голова Падмини резко поворачивается почти по собственной воле, будто кто-то схватил ее за хвостик и дернул, чтобы направить внимание девушки куда нужно. *Вот оно*, на заднем дворе. Не в мощеном, который примыкает к ее собственному дому и где растут лишь сорняки да стоит ржавая бочка от бывшей ямы для барбекю, принадлежащая соседу снизу. Нет, в соседнем дворе. В тех апартаментах на первом

этаже живет миссис Юй, которая решила, что на заднем дворе просто необходим бассейн — видимо, потому что раньше она жила в Техасе, где бассейны были у всех. Бассейн небольшой, наземный и уже потрескавшийся после всего лишь двух нью-йоркских зим. Будучи в ширину чуть более восьми футов, он занимает почти весь двор. Тем не менее сейчас июнь, день жаркий, поэтому двое внуков миссис Юй вовсю плещутся в воде, хихикают и визжат, настолько громко, что почти-почти заглушают крики, доносящиеся с Вильямсбурга.

Неужели они не замечают, как вода внезапно меняет цвет, как ярко-синее пластиковое дно бассейна становится совсем другим? Серовато-белым. Не пластиковым, а сотканным из чего-то иного, более странного. Из чего-то… органического и *шевелящегося*, медленно вздымающегося и опадающего волнами, которые Падмини видит даже через рябь воды.

Нет. Они не замечают этого, потому что играют в Марко Поло, что-то кричат на смеси китайского и английского и дико брызгаются, чтобы убежать друг от друга. У одного закрыты глаза, другой не отрываясь смотрит на первого, и ни один пока не коснулся ногами дна. Мальчишки маленькие,

но и бассейн тоже крошечный. Рано или поздно они встанут на дно.

Падмини, не успев даже подумать, бросается прочь от стола и несется через квартиру к двери. Если бы она хоть немного пораскинула мозгами, то решила бы, что ведет себя глупо. Если бы она послушала свое сознание, то оно сказало бы ей, что нет никаких оснований думать, будто прикосновение к серой массе на дне бассейна опасно. А если бы основания и были, то Падмини все равно не успеет вовремя добраться до первого этажа и до соседской входной двери. Не успеет она и быстро пробежать через дом миссис Юй — если одинокая пожилая дама вообще впустит ее, не пожелав предварительно поболтать полчаса о пустяках. Нет, ей никак не выскочить на задний двор прежде, чем мальчики коснутся дна бассейна. Если бы Падмини думала головой, то убедила бы себя, что ее внезапные предчувствия иррациональны. («Серьезно? — с презрением спросила бы она саму себя. — А дальше что, будешь бояться наступать на трещины в асфальте?»)

Но она *знает* — то, что происходит, реально. Ей было дано понимание механики всего происходящего, поэтому Падмини интуитивно осознает,

что вода — это помощник Врага; не проход сам по себе, а своего рода смазка, облегчающая ему переход. Тварь в бассейне не убьет мальчиков, она сделает кое-что похуже — заберет их. Куда и для чего? Кто знает, но этого не должно случиться.

Поэтому Падмини в панике вылетает из квартиры на четвертом этаже и пробегает половину лестничного пролета вниз. Она даже не остановилась, чтобы схватить ключи. (Дверь за ее спиной остается широко распахнутой. Тетушка Айшвария испуганно окликает ее; малышка — двоюродная сестра Падмини — начинает плакать. Падмини даже не захлопывает за собой дверь.) Она кладет руку на перила и думает: «Сейчас, я должна оказаться там прямо сейчас…»

…и тогда же она представляет себе, как *ускоряется*, чтобы добраться до нужного места, — но не магически, а математически, сквозь стены и заборы на заднем дворе, через воздух и пространство. Перенос из пункта А в пункт Б должен занять

$$T = \pi \sqrt{\frac{a^2 - {r_0}^2}{ag}}$$

секунд, где

$$g = \frac{GM}{a^2} = \frac{4}{3}\pi\rho Ga$$

это поверхностная гравитация дуги гипоциклоиды…

И стоит ей подумать об этом, как голос в ее голове отвечает: «О, так вот чего ты хочешь. Ладно, это несложно».

Затем стены старого здания изгибаются вокруг нее, искривляются, и Падмини уже не бежит вниз по лестнице, а *летит*, несется по туннелю, как будто она — пуля, а весь мир стал стволом ружья…

Через миг она оказывается на заднем дворе миссис Юй, бежит по траве к краю бассейна, хватает первого мальчика и вытаскивает его за плечи. Он кричит, пинается и ударяет ее по ли-

цу, сбивая на траву очки. Другой мальчик тоже кричит, зовет свою бабушку. Падмини кладет первого на траву — там он в безопасности, ведь под травой твердая, *правильная* почва. Но мальчик продолжает кричать и брыкаться, хватает ее за волосы, изо всех сил пытается помешать встать и побежать за своим братом. Весит он всего фунтов пятьдесят, но сначала он бьет ее по колену, а затем ударяет в живот.

— Да я же… — успевает выкрикнуть Падмини, но не заканчивает, потому что из бассейна доносится совершенно иной вопль, от которого они оба замирают.

Миссис Юй выскакивает на заднее крыльцо, размахивая бамбуковым ситечком. Она останавливается и пораженно смотрит на бассейн. *Все* смотрят на него.

В бассейне второй мальчик встал на серовато-белое дно — которое вблизи оказывается не просто серовато-белым, а *пятнистым* и отчасти покрытым *шрамами*, потому что это — *кожа*, а не пластик и не земля.

И теперь небольшие щупальца этой серости поднялись со дна бассейна и обвились вокруг ног мальчика.

Несколько секунд мальчик в ужасе смотрит

вниз, а затем снова начинает кричать, бешено колотя руками по воде и поднимая тучу брызг. Он пытается выбраться, но серость крепко держит его за ноги. Прямо на глазах у Падмини серые усики движутся вверх, скользят по его плавкам, поднимаются к талии. Мальчик отчаянно пытается отпихнуть их руками, и они рывком подтягиваются, ловят одну руку и тянут ее вниз. Внезапно *стопы* мальчика исчезают. Они исчезают в ставшей аморфной серой субстанции, которая пузырится и поднимается, поглощает мальчишку, начиная с лодыжек, и затягивает его под воду…

Миссис Юй кричит и бежит к бассейну. Падмини запоздало выходит из оцепенения и тоже подбегает. Обе женщины хватают мальчика за вторую руку, которой он неистово размахивает. Серая масса пугающе сильна и утягивает его к себе. Падмини изо всех сил тянет, но она — грузная, истощенная работой магистрантка, а не Скала. Мальчик в ужасе, он смотрит на них снизу вверх, а щупальца серого вещества уже начинают обвивать его лицо. Падмини не может вынести этого зрелища. Она не хочет прикасаться к серой массе; каждая частичка ее естества противится этому, потому что понимает — субстанция опасна

для нее. И все же Падмини не может позволить ей утащить этого ребенка, и она сделает все, что в ее силах, чтобы освободить его.

И вдруг она вспоминает о механике жидкостей.

Механика жидкостей прекрасна. Уравнения скачут и рябят, колышутся приливами и отливами. Падмини ничего не стоит просчитать в уме уравнение для скорости потока. Ничего не стоит изменить переменные, чтобы увеличить эту скорость рядом с кожей мальчика. Вода — это смазка, но если Падмини сможет представить себе смазку получше… проходящую *между* его кожей и серой субстанцией, более быструю и текучую, чем вода…

Бассейн превращается в ревущие потоки бурлящей воды. Падмини больше не видит под пеной усики, но продолжает остро ощущать их присутствие. Она и миссис Юй тянут, и даже первый мальчик подбегает, хватает миссис Юй сзади за талию и помогает тянуть.

— Нет! — непокорно кричит Падмини серому существу в промежутках между отчаянными глотками воздуха и тем временем думает:

$$\rho\left(\frac{\partial \boldsymbol{u}}{\partial t} + \boldsymbol{u}\cdot\nabla\boldsymbol{u}\right) = -\nabla p + \nabla\cdot T_D + f$$

И пусть *f* в формуле будет равно бесконечности, если именно такая сила нужна, чтобы вырвать ребенка из хватки отвратительной твари…

Получается. Щупальца соскальзывают, и мальчик вылетает из бассейна, словно его намазали маслом и выстрелили им из пушки. Падмини принимает на себя основной удар — и правильно, потому что у миссис Юй остеопороз. Мальчик опрокидывает Падмини назад. Она лежит на земле, обессилевшая, с маленьким плачущим ребенком, который свернулся калачиком у нее под боком, но все же она ликует. Да что там, она в восторге! Неизвестно, останется ли тварь в бассейне и сможет ли Падмини спасти кого-нибудь еще, если та выползет из воды и снова попытается их съесть. Это неважно. Кажется, впервые за много лет она сделала что-то не потому, что от нее этого ожидали, а потому, что она *была из-*

брана для этого и справилась, как никто другой.

— И не смей тащить сюда свою дебильную потустороннюю хрень, — выдыхает она, широко улыбаясь и даже не слыша себя.

Эти слова будто приводят в действие бомбу. Падмини что-то чувствует — волну силы, поднимающуюся изнутри; покалывание, исходящее от ее ног, макушки и ягодиц, где те приминают траву. Падмини садится. Она даже видит эту волну, как энергия ползет по траве, накрывает дом миссис Юй… и старый бассейн. Когда сила проходит по нему, из-под воды доносится шипение. Вода в бассейне вспучивается; мальчик на руках у Падмини съеживается и в ужасе всхлипывает. Но Падмини знает, что теперь все хорошо. Она с трудом поднимается на ноги (мальчик-то тяжелый), хотя и так уже знает, что увидит. Дно бассейна миссис Юй снова стало бледно-голубым и пластиковым. Портал в иной мир, где бассейны делаются из пожирающей детей кожи, исчез.

Так что Падмини обнимает плачущего ребенка, закрывает глаза и мысленно клянется как можно скорее положить на свой крошечный, почти

забытый столик пуджи[18] какое-нибудь подношение. В пакете с фруктами, которые она купила на прошлой неделе, уже завелись мухи, и, скорее всего, они заплесневели, так что вместо них она пожертвует благовония, причем самые хорошие.

И совсем скоро после всего этого появляются два очень странных незнакомца.

* * *

— Хорошо, что мы первым делом пришли сюда. — Мэнни стоит на заднем дворе, у бассейна, который чуть было не поглотил Куинс. Теперь бассейн снова стал обычным, но в ином мире весь пустой сумеречный задний двор (в странном Нью-Йорке, похоже, никогда не становится совершенно темно или светло) покрыт гигантскими сияющими параллельными бороздами. Их оставило нечто, царапавшее это место своими когтями и чуть не продравшее его. Раны уже зажили, но они еще свежи. Мэнни ощущает, как они болят. Что хуже, в воздухе витают запахи странных океанских альдегидов и где-то — не в

[18] Сноски: 18

Пуджа (*с санскр.*) — один из главных обрядов поклонения и почитания в индуизме, предполагает служение в различных формах, включая подношение пищи, воскуривание благовоний, омовение, исполнение танцев, священных гимнов и чтение мантр. (*Прим. ред.*)

Странном Нью-Йорке, но где-то ужасно близко к нему — он слышит слабый, протяжный, раздраженный рев огромной нечеловеческой твари, почти прорвавшейся в этот мир.

В обычном мире он слышит голос миссис Юй, доносящийся из окна; она все еще ласково разговаривает со своими внуками, пытаясь успокоить их домашней стряпней. Младший парнишка, похоже, не пострадал от своих приключений с подводным чудищем, однако Мэнни не сомневается — в бассейн он больше никогда не полезет, да и мыться в ванной, наверное, побоится. Хотя Мэнни его в этом не винит. На него находит жуть лишь от того, что он стоит в пяти футах от места, где все произошло.

— Что ж хорошего? — спрашивает Бруклин. Дом миссис Юй стоит на ступенчатом пологом холме. Отсюда они видят бесчисленные дома и их задние дворики, уходящие вниз по склону. — Мы опоздали. Если бы эта юная леди не сообразила, как вытолкнуть ту тварь обратно в ее родной мир, то мы бы нашли этих людей уже мертвыми. Или… вообще бы не нашли.

Мэнни содрогается при мысли об этом. На интуитивном уровне он понимает, что есть кое-что похуже смерти.

— Да, наверное, ты права. Ей повезло. Как и всем нам, пока что. — Он не говорит вслух: «Вот только Врагу хватит и одного нашего промаха». Бруклин и так это понимает.

— Похоже, тварь, которая побывала в этом бассейне, — это более, гм, опасная версия тех усиков — или перьев, — что видели мы, — говорит Мэнни. А затем ему в голову приходит ужасная мысль: — А может быть, это и вовсе *одна и та же* тварь. Я все думаю о том, как та женщина в парке переключалась с «мы» на «я», словно для нее эти местоимения взаимозаменяемы. Она будто не могла запомнить, что точно значат эти слова, и для нее это было, в общем-то, неважно.

— Может быть, английский язык для нее не родной.

Отчасти дело в этом. Но Мэнни подозревает, что проблема не столько в языке, сколько в контексте. Женщина в Белом не понимает тонкостей английского, потому что английский проводит границу между личностью — единственным числом — и общностью — множественным числом. Откуда бы Женщина ни явилась, кем бы она ни была, для нее эта разница означает что-то другое. Если она вообще есть.

— Перья в парке делали то, что хотела Жен-

щина, — говорит Бруклин. — А еще она явно каким-то образом в ответе за произошедшее на мосту и на магистрали ФДР. И здесь. Ты видел, как долго мы добирались из одной точки города в другую. Она никак не могла сама побывать во всех этих местах. Некоторые события вообще произошли одновременно, на разных концах города. Так что, может быть, она… Даже не знаю. Как плесень. Есть повсюду, по всему городу, но мы видим только те участки, которые торчат на виду.

— Фу, — говорит девушка, к которой они пришли. Она все еще сидит на ступеньках задней веранды миссис Юй и разговаривает с какой-то другой женщиной, постарше. Прервав разговор, она поворачивается к ним. Пожилая дама становится рядом с ней в пассивно-агрессивную позу, сложив руки на груди и вздернув подбородок, но молчит, позволяя Падмини сказать: — Обязательно было сравнивать ее с плесенью?

Живое воплощение боро Куинс — невысокая грудастая девушка с темно-коричневой кожей и копной длинных черных волос, которые стали жесткими от того, что намокли в хлорированной воде бассейна и не были промыты перед тем, как высохнуть. Она представилась им как Пад-

мини — «Есть такая актриса, слышали, наверное?» — и, по-видимому, смирилась с тем, что ее имя им незнакомо. Впрочем, Мэнни с трудом заставляет себя называть ее по имени, поскольку в его голове эту девушку зовут Куинс. Однако она должна сама решить, что будет так называться. Он не вправе навязывать ей это.

Бруклин устало улыбается девушке.

— Я говорю, что вижу, но ты права — говорить о плесени я тоже не хотела. К слову, есть кое-что еще, о чем я не хочу говорить, но придется… Эта тварь напала на нас с Мэнни напрямую, но в твоем случае ударила по соседям. Не знаешь почему?

— Да откуда же мне знать? — Падмини выглядит обиженной. Она снова начинает отжимать волосы. Вообще, те уже высохли, но девушка, похоже, нервничает. — Еще часа три или четыре назад я ничегошеньки обо всем этом не знала.

Они уже объяснили ей все, что могли. Разговор прошел более гладко, чем ожидал Мэнни, — вероятно, из-за того, что Падмини только что видела, как бассейн пытался сожрать двух мальчишек. Однако говорить было неловко, потому что родственница Падмини — пожилая женщина, которую она представила как «тетушка Айшва-

рия», — спустилась вниз, чтобы посмотреть, зачем Падмини на всех парах выскочила из квартиры, а затем телепортировалась на задний двор соседки. Тетушка почти ничего не говорит, но она стоит рядом и излучает такую готовность защищать свою племянницу, что Мэнни восхитился бы, не будь ее злобные взгляды нацелены на него и Бруклин.

Но он знает ответ на вопрос Бруклин, поэтому решается вставить свое слово.

— Бить по заложникам — хорошая стратегия, — говорит Мэнни, вздыхая и засовывая руки в карманы. — По родным, соседям, коллегам… да по любому, кто не способен сам себя защитить. Устройте какую-нибудь заварушку с участием людей, которые небезразличны вашей цели, и сможете выманить ее из безопасного места, а затем отвлечь, заставив беспокоиться и горевать. Ну а потом, когда она этого не ожидает, можно напасть.

Он внезапно замечает, что Бруклин с прищуром смотрит на него. Мэнни понимает почему. Но ничего не может с собой поделать. Впрочем, когда она начинает говорить, тон ее голоса ничего не выдает.

— И с чего ты решил, что до этого она была

в безопасности?

— Да, с чего это вы так решили? — Это произносит тетушка Айшвария, которая похожа на высокую сорокалетнюю (с хвостиком) версию Падмини. В своем роскошном солнечно-оранжевом хлопковом сари она выглядит довольно царственно. — Если вы, конечно, просто не сумасшедшие. — Падмини шикает на нее.

Мэнни поворачивается и указывает на дом, где живет Падмини. Обыкновенная на вид четырехэтажка с деревянным каркасом. Девушка рассказала им, что живет на верхнем этаже с тетушкой Айшварией, мужем тетушки и их новорожденным малышом.

— Это здание, — говорит Мэнни, — оно ведь светится, да? Мы все это видим?

Бруклин поворачивается, чтобы взглянуть, и Падмини ахает. Мэнни подозревает, что «светится» — не самое подходящее слово, чтобы описать то, что они видят, но оно сойдет. Солнце уже опустилось к горизонту, подсвечивая здание сзади, и будь они в Амитивилле, а не в Джексон-Хайтс, выглядело бы это жутко. Но Мэнни обращает внимание остальных не на это. Он надеется, что они видят — дом, где живет Падмини, отличается от дома миссис Юй и от всех окружа-

ющих строений. Он почему-то выглядит ярче. Даже будто бы четче? Словно кто-то отретушировал изображение, подтянув четкость именно на этом здании и оставив все остальные чуть размытым контрастным фоном. Почему-то этот дом кажется *правильным* — как то такси, вспоминает вдруг Мэнни, и его собственный дом после того, как он вышел из лифта. Тогда он заметил перемену, но не понял, что произошло.

— Думаю, Враг не может проникнуть в это здание, — говорит Мэнни. — По какой-то причине оно стало, так сказать, *более куинсовским*, чем весь остальной Куинс.

— Хочешь сказать, это я его таким сделала? — Падмини качает головой. — Но я же ничего не делала. Пока не пришли вы двое, я даже не знала, почему все это происходит. Как бы я смогла… — Расстроенная, она взмахом руки указывает на свой дом.

— Не знаю. Но жаль, что ты не можешь нам рассказать, как у тебя это получилось. Та тварь нападает на нас, на одного за другим, и, думаю, она не остановится. Похоже, никакой инструкции по применению сверхспособностей или старого мудрого наставника нам никто не даст, так что правила придется угадывать самим. Но если мы

будем и дальше отставать от Женщины на шаг, то рано или поздно она победит.

Мэнни вздыхает и потирает лицо рукой, вдруг чувствуя себя очень уставшим. День выдался тяжелым. Между ними стоит маленькая тарелочка цзяоцзы, которую им вынесла миссис Юй. Внезапно почувствовав себя страшно голодным, он наклоняется и берет один. Очень вкусно. Он берет второй.

Бруклин тоже вздыхает.

— Слушайте, я вконец измотана, да еще и пропустила ланч, пока ехала в Инвуд, чтобы спасти вот этого от перистых чудовищ. — Она тычет большим пальцем в сторону Мэнни. — Думаю, нужно остановиться и выдохнуть, а не браться за все сразу. Мы никому не поможем, если свалимся с ног от усталости.

— Разве мы не должны ехать к Бронкс? — хмурится Мэнни. — Раз уж мы выяснили, кто она. И, эм-м… Прости, я забыл: как там назывался пятый боро?

— Статен-Айленд, — говорит Бруклин. — Только я понятия не имею, как ее найти.

— «Ее»? — спрашивает Падмини.

Бруклин удивленно моргает.

— Ха. Я даже не знаю, почему решила, что это

«она». Но чувствую, что это так. Вы ведь тоже, да? — Бруклин по очереди смотрит на них. Падмини хмурится и медленно кивает. Мэнни тоже.

— Что ж, хорошо. — Бруклин качает головой. Ей явно неуютно из-за того, что в ее голову сваливаются всякие странные сведения. — В общем, я к тому, что та, эм-м, женщина, скорее всего, уже напала на Бронкс и Статен-Айленд, как и на нас троих. А раз эти боро не взлетели на воздух и не случилось еще чего похуже, значит, их воплощения смогли хотя бы частично во всем разобраться и выжить. Скорее всего, они ужасно растеряны, но, возможно, наша помощь нужна им не больше, чем ей. — Бруклин кивком указывает на Падмини.

— Я-то уж точно растеряна, — бормочет тетушка Айшвария. Падмини тянет ее за руку, усаживает на ступеньку рядом с собой, и они начинают торопливо переговариваться на каком-то другом языке. На тамильском, каким-то образом понимает Мэнни. Он вообще знает много того, чего не должен бы знать.

— Есть еще один такой же, как мы, — выпаливает он. Когда все переводят взгляд на него, а Айшвария подозрительно прищуривается, Мэнни объясняет: — Нас не пятеро, а шестеро.

Женщина в Белом, она все время говорила о комто еще. О том, кто сразился с ней и победил… но не окончательно. Поэтому она все еще может нападать на нас.

— Шестеро? — Бруклин хмурится. Она долго разглядывала цзяоцзы, а теперь наконец поддалась искушению и взяла последний. Почти сразу же дверь за ними приоткрывается, и миссис Юй ставит еще одну такую же тарелку, снова с тремя пельмешками. Мэнни неловко, он кивает ей, но старушка, даже не взглянув на них, снова закрывает дверь. Бруклин тем временем продолжает: — Боро всего пять, Мэнни.

— Пять кусочков мозаики, которые вместе составляют единое целое, — говорит Падмини, пожимая плечами. Мэнни растерянно моргает, но Бруклин делает резкий вдох.

— Ты говоришь *о городе* в целом, — говорит она, широко распахивая глаза. — Он не боро, а… Нью-Йорк? Город Нью-Йорк, воплощенный в одном человеке. — Она присвистывает, качая головой, но явно верит собственной догадке. Мэнни тоже, теперь, когда представил себе это. — Он, наверное, чокнутый, как все мы, вместе взятые.

— Но сильный, — бормочет Мэнни. По его телу пробегает дрожь; волосы на затылке встают

дыбом. Почему? Он не знает. Но не испытывает желания усомниться в своих словах или в предположении Бруклин о том, что воплощение Нью-Йорка — мужчина. — Если он в одиночку сразился с тем существом, которое разрушило мост, то он нам нужен.

Падмини медленно поднимает руку.

— Эм-м, в таком случае если мы голосуем, то я голосую за то, что сказала мисс Бруклин. Вы, судя по виду, оба измотаны. А я чувствую себя не лучше. Скоро стемнеет, и мне бы очень хотелось какое-то время поразмыслить обо всем случившемся. Может быть, нам стоит, э-э, прерваться на ночь, а утром собраться снова?

— Это глупо, — резко говорит тетушка Айшвария. Они все переводят взгляд на нее, и лицо женщины становится еще мрачнее. — Вы только что говорили, что за вами кто-то *охотится*. А теперь хотите разделиться, чтобы с вами было проще разобраться поодиночке? Вместе вы хотя бы сможете прикрывать друг друга.

— Тетушка? Ты нам веришь? — спрашивает Падмини. Она смотрит на нее широко распахнутыми глазами, полными надежды, и выглядит от этого очень юной.

Айшвария пожимает плечами:

— Неважно, верю я или нет. Вокруг творится безумие, так что давай придумаем, как побыстрее с ним покончить, чтобы ты могла вернуться к своей жизни, да?

Падмини издает короткий смешок, но Мэнни видит в ее взгляде благодарность.

Бруклин вздыхает.

— Мне все равно нужно возвращаться домой, — говорит она. — Я предупреждала дочь, что буду поздно, но мне не хочется провести всю ночь на улице, выслеживая воплощения боро. И городов. Особенно учитывая то, что в двух случаях мы понятия не имеем, откуда начинать поиски.

Мэнни согласен, отчасти потому, что начал испытывать неясное, навязчивое беспокойство. Он ощутил его, едва Падмини упомянула единое воплощение города. Они нужны друг другу, в этом сомнений нет, но в особенности им нужен тот шестой. И на инстинктивном уровне Мэнни особо остро чувствует, что им стоит поторопиться с его поисками.

— В других городах наверняка должно происходить то же самое, — говорит Падмини, прерывая размышления Мэнни. Она хмурится, словно ей не нравится, что мир стал безумнее, чем вчера. — Не может же быть, чтобы мы одни стали такими

ненормальными, правильно? Сегодня где-нибудь случались похожие катастрофы, как с мостом?

— Нет, — говорит Айшвария. Она вздыхает. — Плохих новостей полно по всему миру, как и всегда, но ничего похожего на мост не было.

И тут Мэнни вспоминает.

— Женщина в Белом говорила что-то насчет Сан-Паулу, якобы он сейчас где-то рядом. — Рядом с аватаром Нью-Йорка.

— Город Сан-Паулу? — спрашивает Бруклин. — У него есть… воплощение? Но разве это воплощение не должно оставаться *в* Сан-Паулу?

— Я не знаю. Но если это так, значит, то, что случилось с нами, уже произошло с тем городом. А это разрешает один вопрос, который я никак не мог выкинуть из головы. — Он кивает Бруклин. — Ты говорила, что мы можем уехать из города, и тогда он выберет кого-нибудь другого. Думаю, что в этом ты права — нутром чую, что это так, а до сих пор мы только на интуицию и полагались. Но еще я чувствую, что… настанет время, когда у нас уже не будет этого выбора. Скорее всего, весь город должен стать таким же, как дом Падмини, — защищенным от Женщины в Белом. Сейчас это не так, и не только из-за того, что мы не понимаем, что делаем. Что-то идет

не так, как должно. Мы разделены. Не найдя остальные боро и того, кто воплощает весь Нью-Йорк, мы не сможем обезопасить город целиком. Но если у нас это когда-нибудь получится…

Бруклин издает стон.

— Ясно. Тогда *мы* станем такими же, как Сан-Паулу. И куда бы мы ни поехали, даже за пределы Нью-Йорка… мы все равно останемся Нью-Йорком.

Падмини садится прямее. Вид у нее встревоженный.

— Как? Навсегда? Но… Нет!

Они все смотрят на нее с удивлением. Даже Айшвария. Падмини морщится.

— Просто… Слушайте, ну это уже чересчур! Спасибо, что вы оба пришли на помощь, но… — Она качает головой, причем вперед-назад, а не из стороны в сторону, словно затрудняясь сформулировать свои мысли. — Не знаю. Я просто… Я не могу стать Куинсом. Я даже не гражданка США! Что, если компания, в которой я прохожу стажировку, не наймет меня и я не смогу найти другую работу, которая поможет мне получить визу? И буду я тогда слоняться по Ченнаи, будучи при этом частью Нью-Йорка! Такого же не должно быть.

Они все неловко переглядываются и молчат.

Миссис Юй снова приоткрывает дверь, чуть-чуть, и в щель они видят половину ее лица. Мэнни уже почти привык не обращать на нее внимания; старушка явно подслушивает, но в городе это тоже обычное дело. Однако на этот раз она не выносит еще одну тарелку, а просто смотрит на них в щель между дверью и косяком. Ее взгляд обводит всех присутствующих и останавливается на Мэнни.

— Ты *хунсуэр?* — спрашивает она. — Метис? Кажется, молодежь теперь так вас называет.

Мэнни моргает, пытаясь понять, с каких это пор он понимает тайшаньский диалект.

— Э-э, нет. — Насколько он знает, нет.

— Хм. — Она снова оглядывает их, затем раздраженно поджимает губы. — В Китае во многих городах есть боги стен. Им сопутствует удача. Ничего необычного в этом нет. Расслабьтесь.

— Так, это еще что за бред? — говорит Бруклин.

— Точно, — говорит Айшвария. Падмини хмурится, переводя взгляд на нее. — И в моей стране тоже многие в это верят. Существует множество легенд. Множество богов, множество аватаров… их, наверное, сотни. Некоторые покровительствуют городам; можно даже назвать

их богами городов. Мне с трудом верится, что *ты* стала одной из них… — Она сурово смотрит на племянницу, выражение лица которой становится нейтрально-обиженным. Видимо, Падмини давно привыкла тактично молчать в ответ на такие выпады, думает Мэнни. — Но раз уж стала, значит, стала.

— Верно. — Миссис Юй открывает дверь еще шире. За ней, на одном из диванов, спит ее младший внук. Его брат сидит рядом и читает школьный учебник — как ни в чем ни бывало, словно им двоим не пришлось сегодня бороться за свою жизнь. — Настоящие боги — это не то, что представляет себе большинство христиан. Боги — это *люди*. Иногда умершие люди, иногда еще живые. Иногда никогда и не жившие. — Она пожимает плечами. — У них разные занятия — они приносят удачу, заботятся о других, следят за тем, чтобы в мире все шло своим чередом. Они влюбляются друг в друга. Рожают детей. Сражаются. Умирают. — Она снова пожимает плечами. — Такие у них обязанности. Это нормально. Смиритесь с этим.

Им нечем ответить на ее слова.

Выражение лица Бруклин смягчается.

— Простите, мэм. Мы уже давно здесь стоим и,

наверное, мешаем, да?

— Вы спасли моих внуков. Но да.

Поэтому они встают и один за другим уходят. Для этого им приходится пройти через дом миссис Юй. Мэнни не забывает поблагодарить ее за пельмени.

Оказавшись снаружи, Айшвария останавливается посреди тротуара и сердито смотрит на них, будто они лично сговорились доставить ей неприятности.

— Вам обоим придется остаться с нами, — говорит она Бруклин и Мэнни. — Раз уж наш дом — безопасное место, и раз рядом с вами Падмини в еще большей безопасности. Подходящей одежды у меня для вас нет, да и уложить смогу только на полу…

— Мой дом тоже подойдет, — говорит Мэнни. Затем морщится. — Эм-м, но вот сосед по квартире нас всех, наверное, уже не выдержит.

Однако Бруклин качает головой:

— Вообще-то, я знаю один дом, который должен нам подойти, если я правильно понимаю, как все это работает. Места там хватит на всех, даже более чем. Подождите. — Она снова достает телефон, отворачивается и набирает номер.

Мэнни гадает, не просит ли она своих по-

мощников организовать что-то вроде убежища для недородившихся городов, где они могли бы спрятаться. Падмини, впрочем, странно косится на него, и Мэнни вопросительно поднимает брови.

— Чего?

— Я думала, что ты, наверное, чуточку пенджабец, пока не услышала, что сказала миссис Юй. Так кто же ты?

— Черный. — Слово вылетает инстинктивно, и он чувствует, что не солгал.

— Но на вид ты… Ты ведь наполовину белый?

— Не-а. Черный.

— Черный латинос, или, может быть, черный еврей, или… как их там… креол?..

— Самый обыкновенный черный. — Мэнни кажется, что он не в первый раз ведет подобный разговор. Видимо, по жизни его *часто* об этом спрашивали. — Наверное, когда-то в прошлом примешался кто-то помимо черных, но я о таком не знаю и, кажется, никогда не знал. Да и знать не хотел. — Он пожимает плечами. — Мы же в Америке.

Она усмехается. Айшвария тем временем наблюдает за Бруклин, и Падмини, кажется, рада получить передышку от тетиного неодобрения.

— Куинс — то есть боро — тоже похож на тебя. Здесь так много оттенков коричневого и разных происхождений. Но… — Она шумно вдыхает. — На Манхэттене есть Гарлем. А на месте Центрального парка раньше был район, где жили чернокожие и ирландцы; я читала об этом в интернете. Потом у тех семей отобрали землю, чтобы посадить парк. А в центре, на Уолл-стрит, стоит мемориал, где нашли безымянные захоронения африканцев. Рабов. Ну, наверное, и свободных тоже? Но их там нашли тысячи, и все они были погребены под… — Она морщится. — Э-э, под местом, где я работаю. Так вот, пусть сейчас на Манхэттене и заправляют в основном белые, но он буквально стоит на костях чернокожих. И коренных американских народов, и китайцев, и латиносов, и целых волн европейских иммигрантов, и… вообще всех. Наверное, поэтому ты и похож на… смесь всего и сразу.

— Ладно. — Мэнни больше интересует другое. — Ты работаешь на Уолл-стрит?

На этих словах Падмини сникает, а вид у нее становится недовольным.

— Не по своей воле. У меня нет гражданства. После учебы мне потребуется рабочая виза, а самый верный способ ее получить — устроиться

на стажировку в компанию, которая может позволить себе оплатить все налоги. А в наше время такие компании есть только в сфере финансов и технологий…

— Ой, да все в порядке. Прости. — Мэнни быстро поднимает руки. — Я же не осуждаю.

— Зато я осуждаю. — Выражение лица Падмини становится гневным. — Мой работодатель делает ужасные вещи. Но думать об этом я не могу, иначе не буду спать по ночам. — Она вздыхает. — Я ненавижу этот город. В этом вся ирония. Чтобы я стала частью Нью-Йорка? Бред какой-то. Бред. Но я прожила здесь примерно треть своей жизни, и все надежды моей семьи завязаны на то, что я смогу добиться здесь успеха, так что… уехать отсюда я тоже не могу.

И Мэнни понимает, что именно поэтому она и стала воплощением своего боро.

Бруклин поворачивается, пряча телефон в сумочку.

— Я сказала отцу, что мы в пути. Все готово. Ну что, поехали?

Айшвария поджимает губы, вопреки самой себе впечатленная такой эффективностью. Она переводит взгляд на Падмини.

— Полагаю, ты решила пойти с ними?

Падмини вздыхает.

— Да, кажется, так будет лучше. И я обещаю, что не стану участвовать ни в оргиях, ни в какой-либо другой ерунде.

Айшвария весело усмехается.

— Просто смотри, чтобы остальные участники оргии были гражданами США, без серьезных заболеваний, не слишком старые и не слишком уродливые. И захвати с собой какую-нибудь одежду, *кунджу*[19].

— О, точно. — Падмини бойко улыбается Мэнни и Бруклин, затем направляется к дому. Однако она останавливается и хмурится, когда видит, что Мэнни и Бруклин идут следом. — Я всего на пять минут.

— За пять минут Женщина в Белом может успеть разделаться с тобой, — говорит Мэнни. — Или с нами, если уж на то пошло.

Падмини хмурится, а затем, видимо, вспоминает про бассейн миссис Юй.

— Ну ладно, — говорит она, и все идут за ней в дом.

Они проводят внутри больше пяти минут. А все потому, что, едва Падмини открывает калитку

---

[19] Сноски: 19
Птенчик (*тамильск.*).

во внутренний дворик, как створка окна полуподвальной квартиры съезжает наверх, и оттуда высовывается крошечная пожилая белая женщина.

— Пэдди-ми, это ты там верещала? — требовательно спрашивает она. Падмини подходит к окну, присаживается рядом на корточки и объясняет, что, да, она действительно кричала, но лишь потому, что увидела у бассейна миссис Юй — а она была у нее в гостях — ужасно большого таракана, а Падмини просто *терпеть не может* тараканов. Женщину рассказ, похоже, умилостивил; она вскользь упоминает, что печет какие-то пироги и занесет один в квартиру Падмини, когда закончит.

— Простите, — смущенно говорит Падмини остальным, когда они отходят.

— Мисс Кенвик готовит отменные пироги, — говорит Айшвария, обращаясь к Бруклин и Мэнни. — Мой муж уплетает их за обе щеки.

Стоит им подняться на крыльцо и войти в здание, как происходит то же самое. На каждом этаже располагается по две небольшие квартиры. В «1А» живет молодой человек с собакой, лай которой слышен из-за двери еще до того, как он ее приоткрывает — ровно настолько, насколько поз-

воляет цепочка. Он несколько секунд изучающе смотрит на Бруклин и Мэнни, а затем негромко спрашивает Падмини, все ли у нее в порядке. Падмини одаривает его сияющей улыбкой и заверяет, что у нее все хорошо, а эти незнакомцы — ее друзья, так что все в полнейшем порядке. Тогда молодой человек бормочет себе под нос команду, и собака — большущий питбуль — послушно замолкает. Однако оба жильца продолжают сердито сверлить Мэнни и Бруклин взглядами, пока те не скрываются из виду.

— Это Тони, — говорит Падмини, пока они поднимаются по ступеням. — Он очень милый. Каждый декабрь он готовит мне бисквит, пропитанный *ромом*, и меня от него так развозит! Он, наверное, фрилансер, потому что целыми днями сидит дома, и, наверное, поэтому научился так хорошо готовить. Правда, я не знаю, чем он зарабатывает на жизнь.

— Зато я знаю, — говорит Бруклин, ухмыляясь Мэнни.

Так продолжается до самого верха. Жильцов из «1B» и «2A» им встретить не удается — Падмини говорит, что они оба на работе, — но хозяин «2B», сутулый чернокожий старичок с куфи на голове, выходит поблагодарить Падмини за то,

что она на прошлой неделе ухаживала за его кошкой. Когда девушка застенчиво просит его одолжить пару палочек благовоний, он радостно улыбается и протягивает ей несколько, взяв их с полки у двери.

— Мне для молитв всегда нравился вот этот запах, — говорит он, явно одобряя, что Падмини вдруг вспомнила о духовности.

— Это она-то молится? — бормочет Айшвария, но старичок в куфи ее не слышит.

— А вот и молюсь, — огрызается Падмини, но затем краснеет и спешно идет дальше по лестнице.

Весь третий этаж занят одной семьей — родственниками хозяина, как говорит Падмини. Дверь не открывается, но Мэнни слышит, как за ней резвятся маленькие ребятишки. Один из них подбегает близко к двери и кричит:

— Там Падмини! Я ее слышу! Я хочу поздороваться с Падмини! — но кто-то внутри шикает на него и отводит от двери.

И где-то между третьим и четвертым этажом — тем, где Падмини живет с тетушкой Айшварией, — к Мэнни приходит понимание. Эта четырехэтажка в Джексон-Хайтс — всего лишь одно здание среди тысяч подобных, но в

ней в миниатюре воплотился весь Куинс. Люди разных культур въезжают сюда, создают свои сообщества, а затем уходят, и так без конца. В таком месте, взлелеянном присутствием и заботой своего аватара, сила боро проникла в каждую доску и каждый кирпич здания, сделав его сильнее и безопаснее, даже несмотря на то что весь остальной город держится на ногах нетвердо, ослабленный натиском врага.

Мэнни вдруг испытывает страшное желание ощутить ту же целостность по всему городу. Ведь у всех должно быть такое же место, разве нет? Он пробыл здесь всего день, а уже встретил так много запоминающихся и интересных людей, увидел столь много прекрасного и незнакомого. Он хочет защитить город, который создает такие впечатления. Он хочет помочь ему стать сильнее. Он хочет верно и преданно стоять рядом с ним и поддерживать его.

Внезапно в его душе словно начинает звенеть колокольчик. От неожиданности Мэнни останавливается на середине лестничного пролета… и Бруклин поворачивается к нему, делая негромкий вдох. Падмини уже стоит на следующей лестничной площадке, собирается идти дальше наверх — но она останавливается и на

мгновение закрывает глаза. Мэнни ощущает, как между ними нарастает резонанс, который переносит его в другое пространство — и он впервые понимает, что никогда не видел его *человеческими глазами*. Он — город. Когда Мэнни смотрит на странные пустые улицы, на нанесенные ему повреждения (уже почти затянувшиеся, потому что они становятся сильнее), на угасающий прекрасный свет, то он словно созерцает нечто маленькое, вроде собственного пупка. И едва он осознает это, как вид перед его глазами отдаляется, Мэнни воспаряет, возносится и наконец видит себя целиком. Он — Манхэттен. И совсем рядом с ним — другие небоскребы, почти не уступающие по высоте его собственным! Это Бруклин. А по соседству с ней, так близко, что они могут взяться за руки, раскинулось новое чудо. Падмини *огромна*, она — бесконечные мили, застроенные малоэтажками. Когда она поворачивается, Мэнни слышит мелодии тысячи разных инструментов, видит сверкающие грани витражного стекла и промышленного стеклопластика и редкие вкрапления алмазов; он ощущает вкус соли, горькой земли и острых жгучих специй, от которых на глаза наворачиваются слезы. Вот же они! Прямо здесь! Остальные части его

личности. Части города, которым они должны стать. В другом мире, в мире крошечных людей, он поднимает руки и по ритму собственного сердца понимает, что они повторяют его движение. Да, вот так, *вместе*, они могут стать гораздо сильнее, если просто…

Внезапно восприятие Мэнни возвращается в его тело из плоти и крови. Он спотыкается и неуклюже падает лицом на ступеньки. Кровь заливает ему рот. Проходит целых десять секунд, прежде чем Бруклин и Падмини бросаются к ему; Айшвария опережает их, ахает и сбегает по ступенькам, чтобы помочь ему сесть. Все это время Мэнни пытается понять, почему он лежит лицом вниз.

«А чего ты ждал? — бессловесно смеется кто-то в его голове. Смех добродушный, а не злой. Смеются не над ним, а вместе с ним. — Ты ведь не Нью-Йорк, а Манхэттен. Попытка хорошая, но собрать всех воедино — это *его* задача, а не твоя».

Внезапно Мэнни оказывается в совершенно ином месте.

Где-то в Обычном Нью-Йорке. Внизу… под землей? Там темно. Он мельком видит затененные белые стены, покрытые плиткой, и серый бетон-

ный пол. Станция метро. Запах пыли, озона и, как ни странно, ни намека на вонь застарелой мочи, которую Мэнни запомнил, лишь единожды проехав в метро. Где-то поблизости, но не слишком близко, грохочет проезжающий мимо поезд; откуда-то сверху льется столп солнечного света, и в нем в разные стороны спешат тени пешеходов. А перед ним…

Перед ним на лежанке из старых газет, свернувшись калачиком, спит молодой человек.

Мэнни завороженно смотрит на него. Незнакомец хрупкий, болезненно худой, одетый в грязные джинсы и поношенные старые кроссовки. Его нескладные конечности расслабленно раскинуты в стороны. Мэнни не может разглядеть лица, хотя на него сверху и падают пятна света. Ему мешают тени, и ракурс неудачный… Мэнни внезапно испытывает жгучее желание рассмотреть его получше и пытается подойти ближе, но ничего не происходит. Нет, мимолетного взгляда недостаточно. Ему нужно… нужно…

«Я принадлежу ему, — внезапно с жаром думает он. — Я хочу… О боже, я хочу принадлежать ему. Я живу ради него и умру ради него, если понадобится, и, да, я даже убью ради него, если ему это будет нужно, и поэтому ради него и ради

него одного я снова стану тем чудовищем, которым был…»

Он моргает, и видение исчезает. Мэнни снова оказывается на лестнице, остальные толкутся вокруг него, его рот все еще полон крови, а в голове царит пустота. Падмини и Бруклин тоже сели, ошеломленные. Бруклин поднимает на него глаза, и ее лицо чуть напрягается, но все еще остается бесстрастным. С таким лицом только в покер играть.

— Ты видел его, — говорит она. Не спрашивает. — Значит, шестой и в самом деле существует. Нью-Йорк.

Да. Мэнни сглатывает и кивает, облизывая языком нижнюю губу в том месте, где прикусил ее зубами. Еще кровь идет у него из носа. Он слышит, как дрожит его собственный голос — и неудивительно, ведь его всего колотит.

— Итак. Видения. Это что-то новенькое.

— Групповые видения. Да. — Бруклин медленно вдыхает. Ее голос тоже чуточку дрожит. — Хотела бы я сказать, что все происходило лишь у тебя в голове, но, очевидно, в моей было все то же самое. — Мэнни с несчастным видом кивает.

— И в моей, — говорит Падмини. Айшвария уже сидит рядом с ней, но Падмини все равно

выглядит так, словно вот-вот свалится со ступеньки. — Кто-нибудь из вас знает, где находится то место?

— Я первый день в городе, — говорит Мэнни. Он садится прямее, зажимает нос и запрокидывает голову.

Однако Бруклин тоже качает головой.

— Не представляю. Хотя готова поспорить, что не в Бруклине.

— Поч… — Потому что на Мэнни видение подействовало сильнее остальных. — А, ясно.

— Опиши, что ты видел, — произносит Айшвария, хмуро глядя на него.

Слишком растерянный, он не может собраться с мыслями и качает головой. Вместо него отвечает Падмини, и Мэнни поражается тому, насколько ясно она увидела его мысли:

— Мы очутились где-то под землей. На станции метро, но на какой-то странной. Темной. Хотя откуда-то проникал солнечный свет. И там был парнишка, он лежал на каких-то газетах.

Молодой, но не ребенок. Мэнни думает, что ему лет двадцать с небольшим. Черноволосый, темнокожий. Худой. Наверное, очень быстрый.

— На газетах? — Айшвария удивленно переводит взгляд с Падмини на остальных. — Как ще-

нок, что ли?

— Нет. Как на кровати. — Бруклин трет глаза, затем встает на ноги. — На стопках бумаг; некоторые все еще перевязаны. Он лежал на кровати из газет в заброшенной части какой-то станции метро. Что сужает круг поисков всего-то мест до двадцати. Черт, время от времени кто-нибудь находит туннели, о которых вообще за годы все *позабыли*, так что он может находиться в одном из них. Чтоб его, я даже не понимаю, для чего нам это видение. — Она пристально смотрит на Мэнни. — Но что-то мне подсказывает, что ты понимаешь.

— Тебе не нужно в больницу? Я могу вызвать такси. — Падмини вытащила откуда-то из кармана салфетку и безуспешно пытается промокнуть нос Мэнни. Он забирает у нее салфетку и вытирает кровь с лица.

— Нет, — говорит он. — Спасибо. Через минуту пройдет.

— Ты сильно ударился о ступеньку. Вдруг нос сломал?

— Если и сломал, то не в первый раз. — Мэнни переводит взгляд на Бруклин. — Я знаю не больше тебя. Думаю, что увидел его… что *мы* увидели его, потому что собрались втроем в одном месте.

Если хотим увидеть больше, нам нужно найти еще кого-нибудь. — Бронкс или Статен-Айленд. Или, возможно, им всем нужно собраться вместе, и лишь тогда в их сознаниях вспыхнет табличка «ЗДЕСЬ ЖИВУТ ДРАКОНЫ», которая укажет, где находится шестой — истинный Нью-Йорк.

Бруклин какое-то время молчит. Затем она негромко говорит Падмини:

— Малышка, иди наверх и собери свои вещи. Мы вызовем такси, но все же лучше не набирай слишком много.

— О. Хорошо. — Айшвария помогает Падмини подняться на ноги, и они спешат вверх по лестнице. Когда дверь в их квартиру закрывается, Бруклин пересаживается на ступеньку выше Мэнни.

— Ты вспомнил что-то о своем прошлом? — непринужденно спрашивает она.

Мэнни проверяет свой нос. Кажется, тот цел. Кровь тоже почти перестала идти.

— Немного, — отвечает он. Тоже непринужденно.

Бруклин поджимает губы.

— В том видении я, гм, увидела чуть больше, не только того парнишку. То есть не только Нью-Йорк. Кажется, я уловила и кое-какие твои

мысли.

Да, он и так догадывался, что это произошло. Падмини, похоже, ничего не почувствовала, но, возможно, на нее просто разом свалилось столько странностей, что она их уже просто не замечает. Мэнни ждет, когда Бруклин скажет, что думает.

— Когда ты начал вспоминать?

— Я и не начал. Все по-прежнему. — Впрочем, отчасти он не вспоминает, потому что не хочет. Например, его настоящее имя можно найти на удостоверении личности, но Мэнни не стал его разглядывать. В его телефоне есть номера, по которым он не хочет звонить, сообщения, на которые он не собирается отвечать. Мэнни понимает — эти решения столь же важны, как и его решение остаться в городе, а не сбежать на следующем поезде бог знает куда. Если он захочет, то сможет снова стать тем, кем был, но только до определенного момента. Что-то в нем прежнем несовместимо с новой личностью, в которую его хочет превратить город. Поэтому он решил остаться Манхэттеном, чего бы это ни стоило.

— Хм, — говорит Бруклин. Этот ответ ни к чему его не обязывает. Она оставляет его в покое.

Мэнни устал. День выдался очень насыщенный.

— Раньше я причинял людям боль, — говорит он, прислоняясь спиной к стене лестничной клетки и глядя в пустоту между ними. — Ты ведь это хочешь знать, да? Я не помню подробностей. Я не помню *зачем*, но сам факт я помню очень хорошо. Иногда я делал это физически. Чаще всего я просто пугал их, заставляя делать то, что мне было нужно. Но для того, чтобы угрозы не казались пустыми, иногда… я на них не останавливался. И у меня хорошо получалось. *Эффективно*. — Затем он вздыхает, на мгновение закрывая глаза. — Но я решил, что больше не буду тем человеком. Это я помню. Ведь именно ради этого многие и бросают свою старую жизнь и приезжают в большой город, верно? Чтобы начать все сначала. Стать новыми людьми. Просто для меня все оказалось несколько буквальнее, чем для большинства.

— М-м-м, — говорит Бруклин, делая глубокий вдох. — Ты ведь не серийный убийца?

— Нет. — Мэнни не помнит, чтобы испытывал удовольствие от того, что делал. Но помнит, что причинял боль и внушал страх с такой же легкостью, с какой напугал Марту Блеминс в парке. Для него ее страх ничего не значил. И ему кажется, что это ненамного лучше, чем быть серийным убийцей. — У меня просто… была такая работа,

наверное. Я делал это ради денег и, возможно, власти.

Но в какой-то момент он решил прекратить. Мэнни цепляется за это доказательство своей человечности, словно все остальное неважно. Потому что так и есть.

— Что ж, на роль Манхэттена ты точно подходишь. — Мэнни чувствует на себе тяжелый взгляд Бруклин. — Ты какие-то странные чувства испытываешь к тому молодому человеку.

Мэнни тихонько вздыхает. Он надеялся, что она этого не заметила. Господи, ну есть же вещи, которые не должны предаваться огласке.

— Извини, — говорит она. — Я же не ожидала, что меня затянет в вулканское слияние разумов, и не успела сообразить, что нужно, хм, отвернуться. Надеюсь, ничего моего ты не увидел.

— Кажется, нет.

— Ну вот и хорошо. — Бруклин складывает руки и упирается локтями в колени. Ее ноги чинно составлены рядом, юбка не задирается; даже здесь, на этой уродливой, обшитой деревянными панелями старой лестнице, она остается воплощением элегантности. Но на ее изящном лице заметно беспокойство. — Между нами говоря, меня терзают дурные предчувствия насчет

того, что произойдет, когда — и если — мы вшестером наконец соберемся вместе. Сейчас мы лишь попробовали, каково это… и мне совсем не хочется, чтобы в моей голове оказались еще пять человек.

Мэнни пожимает плечами. Он тоже этого не хочет, но становится все очевиднее, что они должны найти друг друга или погибнуть.

— Может быть, когда мы найдем… Нью-Йорк, все будет не настолько плохо. Может быть, он сможет управлять этой связью. Или что-то в этом роде.

— Ты очень оптимистичен для предполагаемого серийного убийцы. Это мне в тебе нравится.

Он смеется и чувствует себя намного лучше.

— Ты-то как себя чувствуешь во всей этой неразберихе? Если не считать дурных предчувствий.

Бруклин пожимает плечами, но он хорошо разбирается в людях. Наверное, когда-то этот навык здорово помогал ему в работе. Она напугана, хотя и сохраняет внешнее спокойствие.

— Я подумываю о том, чтобы уехать — хотя и не хочу, конечно же. Нью-Йорк — мой дом. Я всю жизнь сражалась за этот город. Однако при этом я просто хочу уберечь отца и дочь, не подстав-

лять их под удар, понимаешь? Сейчас я с вами, потому что если мы доведем дело до конца, то, возможно, добьемся и того и другого: поможем городу и обезопасим мою семью. Но если дела пойдут совсем скверно… — Она красноречиво пожимает плечами. — Не уверена я, что люблю Нью-Йорк так сильно, чтобы умереть за него. И я точно не люблю его настолько, чтобы жертвовать своей семьей.

— Ты говорила, что твоей дочери четырнадцать.

— Ага. Слова ей поперек не скажи. — Бруклин заметно рада смене темы разговора и улыбается с ласковым упреком. — Папа говорит, что она — расплата за то, как я вела себя в ее возрасте. Но у нее есть голова на плечах. Прямо как у мамы.

Мэнни усмехается. Он не помнит, перечил ли взрослым в детстве, но ему хочется думать, что так и было.

— Если я хоть чем-то могу помочь твоей семье, я сделаю что угодно.

Выражение лица Бруклин смягчается. Может быть, теперь он нравится ей немного больше.

— А я надеюсь, что у тебя получится стать таким, каким ты *хочешь* быть, — говорит она, заставляя его озадаченно моргнуть. — Знаешь,

этот город сожрет тебя с потрохами, если ты ему позволишь. Не позволяй.

Затем она встает, потому что Падмини уже выходит из квартиры, все еще запихивая вещи в рюкзак, в то время как Айшвария подсовывает ей забытые вещи и пакеты с едой. Бруклин подходит, чтобы помочь. Пока женщины негромко переговариваются и вместе пытаются застегнуть молнию на рюкзаке, Мэнни обдумывает слова Бруклин. Предупреждение кажется ему очень многозначным.

Затем женщины спускаются, и он встает, чтобы помочь Падмини нести багаж, если она позволит. Вещей у нее немного, зато Айшвария с готовностью взваливает ему на руки два многоразовых пакета, набитых продуктами, и высокий термос для еды.

— Я готова, — говорит Падмини, взволнованно глядя на них. — И, эм-м, я взяла с собой ужин на всех нас, если хотите. А еще позвонила руководителю стажировки и сообщила ему, что в течение нескольких дней не смогу приходить на работу. Теперь у меня грипп. — Она пробует покашлять. — При гриппе ведь бывает кашель, да?

— Иногда, — говорит Мэнни, с трудом сдерживая улыбку.

— Ой. Ну, я еще сказала, что у меня температура сто десять[20] градусов и начались месячные. Он теперь будет думать, что я в бреду от того или другого.

— Поправляйся скорее, — сухо говорит Бруклин. — И пошли.

Они садятся в такси, которое везет их по скоростной магистрали Бруклин — Куинс. Бóльшую часть поездки им открыт вид на ночной Манхэттен, и Мэнни с жадностью и восхищением любуется им, хотя и понимает, что смотрит на самого себя. Впечатлений много, даже чересчур: яркий, пугающий порядок шоссе, на котором половина водителей, похоже, решительно желает ехать наперегонки с другими. Высотки, нависающие над дорогой и выстраивающиеся вдоль нее. Мимолетные эпизоды из жизней других людей, проносящиеся мимо: вот пара спорит перед уродливой картиной, на которой изображена лодка; вот зал, полный людей, — вечеринка, наверное; вот старик обеими руками держится за пульт, указывает им на телевизор и орет. В какой-то момент их шоссе проходит между двумя другими, ныряет под третье и скользит вдоль служебной

[20] Сноски: 20
110 °F = 43,3 °C. (*Прим. перев.*)

дороги, которая почему-то даже шире обычной. Безумие. Потрясающее безумие.

То же самое можно найти в любом другом большом городе… и все же в этом есть нечто *большее*. Мэнни чувствует, как в нем пульсирует жизнь. Опустив стекло, он высовывает лицо наружу, насколько позволяет ремень безопасности, и вдыхает стремительно обдувающий его воздух. (Водитель косо смотрит на него, но пожимает плечами и ничего не говорит.) Тогда Мэнни выдыхает, и машину встряхивает такой порыв ветра, что водитель изрыгает ругательство. Бруклин придерживает рукой волосы, чтобы те не слишком растрепались из-за сквозняка. Она бросает на Мэнни предупреждающий взгляд, прекрасно понимая, что он делает, и Мэнни в ответ извиняется улыбкой.

Но он ничего не может с собой поделать. Мэнни почти влюбился в город, а влюбленные мужчины не всегда поступают обдуманно или мудро.

Когда они прибывают по адресу, который Бруклин дала водителю, то останавливаются где-то в центре района, обозначенном на карте как Бедфорд-Стайвесант. Они выходят из машины и оказываются перед парой жилых домов из бурого песчаника, величественных и узких,

которые, похоже, были отремонтированы и обставлены примерно в одно время. Один из них все еще выдержан в традиционном стиле: кованые ворота ведут к высокому крыльцу со ступеньками, а рядом с дверью на первом этаже даже висит мемориальная доска, гласящая, что этот дом является историческим памятником. А вот другой дом немного реконструировали: не осталось ни ступенек, ни ворот, а дверь квартиры, расположенной в полуподвале, теперь открывается прямо в красивый, выложенный кирпичом и засаженный растениями двор. Арочный вход с двойными дверями намного шире, чем у соседнего дома, а двери более современные. Мэнни замечает сбоку кнопку автоматического открывания дверей.

Падмини присвистывает.

— Какой роскошный, — говорит она, любуясь зданием. Затем, обращаясь к Бруклин: — Так ты, оказывается, богачка!

Бруклин усмехается, но останавливается на тротуаре, давая им возможность поглазеть и явно наслаждаясь их восхищением. И Мэнни отмечает, что она не возражает на «богачку».

— Мы остановимся вот в этом, — говорит она, кивком указывая на традиционный дом. — Если,

конечно, ни для кого из вас не проблема подняться по ступенькам. Моя семья живет в том, что доступнее, — папа передвигается на инвалидной коляске. Вам придется потерпеть характер моей четырнадцатилетней дочери, но, если хотите, мы все тоже можем переночевать там.

— Я бы с удовольствием познакомился с твоей семьей, но и против ступенек ничего не имею, — говорит Мэнни. Падмини соглашается, и Бруклин ведет их к традиционному дому из бурого песчаника.

Внутри к словам Падмини о том, что дом «роскошный» прибавляется «а еще стильный». Кто-то отремонтировал его, оставив оригинальные детали: например, камин с настоящей мраморной полкой и лестницу с ковровым покрытием и перилами из красного дерева. Однако при этом их дополнили модернистской люстрой, похожей на застывший взрыв, и модной мебелью, настолько стильной, что удобной она быть просто не может. Впрочем, Мэнни все равно здесь нравится.

Но лучше всего другое: едва они входят в здание, Мэнни чувствует, как по его коже пробегают мурашки — к нему возвращается то ощущение, которое он испытал в доме Падмини и в своем

собственном. Архитектурные линии становятся более четкими, текстуры стен — детальными. Свет горит чуть ярче, и в комнате пахнет свежестью.

— Да, так я и думала, — говорит Бруклин, широко улыбаясь. — Нет ничего более бруклинского, чем дома из бурого песчаника, ребята.

— Ты занимаешься недвижимостью? — спрашивает Падмини, все еще таращась по сторонам.

— Да, в общем-то, нет. У меня в собственности только эти два дома. Я здесь выросла. — Бруклин вздыхает и снимает туфли. Мэнни и Падмини быстро следуют ее примеру. — Папа купил оба дома в семидесятых. За этот отдал всего шестьдесят штук, за все здание. В те времена в городе жилось несладко. Белые бежали в пригороды, потому что не хотели, чтобы их дети ходили в школу вместе с маленькими Хосе и Жакитами. Так что, когда ударил кризис, здесь людям жилось раза в два тяжелее, чем везде. Но папа смог сохранить здания, даже когда налоги на недвижимость чуть не съели нас заживо. Когда мне было четырнадцать, я чистила унитазы и таскала мебель. Жожо даже не представляет, насколько хорошо ей живется.

— Так зовут твою дочь? — спрашивает Падмини.

— Ну да. Сокращенно от Жозефины. Названа ее в честь Бейкер. — Бруклин качает головой, затем улыбается. — Как бы там ни было, теперь оба здания стоят миллионы. — Она манит их за собой, чтобы показать дом. — Я едва успела сделать второй дом доступным для инвалида, прежде чем весь квартал объявили историческим памятником. И слава богу, а то я бы до сих пор воевала с городскими властями и оформляла документы. И мне все равно пришлось пообещать, что я не стану модернизировать этот дом, чтобы успокоить особо буйных.

— Неужели кто-то был недоволен тем, что ты сделала дом удобным для инвалида-колясочника?

Она фыркает.

— Добро пожаловать в Нью-Йорк. — Она обводит рукой просторную кухню, украшенную лепниной. — В общем, этот дом мы сдаем в аренду туристам, для дополнительного дохода. — Она весело качает головой. — «Исторический таунхаус! С видом на город! Винтажная атмосфера!» Бац — пять штук в месяц за одну квартиру, а во время особых мероприятий и праздников и того больше. Город все грозится отнять у нас дома, но папа называет их «Резервным пенсионным

фондом Клайда Томасона».

Бруклин выделяет им каждому по маленькой аккуратной гостевой комнатке и заказывает на ужин китайскую еду. У Куинс с собой есть то, что приготовила Айшвария, но она съедает лишь немного жареного риса и охотно делится идли и ароматным карри из баранины. Ужин скромный и проходит тихо, за кухонным островком, но как же Мэнни рад тому, что они могут просто ненадолго расслабиться и насладиться едой.

Только его грызет совесть, ведь аватары Бронкса и Статен-Айленда сейчас где-то в городе, одни, возможно, напуганы и точно в опасности. И где-то под всеми ними — в метро, во тьме — аватар Нью-Йорка одиноко дремлет на груде мусора, а рядом с ним нет никого, кто мог бы его согреть и защитить.

«Но это ненадолго, — мысленно клянется Мэнни. — Я скоро найду тебя».

А потом… что ж. Мэнни приехал в Нью-Йорк, потому что больше не желал оставаться прежним. Город отнял у него имя и прошлое, но лишь потому, что он уже был готов отказаться от них. Возможно, ему не следует стыдиться того, что город стал претендовать и на все остальное, включая те части его личности, которые Мэнни

считал сомнительными или отвратительными. Конечно же, Нью-Йорк найдет применение и им. Ни один город не может существовать без типов вроде него — особенно этот город, — и, возможно, ему пора смириться с этим.

И так ли уж ужасно быть ужасным, если ты ставишь свою чудовищность на службу городу?

Эта мысль внезапно успокаивает его. Когда Мэнни устраивается на ночь, то почти сразу же засыпает и видит восемь миллионов великолепно-безжалостных снов.

Интерлюдия

Едва Паулу вылезает из такси, он сразу же понимает, что перед ним. Многоквартирный дом непримечателен почти во всех отношениях, если не считать того, что он — *самый куинсовский* из всех зданий обширного боро, которые видел Паулу. Дом стал средоточием силы городского аватара.

Еще он ощущает покалывание — где-то поблизости поработал Враг, но почему-то, в отличие от Инвуда, эта брешь причинила меньше вреда. Паулу расплачивается с таксистом — а заплатить приходится солидно, поскольку он попросил водителя немного поездить по району, чтобы точно определить место, где была нарушена целостность пространства. Когда такси отъезжает, Паулу незаметно проскальзывает в узкий темный проход между каркасными домами и перепрыгивает через сетчатый забор, чтобы получше рассмотреть место происшествия. Старый пластиковый бассейн. От него исходит такой же едва ощутимый едкий запах, как и от заразы, поразившей монумент в Инвуде. Здесь

аватару явно пришлось затратить уйму сил, чтобы удалить инфекцию решительно, точно и с такой хирургической эффективностью, что Паулу не может не восхититься. Кроме того, совсем рядом стоит дом-средоточие, и существуют, наверное, другие факторы, которые Паулу не в состоянии постичь, так что сюда вряд ли станут стекаться… паразиты.

Из дома доносится голос, что-то кому-то говорящий на китайском, и Паулу быстро уходит с заднего двора. Подойдя к четырехэтажке, он набирает номер самой верхней квартиры, намереваясь прозвонить их по очереди сверху вниз. Когда из домофона доносится женский голос, прерываемый помехами, он говорит:

— Мне нужен кто-нибудь, кто знает, что случилось с бассейном на заднем дворе в доме по соседству.

Повисает пауза. Затем голос снова неразборчиво произносит:

– *[Помехи, помехи]* из миграционной службы? Мы здесь на законных основаниях, и если какой-то *[помехи]* на нас накапал, то он может катиться к черту!

— Я определенно не из миграционной службы, не из полиции и не из какой-либо другой из-

вестной вам организации. — Паулу чуть отходит от двери назад, чтобы любой, кто смотрит в окно, мог хорошо рассмотреть его в свете уличных фонарей. Он видит кого-то у окна, но этот кто-то тут же исчезает, и Паулу не успевает его разглядеть. Возвращаясь к домофону, он размышляет, позвонить ему в ту же квартиру или этажом ниже. Затем из динамика снова доносится что-то невнятное, и входная дверь издает писк, впуская его внутрь.

На четвертом этаже приоткрывается дверь, и из-за нее выглядывает полноватая женщина лет сорока с небольшим, одетая в сари. Дверную цепочку она не снимает. Паулу видит за ней мужчину средних лет — тот воинственно хмурится, сжимая в кулаке бутылочку для кормления ребенка. Женщина тоже настроена недоброжелательно, но Паулу ее понимает. В большом городе не принято доверять незнакомцам.

Когда он доходит до верхней площадки лестницы, женщина пристально оглядывает его.

— В квартиру не пущу, — сразу же заявляет она.

— Я лишь хочу поговорить, — заверяет он. — А говорить я могу и отсюда.

Женщина становится чуть менее напряжен-

ной.

— Чего вы хотите? — раздраженно спрашивает она, говоря по-английски с акцентом. — Вы репортер? Я слышала, что кто-то упомянул о произошедшем в «Твиттере», но мне все равно с трудом верится, что вы пришли сюда из-за бассейна. Да еще и посреди ночи.

— Меня зовут Сан-Паулу, — говорит он, не ожидая, что она узнает его имя. Большинство американцев, с которыми он сталкивался, никогда даже не слышали о таком городе. Или считают, что он находится где-то в Калифорнии. — Я разыскиваю…

Женщина ахает, и он удивленно прерывается.

— Они *говорили*… Ого. Так вы настоящий?

Он приподнимает бровь.

— Да, самый настоящий. — Такой вопрос она могла задать лишь по одной причине. — Вы в последнее время замечали нечто ненастоящее?

Она пожимает плечами:

— Безумие. По всему городу. Но самое последнее случилось по соседству, вчера. Приходили другие люди, рассказывали безумные вещи. Они были… такие же, как вы. — Она прищуривается, глядя на Паулу так, как будто пытается разглядеть что-то, что не может сформулировать. — Даже

не знаю.

— Что за люди?

— Первый… м-м-м… Мэнни? Так, кажется, его звали. С ним была Бруклин Томасон, она из городского совета. Оба высокие и чернокожие, мужчина со светлыми волосами, а женщина темноволосая. Они сказали, что наша Падмини стала Куинсом.

Итак, они начали находить друг друга даже без его помощи. Паулу не может сдержать улыбку.

— И они ушли? Вы не могли бы сказать куда?..

Она задумчиво склоняет голову набок, и ее взгляд внезапно становится пронзительным. Мужчина на заднем плане выходит вперед и останавливается прямо за ней. Стоят они почти одинаково: словно готовятся защищаться. Впрочем, главный здесь не мужчина, а женщина, и она говорит:

— А кто вы вообще такой, раз интересуетесь? Они говорили, что на них что-то охотится. *Кто-то*. Какая-то женщина.

По коже Паулу бегут мурашки, прямо как у камня в Инвуде и у подозрительного бассейна. Неужели Враг уже воссоздал предвестников? Складывается впечатление, будто битва во время

рождения ничуть ему не навредила.

— Так быть не должно, — медленно и негромко произносит Паулу. — Впрочем… охотится. Да. Полагаю, так и есть. — Новорожденные города обычно обладают обостренным инстинктом самосохранения, потому что иначе нельзя. Если аватары Нью-Йорка считают, что чужое враждебное существо охотится за ними, то они, вероятно, правы. — Так вы сказали, их разыскивает женщина?

Она поджимает один уголок рта.

— Ну да, на женщину вы не похожи. И все же с какой стати я должна вам что-либо говорить?

— Потому что я здесь для того, чтобы помочь им.

— До сих пор вы не особо спешили им помогать.

Паулу склоняет голову, признавая это. Но он не извиняется.

— Честно говоря, я мало что могу сделать, — говорит он. — Моя задача — помочь советом. В конце концов, сражаться и выживать предстоит им. Но я даже посоветовать ничего не смогу, если не сумею найти их, — а сейчас им будут полезны любые знания. Любая помощь, какая только подвернется.

Женщина обдумывает сказанное. Паулу кажется, что искренность помогла; мнение о нем у женщины сложилось не самое лучшее, но, по крайней мере, положительное. Муж шепчет ей на ухо слова на каком-то другом языке, и Паулу даже без перевода понимает: «Ничего ему не говори, мы не знаем, что это за человек».

Женщина слегка кивает, но, когда она снова смотрит на Паулу, на ее лице появляется печальное выражение.

— Я тоже не могу ей помочь, — наконец говорит она. — Падмини — дочка моих родственников. Умная девочка, добрая, красивая, когда прихорашивается, но они послали ее сюда одну, можете в это поверить? На большее у них не хватило денег. И заботимся о ней только мы.

— Теперь у нее появились другие, на кого она может опереться, — говорит Паулу настолько мягко, насколько может. Женщина беспокоится искренне. Однако он не может ее утешить. Если племянница этой женщины действительно стала воплощением боро Куинс, то она в ужасной опасности и может не выжить. Однако кое-что Паулу может ей сказать: — Город никогда не бывает по-настоящему одинок — а этот город и подавно. Он больше похож на семью: у него много частей,

они нередко ссорятся… но в конце концов перед лицом врага объединяются, чтобы защитить друг друга. *Должны* объединиться… или погибнуть. — Женщина смотрит на него, и печаль на ее лице сменяется восхищением. — Есть еще пятеро, которые станут для нее такой семьей. Шестеро, если вы позволите мне помочь.

После долгого молчания она издает вздох.

— Они устали, — говорит она. — Проголодались. И поехали ночевать в Бруклин… к Бруклин.

Они не должны испытывать ни усталость, ни голод. Куда ни посмотри, все в рождении этого города идет не так, как должно. Паулу подавляет вздох, но говорит:

— Может быть, это и хорошо. И если они знают, как создать защитное средоточие… — Он оглядывает стены коридора многоквартирного дома, видя его уродливые деревянные панели насквозь. В месте, защищенном таким образом, им не страшны нападения. И вместе аватары будут в большей безопасности, чем с Паулу. Он кивает сам себе. — Тогда на данный момент они втроем смогут друг о друге позаботиться. Но остаются еще двое. И они одни. — Бронкс. Статен-Айленд.

— Они сказали, что утром отправятся к Бронкс.

Говорили так, словно уже знали, где ее искать.

Значит, аватару Бронкса придется отбиваться самостоятельно, пока они ее не найдут. И если остальные уже догадываются, где она, то найдут ее гораздо быстрее Паулу.

— А что насчет Статен-Айленд?

— А что насчет нее? — На лице женщины заметно сомнение. — Они говорили, что не знают, где ее искать.

Согласно «Википедии», Статен-Айленд — самый маленький боро. Географически он обширен, но живет в нем всего несколько сотен тысяч человек. Возможно, у Паулу получится найти аватар, просто арендовав машину и поездив туда-сюда по окрестностям. Города, даже маленькие, обладают огромным весом в мире. Оказавшись достаточно близко, он сможет ощутить исходящую от нее силу притяжения.

— Тогда я начну оттуда, — говорит Паулу. Он лезет в нагрудный карман и достает из-за полупустой пачки сигарет визитную карточку. Санпаульцы печально известны своим трудоголизмом; другие бразильцы шутят о том, насколько они одержимы деловыми встречами, офисными интригами и всеми атрибутами бизнеса. В карточке, которую он вручает женщине,

заложена капля силы, но он не пытается ее применить. Все-таки она не из его города, а Куинс, скорее всего, очень не понравится, если Паулу станет давить на ее родственников. Он просто говорит: — Пожалуйста, когда будете говорить со своей племянницей, передайте ей этот номер. Если у нее американский телефон, то код страны будет пятьдесят пять.

Она берет карточку и хмуро смотрит на нее. На ней нет ничего, кроме написанных изящными заглавными буквами слов «МИСТЕР САН-ПАУЛУ» и номера телефона. Впрочем, между именем и номером есть еще надпись поменьше: «Представитель города».

— С какой это стати ей платить втридорога за международный звонок? Заведите себе американский телефон.

— Заставляя других признать мое происхождение, я становлюсь чуточку сильнее. — Женщина чуть отстраняется, совершенно сбитая с толку. Паулу кивком прощается с ней, с ее мужем, а затем поворачивается, чтобы уйти.

— И это все? Просто позвонить вам?

— Да. — Затем Паулу останавливается на верхней ступеньке. — Нет. Скажите ей, чтобы она скинула мне сообщение с адресом Бронкс, и я

встречусь с ними там после того, как найду Статен-Айленд.

— Они говорили, что не знают точно, где Бронкс…

— Узнают. — Раз до сих пор им удавалось найти друг друга, значит, город им помогает, пусть и слабо — дает подсказки на уровне интуиции, привлекает внимание, казалось бы, к малозначительным деталям или фактам, охраняет места, где они отдыхают. Надолго их это не обезопасит, но пока что поможет. А помощь им сейчас нужна любая.

Женщина со вздохом качает головой.

— Ей нужно учиться. Работать, жить. Когда все это закончится?

— Когда они найдут основного аватара, — говорит Паулу. Но чувствует, что солгал. В городе творится что-то странное — что-то, чего он никогда прежде не видел, и о чем другие никогда не упоминали. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, что все закончится, когда город станет целым, ведь все пошло не так, как должно. Так что Паулу поправляет себя: — Надеюсь.

Затем он отправляется на поиски самого маленького боро.

Глава восьмая
Бессонница в (и рядом с) Бруклин

Бруклин твердит себе, что осталась в квартире по соседству лишь из вежливости. Падмини в стрессе, бедняжка, ведь она всего несколько часов назад узнала обо всей этой кутерьме с городами. А Манхэттен — пусть за его смазливым личиком и скрывается страшный подонок, он все же только приехал в большой город. Бруклин убеждает себя, что остается рядом на случай, если им что-нибудь понадобится.

Но это ложь. Пусть она лежит на новой кровати с дорогим европейским матрасом и постельным бельем с плотностью в тысячу нитей на дюйм, но все же она в своей старой спальне. Бруклин приоткрывает окно, чтобы слышать звуки ночного города — сверчков, проезжающие машины, негромкий смех и музыку, доносящиеся от чьей-то домашней вечеринки в соседнем квартале. Устроившись на ночь, она понимает — ей тоже нужно утешение, и она находит его в старых, знакомых стенах, старом потолке и старом за-

пахе этого места, который все еще чувствуется здесь, едва-едва ощутимый за запахом новой краски и деревянного паркета. Когда-то давно в комнате Бруклин стояла духота, потому что они не могли позволить себе ни кондиционер, ни счет за электричество, которое он бы сожрал. Приходилось обходиться одним лишь вентилятором. И Бруклин тогда смотрела на ночное небо через оконную решетку, защищавшую от домушников, — а в те времена, на пике кокаиновой эпидемии, они были нужны всем. И все же. Тогда она была лишь подростком, девчонкой с кучей мечтаний, и беспокоилась только о том, как бы сдать экзамены и не залететь от своего парня. (Как его звали? Жермен? Жерман? Начиналось имя точно на «Ж». Боже, она даже этого не помнит.) Тогда она еще не стала Эм-Си Свободной, авангардом целого движения, а была лишь ребенком, пыталась по ночам в темноте сочинять фристайл и забывала лучшие строчки, потому что засыпала прямо в процессе.

И тогда она уж точно не думала, что станет живым воплощением этого дикого, невероятного, дебильного города.

Но есть во всей этой ситуации какая-то поэзия, которая Бруклин по душе, — потому что этот

дикий, невероятный, дебильный город дал ей очень многое. В конце концов, именно поэтому она баллотировалась в городской совет: ведь Бруклин верит, что лишь те, кто действительно любит Нью-Йорк, а не просто занимает в нем жилплощадь и эксплуатирует его, должны диктовать, каким ему быть. Превратиться в боро для Бруклин значит в буквальном смысле стать воплощением того, что она и так всегда делала, так что ее это устраивает. Даже больше, чем она думала.

Когда телефон Бруклин начинает звонить, она сразу же понимает, кто это.

— Ты домой вообще собираешься? — нарочито скучающим тоном спрашивает Жожо, как бы давая Бруклин понять, что на самом деле ей все равно. Это нормально. Ей четырнадцать, она считает, что уже почти взрослая, и поэтому совершенно точно не скучает по своей маме.

— Я совсем рядом, по соседству.

— Поэтому я и спрашиваю, собираешься ли ты домой.

Бруклин вздыхает, хотя и с теплотой.

— Малышка, я же тебе уже говорила. Для меня это место все еще остается домом. Просто дай мне немножко побыть здесь, ладно?

Вздох Жожо почти полностью повторяет ее собственный, но Бруклин слышит, что дочь улыбается.

— Ты такая странная, мама. — Затем Бруклин слышит в телефоне шорохи — Жожо встает и что-то делает. Раздается негромкое кряхтение и деревянный стук… А. Так она тоже открыла окно. — Раньше ты, наверное, смотрела на эти виды и придумывала слова для песен?

— Я больше смотрела на небо. Ты закончила то сочинение, которое вам задали по английскому?

— Да, мама. Пять параграфов, все в точности по критериям АОТ[21], — нараспев, со скукой в голосе отвечает она. — Я скучаю по мисс Фаунтейн — она разрешала нам писать на *интересные* темы.

Бруклин соглашается. Жожо смогла попасть в одну из престижных специализированных школ города — в Бруклинскую латинскую школу. Обучение там старомодное, по мнению Бруклин, даже чересчур — уроки латыни, обязательная школьная форма и множество других особенностей, от которых саму Бруклин стошнило бы

[21] Сноски: 21

SAT (*англ.* Scholastic Assessment Test, «Академический оценочный тест») — стандартизованный тест в США для приема в высшие учебные заведения. (*Прим. перев.*)

в таком возрасте. Но Жожо сама выбрала эту школу, и ей там в целом нравится. А любимая учительница мисс Фаунтейн, как и многие другие учителя города, не желавшие всю жизнь делить тесную съемную квартиру с соседями, ушла в элитную частную школу в Уэстчестере, где ей предложили зарплату в три раза больше. И Бруклин ее ни капельки за это не осуждает. Но ей жаль, что Жожо и другие дети, посещающие их общеобразовательную школу, потеряли хорошего учителя.

— Вот поэтому я и предложила ту программу, о которой тебе рассказывала, — говорит она Жожо. — Чтобы учителя из общеобразовательных школ могли получить доступное жилье.

— Ага… — Ее голос звучит рассеянно, но не потому, что ей неинтересно. Обычно Жожо с куда большим любопытством следит за политической жизнью Бруклин, чем слушает про ее рэперское прошлое, и Бруклин этому только рада. Но сейчас Жожо думает о чем-то другом. Из телефона доносится новый звук, как трубка шуршит об оконную сетку. — А я вот ничего не вижу.

— Так сдвинь сетку, милая.

— Фу, мам, комары же налетят! Заразят меня лихорадкой Западного Нила.

— Значит, тебе придется их прихлопнуть. Небо над городом слишком светлое, малышка. Звезды можно разглядеть, но для этого придется постараться. — Губы Бруклин растягиваются в улыбке. — Ничто не должно стоять на пути между тобой и тем, что ты хочешь.

— Это очередная лекция о жизненных целях? Ты же обещала, что больше не будешь меня поучать.

— Это лекция о звездах. — И о жизненных целях.

Они ненадолго замолкают, пока Жожо гремит рамой с сеткой и наконец сдвигает ее наверх.

— О-о-о. Вот теперь вижу… три звезды в ряд. Это пояс Ориона, да?

— Наверное. — Теперь настал черед Бруклин возиться с окном. К счастью, во время капитального ремонта она заменила старые заедающие одинарные окна, от которых отваливалась краска, на новые двойные, открыть которые гораздо проще. Подняв сетку и высунув голову наружу, она смотрит на небо. — О да. Точно Орион.

Затем она смотрит в сторону, где два дома прижимаются друг к другу торцами. Силуэт ее дочери машет ей рукой во тьме, и она машет ей в ответ.

Но вдруг Бруклин замирает, заметив кое-что

еще в темноте, внизу, в мощеном заднем дворике второго дома, где ее отец любит готовить барбекю для всей семьи. В другие времена года его просто занимает старый кованый стол, неудобные стулья и множество мертвых растений в горшках. (Отец постоянно донимает ее из-за них, но Бруклин все время занята. Садоводству нужно уделять время, которого у нее нет.) Она давно помышляет вызвать ландшафтников, чтобы те сделали с двориком что-нибудь интересное.

Однако сейчас на углу двора растянулось странное светящееся нечто.

Бруклин высовывается из окна еще дальше, хмурясь и пытаясь понять, что это такое. Кто-то натянул спутавшиеся лоскуты неоновой ленты? Такую вообще производят? Впрочем, то, что видит Бруклин, светится не так, как вещи, покрашенные люминесцентной краской. Оно совершенно белое и призрачное и, кажется, слегка мерцает, будто бы на самом деле там ничего нет.

Затем оно приходит в движение.

Бруклин сильно вздрагивает и на один ужасающий миг кренится вперед, на подоконник, чуть не вываливаясь наружу. Падала бы она всего один этаж, но люди умирали и от меньшего. К счастью, она успевает схватиться за оконную

раму, хотя ее рука вспотела и онемела от охватившего ее холода.

Потому что теперь, присмотревшись, она видит, как по заднему двору, над которым стоит ее дочь, ползет что-то похожее на паука шириной в три фута. У него всего четыре ноги — если их вообще можно назвать ногами. Они не сужаются к концам и не сгибаются, выходя из крошечного тельца в центре. Похоже, все существо просто лежит на земле, распластавшись на бетонном мощении и приняв вид плоского креста. Всего-то. Но когда оно приходит в движение, то смутно напоминает паука — сначала сжимается в одну линию, затем снова разделяется на четыре, как ножницы, соединенные на небольшом закругленном болте. Эдакая потусторонняя версия паука долгоножки, похожая на букву «икс».

Затем через сетчатый забор, промеж усиков соседской одичавшей виноградной лозы, перелезает еще один. Существо на мгновение замирает, приподнимая одну ногу и словно пытаясь понять, откуда дует ветер.

Во рту Бруклин пересыхает. Телефон все еще у нее в руке, и она снова подносит его к лицу.

— Жожо. Отойди от окна.

— Что? — Бруклин видит, как ее дочь, все

еще смотрящая на небо, слегка вздрагивает. — Ой! — На мгновение она тоже теряет равновесие, и Бруклин секунду с ужасом думает, что сейчас увидит, как ее единственный ребенок падает на задний двор к этим тварям. Но Жожо точно так же, как и ее мать, хватается за окно и оглядывается по сторонам. — Мам, ты что-то увидела?

— Да. Отойди от окна! Закрой его и отойди. — А еще лучше… — Иди в папину комнату. Разбуди его и усади в кресло.

— Вот дерьмо… — говорит Жожо и тут же исчезает внутри дома. Она умная девочка, когда не умничает, и к тому же самое настоящее дитя Нью-Йорка — она понимает, что, раз Бруклин говорит об опасности, значит, на то есть веская причина. Учитывая обстоятельства, Бруклин закроет глаза на ругательство. Когда Жожо с громким стуком закрывает окно, белые икс-образные пауки на заднем дворе вздрагивают, а затем подходят еще на несколько шагов ближе к дому. Бруклин видит, что их уже трое; еще один только что положил две передние лапы на край деревянной цветочной кадки, за которой он, по-видимому, и прятался. Впрочем, Бруклин уже догадалась, что это за твари. По виду они отличаются от белых перьев, которые угрожали

ей на станции метро и окружили Манхэттена в парке Инвуд-Хилл, но от них исходит то же покалывающее, звенящее, враждебное *антигородское* присутствие, которое, похоже, исходит от всего, связанного с Врагом. Словно с каждым малым пятнышком занятого ими пространства они стирают какую-то крошечную часть Нью-Йорка.

И на заднем дворе дома ее семьи их уже шесть.

Бруклин бежит к двери спальни, затем по коридору. С громким топотом проносясь мимо гостевых комнат, она слышит испуганный всхрап: это проснулся Манхэттен. Но ждать его нельзя, даже если он и сможет помочь. На ней одна лишь атласная пижама, нет ни обуви, ни пистолета — хотя она никогда бы в жизни не взяла в руки огнестрельное оружие, потому что потеряла из-за таких игрушек слишком много друзей. У нее есть лишь запрещенная в Нью-Йорке телескопическая дубинка, которую она на ходу выхватывает из подставки для зонтиков, и страх за свою дочь и отца, который настолько зарядил ее адреналином, что кажется, будто она может голыми руками разорвать на части десятерых человек. Вот только ее дочке угрожают не люди.

«О, детка. Но ты же знаешь, как справиться и с

этими тварями тоже», — смеется город у нее в голове, когда Бруклин рывком распахивает сначала дверь квартиры, затем наружную дверь, а затем сбегает по ступенькам с крыльца. Прошлепав босыми ногами по тротуару, она перемахивает через ворота — черт, она уже не девочка, чтобы так скакать, и завтра ей наверняка будет больно; впрочем, с прыжком она справляется достойно, спасибо личному тренеру. А затем Бруклин останавливается. Она тяжело дышит, дрожит, в полном ужасе поворачивается лицом к обоим домам и наконец понимает всю глубину своей ошибки.

Потому что, когда Бруклин вернулась домой, в свой район, в принадлежащие ей здания и в боро, ставший своим настолько, что в душе она бы сильно удивилась, окажись кто-то другой его воплощением, — *она не вошла внутрь дома*, который сейчас занимают ее отец, дочь и еще несколько квартиросъемщиков с верхних этажей. Ей это было не нужно, потому что в сдаваемом доме всегда есть одежда и средства гигиены. Поэтому когда она вошла в дом и удивительная сила города наполнила его, пропитав *бруклинским духом* и сделав неприступным для Врага, она просто решила, что эта сила охватит оба зда-

ния. Но сила ничего не знает о законах частной собственности — более того, модифицированный дом был лишен веранды, некогда соединявшей его с остальным районом. Рана от той ампутации еще не успела зажить, отчего здание стало более уязвимым перед угрозой чужеродных организмов. Ей следовало проявить осторожность и тщательнее защитить его.

И теперь, из-за оплошности Бруклин, *десятки* белых икс-образных пауков рывками ползут по всему фасаду дома. Прямо у нее на глазах один из них падает на кирпичную дорожку, а затем, тонкий, как лист бумаги, легко проползает в щель под входной дверью.

Бруклин знает, что паниковать нельзя. Когда вокруг начинают свистеть пули, паникеры гибнут быстро. Кроме того, она понимает — это ловушка, такая же, как и бассейн миссис Юй для Падмини. Так Враг выманил ее из безопасного места. Вместо того чтобы начать задыхаться от волнения, закричать или слепо броситься навстречу опасности, Бруклин закрывает глаза. Пытается выкинуть из головы мысль: «Боже мой, там же моя дочка, а одна из этих тварей уже внутри». Прислушивается к собственному тяжелому, прерывистому дыханию — все-таки она *не на-*

столько в форме — и молится городу, чтобы тот помог ей, ведь бог пока еще ни разу не пришел на выручку. И тогда она наконец замечает:

вдох (хрип) вдох вдох (хрип)

«Да это же отличный клубный бит», — даже пребывая в ужасе, замечает какая-то часть ее сознания.

Большего ей и не нужно. Потому что *этим* оружием Бруклин умеет пользоваться. Она ветеран такого рода битв. Что, нужно преобразить старое оружие в нечто новое? Считайте, уже сделано.

Так, сначала манера. Бруклин распрямляет плечи, чуть покачивается на пятках. Ладно. Она готова.

— Хочешь драться с Бруклин? Тогда погнали, — шепчет она вслух, чтобы сосредоточиться. Эта песня сделала ее знаменитой — однако в мыслях Бруклин уже сплетаются новые строчки, ремикс того, что ей нужно, взятого из эфира и всей истории музыки. С каждым новым придуманным словом она ощущает, как сила нарастает, обретает форму, повинуясь в основном ее воле. Слова — лишь способ направить ее мощь, конструкт, которому она уже придала облик. Миф. Легенда. Героическая сила, способная разорвать на части десятерых людей — ну или пятьдесят

паукообразных чудовищ из иного измерения, — не задев при этом никого из невинных.

«Ждешь удара в лицо? Хрен! Я под дых ударю».

Она бежит к зданию. Врезается плечом в дверь, пониже, чтобы выломать замок. (Казалось бы, у нее не должно получиться. Дверь тяжелая, из старого дерева с металлической рамой. Но город проник в ее кости и укрепил мышцы, ее *ничто* не остановит.) Прямо за порогом вторгшийся в дом икс-образный паук уже сплел свою паутину: белые светящиеся линии тянутся от пола к потолку, скрещиваются и сплетаются, образуя сеть, которая предназначена как раз для нее. Вблизи Бруклин видит, что линии не просто состоят из света. Они сами — живые существа, нитеобразные, шепчущие и дрожащие, покрытые странными крошечными дырами, похожими на шипы роз, вывернутыми внутрь… Но она — *Бруклин*, чтоб ее, и когда она рассекает нити паутины пальцами, как кошка когтями, сила окружает ее руки и защищает их. Нити рвутся и сгорают дотла. Она слышит, как паук — а паутина и существо представляют собой единое целое — единожды взвизгивает и замолкает.

«Я — сердце этого места, пока дышу и когда меня не станет,

А твои слова и рифмы как дым в воздухе растают».

Из глубины квартиры доносится еще один крик. Жожо. В спальне ее отца.

«Тебе не победить, слабостей нет у меня,

Я — королева, босс этого уровня.

Я — Супермен, но даже криптонит даст промашку.

Я тебе не по плечу, малыш…»

Бруклин вбегает и находит Жожо и своего отца. Они в порядке — но ненадолго, потому что большой икс-образный паук проскальзывает в комнату между рамами окна. Эти чертовы твари могут становиться бесконечно плоскими, когда захотят. Но едва две лапы паука оказываются внутри и вытягиваются, упираясь в стену, его тело раздувается, а ноги снова обретают толщину, становятся цилиндрическими. И теперь Бруклин видит, что маленькие дырочки на них шевелятся. Это крошечные зубастые пасти, которые открываются и закрываются…

«…Так что иди делай свою домашку», — свирепо думает Бруклин, после чего бросается вперед и бьет ладонью прямиком в центр жирного тела твари. На вид оно полупрозрачное, столь же нематериальное, как и те перья, — но под ладо-

нью Бруклин, защищенной силовым коконом, на мгновение появляется что-то твердое, холодное, дребезжащее и дрожащее. На ощупь оно похоже не на что-то живое, а на мешок с деталями «Лего», которые разваливаются на части и пытаются снова сложиться под ее рукой. Вокруг руки. Пытаются *поглотить* руку.

Однако новая сущность Бруклин не дает этому произойти. Она всего лишь одна женщина, но в тот миг она представляет собой два с половиной миллиона человек, пятьдесят триллионов движущихся частей, крупнейший и крутейший боро величайшего города в мире. И то, что связывает ее с этими людьми, — воля, преданность и объединенная сила толпы, которая кричит: «Мы — Бруклин», — намного, намного мощнее энергий, из которых соткан икс-образный паук.

Поэтому, когда она сдавливает паука в руке, тот на миг вспыхивает бело-голубым огоньком, который почти не обжигает Бруклин. Через секунду он съеживается, как и паутина до этого. Паук не просто погиб. Бруклин вычеркнула его из бытия.

Затем она с криком падает на пол и ударяет по нему обеими руками. Это *ее* пол. Ее дом, ее семья, ее город, и как эти клятые твари вообще

посмели вторгнуться сюда…

«Теперь отмотай назад и прокрути пластинку снова.

Ты будешь получать по шапке при каждой встрече новой.

Я вышибу из тебя весь дух, как клином клин…»

…волна городской энергии вырывается из ее рук и расходится по всему зданию, настолько мощная и чистая, что весь Нью-Йорк вздрагивает, как струна, и издает беззвучный звон. На миг Бруклин испытывает искушение слиться с этой гармонией, вобрать в себя весь город, как пытался и не смог сделать Манхэттен… но нет. Она довольна и тем, что стала одним лишь Бруклином. Она всегда могла позаботиться о том, что принадлежит ей, и этого всегда было достаточно.

Поэтому она *чувствует*, как икс-образные пауки ползут по зданию, и чувствует, как они останавливаются и визжат, когда их уничтожают волны бруклинского духа, одна за другой исходящие от старых домов. И от квартала, и от окружающих районов. Бед-Стай, шевелись или подыхай. Краун-Хайтс, вставай. Флэтбуш, действуй. Она объединяет их все, от Гринпойнта до Кони-Айленда, от Бруклин-Хайтс до Восточного Нью-Йорка. Она вкладывает всю волю

в одно желание: чтобы заражение, поразившее бóльшую часть ее города, исчезло. Пусть оно не хочет свалить к себе домой, но оно должно *убраться к чертовой матери* из Бруклина.

У нее получается — но на большее сил не хватает. Когда волна энергии достигает границ боро, у Бруклин не получается продвинуть ее дальше. Она и так уже сделала много — в одиночку, без поддержки других, — отчего остается совершенно опустошенной. Она валится на пол, едва ощущая руки подбежавшей Жожо, слышит, как отец зовет ее, но у нее не хватает сил ответить.

Однако Бруклин усмехается, даже несмотря на то что в ее глазах темнеет.

— Мастерство не пропьешь, — бормочет она, слыша, как в комнату с громким топотом врывается Манхэттен.

Жожо в панике.

— Какое мастерство? Мама? Дедуля, мне ее не поднять…

— Дай ей отдохнуть, — говорит Манхэттен. Бруклин чувствует, как его рука касается ее руки, и от него к ней начинает перетекать некая энергия. Бруклин в ответ чуть вздрагивает, потому что многое в этом парне пугает ее до глубины

души, — но его голос звучит мягко, и ей приятно осознавать, что она сражается не в одиночку. Мэнни передает ей достаточно сил, чтобы оттащить от края комы в обыкновенный сон усталого человека. К ней приходит озарение: именно это, только в большем масштабе, им всем нужно будет повторить с воплощением всего Нью-Йорка, когда они его найдут. Их прикосновение точно так же придаст ему сил, а он, в свою очередь, придаст сил им всем. Тогда они смогут защитить весь город. Скоро. Хорошо.

Засыпая, она улыбается и не забывает закончить свою победную рифму:

«…Так что не пытайся снова проехаться по Бруклин».

* * *

Бруклин вылезает из постели лишь к вечеру следующего дня. Да уж, встали пораньше, чтобы найти Бронкс, называется.

Но затем она выходит в столовую и обнаруживает, что Жожо, ее отец, Падмини, Манхэттен и даже семейный кот по кличке Свитер молча сидят в гостиной вокруг кофейного столика. Они смотрят на какое-то официальное письмо, уже вскрытое и лежащее перед ними, — должно быть,

отец вытащил его из дневной почты.

— Что случилось? — спрашивает Бруклин, прошаркивая вперед. Она шевелится, но все еще чувствует себя уставшей, и половина ее мышц болит от чрезмерной нагрузки. Немолода она уже, чтобы по ночам устраивать межпространственные рэп-батлы. Но через секунду Бруклин сосредотачивается — до нее наконец доходит, что она видит. Разорванный конверт заказного письма. Разъяренный вид ее отца. — Папа? Что…

— Это официальное уведомление о выселении, — говорит Клайд Томасон.

— О *выселении?* Пап, это же бред. Мы ничего не арендуем. Эти здания давным-давно выкуплены в собственность.

У Жожо такой несчастный вид, что Бруклин подходит и кладет руку ей на плечо. Девочка произносит:

— Да, но какое-то городское агентство говорит, что мы не заплатили долги по налогам или что-то в этом роде…

Бруклин ничего не может с собой поделать: она хихикает. Родные всегда посмеивались над ее причудливым стремлением как можно скорее оплатить все счета. Не любит она, когда над ней висит дамоклов меч неоплаченных долгов.

— Да это же розыгрыш. Кто-то решил пошутить над нами, пап. Проверь номер в письме или как имя написано. Возможно, это ошибка.

— Я позвонил в городское правление. — Он берет письмо и трясет им. — Понадобился час, но я смог добиться, чтобы меня соединили с живым человеком. *Документы уже оформлены*. Этот дом и соседний уже проданы, их увели у нас прямо из-под носа. Они что-то наплели мне о передаче права собственности третьей стороне, или как это там называется… — Его голос прерывается. Он держит себя в руках, но Бруклин хорошо знает своего отца — он на грани. — Нам нужно съехать до конца недели, или они придут с полицейскими и *выставят* нас.

Слишком ошеломленная, чтобы ответить, Бруклин берет письмо. Читая его, она понимает — это правда. Ее дом больше ей не принадлежит. Его украли и продали прежде, чем жертвы преступления заметили кражу.

И знаете, в чем самая большая наглость? Имя вора написано прямо в письме, черным по белому: «Фонд “Сделаем Нью-Йорк лучше”».

Глава девятая
Лучший Нью-Йорк не за горами

За ночь никто не сжигает Центр, и его резиденты не сообщают ни о чем подозрительном или вредительском, когда Бронка поздним утром приходит на работу. После беспокойной, бессонной ночи она засыпает на ходу. На нее ничто не нападало, но все же она переживала и получила в качестве сувенира мешки под глазами. В офисе ее ждет голосовое сообщение от Рауля, председателя исполнительного комитета: «Бронка, я уважаю твое мнение о коллективе “Альтернативных Творцов”. Мы не можем потворствовать предрассудкам в любом их проявлении. Но, как я уже говорил Джесс, коллектив связан с потенциальным спонсором, который…»

— Бла-бла-бла-бла, — говорит Бронка и прерывает сообщение, не дослушав его. Рауль любит говорить много и без толку. Бронка все еще в ужасе от того, что Ицзин с ним спит. Конечно, Бронка ко всем хренам относится прохладно, но даже первоклассный хрен того не стоит, если он прилагается к столь раздражающему типу.

В голосовой почте висят еще два сообщения, но Бронка решает прослушать их после того, как успокоится и проснется. Она наливает себе утренний кофе из автомата в комнате отдыха, а затем, как и всегда после открытия, начинает обход Центра.

Администратору некоммерческой организации легко забыть о своем предназначении. Если не проявлять осторожность, то жизнь может превратиться в сплошную череду заявок на гранты, проблем с выплатой зарплаты, заказов на поставку материалов и умасливание спонсоров. Бронка — художница, поэтому она изо всех сил старается, чтобы искусство всегда занимало в ее повседневной жизни — если не в мыслях — главное место.

Сегодня она направляется к их самой новой и самой интересной выставке. Бронка всегда считала ее неким призывом и еще вчера до полудня даже не представляла, *что именно* пытается призвать. В комнате выставлены фотографии граффити, найденных по всему району, — граффити одного и того же художника, работы которого самобытны, но при этом удивительно эклектичны по своей композиции. Бронка смогла разглядеть среди использованных

им материалов аэрозольную краску и краску для стен, а также немного гудрона и даже чуточку натуральных пигментов. (Бронка и не знала, что в Бронксе растет индигофера, но она заплатила университету, чтобы провести анализ, и там вряд ли ошиблись.) Другими словами, художник использовал все, что мог найти, купить, украсть или сделать самостоятельно с очень скромным бюджетом. Темы у него необычные: гигантский воющий рот с двумя зубами. Огромный карий глаз, который лукаво косится на невзрачный кондоминиум из стекла и стали, строящийся по соседству. Необычно простая фреска, изображающая закат над лугом, — она нарисована на стене старой двенадцатиэтажной заброшенной фабрики, которую уже пора бы снести, пока отваливающиеся от нее кирпичи не начали убивать людей. В центре идиллического вида на луг намалевана стрелка, широкая и ярко-красная, указывающая вниз, на карниз под лугом. Бронка сначала не понимала, в чем смысл, пока наконец на нее не снизошло озарение. Луг нужен лишь для того, чтобы отвлечь, а важен сам карниз — *то, за что можно ухватиться рукой.* Удобное место, на которое может опереться нечто огромное. Что именно? Кто знает. Но это вписывается

в общую тему работ.

До вчерашнего дня Бронка лишь подозревала, что художник у всех работ один, но теперь она в этом уверена. Их сотворил тот, чье ухо отчетливо слышит песню города. Да. Это работа такого же человека, как она. Еще одной части *нее*, части Нью-Йорка. Бронка собрала его работы, потому что они потрясающие и потому что, объединяя их вместе, она будто бы взывала к нему. (Бронка откуда-то знает, что этот художник — мужчина.) Теперь зал Марроу — самое лучшее и самое большое выставочное пространство Центра — занимают снимки работ: в натуральную величину там, где фотограф смог взять правильный ракурс, и плакатного размера в других случаях. «Неизвестный Бронкс» — транспарант с названием выставки свисает с потолка на леске, и сама выставка уже почти готова к открытию. Может быть, когда через пару недель, в июле, СМИ осветят выставку, этот художник придет к Бронке, чтобы стать не таким неизвестным. Сама-то она не собирается идти кого-либо искать.

Однако Бронка резко останавливается, увидев, что в зале Марроу уже кто-то есть. Она только что открыла двери Центра, но сюда уже успела прийти женщина в белом брючном костюме и туфлях

на высоких каблуках. Женщина рассматривает одну из фотографий. Конечно, кто-то мог войти в Центр, пока Бронка пила кофе, но обычно она слышит, как прибывают посетители. Центр старый, и полы у него скрипучие. Женщина стоит спиной к двери зала и держит в руках планшет с зажимом. Она что, какой-то инспектор?

— Сильные работы, не правда ли? — спрашивает женщина, пока Бронка таращится на нее. Она смотрит на любимое произведение Бронки, которое как будто написано другим художником. На картине зритель будто смотрит сверху на свернувшегося калачиком человека, который спит на лежанке из старых газет — причем не только из всяких там «Виллидж Войс» и «Дейли Ньюз», но и по-настоящему старых газет, которые Бронка смутно помнит с детства, таких как «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» и мало кому интересной «Статен-Айленд Реджистер». Газеты собраны в пачки, все еще обернутые веревкой или полиэтиленом. Человек лежит на них посередине, в пятне света, и он изображен почти фотореалистично: худой темнокожий юноша в поношенных джинсах и грязной футболке, спящий на боку. На нем невзрачные кроссовки, тканевые, грязные, один дырявый. Ему вряд ли больше двадцати лет,

хотя точно сказать трудно, потому что лицом он утыкается в газеты и зрителю видна лишь одна гладкая, как у младенца, щека. Парнишка одни кожа да кости — из рукава футболки торчит худосочный бицепс, намекающий на скрытые под кожей мышцы, но в целом он настолько тощ, что старый материнский инстинкт Бронки хочет кормить несчастного мальчика, пока он не наестся до отвала.

Но самое интересное в картине — ее композиция, которую Бронка попыталась подчеркнуть, обрезав края фотографии и сделав ее круглой. Сцена изображена так, будто художник находится над мальчиком и смотрит на него через открытый колодец. Бронка считает, что такая компоновка передает нежные чувства художника; она имитирует взгляд влюбленного, смотрящего на своего спящего партнера; или же взгляд родителя, наблюдающего за маленьким ребенком. Ту же нежность она видела в позах и освещении изображений Мадонны, выполненных классическими художниками. Впрочем, она знает, почему эта картина отличается от других. Это автопортрет, хотя рисовал его вовсе не парнишка.

— Особенно эта, — говорит женщина в белом

брючном костюме. Повинуясь порыву, Бронка заходит в зал Марроу и становится рядом с ней, глядя больше на женщину, чем на фотографию. Женщина почти так же бледна, как и ее наряд, что лишь подчеркивается ее почти белыми волосами. Она смотрит не на Бронку, а не отрывает жадного взгляда от изображения парнишки. — Мне кажется, будто он хочет мне что-то сказать.

Это так, но он точно обращается не к случайной незнакомке. Впрочем, Бронка скрещивает руки на груди и решает подыграть.

— Нам всем очень нравится «Неизвестный Бронкс», — говорит она. — И что же, по-вашему, он пытается сказать?

— Я думаю, он говорит: «Приди», — отвечает женщина. — «Найди меня».

Бронка напрягается и пристально смотрит на женщину. Та ухмыляется. Глядя на профиль незнакомки, Бронка первым делом обращает внимание на ее клыки. Они кривые, налезают на соседние зубы и немного великоваты. И это при дорогом на вид костюме. Любой, кто зарабатывает столько денег, наверняка может позволить себе индивидуальную ортодонтию.

Но все это совершенно неважно, думает Бронка, когда по ее коже пробегают мурашки беспокой-

ства. Беспокойства и… узнавания? Если этот древний инстинкт можно так назвать. Даже если мышь никогда прежде не видела кошку, впервые заметив ее, она инстинктивно понимает, что нужно бежать. Нутром чует своего врага.

Впрочем, Бронка — не мышь, поэтому она лишь окидывает беловолосую женщину спокойным взглядом и произносит:

— Возможно. Но мне кажется, что от этой картины исходит предостережение. На это указывают многие детали.

Женщина слегка хмурится.

— И какие же?

— Их легко не заметить. Мы ничего не знаем о художнике, так что это лишь мои предположения, но, думается мне, что наш Неизвестный — бездомный, или обстоятельства его жизни настолько суровы, что он близок к этому. — Не обращая пока что внимания на женщину, Бронка выходит вперед и указывает на немодные рваные джинсы, на грязь на простой белой футболке, на сильно поношенные, ничем не примечательные ботинки. — Такую одежду можно найти в куче тряпья в «Гудвилле», когда у вас за душой нет ни гроша. И одет он так, чтобы не выделяться из толпы. Никакой толстовки с капюшоном.

Ничего цветного. Никаких украшений. Завидев чернокожего, белые вызывают полицию вне зависимости от того, во что он одет, но этот парнишка одет настолько бедно, что, чтобы его переплюнуть, придется раздеться догола.

— А, и так он может оставаться незамеченным. Вы думаете, он от чего-то скрывается?

Бронка хмурится, глядя на фотографию, и с удивлением осознает, что вопрос-то хороший. Но ведь с ним уже все должно быть в порядке, разве нет? Город ожил. С другой стороны, Бронка тоже должна быть в порядке, но за прошлый день она видела слишком много признаков того, что с городом что-то не так.

В третий раз за это утро она задается вопросом, а не стоит ли ей попытаться найти остальных…

Нет.

— Да, — отвечает она на вопрос женщины. — Теперь, когда вы это сказали, мне кажется, что он прячется. Ха.

— От чего же? — спрашивает женщина, так невинно хлопая глазами, что ее тон сразу же звучит лживо и притворно. — Что могло напугать столь славного, яркого молодого человека и заставить его скрываться?

— Как и вы, я могу лишь догадываться. — Затем

Бронка вспоминает, что хотела кое-что сказать. Она указывает на руку паренька, которая изображена поразительно подробно. Обладатель таких рук — с длинными пальцами и широкой ладонью — должен быть художником, или баскетболистом, или и тем и другим. На костяшках его пальцев заметны старые келоидные рубцы. — Однако он боец. Это — предупреждение. Он прячется, бежит, когда приходится, но если загоните его в угол, то вам не поздоровится.

— Хм, — отвечает женщина. Тон ее голоса бесцветен, но Бронка слышит в нем презрение. — Да, это многое объясняет. Глядя на него, и не подумаешь, насколько он злобный. Такой тощий. Совсем еще ребенок.

Да. Молодой аватар очень молодого города — как относительно, так и глобально. Может показаться, что он не столько опасен, сколько просто кидает понты. Но любой, кто так думает, просто никогда не замечал острых клыков за очаровательной улыбкой Нью-Йорка.

— Многие не понимают, что в драках на самом деле стоит бояться не больших и сильных. — Бронка поворачивается, становясь между женщиной и картиной — не заслоняя ей вид, а держась сбоку от портрета. Это место посвя-

щено искусству, и символические жесты очень важны. — Большим и сильным, конечно, тоже порой случается проходить проверку на прочность, но обычно им даже не приходится вступать в драку, *именно потому*, что они такие большие и страшные. А на мелкие кусочки вас порвут как раз такие ребята, как Неизвестный: тощие, миловидные, бедные, смуглые и одетые в дешевую одежду. Таким, как он, все время приходится бороться. Порой столь жестокая жизнь ломает их, но бывает — причем часто, — что она делает их опасными. Достаточно опытными, чтобы точно понимать, сколько ударов они могут выдержать, и достаточно безжалостными, чтобы применять тактику выжженной земли.

— Хм-м-м. — Тон у женщины становится недовольным. Она тоже сложила руки на груди, словно надувшись. — Некоторые могут сказать, что так они становятся чудовищами.

Бронка приподнимает бровь.

– *Некоторые*, возможно. Но я всегда считала, что именно те, кто так думает, и затевают все драки. — Бронка пожимает плечами. — Жестокие люди знают, что такие ребята иногда вырастают — если жестокие люди не успевают их убить, — и тогда они могут исправить мир там,

где он сломан. А если таких ребят станет *достаточно*, то жестоким людям придет конец.

— Это уж *точно* журавль в небе, — говорит женщина. Бронка чуть хмурится, озадаченная странной формулировкой. — Жестокость — прирожденное свойство людей.

Бронка сдерживает желание рассмеяться. Она всегда терпеть не могла подобную грошовую «мудрость».

— Нет. В людях нет ничего неизменного, и со временем преображаются даже скалы. Мы тоже можем изменить в себе все что угодно. Нужно просто захотеть. — Она пожимает плечами. — Людей, которые утверждают, что перемены невозможны, обычно все устраивает.

Это камень в огород женщины с ее дорогим костюмом, стервозно-профессиональной стрижкой и арийским образом, к которому она, похоже, стремится. Всю жизнь Бронке приходилось остерегаться таких, как она, — «феминисток», рыдавших, когда другие разоблачали их расизм; филантропов, которые не желали платить налоги, но зато хотели поэкспериментировать на детях из бедных государственных школ; врачи, которые «помогали» женщинам в резервациях, стерилизуя их. В общем, белых Бекки.

Поэтому Бронка больше не будет так называть Ицзин. Это имя должно быть зарезервировано для тех, кто его заслуживает.

Женщина открывает рот и только затем улавливает, на что намекает Бронка. Однако вместо того, чтобы пропустить ее слова мимо ушей или съязвить, она ухмыляется. Ее рот растягивается так широко, что обнажает почти все зубы. И как у нее только лицо не треснуло? Боже.

— Я — Белая, — говорит она, протягивая Бронке руку. Бронка на миг приходит в замешательство, но женщина прибавляет: — Из фонда СНЛ. *Доктор* Белая.

Бронка пожимает ей руку.

– *Доктор* Сиваной, — тоже делая ударение на первом слове и улыбаясь, говорит она. Еще Бронка переходит на свой «белый» голос, поскольку, похоже, вечеринка принимает именно такой оборот. — Но, пожалуйста, не стесняйтесь называть меня Бронка.

— Директор Бронка. — Женщина все так же улыбается, демонстрируя все зубы. — Насколько мне известно, вы вчера беседовали с моими друзьями. С прекрасными молодыми художниками.

Твою ж… Бронка продолжает улыбаться, но уже через силу.

— С «Альтернативными Творцами», да, — говорит она, намеренно упоминая название коллектива, хотя молодые люди его и не упоминали. — Боюсь, политика нашего Центра, направленная против распространения нетерпимости, не позволяет нам принять их работы.

— О, но ведь нетерпимость — столь расплывчатое понятие, если говорить об искусстве. — Женщина слегка морщит нос, продолжая широко улыбаться. — Что это — пародия или серьезное произведение? Может быть, они так хотели *бороться* с нетерпимостью.

— Возможно. — Бронка тоже все еще улыбается. На профессиональной арене улыбка — это оружие, которым тоже можно хорошенько приложить. — Но наша политика основывается не на *намерениях*, а на результатах. — Бронка пожимает плечами. — Существуют способы разрушать стереотипы, не подкрепляя их. Хорошее искусство должно быть многослойным, а не бездумно изрыгать повторение статуса-кво.

— Многослойным, — говорит доктор Белая, и ее улыбка наконец исчезает. На секунду она кажется усталой. — Да. У бытия так много слоев. Уследить за всеми так трудно. Так что давайте сделаем все проще. — Она поворачивает планшет

так, чтобы Бронка смогла увидеть прижатый к нему чек. Нахмурившись, Бронка наклоняется, чтобы рассмотреть его получше, — и застывает, увидев сумму.

— Двадцать три миллиона долларов, — проговаривает Белая. — Кажется, этого хватит, чтобы покрыть бóльшую часть ваших операционных расходов и капитальных затрат на несколько лет вперед? Впрочем, есть подвох. Естественно.

Бронка смотрит на чек. Она никогда не видела столько нулей, выведенных рукой. Белая пририсовала к ним маленькие каракули — зрачки внутри кружочков, чтобы те стали похожи на выпученные глаза, и маленькие бровки над ними, попарно. Впрочем, с нулями, обозначающими центы, она переборщила, проставив в каждом сразу несколько зрачков. Из-за этих художеств Бронка хмурится и поднимает взгляд на нее.

— Это что, шутка такая?

— Нет. Вы предпочитаете банковский перевод? — Белая склоняет голову набок. — Вам должны были позвонить из исполнительного комитета, предупредить, что я приду, — и подтвердить, что средства, которые предлагает мой фонд, очень даже существуют.

Вот черт. Бронка вспоминает, что не дослушала

сообщение Рауля. И все же. Это наверняка розыгрыш. Иначе и быть не может. В некоммерческих организациях такое иногда случается — кто-нибудь поманит их денежками, чтобы они наняли некомпетентных родственников, или назвали здания в честь мертвых педофилов, или еще что-то в этом духе. И иногда приходится немного прогнуться. Таковы издержки этой работы — чтобы ее продолжать, нужно выпрашивать деньги. Но это приходится делать не так часто, как думают многие.

— Позвольте, я удостоверюсь, что правильно вас понимаю, — говорит Бронка. Она все еще улыбается, но уже натянуто. — Вы хотите пожертвовать Центру искусств Бронкса деньги? Двадцать три миллиона? Мы, конечно, счастливы, но… вы упомянули какой-то подвох.

— Верно. — Улыбка снова наползла на лицо Белой, уже не такая широкая, но зато хитрая и самодовольная. — Мы всего лишь хотим, чтобы в вашей галерее нашлось место для нескольких работ «Альтернативных Творцов». Не для тех, которые вам так не понравились! — Она поднимает руку, едва Бронка успевает открыть рот. — Вы уже объяснили политику вашей организации, и я с ней полностью согласна. Но у них есть множе-

ство произведений помимо тех, что они показали вам вчера. Уверена, что среди них найдется *хоть что-нибудь*, почти свободное от предрассудков. Скажем, давайте вы выставите три их работы. Всего лишь три.

Звучит разумно. Предложения ступить на скользкую дорожку всегда так звучат. Бронка прищуривается.

— Я видела их ролики. В этом вся их фишка — они пытаются доказать, что их дискриминируют, потому что они — богатенькие белые ребята…

— Так выставьте их работы и докажите, что они не правы. — Доктор Белая смотрит на Бронку так, словно это самое очевидное решение.

— Доктор Белая, боюсь, работы ваших друзей попросту плохи. Я *поэтому* им отказала. — А плохи они потому, что их создатели — кучка богатых белых парней, которые создают свои творения ради розыгрыша… и, судя по всему, ждут, что состоятельная покровительница откроет перед ними все двери.

Белая вздыхает, опуская планшет.

— Послушайте, мы обе понимаем, что порой приходится идти на компромисс. Мои условия не так уж сложны: выставьте три работы, получите двадцать три миллиона. Без ограничений

по использованию.

Без ограничений? Теперь Бронка точно в это не верит. Филантропы считают, что некоммерческие организации не умеют распоряжаться деньгами — или что их попросту рассуют по карманам. Бронка уверена, что они сами бы так поступили, появись у них такая возможность, и потому думают, что у всех остальных точно такой же испорченный моральный компас. Пришло время поговорить начистоту.

— Вы-то что с этого получите? — требовательно спрашивает Бронка. Ее голос звучит воинственно. Да и улыбка уже испарилась, потому что она терпеть не может, когда ей морочат голову. — Эти мальчишки что, ваши родственники? Или вы из какой-то религиозной секты?

Теперь доктор Белая улыбается уже с жалостью.

— Нет, нет, ничего подобного. Просто я верю… в равновесие.

— И каким же образом… — Так, ладно, это бессмысленно. Пытаться урезонить шовинистов всегда гиблое дело. И Бронка уже предвидит, что исполнительный комитет просто взорвется, если она откажется от этого пожертвования. Чувствуя собственное бессилие, она вздыхает и потирает

глаза. Все же уступка *действительно* небольшая, не так ли? Ну пусть на стенах несколько недель повисят ужасные картины, зато они получат столько денег, что несколько лет смогут поддерживать Центр на высочайшем уровне, даже если город урежет финансирование. С такими деньгами Бронка смогла бы по-настоящему изменить жизни тех, кто здесь живет. Она наймет больше сотрудников, наконец даст Венеце полную ставку, предложит больше программ. Она сможет…

— Впрочем, — говорит Белая, заполняя повисшую тишину, словно почуяла неизбежную капитуляцию Бронки, — есть еще одно условие. Я хочу, чтобы вы сняли вот это.

И она кивком указывает на фотографии граффити Неизвестного.

От потрясения Бронка, не успев даже подумать о том, чтобы сдержаться, делает резкий вдох.

— Что? Почему?

— Просто они мне не нравятся, вот и все. — Белая пожимает плечами, а затем снова протягивает руку Бронке. — Таковы мои условия. Сообщите комитету о своем решении до сегодняшнего вечера, хорошо? Если согласитесь, они все устроят.

Бронка потрясенно таращится на нее, но принимает протянутую руку. По привычке. Едва она

это делает, как всю ее ладонь словно пронзают иголки. От неожиданности она отдергивает руку и смотрит на нее.

— Ай, черт!

Белая, не скрывая раздражения, вздыхает и говорит:

— Что-то не так?

— Нет, я… просто что-то почувствовала… не знаю. — Аллергия? Экзема? Может быть, у нее опоясывающий лишай. Говорят, это больно. — Прошу прощения.

Белая снова улыбается, и на этот раз улыбка кажется натянутой.

— Что ж, вам нужно многое обдумать. Я оставлю вас, пока что. — И снова странная формулировка. Белая разворачивается и выходит из Центра; Бронка следует за ней. Про себя она дивится тому, насколько тихо ступает эта женщина. На ней туфли на каблуке, но пол под ее ногами почти не поскрипывает. Она шагает легко, как танцовщица.

Лишь когда стеклянная дверь захлопывается за доктором Белой, Бронка замечает еще кое-что необычное. Доктор ненадолго задерживается на пороге, словно давая глазам привыкнуть к яркому свету на улице. Затем она словно…

смазывается. Как будто между ними на долю секунды повисло жаркое марево, или канал видеотрансляции вмиг переменился. Наваждение проходит прежде, чем Бронка успевает осознать, что происходит, после чего Белая вздыхает, поворачивается и скрывается из виду… однако Бронка успевает заметить несколько поразительных деталей. Поначалу Белую как будто немного передергивает — что совсем не свойственно человеку вроде нее. Она будто пытается стряхнуть с себя осадок от неприятного разговора с Бронкой… или что-то еще. Во-вторых, разве волосы Белой не были секунду назад белыми или платиново-русыми? Теперь они медово-русые. И туфли у нее не белые, а приятного солнечно-желтого цвета.

Наконец, в эту долю секунды Бронка успевает заметить тень Белой. Та шевельнулась еще до того, как женщина пришла в движение. Сжалась, словно за миг до этого была намного, намного больше.

А затем Белая уходит.

Вспомнив о странном уколе, Бронка поднимает руку и разглядывает ее. Рука в порядке. Да и больно ей, в общем-то, не было. Но на ладони остались крошечные вмятины, словно она схватила расческу за щетину.

Бронка перебирает в голове те знания, которыми теперь обладает, но не находит ничего, что могло бы объяснить эту встречу. На протяжении десятков тысяч лет Враг был гигантской тварью, отличавшейся звериной жестокостью. Он никогда не принимал облик маленькой пассивно-агрессивной белой богачки. Получается, Бронка просто видит опасность под каждым невероятно огромным чеком.

И все же.

Входит Ицзин. Одной рукой она набирает кому-то сообщение на телефоне, другой рассеянно машет Бронке, не замечая или не обращая внимания на то, как та напряжена. Бронка направляется к столу администратора. Венеца работает на полставки и придет позже, так что до тех пор посетителей встречает Бронка. Какое-то время она сидит, обдумывая весь разговор, — и быстро приходит к выводу, что, пусть в ее знаниях и нет ответов, с доктором Белой все же что-то очень и очень неладно.

Затем раздается звонок. Это Рауль.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — вот с чего он начинает.

Бронка думает о том, чтобы запереться в своем кабинете и попытаться вздремнуть, как только

Венеца придет на работу.

— Что ж, и тебе привет, мистер председатель. Это официальное «я знаю, о чем ты думаешь» или неофициальное?

— Это предупреждение, — говорит Рауль, и Бронка резко серьезнеет. — Члены комитета всю ночь обсуждали пожертвование Белой, по телефону, по электронной почте и даже по эсэмэс. Когда речь идет о деньгах, некоторые из этих людей и думать не могут о сне.

Да, Бронка сделала примерно такие же выводы, наблюдая за исполнительным комитетом Центра искусств Бронкса. Среди них есть выдающиеся художники, но их мнение мало кого интересует. На самом деле всем заправляют генеральные директора разных компаний, отпрыски потомственных богатеев, консультанты аналитических центров и отставные версии Бронки, которые явно справлялись со своей работой лучше, чем она, потому что, поуправляв некоммерческими организациями, каким-то образом ушли оттуда миллионерами.

— И вы все сошлись на том, что… не говори, я сама угадаю… нужно взять деньги.

— Никаких ограничений по использованию, Бронка.

— Есть там ограничения. Деньги она дает в обмен на *наши принципы!*

Он испускает медленный, осторожный вздох. Бронка уважает Рауля, хоть он и пользуется служебным положением, спя со своей подчиненной. Он — один из состоящих в комитете художников и необычен тем, что одинаково талантливо управляется как со скульптурами, так и с колючими бизнесменами, которые ничего не смыслят в искусстве. Но вот управляться с колючими художницами вроде Бронки Рауль не умеет совсем.

— Как драматично, — говорит он. — И в корне неверно. Фонд «Сделаем Нью-Йорк лучше»…

— Господи, *серьезно?*

— Да. Фонд очень обеспеченный, очень закрытый и всецело преданный идее поднять имидж города с грязного и сурового до вершин процветания и прогресса.

Бронка даже ненадолго отрывает трубку от уха, чтобы сердито посверлить ее взглядом.

— Большего бреда я никогда не слышала. Это же… — Она качает головой. — Это же логика джентри[22]. Логика *колонистов*. Они хотят

[22] Сноски: 22

Джентри — нетитулованное среднее и мелкое дворянство в Англии XVI–XVII вв., сумевшее приспособиться к бурному развитию капиталистических отношений того времени. (*Прим. перев.*)

избавить город от «грязных и суровых» людей, которые и сделали его таким уникальным! Рауль, она же хочет…

— Она просит совсем немного. Комитет пришел к такому выводу.

Голос его звучит решительно. Бронка понимает почему, и у нее сжимается сердце. Все происходит слишком быстро.

— То есть ты хочешь сказать, что выбора нет? Или я возьму деньги, или…

— Ты сама-то как думаешь, Бронка?

Первым делом ей хочется наорать на него. Она понимает, что так делать нельзя, что станет только хуже, но ей все равно хочется. Дедушка Бронки всегда был недоволен тем, что она предпочитала решать вопросы громко и грубой силой. На протяжении множества поколений ее народ выживал, скрываясь на виду, выдавая себя за чернокожих, латиносов или кого угодно. Но столько лет притворства оставили свой след. Бронка всегда старается напоминать себе, что ленапе должны сотрудничать с другими, но порой это бывает нелегко.

— Послушай меня. Если мы снимем работы Неизвестного и заменим их поделками каких-то… *неонацистов-мошенников* — неужели ты дума-

ешь, что люди этого не заметят? Подумай, какой посыл они увидят…

— Ты видела последнее видео этих неонацистов-мошенников? Чтоб тебя, ты вообще к себе на электронный ящик заглядываешь? — Когда Бронка запинается и отвечает молчанием, Рауль вздыхает, заполняя тишину. — Ну так посмотри. А пока будешь смотреть, держи в уме тот факт, что сегодня ночью члены комитета тоже начали получать письма. Позвони мне, когда сделаешь выбор.

Бронка сбивчиво отвечает:

— «Сделай, как я говорю, или будешь уволена» — это вообще не выбор, Рауль.

— Еще какой. Ты можешь отказаться от денег, вылететь с должности и обречь сотрудников и художников Центра на годы финансовой нестабильности и на черт знает какого руководителя, которого наймут после тебя. А новый директор почти наверняка будет очень послушным и не станет защищать своих людей так, как это делаешь ты. Вот что сейчас важно, Бронка. Ты не сможешь им ничем помочь, если…

— Ты тоже выбираешь, Рауль! Между расистами, притворяющимися художниками, и между кем-то, кто всю жизнь боролся вот с таким дерь-

мом! — Да уж, не орать не получилось.

— Комитет видит это иначе. И — да, я знаю, что на самом деле все *так и есть*. — Он не дает ей возразить. — Господи Иисусе, Бронка, неужели ты думаешь, я ничего не понимаю? Я, черт возьми, чикано. Мои родители были нелегалами — я *все понимаю*. Но эти люди всегда будут твердить себе, что в капле фашизма нет ничего страшного до тех пор, пока на раннем завтраке их не ограничивают в напитках!

Бронка молчит, хотя ее и трясет. У нее закончились аргументы. Краем глаза она видит, что Ицзин маячит поблизости, явно подслушивая. Джесс тоже после крика Бронки встала в дверях своего кабинета. Венеца уже подходит к двери Центра, поскольку ее смена вот-вот начнется. Особо не думая, Бронка включает громкую связь. Теперь все слышат долгий вздох Рауля.

— Послушай, — говорит он. — Я всего лишь передаю тебе их слова. Ты ведь понимаешь, что я боролся, но… Подумай обо всем, Бронка. Я знаю тебя и знаю, что ты права, но я не хочу тебя терять. И будь осторожна. Ситуация очень быстро стала совсем скверной. — Затем он вешает трубку.

Бронка делает то же самое и поднимает глаза.

Джесс в ужасе прижимает руку ко рту. Ицзин вздыхает и поворачивает свой телефон, чтобы показать на нем сообщение из какой-то социальной сети. Бронка не может разобрать крошечный текст.

— «Альтернативные Творцы» опубликовали свой ролик, — говорит Ицзин. — Меня с самого утра заваливают сообщениями вроде «чтоб ты сдохла», и сначала я не могла понять почему. С разных аккаунтов пишут примерно одно и то же: почему @BronxArts ненавидит белых мужчин; как мы можем говорить, что не поддерживаем дискриминацию, когда это явно не так; не считается ли это позитивной дискриминацией, раз мы выставляем только небелых художников, бла-бла-бла. Ну и через раз называют меня «китайской сучкой» и угрожают изнасиловать.

— Что за бред? — потрясенно спрашивает Бронка.

— Со мной то же самое, — говорит Джесс. Она уже выглядит уставшей. — Прошлой ночью мне позвонили *на домашний телефон*. Пять раз — пока муж не отключил трубку. Уверена, автоответчик сейчас просто переполнен самыми добрыми и теплыми пожеланиями. Скорее всего, они нашли мое имя на веб-сайте Центра и по

нему вычислили личную информацию, как и предупреждала нас Венеца. — Она вздыхает и потирает глаза. — Честно говоря, электронную почту я проверять просто боюсь.

— Да, лучше не надо, — говорит Венеца, входя в зал. В руке она несет сумку с ноутбуком, и вид у нее очень сонный. — Новый ролик «Альтернативщиков» совсем упоротый. Из-за него мне ночью позвонил один из моих бывших. Он все пытался убедить меня съехать с квартиры, но *моего* имени нет на сайте, я ведь не сотрудница. — Она закатывает глаза. — Впервые в жизни я порадовалась тому, что вы — скупердяи и не держите меня в штате.

Джесс замирает.

— Думаешь, наши данные сольют?

— Уже слили. — От этих слов Бронку пробирает холодок. Венеца вздыхает, открывает свой ноутбук и на что-то нажимает. Затем она разворачивает его экраном к ним. Там открыта ветка какого-то форума. Вверху написана тема: «Операция “Отымеем этих лесбух большими толстыми дилдами”». Ниже — десятки сообщений. Бронка пытается разобрать, что там написано, и не может; текст слишком мал, а участников в обсуждении слишком много. Она всегда пытается

поспевать за интернетом, но в такие моменты чувствует себя чертовой луддиткой[23].

— В общем, оказывается, они организовали целую кампанию против нас, — поясняет Венеца.

Ицзин, которая явно разбирается в этой чехарде сообщений лучше Бронки, щурится, глядя на экран, а затем чертыхается:

— Черт, *на даты* посмотрите. Боже мой. Они все планировали заранее.

— Ну да, — говорит Венеца. Вид у нее несчастный. — Все, что я вам вчера рассказывала и показывала, когда мы скрывали вашу личную информацию — простите, но делать это было уже слишком поздно. — Она стучит пальцем по экрану над одним из комментариев на форуме, и Бронка внезапно узнает написанные там слова. Это ее домашний адрес и номер телефона. Под ними некто альтернативно одаренный написал: «йа ее нашооол».

— Вот же сукины дети, — рычит Бронка. Но внутри она вся дрожит. Что произойдет, если кто-нибудь из этих людей явится и сожжет ее дом

---

[23] Сноски: 23

Луддиты — в первой четверти XIX века рабочие, протестовавшие против внедрения машин в производство и замены ручного труда машинным. В широком смысле — люди, борющиеся с технологическими инновациями. (*Прим. перев.*)

посреди ночи? Или если они вломятся к ней, пока она спит? У нее есть пистолет — незарегистрированный, поскольку она не может получить разрешение. (Раньше Бронку арестовывали за протесты и «вандализм» — так это называется, когда художники расписывают стены заброшенных зданий.) Но неужели до этого дошло?

Джесс стонет. Ицзин качает головой, ее глаза быстро бегают туда-сюда по экрану.

— Они даже пытаются раскопать сведения по твоей социальной страховке и банковскую информацию, но пока ничего не нашли. Тебе нужно позвонить в банк, в полицию, всюду, куда только можешь.

Бронка на мгновение прикрывает лицо рукой. Она ничего не соображает. Да и что она может сделать? В этом город ей не поможет.

Затем Венеца легонько толкает ее локтем. Бронка опускает руку и видит, что та сочувственно смотрит на нее своими темными глазами.

— Эй, — говорит Венеца. — Не забывай. Целых *двенадцать квадратных футов* на ковре. Со мной не пропадешь.

Какая нелепица. И как же сильно Бронка ее любит.

Поэтому она делает глубокий вдох и пытается

собраться.

— Так, хорошо, — говорит она. — Ладно. Звоню в банк.

— Нам нужно выйти в соцсети, — говорит Ицзин, хмурясь. — Провести ответную кампанию. Разбирайся со своими делами, Бронка, но пока ты занята, мы начнем бороться.

Весь оставшийся день, который никак не хочет заканчиваться, проблема лишь усугубляется и растет в масштабах. Бронка все еще потрясена угрозой потери работы, которая висит над ней дамокловым мечом, но то был лишь первый предупредительный выстрел, быстро превратившийся в настоящую артиллерийскую канонаду. Бронка все же просматривает ролик «Альтернативщиков», хотя Венеца предупреждает: «У тебя от него мозг вскипит». Ролик — настоящий шедевр клеветнических инсинуаций. «Альтернативщики» ни разу прямо не заявляют, что Бронка отказала им из-за того, что они белые, — ведь доказать такие утверждения невозможно, а отвечать за них придется. Однако они озвучивают все остальное. Что Бронка — активистка движения за права коренных народов и обладает докторской степенью Лиги Плюща («А я-то думал, что все индейцы бедные», — язвит Шкет, который

участвует в ролике в качестве приглашенного эксперта). Что в галерее выставлялись работы Ицзин («Да они же просто продвигают себя и своих друзей!» — настрочил кто-то в комментариях под видео). Что Джесс — еврейка, а это им уже само по себе кажется страшным кошмаром («Теперь мы знаем, кто *на самом деле* за всем стоит», — говорит Клубничный Блондин, подаваясь вперед и глядя прямо в объектив камеры).

Посыл очевиден, хотя никаких конкретных выводов или призывов к действиям в ролике нет. И, судя по комментариям, их аудитория съедает все, как блинчики из «АйХОП». «Альтернативщики» явно выставляются жертвами заговора наглых «цветных» женщин с сомнительными сексуальными предпочтениями, которые желают продвинуть свои собственные поделки — а поделки эти бесспорно уступают работам настоящих мастеров, которые лишь велением судьбы оказались белыми гетеросексуальными мужчинами. В конце ролика «Альтернативщики» призывают зрителей: «Скажите Центру искусств Бронкса, что вы думаете», после чего на экране появляются имена членов исполнительного комитета, взятые из информационной рассылки Центра.

Они точно знали, на ком нужно было нама-

левать мишень, и добились желаемого: теперь Бронка может потерять работу.

Ицзин и остальные уже разбираются с этим. Пока Бронка разговаривает по телефону с банком, Джесс звонит и пишет художникам Центра. Бронка не понимает, как Джесс выбирает, кому звонить, и та объясняет: связываться нужно не с самыми известными, а с теми, у кого самый широкий охват в социальных сетях. Она просит их опубликовать информацию о произошедшем, а Венеца тем временем уже заставила большинство своих друзей по художественной школе начать обсуждение в интернете. Джесс объясняет, что их цель — создать видимость спонтанной поддержки общественности.

И Венеца показывает им, что такая спонтанная поддержка *уже* началась. Просто она рассредоточена. Появляется множество сообщений, в которых пользователи интересуются, почему все ополчились на Центр, который столько сделал для местного сообщества; другие же пытаются понять, как их антирасистскую позицию вдруг стали называть расистской. Уже через час Ицзин проводит телефонное совещание с тремя репортерами художественных изданий и редактором новостей, где объясняет, что директора

Центра попросили убрать работы талантливого художника и освободить место для «искусства ненависти». Ситуацию начинает освещать «БаззФид»; то же самое делает «ДраджРепорт», но к тому моменту в зазеркалье уже началась безумная свистопляска. Венеца запустила то, что она сама назвала контрхештегом — #БронксПротивРасистов, — но затем начинает злиться, потому что какой-то умник, желая помочь, запустил хештег #ИскусствоБезАльтернатив.

— Мы так не выйдем в тренды! — возмущается она, но, насколько может судить Бронка, оба хештега работают просто замечательно. Когда Ицзин показывает ей, как следить за этой ерундой в соцсетях, она видит, что в «Твиттере» и в блогах Центр поддерживают *тысячи* людей. Она никогда не видела ничего прекраснее.

А потом, ближе к вечеру — через час или два после того, как Центр уже должен был закрыться, но они, конечно же, все еще на рабочих местах, — начинает звонить рабочий телефон Бронки. Это Рауль.

Бронка отвечает на звонок в своем кабинете. Разговор длится недолго. Когда она выходит, то видит, что остальные сидят и как один смотрят на нее. Бронка не выдерживает и смеется. Смех

получается усталый, но как же он был ей нужен после такого нелепого дня.

— Итак… Комитет пересмотрел ситуацию и публично заявил о том, что полностью поддерживает свободу выражения мнений и что любой защитник искусства… В общем, бла-бла-бла-бла. — Бронка пожимает плечами. — Перевожу: они отказались от пожертвования фонда «Сделаем Нью-Йорк лучше». А еще меня не уволят.

Венеца вскакивает и издает победный клич. Джесс выглядит так, словно вот-вот упадет в обморок. Ицзин кипит от злости.

— Перевод: на них накинулся весь интернет, и они захотели сохранить лицо. Но извиняться они вообще собираются? За то, что *подумали* о том, чтобы принять предложение этой Белой?

— Это ведь комитет. Ты же знаешь, они не извиняются. — Ицзин открывает рот, и Бронка поднимает руку. — Слушай, ситуация дрянная, но мы ее пережили. Теперь идите все домой. Поужинайте в кои-то веки до девяти. Забудьте ненадолго об этом месте. И… спасибо вам всем за то, что сохранили мне должность.

Все на время замолкают. Ицзин смотрит на Венецу; Венеца выразительно смотрит на нее, словно пытаясь что-то сказать, но Бронка не мо-

жет истолковать их взгляды. Наконец Ицзин с недовольным видом поворачивается к Бронке и чуть выпрямляется.

— У меня есть комната для гостей, — немного натянуто говорит она. Тем не менее, учитывая, как сильно они ненавидят друг друга, этот жест заставляет Бронку пожалеть о половине того, что она наговорила об Ицзин за многие годы. (А вот от второй половины она не отречется до последнего вздоха.)

— Мы же убьем друг друга к полуночи, — мягко отвечает она и улыбается. — И все же спасибо.

Ицзин пожимает плечами, затем распрямляет их.

— Потерпеть тебя — невысокая цена за то, чтобы те ублюдки не получили желаемого. Но что же ты тогда будешь делать? Тебе, наверное, еще несколько дней будет небезопасно возвращаться домой.

Бронка трет глаза. В гостиницу она сейчас поехать не может. Банк решил проблему возможной кражи личных данных, просто аннулировав ее дебетовые и кредитные карты — а это значит, что у Бронки не будет ничего, кроме наличных в кошельке, пока она не доберется до отделения банка и не заменит карты. Она уже позвонила

соседям, чтобы предупредить их. Бронка живет в дуплексе в Хантс-Пойнте. В районе, где она смогла купить жилье, не привечают посторонних, и придуркам, которые попытаются ее преследовать, вряд ли хватит смелости задержаться там надолго. Тем не менее Бронка понимает, что лучше поосторожничать.

— Я останусь здесь, — наконец говорит она. — На гостиницу мне не хватит денег, да и следить за тем, что по дороге туда за мной никто не увяжется, я не хочу. А здесь будут резиденты, и они меня прикроют. Я переночую наверху, с ними. — Она раньше так уже делала, и в кабинете у нее даже лежит надувной матрас, а также запасная одежда и дорожная сумка с самым необходимым, которые она хранит здесь с отключения электричества в две тысячи третьем году.

— Эм-м, а разве мы только вчера не предупреждали резидентов о возможном нападении? — спрашивает Джесс.

— Предупреждали. Но если нападение все же случится, пусть лучше меня прикроют полдюжины человек, чем я окажусь одна. — Бронка пожимает плечами. — Что будет, то будет. Идите *домой*, дамы. Я в порядке. Правда.

Итак, они начинают собираться. Бронка ка-

кое-то время сидит в кабинете, пытаясь собрать остатки сил. Вскоре приходит Венеца, недолго стоит в дверях, наблюдая за ней, а затем подходит, чтобы обнять. Бронке это нужно больше обычного.

— Я сегодня останусь здесь, с тобой, — заявляет Венеца. — Соберемся с резидентами вокруг стеклодувной печи и будем петь походные песни. Кажется, у меня в картотеке у стойки регистрации припрятано немного зефира.

— Стеклодувная печь за долю секунды превратит зефир в порошок. Мне нужно знать, зачем ты прячешь в картотеке зефир?

— Чтобы класть его в горячий шоколад. — Венеца смотрит на нее с таким видом, как бы говоря: «Зачем же еще?». — Они модные, типа здоровая пища, и стоят почти всю зарплату. С мадагаскарской ванилью. Или индонезийской. Точно не помню, но они правда вкусные.

Бронка снова смеется, качая головой. И после всех сегодняшних приключений ей ненадолго кажется, что все будет хорошо.

* * *

Бронка спит, и ей снится, что она стала другими людьми, оказалась в других местах. Вдруг город

будит ее. «Эй. Беда на пороге».

Всхрапнув, она просыпается и с усилием садится. Ее левая ягодица онемела, потому что Бронка тяжеловата для надувного матраса и ее бедра касаются бетонного пола. Еще у нее одеревенели конечности, но это просто от старости. Как бы там ни было, она вылезает из-под странного спасательного одеяла из фольги, которое лежало у нее в сумке со всем необходимым и на удивление оказалось довольно теплым. Затем она с трудом поднимается на ноги. Беда. Рядом.

Они легли спать на третьем этаже Центра, где расположены мастерские. По вечерам доступ сюда из Центра закрыт, но владельцы ключей могут попасть внутрь, воспользовавшись грузовым лифтом, который в данный момент не движется. Вокруг Бронки спят шесть человек — резиденты, развалившиеся на креслах-мешках или свернувшиеся калачиками на диванах. Одна женщина спит в ладони собственной скульптуры, представляющей собой гигантскую, высеченную из мрамора руку. Венеца лежит в ярко-зеленом плюшевом кресле, свернувшись калачиком на боку, и что-то бормочет во сне.

Двигаясь тихо, чтобы не разбудить их, Бронка крадется по этажу, обходя незаконченные

треш-арт-инсталляции и полки с необожженной керамикой. Здесь, наверху, ничего нет. «Внизу?» — спрашивает она у города.

Тот отвечает ей шумом, слабым эхом в ушах, будто доносящимся издалека: медленным, осторожным скрежетом чего-то сухого по бетону. Тихим мужским хихиканьем, которое прерывается шиканьем второго голоса. Булькающим звуком, стуком капель по твердой поверхности. И шумом, который знаком любому художнику: шорохом холста по дереву.

Бронка даже не успевает ни о чем подумать, но уже спешит к лестничной клетке. Ее стены расписаны красочными фресками, нарисованными детскими и подростковыми художественными классами: танцующие вагоны метро, уличные знаки, веселые разносчики пиццы, протягивающие зрителю кусок и содовую, улыбающиеся прачки. Бронка тут же видит, что здесь что-то случилось: рисунки *испорчены*. Каким-то образом кто-то пробрался на лестницу и широкими мазками повредил их. По красочным спиралям и завиткам словно провели ластиком. Стерли *краску*, на месте которой остались лишь грубые серые шлакоблоки. Но как?..

Пока Бронка стоит там, стискивая кулаки,

до нее внезапно доносится новый звук. Всхлипывание. Бормотание. Снизу? Она склоняет голову набок, но не может точно определить, откуда он исходит. У нее едва получается разобрать слова.

— Я *пытаюсь*, — лепечет хныкающий голос. — Вы не думаете, что я… что? Да. Да, я *знаю*. — Женский голос, знакомый, хотя Бронке не вспомнить, где она его слышала. До нее доносится лишь половина разговора, необычно искаженная, то возникающая на грани слышимости, то стихающая. Кто-то говорит по телефону? Но голос звучит так, словно говорящий кричит. — Прекратите! Разве я не… — Стихает. И снова нарастает. — …все, о чем вы меня просили? А-а-ай!

Голос кричит от боли. Бронка снова начинает спускаться по ступенькам, чтобы приблизиться к нему. Но он доносится не снизу. Он вокруг нее, и все же… нет. Далекий, будто говорящего нет в здании. Или где бы то ни было поблизости.

— Я знаю, я знаю, я знаю… создали меня для этого, но неужели я — неудачное творение? — Вздох. Всхлип. Теперь голос звучит сдавленно. — Я… Я знаю. Я вижу, н-н-насколько отвратительна. Но я не виновата. Эта вселенная состоит из неправильных частиц… — На этот раз следует долгая пауза. Бронка почти добралась до первого этажа,

когда голос, полный горечи, выдавливает: — Я такая, какой вы меня сделали.

Повисает тишина. Бронка на мгновение замирает, держа руку на засове двери первого этажа и прислушиваясь, но больше ничего не слышит. Стиснув зубы, она сдвигает засов.

На первом этаже, освещенном лишь маломощными светильниками, темно, но зато Бронка отчетливо слышит, что рядом ходят несколько человек. Как они проникли внутрь? Это неважно. Важно вот что: проходя мимо зала Марроу, Бронка видит, что со стен сняты все фотографии работ Неизвестного. Рамки беспорядочно свалены в кучу посреди зала — и, подходя ближе, она чует, что кто-то облил их *горючим*. Бронка морщит нос, отчасти от запаха, отчасти от гнева. Она хватает свою любимую фотографию, которая лежит лицевой стороной вниз, переворачивает ее… и видит, что кто-то расчиркал все лицо спящего молодого человека чем-то похожим на черный маркер.

— Вот же *сукины дети*, — рычит она.

— Удивительно, но среди вас так мало тех, кто делает сукам детей, — произносит голос, и Бронка замирает, наконец узнав его. Это Женщина из Кабинки. Теперь Бронка понимает, что на лестнице тоже говорила она, хотя там ее голос

звучал не так отчетливо.

— Только очутившись в этом городе, я ждала, что сук будут иметь куда чаще, — продолжает Женщина. В ее голосе больше нет отчаяния, лишь отстраненность и даже скука. — Жители Нью-Йорка постоянно используют это выражение, и я, честно говоря, думала, что сучек здесь трахают на каждом углу. Настоящее поветрие затраханных сучек! Хотя, конечно, если сучкам нравится, когда их трахают, — а я полагаю, что так и есть, — то, наверное, это стоит назвать *изобилием*. Но на самом деле такое происходит совсем не часто. Так странно.

Бронка поднимает голову. Потолок зала Марроу достигает в высоту тридцати футов, поэтому самые высокие инсталляции обычно выставляют именно здесь. Однако сейчас Бронка замечает в том углу какое-то движение. Прямо под белой краской, на вид как будто еще не высохшей. Увидев, *что* там, она делает небольшой вдох. Силуэт под краской похож на паука, распластанного по стене и лишенного нескольких ног. Он небольшой, размером где-то с ладонь. Пока Бронка смотрит на него, он увеличивается в размерах в два раза, а затем увеличивается еще раз. Внезапно раздается рвущийся звук, и трещина — а это

именно она — вдруг расходится. Края отверстия начинают отгибаться, но не как что-то реальное, а как нечто *компьютерное*. Как пиксели, которые накладываются друг на друга, накапливаются, а затем рассыпаются, открывая пространство за их пределами.

Там должен показаться потолок следующей галереи или, может быть, какие-нибудь провода или трубы. Но на деле Бронка видит белый потолок, который находится гораздо дальше, чем должен, — дальше, чем это вообще возможно, учитывая размеры Центра. Неужели это второй этаж? Бронка теряет ощущение перспективы. Но цвет потолка, который она видит, отличается от той теплой белой краски, которой выкрашен весь Центр. Бронка смотрит на что-то холодно-серое. Текстура тоже не та: зернистая, грубее гипсокартона, местами усеянная крошечными кристаллами. Красивая. Но есть в ее пропорциях что-то не то, что-то, от чего начинает кружиться голова и за что не может зацепиться глаз.

Короче говоря: Бронка нигде в Центре не видела подобного места. И у нее внезапно возникает ощущение, будто она смотрит на фрагмент того, что на самом находилось тогда в кабинке Женщины.

Смотреть туда не стоит. Недавно полученные знания предупреждают… но Бронка не может оторвать взгляд от этого крошечного, плоского, невыразительного чужеродного пятна.

И пока она смотрит, в разрыв проскальзывает что-то небольшое. Это происходит очень быстро — настолько, что Бронка даже не успевает уследить глазами. В одно мгновение нечто оказывается на полу перед ней, и вот оно уже растет, становится огромным. Оно вздрагивает, и Бронка вскрикивает, потому что внезапно перед ней возникает *стена* зернистой белизны, огромная… которая затем становится размером с человека. Превращается в простой комок белой глины, сминающийся и принимающий форму. Перед Бронкой появляется *человек*, который выпрямляется, поворачивается к ней — и у нее перехватывает дыхание. Она отшатывается, когда видит, что у человека *нет лица*.

Снова мерцают пиксели, и человек внезапно обретает четкие очертания, превращаясь в улыбающуюся женщину в белых одеждах.

Это не та женщина, которую Бронка встретила тем утром. Бронка уже нашла в интернете спонсоров фонда «Сделаем Нью-Йорк лучше» и посмотрела на фотографию «доктора Белой» —

фамилия которой на самом деле вовсе не Белая, а Ахелиос. Она из большого богатого греческого клана, который занимается грузоперевозками и известен своими правыми политическими взглядами. Так вот, сейчас перед ней не доктор Ахелиос, которая на фотографии была обычной шатенкой. В женщине, материализовавшейся перед Бронкой, определенно нет ничего обычного. Высокая, она выпрямляется и принимает странноватую, но элегантную позу, похожую на третью позицию в балете: руки вывернуты перед собой кверху, осанка грациозная и неестественная. Волосы у нее такие же соломенно-белые, как у женщины, которую Бронка видела сегодня, но на этом сходство заканчивается. Лицо Женщины в Белом угловатое, с высокими скулами, какое Бронка раньше видела только у моделей в модных журналах и других женщин, которых считают красивыми за их способность выступать в качестве живого реквизита. Но эта дамочка даст фору многим моделям — в том смысле, что она не задерживается на уровне обыкновенной красоты и сразу же выходит на ступень сверхъестественной. Ее скулы очерчены слишком четко, губы сложены чересчур идеальным бантиком, глаза расставлены чуть шире обычного. Улыбка

на лице кажется застывшей, нарисованной… но это хотя бы Бронке знакомо. Несмотря на то что перед ней совершенно другая женщина, Бронка каким-то образом понимает, что наконец-то встретила *настоящую* доктора Белую.

От входа в зал Марроу доносится чей-то голос, и Бронка, обернувшись, видит, что ее старые знакомые, Альтернативщики, столпились там, преграждая выход. Они пришли не все — здесь только Блондин, Холлидей и Шкет, причем последний одет уморительно нелепо, в костюм ниндзя, который больше похож на черную атласную пижаму не с его плеча. Впрочем, если дойдет до драки, со всеми ними Бронке не справиться. Альтернативщики скалятся, и в тусклом ночном освещении она видит блеск их зубов. Они считают, что Бронка попала в переплет.

Они, конечно, правы, и от этого ответ Бронки, снова повернувшейся к Белой, звучит чуть более воинственно, чем следовало бы:

— Что, неприятности дома? — спрашивает она, вспоминая униженный, обиженный голос, который слышала на лестничной клетке.

Белая шевелит плечами, словно пожимая ими. Движение получается слишком извилистым, и головой она поводит больше плеч.

— У нас у всех есть свое начальство, перед которым приходится отчитываться.

Бронка слегка смеется, удивляясь пробудившемуся в ней сочувствию.

— Я, пожалуй, останусь под своим начальством. Докторская степень-то у тебя все же есть или нет? И в какой области — «Стремных Наук»?

Белая смеется. При этом ее рот раскрывается чересчур широко, обнажая почти все зубы.

— По меркам моего народа, я едва старше младенца, безнадежно необучаемого. По меркам твоего, я древняя и непостижимая. Мне известны тайны, о которых вы еще даже не начинали задумываться. Тем не менее мне очень приятно познакомиться с тобой лично, Бронкс.

– *Бронка*. — Она понимает, почему Белая называет ее иначе, но, черт возьми, у нее же есть имя.

Белая задумывается, затем пожимает плечами:

— Такая бессмыслица, эти имена. И как же сильно за них цепляются в этом мире, где все хаотично, разделено и дифференцировано… *и я понимаю*. — Женщина простирает руки вперед, как бы взывая к Бронке; выражение ее лица становится трагическим. — Я прожила в этом мире бесчисленное множество человеческих жизней! Я видела, что твой вид — особенно *тебе подобные*

из твоего вида — вынуждены бороться лишь за то, чтобы их считали людьми и чтобы толпа не поглотила их. Поэтому я ужасно сожалею о том, что должна сделать.

Пока Бронка ломает голову над ее словами, Белая растопыривает пальцы на приподнятых руках. Внезапно белые стены зала Марроу, лишенные ярких картин Неизвестного и жалкие в своей наготе, расцветают красочными пятнами и мазками. По стенам вдруг расползаются новые фрески, словно раскатанные гигантским малярным валиком, но рука художника остается незримой. Однако у Бронки внутри все сжимается, когда она узнает стиль этой работы — и видит, как в водовороте цветов и красок обретают очертания безликие силуэты. Они толпятся вокруг нее, наблюдая со стен, некоторые сидят или стоят на коленях, в то время как другие ползут по стене на четвереньках. Одно из этих последних существ радиально симметрично, и у него пять конечностей, похожих на ноги. Оно резко поворачивает голову в ее сторону…

Бронка тут же отводит взгляд. Но фреска уже повсюду, на каждой стене, краем глаза Бронка видит, как она расходится по потолку. Ее сердце бешено бьется. Фреска пугает ее гораздо больше,

чем Блондин и его дружки.

— Не понимаю, — говорит Женщина в Белом. Она внезапно склоняет голову набок, изображая недоумение. В ее голосе больше нет доброты. — Разве это не ты пыталась ворваться в мою туалетную кабинку? Разве не ты хотела войти и увидеть меня? А ведь я оставила дверь открытой для тебя, о да, но затем ты *пнула* меня, и дверь захлопнулась. *Как грубо*. — Ее улыбка внезапно исчезает, сменяясь раздражением. Затем она вздыхает. — Но я все еще не поставила на тебе крест, Бронкс. То предложение, которое я сделала тебе в туалете, все еще в силе. Если станешь сотрудничать со мной, я помогу тебе. Тебе и твоим любимым людям нет необходимости погибать в грядущем столкновении — ну или, по крайней мере, не сразу. Я могу позаботиться о том, чтобы ты, Бронкс, была уничтожена последней. А нужно мне лишь одно: чтобы ты нашла его для меня.

И она указывает на груду фотографий Неизвестного. Сверху лежит та, которая нравится Бронке больше всех. Она все еще прекрасна, несмотря на осквернение.

Глядя на нее, на четкие линии, все еще видные за росчерками маркера, и на вторичность фотографии, создающую ощущение отстраненности,

Бронка, несмотря на страх, берет себя в руки. Она помнит тот день, когда нашла оригинал. Эту картину кто-то нарисовал на стене полуразрушенного невысокого здания в Южном Бронксе, рядом с одной из станций четвертого маршрута. На еще одном кирпичном заводе — Бронку, похоже, все время тянет к ним. Но потом, среди разложения и отчаяния, она увидела его. Автопортрет молодого человека, который нарисовал его без помощи рук и красок, находясь за несколько миль от этого места. *Город нарисовал картину за этого юношу*; вот почему появлялось ощущение, будто зритель смотрит на нее не глазами художника. И теперь Бронка интуитивно понимает, что аватар Нью-Йорка скрывается где-то под городом, в туннелях метро. На картине он спит, и Бронка наконец осознает, что это значит. Что-то *действительно* пошло не так. Аватар спит неестественным, зачарованным сном, ставшим последней отчаянной мерой, чтобы сохранить силы, пока город справляется с неожиданным потрясением. Поэтому в городе стало так опасно, поэтому по нему разгуливает Женщина в Белом и ей подобные твари. Потому что сил защищаться у него уже почти нет, а те, что остались, стремительно тают.

Но почему? Почему аватар города спит?

Ответ приходит к ней почти болезненно быстро, будто город только и ждал, когда Бронка задаст этот вопрос. Потому что Нью-Йорк слишком разнообразен, чтобы его мог вместить в себя один человек. И потому что, несмотря на это, аватар все же вобрал его в себя целиком, когда город в этом нуждался, — и он сразился с Врагом и одержал победу, ведь иначе города бы уже не было. Но, сделав это, воспользовавшись столь огромной силой, аватар чуть не погиб. Теперь он ждет Бронку и остальных, тех, кому суждено помочь ему. Они должны его исцелить. Без их помощи он не пробудится.

Бронка может сказать об этом Женщине в Белом. Она не знает, что за станция изображена на картине, но она может поделиться тем, что ей известно. Сейчас стены зала Марроу представляют собой распахнутую дверь в иную вселенную — ту, которая самым фундаментальным образом враждебна всему, что представляет собой Бронка (человек, женщина, личность, плоть, материя, трехмерность, дыхание). Она может оказаться там, достаточно лишь шага в любом направлении. Толчка. Даже самого легкого… и одного мгновения, проведенного там, среди

чужеродных атомов, пытаясь вдохнуть чужеродный воздух, хватит, чтобы ее разорвало на части. (Да и *есть* ли там вообще воздух? Может ли он существовать в подобном месте?) Бронка знает все это столь же твердо, как собственное имя, свой род и свою кожу. Враг уже не просто стоит у ворот, он взял ее за горло, и если она хочет выжить, то может сделать лишь одно — сдаться.

Но Бронка знает и кое-что еще: она — воительница.

Не прирожденная. Крис как-то сказал ей, что у нее добрая, кроткая душа, обернутая колючей проволокой, но эти острые колючки появились не по вине Бронки. Мир научил ее быть грубой и яростной, потому что он ненавидит почти все, что она из себя представляет. Бронка не в первый раз оказывается окружена теми, кто хочет вторгнуться на ее территорию, втиснуть ее в более узкие рамки, заразить ее самую суть и оставить после себя лишь стерильные, мертвые руины. И у нее не впервые находятся силы, чтобы дать отпор.

Просто впервые с тех пор, как она стала чертовым Бронксом.

— Нет, — говорит Бронка Женщине в Белом. — Иди к черту.

Женщина вздыхает.

— Очень жаль. — Она едва заметно дергает рукой. Позади Бронки раздается какой-то звук. Описать его трудно. В целом он похож на *дадум*: низкий, похожий на сглатывание, с почти музыкальным двойным эхом, напоминающим что-то электронное. Вот только Бронка уверена: этот звук издает некий *организм*. Это охотничий клич зверя, у которого нет голоса; существа, которое никогда не знало законов физики вроде тех, что царят в ее мире, — и оно близко. Альтернативщики, эти жалкие подхалимы, хихикают и начинают насмехаться. Бронка догадывается, что они видят приближающуюся тварь — однако Шкет, хорошенько ее рассмотрев, внезапно бледнеет. Потрясенный, он пятится и отводит глаза. Перед этим по направлению его взгляда Бронка успевает понять, что тварь прямо за ней.

И Бронка… начинает смеяться.

Она ничего не может с собой поделать. Отчасти это от нервов. Но в целом — от ярости. Что за *люди*. Они пришли в ее район, на ее территорию и сорвали отличные работы. Пытались *заставить* ее принять их омерзительный, посредственный бред. А еще эта белая женщина, которая вовсе не белая и никакая не женщина,

пыталась настроить облеченных властью людей против Бронки, требуя, чтобы та сдалась. Так что *хренушки*, она не отступит.

Женщина в Белом хмурится, услышав смех Бронки.

— Я не знаю, кем ты там себя возомнила, — говорит Бронка, разводя руками. — И не знаю, *что* ты за тварь. Но и ты не знаешь, кто я такая, раз пытаешься втянуть меня в эту глупую игру.

Женщина прищуривается.

— Ты — Бронкс.

— Да, — говорит Бронка. — А еще я та, кому достались все знания о том, как все работает. — Она уже встает в стойку. — Другие, наверное, еще не разобрались, как это делается, но я знаю.

В зале поднимается ветер, он треплет плакаты, развешанные по коридорам Центра. Бронка этого не замечает. Мир разделился на две части: в первой она видит зал Марроу, где Женщина в Белом чертыхается, когда колеблющиеся фигуры с настенной росписи отшатываются от Бронки — со страхом, как ей кажется. А на второй она видит иной Нью-Йорк. В ином Нью-Йорке тоже есть зал Марроу, но видит она его с другого ракурса. Теперь Бронка огромна, как гора. Ее ноги привинчены к миллиону фундаментов, а руки

сделаны из ста миллионов прутьев арматуры. Плоть между ними — это земля, на которой росли и процветали тысячи поколений матерей Бронки, в которую вторглись чужаки, отравили, застроили и много раз перестроили, но она все равно остается живой. И *сильной*.

А перед ней выеживается маленькое, ничтожное существо. Белое ничто. Оно опасно; это Бронка знает точно. Оно может очень сильно ей навредить — обоим ее воплощениям. Всему. Оно может затащить ее истинную сущность туда, где ее разорвет на кусочки, и Бронка никогда не оправится от этого и не возродится. Оно может уничтожить Бронкс. А без Бронкса погибнет весь Нью-Йорк.

Поэтому Бронка касается земли закованным в сталь носком, легко, как танцовщица. Он приземляется с силой десяти тысяч квартальных вечеринок, орущих сабвуферами машин и барабанных кругов — и от него в стороны расходится волна энергии, которая уничтожает все на своем пути. Точнее, все, что не имеет отношения к Нью-Йорку.

Существа на стенах, окружающие Женщину в Белом и Бронку, внезапно исчезают. Альтернативщики падают на пол, теряют сознание

или стонут, потому что сила, которую высвободила Бронка, уничтожила все белые щупальца в Центре. Те, что сидели в Альтернативщиках. Еще Бронка с огорчением замечает, что одно находилось и в туалете, заражало третью кабинку. Вот черт, ведь ей стоило проверить, не осталось ли там что-то. Щупальце проросло в электросеть и ползло вверх по стенам лестничной клетки, попутно стирая детские фрески. Впрочем, теперь с этой заразой покончено.

Они остались лишь вдвоем, лицом к лицу, живой город и потустороннее чудовище, готовые к предстоящей схватке. Случится ли она сегодня? Возможно. Бронка ждет, что будет дальше.

После долгого, напряженного молчания Женщина в Белом выдыхает. Она не пострадала от атаки Бронки, что очень странно. Однако она произносит:

— Я надеялась, что смогу убедить тебя встать на мою сторону. — Женщина говорит негромко. Как будто со смирением, но Бронка знает, что не стоит пытаться оценивать ее слова и действия человеческими мерками. — У нас с тобой так много общего. Мы обе хотим выжить! Нам обеим приходится бороться в одиночку, без союзников; нас не ценят по достоинству, и мы теряемся в те-

ни тех, кто якобы лучше нас. И мы обе решили поступить правильно, вне зависимости от того, чего нам это будет стоить в конце.

Бронка качает головой, не желая больше сочувствовать ей.

— Не я пришла в чужое измерение, чтобы его колонизировать.

— Нет, ты всего лишь угрожаешь существованию *бесконечного множества* измерений и большему числу жизней, чем насчитывает твой вид, — огрызается Белая. Бронка хмурится, но затем Женщина вздыхает. — Впрочем, полагаю, винить тебя в этом нельзя. Мы все делаем то, что должны. Что ж, хорошо; уничтожить я тебя не могу… пока что. Мы встретимся вновь — и, возможно, при уже изменившихся обстоятельствах.

С этими словами Женщина в Белом едва заметно дергает головой. Росписи на стенах, уже превратившиеся в бесформенные завихрения блеклых цветов, исчезают, сворачиваются и уходят в ничто с такой же готовностью, с какой появились. Позади Бронки в последний раз раздается негромкое *да-дум*, а затем и оно сменяется тишиной. Ей хочется сглотнуть, дать облегчение пересохшему от ужаса горлу, но сейчас важно не показывать слабость. Она — Бронкс. А Бронкс

не отступает.

Женщина в Белом склоняет голову. С уважением.

— Мои прислужники тебя больше не побеспокоят, — говорит она, — но лишь до тех пор, пока все маски не будут сорваны, конечно же.

— Конечно же, — с кривой усмешкой отвечает Бронка. Прислужники. Все это похоже на дурацкую комедию. Она подбородком указывает на Альтернативщиков, даже не удостаивая их взглядом. — А эти?

Женщина мельком бросает на них взгляд. Бронке кажется, что она искренне удивилась вопросу.

— Эти части мне больше не нужны. Поглоти их или найди им другое применение. Как тебе будет угодно. Они очень податливые.

Затем Женщина поворачивается и, не говоря больше ни слова, делает шаг вперед. Она словно вошла в дыру в воздухе, которую Бронка не видит. Сначала исчезает ее передняя часть, затем она поднимает оставшуюся сзади ногу и пропадает из виду целиком.

Бронка осторожно приближается. Но когда она подходит и проводит рукой по воздуху, то находит лишь пустоту. Если там и был проход, он уже закрылся. Выдыхая, Бронка выпрямляется,

поворачивается к Альтернативщикам — и видит прямо за грудой тел Венецу, которая таращится на нее выпученными, потрясенными глазами.

Бронка окидывает взглядом свою протеже, уперев руки в боки.

— Ты в порядке? — спрашивает она. Судя по выражению лица Венецы, та увидела хотя бы часть этого столкновения. У нее наверняка будут вопросы.

— Ну, я, конечно, при виде чего-то ужасного и непостижимого не начну исходить пеной у рта, — говорит Венеца. Ее голос звучит беззаботно, но тем не менее в нем слышится дрожь. — Я же из Джерси.

Бронка заходится кашляющим смехом.

— Кажется, я говорила тебе тика́ть, если увидишь что-то странное.

— Я увидела этих козлов. — Венеца кивает на Альтернативщиков; она переняла эту ленапскую привычку у Бронки. Один Альтернативщик лежит лицом вниз, и Бронка не видит признаков того, что он дышит. Она очень надеется, что он не умер. Двое других лежат почти что в обнимку: кто-то навалился на Шкета, который, все еще оставаясь в сознании, свернулся калачиком и стонет, закрыв лицо руками. Было бы мило,

не будь они расистами, сексистами, гомофобами и придурками. — Вот и пришла, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. А потом увидела… — Она запинается. Быстро переводит взгляд к стене позади Бронки. Туда, где скрывался *да-дум*.

— Вот тогда и было самое время уйти.

— Да я и думать-то не могла. — Венеца качает головой и на секунду надавливает основанием ладоней на глаза. Бронка напрягается, но Венеца, к счастью, не пытается их себе вырвать. А полученные знания предупреждают, что такое может произойти. — Чтоб их, мне еще несколько ночей будут сниться кошмары. Так вот кто охотится на тебя? То есть на самом деле? Просто действует через *esses resíduos de pele*[24]? Это та сучка, Белая?

Бронка старается, искренне старается порой подавать пример правильного поведения. Иногда. Ну ладно, нечасто.

— Не стоит употреблять слово «сука», говоря о женщине в уничижительном…

— Я говорю о нечеловеческой неженщине. Так *что* я все-таки видела? Межпространственный шантаж или что-то в этом духе? — Голос Вене-

---

[24] Сноски: 24
Эти отбросы (*порт.*).

цы уже не просто дрожит, а скачет. И она сама трясется, вытирая руками слезы с закрытых глаз. Бронка вздыхает и подходит к ней. — Монстр с щупальцами по имени Скиппи подсылает своих маленьких, ушибленных на всю голову ксенофобов, чтобы те цеплялись к тебе в интернете? Это *вот так* теперь начинаются лавкрафтовские ужастики, да? Я просто… я не…

Бронка обнимает ее. Им обеим это нужно.

Затем они слышат шаги на лестнице, и кто-то из резидентов распахивает дверь. Это Елимма, скульптор по стеклу, та, что ушла от жестокого мужа. В руках у нее алюминиевая бейсбольная бита. Двое других резидентов — оба бездомные, лет двадцати, — неуверенно выглядывают из-за нее и смотрят на Бронку. Елимма видит распростертых на полу Альтернативщиков и как расстроена Венеца. Ее ноздри раздуваются. Бронка быстро мотает головой, хотя до конца и не понимает, что собирается сделать Елимма и что сама Бронка говорит ей не делать. Она надеется, что «Не Бей Их Битой» или, по крайней мере, «Не Сейчас».

— Позвони в полицию, — говорит она Елимме словами. — Я пойду подготовлю для них записи с камер наблюдения.

– *Копию* сначала сделай, — резко говорит Венеца. Ей уже лучше, хотя глаза раскраснелись и она все еще немного подрагивает. — Ты с ума сошла? Сделай копию, потом резервную копию и еще скрытую резервную копию. Полиция Нью-Йорка заберет оригиналы, и вы их больше никогда не увидите.

— У меня нет времени этим заниматься, — начинает Бронка, и, конечно же, стоит ей это произнести, как Венеца с отвращением фыркает и направляется к своему столу.

— Тогда *сама* звони в полицию, — говорит она Бронке. — А *я* позабочусь о том, чтобы они не уничтожили доказательства. Елимма, врежь Альтернативщикам, если они хоть пикнут. — Потом она уходит.

Елимма подходит с кислой миной на лице.

— Ты в порядке?

Бронка, которая на секунду закрыла глаза, чтобы отключиться от ждущего, рвущегося в бой духа своего боро, издает протяжный вздох, а затем кивает.

— Да. — Что удивительно, учитывая обстоятельства. Но это так.

Полиция, будь она неладна, приезжает лишь через час. Все-таки Центр находится в Южном

Бронксе. К тому времени один из Альтернативщиков — Док — уже пришел в себя, но он, похоже, растерян и как будто накачан наркотой. Он сидит, прислонившись к стене, и дрожит, а Елимма напряженно, с рожденной опытом внимательностью следит за ним. Он все время твердит, что ему холодно, и спрашивает, как он сюда попал. Бронка полагает, что проделки Женщины в Белом могли повредить ему память, но она также знает, что Женщина не смогла бы ни к чему принудить Дока и компанию, если бы они хоть немного не сочувствовали ее убеждениям и не *синхронизировались* с ней. Поэтому, несмотря на то что Блондин, похоже, и правда впал в кому или кататонию, а не просто отключился, Бронка не испытывает к нему особой жалости. Она лишь надеется, что он не околеет в ее галерее. Шалфей закончился у нее еще в прошлом месяце.

Когда копы наконец приезжают, они пытаются уговорить Бронку не выдвигать обвинений. Ведь Альтернативщики — хорошие белые мальчики из влиятельных семей, которых поймали на взломе и проникновении несколько темнокожих женщин-хиппи; естественно, копам не нужна та шумиха, которую поднимут адвокаты тех семей и пресса. Венеца дает им флешку с видео,

на котором видно, как все трое мужчин ломают закрытую дверь выставочного центра — единственную дверь в здании, которая не подключена к сигнализации, потому что когда-то давно у нее сломался датчик. И Альтернативщики откуда-то знали об этом. На кадрах видно, как они пробираются внутрь и как один несет канистру с горючей жидкостью. Венеца также скопировала на флешку фотографии с отметками времени, на которых запечатлен зал Марроу и груда расчирканных маркером картин. Бронка обращает внимание полицейских на отчетливый запах горючей жидкости, который все еще исходит от фотобумаги. Один из копов недовольно бубнит, что если Бронка покажет эту видеозапись, «например, в интернете или в новостях», то это может помешать расследованию. Бронка улыбается и отвечает:

— Если вы и окружной прокурор все сделаете так, как нужно, то нам не придется этого делать.

Так что в конце концов Альтернативщиков увозят в наручниках или, в случае с Блондином, на носилках «Скорой помощи».

К этому моменту уже рассвело. Все резиденты давно на ногах, делают все возможное, чтобы привести Центр в божеский вид. По просьбе

Бронки они снова вешают на стену автопортрет Неизвестного, несмотря на то что он поврежден. Одного маркера недостаточно, чтобы уничтожить нечто столь потрясающее. Венеца убегает за пончиками и кофе, и, по мере того как в социальных сетях расходятся слухи о ночном взломе, в Центр приходят другие художники и меценаты со всего боро. Они приносят метлы и инструменты. Один парень, чей дядя владеет мастерской художественной ковки, приезжает на грузовике компании и привозит несколько великолепно обработанных железных ворот. Он что-то меряет и бормочет, но в конце концов ему удается подобрать те, которые заменят сломанную дверь. Новая будет даже лучше, чем то, что мог бы позволить Центр за свой бюджет. Парень устанавливает ее бесплатно.

Когда Бронка наконец находит минутку, чтобы уединиться в своем тесном кабинете и сесть, она закрывает лицо руками и целую минуту плачет.

Затем кто-то стучится, и она понимает, что либо случилось очередное ЧП, либо к ней ломится один из множества незнакомцев, которые пришли в Центр, — ведь сотрудники знают, что если дверь закрыта, то Бронку лучше не беспокоить. Вытирая глаза тыльной стороной кулака, она

хватает салфетку, чтобы высморкаться, и приглушенно отвечает:

— Ну что еще?

Дверь открывается, и на пороге показываются трое. Даже не будь каждый нерв в душе Бронки сейчас оголен, она все равно узнала бы их по внезапному, почти болезненному отзвуку, который раздается в ее душе. Они — родня, боевые товарищи, недостающие фрагменты ее самой. Они — Манхэттен, Бруклин и Куинс, и они широко улыбаются, словно ликуя от того, что нашли Бронку.

— А *вы* какого хрена здесь забыли? — со злостью спрашивает она.

Глава десятая
Сделаем Статен-Айленд снова великим

Айлин сидит на крыше и смотрит на далекий ночной город, когда мать пугает ее до смерти, прикоснувшись к ней сзади. Айлин взвизгивает так громко, что ее голос эхом отражается от соседних домов, и, оборачиваясь, свирепо глядит на свою мать.

— Мама! Ты хочешь, чтобы меня инфаркт хватил?

— Прости, прости, — говорит мама. — Но разве тебе стоит здесь сидеть? У тебя только что был такой приступ аллергии…

Последние двадцать четыре часа Айлин провела на «Бенадриле», пытаясь избавиться от сыпи, которую подхватила на паромной станции. Сейчас сыпь почти спала и уже не так зудит, но от «Бенадрила» Айлин стала медлительной, и в голове у нее туман. Она всегда любила сидеть на крыше, но благодаря лекарству и тихой нескончаемой песне города ощущения стали просто непередаваемыми.

— Я в порядке, мам. Здесь так хорошо. Ветерок прохладный, и даже запах гавани чувствуется… — Ей настолько хорошо, что она, повинуясь порыву, прибавляет: — Садись. Полюбуемся городом вместе.

Крыша дома Халихэнов представляет собой лишь небольшую площадку с дверью и спутниковыми тарелками, но отец Айлин в шутку называет ее их «баром на крыше». Айлин поставила здесь два складных садовых стула, которыми отец частенько пользуется — она знает об этом, потому что ей приходится собирать пивные бутылки и убирать его бинокль всякий раз, когда она приходит сюда. Однако ее мать забирается на крышу впервые, поэтому Айлин с некоторым интересом наблюдает за тем, как Кендра (Айлин зовет свою мать по имени с подростковых лет, потому что так ее зовет отец) осторожно усаживается на один из садовых стульев. Он скрипит и немного сдвигается под ее весом, отчего Кендра ойкает, а затем нервно смеется.

— Извини, — снова говорит она. — Не люблю я высоту. — Но потом она замолкает, глядя на городской пейзаж. Айлин рада видеть, как лицо ее матери смягчается, и на нем появляется восхищение. Манхэттен страшен вблизи — и, по всей

видимости, там полно пчел, — но с безопасного расстояния он прекрасен.

Несколько мгновений они сидят в уютной тишине, а потом ее мать спрашивает:

— Так ты вчера добралась до города?

Айлин вздрагивает, и ее сердце сжимается, хотя она не знает почему.

Айлин не понимает свою мать. Они похожи как две капли воды, только Кендра выглядит старше: черноволосая, стройная и такая бледная, что иногда ее кожа кажется зеленоватой. Айлин часто ловит себя на мысли, что хочет с возрастом стать такой же красивой, как ее мать, ведь у Кендры даже в пятьдесят появилось лишь несколько тоненьких прядок седых волос и пара мелких морщин. Черноволосых ирландок годы щадят. Однако Айлин не хочется, чтобы ее глаза стали такими же, как у матери. Весь возраст Кендры в глазах — не в морщинах, а в печали и усталости, что в них отражаются, и в том, как они нервно, непрестанно бегают. Когда Айлин была подростком, она считала маму скучной и бестолковой. С тех пор она поняла, что женщинам иногда приходится притворяться такими, чтобы окружающие их мужчины могли почувствовать себя яркими и умными. Во взрослой жизни Ай-

лин приходилось делать то же самое, причем тем чаще, чем старше она становилась. Поэтому она наконец стала сближаться с матерью… хотя их дружба хрупка, как и всякая, родившаяся в напряженных обстоятельствах. И ее мама никогда раньше так далеко не вторгалась в территорию, которую Айлин считает своей и только своей.

Она немного ерзает, стараясь не показывать охватившего ее стеснения, но шаткий шезлонг выдает Айлин громким скрипом.

— Как ты узнала?

Кендра пожимает плечами:

— Обычно ты ездишь за покупками на своей машине. Автобус едет так долго. Но на паромной станции полиция фотографирует номерные знаки.

И отец все равно почти узнал об этом из-за ее панической атаки. Айлин, сдерживая досаду, осторожно вздыхает.

— Я просто… — и замолкает, потому что не знает, что еще сказать. Ее мать тоже прожила на Статен-Айленде почти всю жизнь. Как Айлин может сказать: «Я просто хотела бросить тебя, папу и все, что когда-либо знала, и уехать в город, от которого ты годами меня предостерегала?» И ради чего? «Чтобы встретиться с совершенно

незнакомыми людьми, которые стали частью меня, частью Нью-Йорка; и *я сама* стала частью Нью-Йорка, хотя не думаю, что хочу ею быть, но ведь *уже стала*»…

А затем Кендра одним предложением рушит все представление Айлин о ней и о самой себе.

— Я искренне надеялась, что у тебя получится, — тихо говорит она.

Айлин вздрагивает так сильно, что стул отодвигается назад. Она пристально смотрит на свою мать. Кендра одаривает ее очередной усталой улыбкой, хотя на Айлин она при этом не смотрит. Она просто не сводит глаз с города.

— В молодости я хотела стать пианисткой, — говорит она, еще больше удивляя Айлин. — И у меня хорошо получалось играть. Я даже получила стипендию в Джульярдской школе. Мне не пришлось бы платить за учебу ни цента, только за проезд. — Она тихо вздыхает. — То есть… у меня *в самом деле* получалось. Просто охеритительно.

Айлин может по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз за ее жизнь мама сквернословила. Но больше всего ее потрясло не это.

— Эм-м… Я ни разу не видела, чтобы ты хотя бы прикасалась к пианино. Ты даже по радио

музыку не слушаешь, разве что когда папа его включает.

Кендра слегка приподнимает уголок рта в легкой полуулыбке, но лицо ее остается печальным и неподвижным. Она ничего не говорит.

Айлин не может в это поверить.

— Ты… тебе запретили родители, да? — Ее бабушка и дедушка по материнской линии уже мертвы — у дедушки случился сердечный приступ, у бабушки не успели вовремя диагностировать рак печени, — но Айлин помнит, что они были большими приверженцами традиционных ценностей. Невозмутимые католики, не употребляющие мяса по пятницам. Самое яркое воспоминание, которое осталось о них у Айлин, — это нравоучения бабули о том, как должна одеваться и вести себя девушка, если хочет найти хорошего мужа. Айлин было семь, когда бабушки не стало.

— Я забеременела, милая. Вышла замуж за твоего отца меньше чем через месяц после того, как получила письмо из Джульярда.

Об этом Айлин знает: у нее должен был родиться старший брат, Коналл, который так и не появился из-за выкидыша. Айлин родилась несколько лет спустя. Конечно, никто на самом

деле не знал, был ли Коналл мальчиком. К тому времени, как он покинул утробу, он был маленьким сгустком с ластами. Но когда отец выпивает, то рассказывает Айлин о том, как все могло сложиться: что у него мог бы появиться брат по оружию, который помог бы семье противостоять этому ужасному миру, а не никуда не годная дочь, которую тоже нужно защищать.

Айлин знает, что для ее родителей мысль о том, что мать может работать, равносильна святотатству. Но поскольку Коналл… не появился, то работала бы всего лишь жена. Айлин хмурится.

— Ты ведь все равно могла пойти учиться. Разве нет? Раз… — Она годами избегала говорить о Коналле. Ее отец до сих пор скорбит. У матери свои мысли на этот счет, но она их не озвучивает, потому что «женщинам иногда приходится так делать» — так она всегда говорила Айлин.

— Я и собиралась пойти. От твоего отца помощи было не дождаться, хм, ни в чем, но я твердо решила, что выучусь. — На лице ее матери снова появляется едва заметная полуулыбка. — Поэтому я и сделала аборт.

У Айлин отвисает челюсть.

— Но после… твой отец был так убит горем, что я… — Кендра вздыхает, и улыбка исчезает. —

Я решила, что тоже должна что-то потерять.

Боже. Айлин с трудом сглатывает, подбирая слова.

— И папе ты никогда не говорила?

— Зачем? — Так много ответов заключено в одном этом слове. Зачем ей говорить консервативному мужчине, так жаждущему сына, что она сделала аборт, убив его ребенка? Зачем говорить мужу, что это его вина, ведь он заставил ее выбирать между одной мечтой и другой? И ведь они еще не знают, как бы отец отреагировал.

Айлин снова ерзает, замечая, что немного отодвинулась от матери. Она этого не хотела. Просто… ей сложно все это осмыслить.

Но Кендра еще не закончила.

— Поэтому я надеялась, что ты выберешься. Я думала, что хотя бы кто-то из нас должен… даже не знаю, повидать мир? Пробовать что-то новое. Поэтому я и запросила те брошюры из городских колледжей. — Она слегка морщится, когда Айлин снова потрясенно выпучивает глаза. Как же Айлин досталось за те брошюры. Отец решил, что это она их заказала. Он почти всю ночь читал ей нотации о том, как ужасен город и сколь многим он пожертвовал, чтобы обезопасить ее; и что, конечно, она сама вольна выбирать, но он-то ду-

мал, что Айлин будет делать это с умом. Неделю спустя она поступила в колледж Статен-Айленда.

— Господи Иисусе, — бормочет Айлин, а затем вздрагивает, понимая, что забылась. Когда ее отец говорит то же самое, Кендра всегда ругает его, говорит, чтобы он не богохульствовал.

— Да уж, истерику он тогда закатил охеренную, — говорит ее мать. Так, ладно, сейчас Айлин точно хватит удар. — Прости.

Впрочем, Кендра наконец встает и поворачивается к Айлин. Внезапно та ловит себя на том, что представляет себе другую версию своей матери: все ту же женщину, по-прежнему освещенную далекими огнями города, но одетую в стильное маленькое черное платье и с элегантно уложенными волосами вместо простого неопрятного пучка на затылке. Когда-то Айлин видела по телевизору, что так одеваются пианистки на концертах. На лице Кендры было бы меньше морщин, думает она, разглядывая незнакомку, которая тридцать лет была ее матерью. Круги под ее глазами были бы прозрачнее, если бы вообще появились. И глаза ее были бы просто красивыми, а не красивыми, усталыми и грустными.

Затем момент проходит, и Кендра снова стано-

вится просто Кендрой.

— Не оставайся здесь, — говорит она Айлин. — Не нужно… Лин, если город зовет тебя — услышь его. И уходи.

Затем она похлопывает Айлин по плечу и направляется к двери, ведущей с крыши. Айлин остается еще на час, глядя не на город, а на дверь, в которую ушла ее мать.

* * *

Когда Айлин спускается вниз, она замечает, что в столовой с ее отцом сидит кто-то еще. Это довольно необычно; отец Айлин не любит чужаков на своей территории. Но когда она заглядывает внутрь, чтобы посмотреть, кто это, то с удивлением обнаруживает, что за обеденным столом сидит мужчина примерно одного с Айлин возраста. Незнакомец всем своим видом кричит о принадлежности к антифа. Он либо коммунист, либо марихуанщик, или как там еще Мэттью Халихэн называет молодых людей вроде него. У незнакомца идеально прямые очки в черной оправе и явно старомодные усы, завитые, с навощенными кончиками. Одет он, похоже, только в рубашку на пуговицах с короткими рукавами и подтяжками — на других парнях ее папа назы-

вал такой прикид «пидорским». Его руки оголены, демонстрируя невпечатляющие бицепсы и такое обилие татуировок, что Айлин не может разобрать ни одну из них. Он сидит на краю стола рядом с отцом Айлин и показывает ему что-то на планшете; оба над чем-то хихикают, как дети на уроках в воскресной школе. Мэттью Халихэн, широкоплечий лысеющий мужчина, вдвое крупнее этого молодого человека. Айлин будто смотрит на то, как бульдог хохочет над шутками таксы.

Затем они оба поднимают глаза, заставая Айлин врасплох. На лице ее отца тут же появляется сияющая улыбка, и он манит ее внутрь столовой.

— Привет, Яблочко, заходи. Познакомлю тебя с другом.

Айлин входит, стараясь из вежливости не хмуриться, но… у ее отца нет друзей. У него есть «парни с работы», тоже копы — и, судя по тому, как Мэттью Халихэн о них отзывается, он видит в них скорее конкурентов на звание детектива, которое он стремится достичь бóльшую часть жизни Айлин. Однако он ходит с ними в бар и иногда на игры, и, видимо, таких друзей ему хватает, раз он никогда не искал других. Тем

не менее ее отец, улыбаясь от уха до уха, говорит:

— Это Коналл Макгинесс… — А затем он смеется, поскольку Айлин не может не выпучить глаза при упоминании имени. — Хорошее ирландское имя, правда? Всегда мне нравилось.

Коналл тоже смеется.

— Можете винить моего отца. — Мэттью хихикает и хлопает его по спине, а Коналл тем временем разглядывает Айлин. — Очень приятно с тобой познакомиться, Айлин. Я многое о тебе слышал.

— Эм-м, надеюсь, только хорошее. — Айлин выдает заученный ответ, стараясь не вертеться на месте от неловкости. В детстве, когда ее представляли незнакомцам, она просто замирала, не говоря ни слова; теперь этого уже не происходит, но и вести себя правильно она не научилась. Ее отец знает об этом и обычно заранее предупреждает, если собирается привести в дом незнакомца. — Спасибо, *мне тоже приятно познакомиться*. — Затем она прибавляет, обращаясь к отцу, просто потому что ее снедает любопытство: — Это кто-то, э-э-э, с работы?

— С работы? Ха, нет. — Ее отец все еще улыбается, но Айлин внезапно понимает, что он *лжет*.

Но в чем же ложь? Коналл *не похож* на копа, и Айлин не видит никаких признаков этому, хотя возможности ее внутреннего радара, конечно же, ограничены. Может быть, Коналл в целом дружит с копами. — Мы просто кое над чем работаем вместе, детка.

— Хобби у нас совместное, — прибавляет Коналл, а затем они с отцом Айлин снова заходятся хихиканьем, как мальчишки. Айлин же не понимает, что тут смешного.

Когда они успокаиваются, Коналл становится воплощением любезности.

— Яблочко, хм? Мило. Я думал, что у тебя будет прозвище, связанное с именем. Например, Мечта или Мечтательная.

С гэльского языка Айлин так и переводится — она сама подсмотрела значение своего имени в книжке, когда была маленькой.

— Так ты и правда истинный сын Ирландии, надо же.

Коналл расплывается в улыбке. Отец Айлин одобрительно кивает и прибавляет:

— Я зову ее Яблочком, потому она — мое маленькое яблочко, здесь, в Большом Яблоке. Я стал называть ее так в детстве, и ей понравилось.

Айлин всегда терпеть не могла свое прозвище.

— Ты, эм-м, не хочешь что-нибудь поесть или выпить, Коналл? Папа?

— Ничего не нужно, малышка. Хотя, ты знаешь, Коналл, Айлин ведь отлично готовит. Даже лучше, чем ее мать. Кендра! — От его внезапного громогласного рева Айлин вздрагивает, но сейчас отец не сердится. Кендра тут же появляется в столовой, и Мэттью неопределенно машет рукой в сторону задней части дома. — Приготовь комнату для гостей, милая, Коналл останется у нас на пару дней.

Кендра кивает, затем снова кивает, уже Коналлу, вместо приветствия. Однако она колеблется.

— Мы с Лин уже поели. — А если Коналл проголодался, то остатки ужина можно найти в холодильнике. Еще мать как бы намекает на то, что Мэттью сегодня вечером пришел домой позже обычного.

Улыбка Мэттью почти мгновенно испаряется, и у Айлин так же быстро все сжимается внутри.

— Я разве спросил, когда вы ели?

Айлин испытывает облегчение, когда Коналл немного выпрямляется, снова привлекая внимание ее родителей к себе.

— Спасибо за заботу, — говорит он Кендре и очаровательно улыбается. — Вау, а Мэтт не со-

лгал — миссис Халихэн, вы действительно прекрасны.

Кендра удивленно моргает. И отец Айлин, который обычно *на дух не переносит*, когда его называют Мэттом, смеется и снова дружески бьет Коналла по плечу.

— Ты чего, жену мою охмурить собрался? Что за дела, приятель. — И, позабыв про гнев, снова смеется.

Айлин, не сдержавшись, косится на Кендру. За годы она поняла: они с матерью не могут показывать, что они союзники, даже если это так. Но Кендра, похоже, озадачена всей этой ситуацией ничуть не меньше. Она уходит, чтобы постелить гостю кровать, и Айлин тоже решает, что пора отступить.

Однако не успевает она повернуться, как ее внимание привлекает какое-то мимолетное движение. Айлин вздрагивает и, нахмурившись, резко оглядывается. Коналл и ее отец уже снова уставились на планшет и понизили голоса, чтобы продолжить разговор. Прям лучшие друзья. Все выглядит до ненормального нормально. Но что же она только что заметила?

Ага. На затылке Коналла. Из шестого или седьмого шейного позвонка и чуть выше воротника

его накрахмаленной рубашки торчит что-то длинное, тонкое и белое. Один из тех странных маленьких ростков, которые Женщина в Белом непрестанно лепила на людей и предметы.

Коналл снова смотрит на нее и приподнимает брови в ответ на пристальный взгляд девушки.

— Что-то не так?

— Все хорошо, — выпаливает Айлин, а затем кивает, вроде как на прощание, и спешит наверх в свою комнату.

* * *

К трем часам ночи Айлин понимает, что не сможет уснуть. Как и в предыдущие приступы бессонницы, она встает и идет на задний двор. Здесь нет ничего, кроме семейного бассейна, который ее отец установил десять лет назад и в котором Айлин плавала, наверное, дважды. (И не потому, что она не любит купаться. Просто она приходит в ужас при мысли о том, что кто-нибудь может пялиться на нее в купальнике, хотя весь их задний двор окружен двенадцатифутовым[25] деревянным забором. Страх этот столь же безоснователен, как и ее страх перед паромом

[25] Сноски: 25
12 футов ≈ 3,66 м. (*Прим. перев.*)

Статен-Айленда.)

Но даже несмотря на то, что для купания бассейн бесполезен, у него можно хорошо помедитировать — конечно, если сидение у бассейна с угрюмым видом в пижаме и в любимых тапочках с дельфином Денни можно назвать медитацией. Однако на этот раз она стоит тут всего около пяти минут, печально размышляя о далеком, все более отчаянном зове города, когда рядом вдруг что-то начинает шевелиться. Айлин вздрагивает, оборачивается и видит гостя своего отца, Коналла, сидящего в шезлонге у бассейна менее чем в пяти футах от нее.

Айлин с толикой досады осознает, что он сидел там все это время, а она была просто настолько поглощена своими мыслями, что не заметила. Лицо у Коналла заплывшее, он зевает и моргает, глядя на нее, и на одной щеке заметны следы от ремней шезлонга — должно быть, он спал. На уголке его губ засохла слюна. Айлин не смеется, она немного в ужасе от того, что на госте нет ничего, кроме старых пижамных штанов ее отца. Коналл дважды подвязал их, но они все равно висят на нем мешком. Поскольку он без рубашки, Айлин видит его рабоче-крестьянский загар и еще одну россыпь татуировок на груди

и животе, которые наполнены гораздо большим смыслом, чем те, что у него на руках. Одна из них выполнена мастерски, в виде старого красивого ирландского трикветра[26], над которым видны числа 14 и 88, набитые уже не так ровно, словно рукой любителя. Айлин что-то читала об этих числах, но не помнит, что именно они означают — впрочем, она уверена, что ничего хорошего[27]. Еще пара татуировок представляют собой неясные очертания, смутно похожие на скандинавских богов. Они очень мускулистые. Айлин отчасти возмущена таким смешением скандинавского и кельтского, все-таки викинги были захватчиками, — но напрячься ее заставляют не эти татуировки, а та, что на левой груди. Там, прямо над его сердцем, набита жирная свастика. Так что, возможно, сейчас не самое подходящее время придираться к смешению мифологических метафор.

Коналл хихикает.

---

[26] Сноски: 26

Трикветр (*лат.* triquetra — «треугольный») — древнейший сакральный символ в виде трилистника, переплетение трех листовидных фигур: одна устремлена вверх, две — вниз; наиболее широко распространился у кельтов. (*Прим. ред.*)

[27] Сноски: 27

14/88 — кодовый лозунг нацистской террористической организации The Order, в России включен в Федеральный список экстремистских материалов. (*Прим. перев.*)

— Что ж, ты хотя бы не бежишь с визгом. Твой отец говорил, что ты — настоящая дочь острова.

— Какое отношение имеет Ирландия к… — Айлин указывает на свастику.

— Лишь то, что там недостаточно девушек вроде тебя, которые делают правильный выбор. — Он тянется вниз, и Айлин запоздало замечает рядом с шезлонгом бутылки. С пивом любимой марки ее отца. Вдобавок к этому на земле стоит металлическая фляга, окруженная несколькими бутылочками крепкого алкоголя вроде тех, что продают в аэропортах. Все они, похоже, пусты. Отсюда Айлин не разглядеть белый усик на его шее. Видит ли ее сейчас Женщина в Белом? Стала ли она частью Коналла? Айлин думает, как бы получше спросить: «А тебе она тоже сказала, как ее зовут?», когда Коналл ставит бутылку обратно и произносит: — Ты когда-нибудь трахалась с черным?

— Чт… — Ее мысли останавливаются. Вопрос неуместен, с какой стороны ни посмотри: с той, что он задал его незнакомому человеку, что он задал его *ей*, что он задал его дочери якобы друга, что он вообще выставил именно эти слова именно в этом порядке. — *Что?*

— Ну то. Скакала когда-нибудь на качке

из джунглей? Или на животных с «мокрыми спинами»?[28]

Затем он смеется ей в лицо, словно только что сказал самую забавную шутку в мире.

— Я что хочу сказать, — продолжает он, — раз уж твой отец так старается свести тебя со мной — а он старается, — то должен же я знать, какой товар покупаю, верно? То есть ты, конечно, симпатичная, но ты ведь со Статен-Айленда. — Он ухмыляется, как будто это должно что-то означать. — Я всего лишь спрашиваю, кто, э-э, тебя натягивал. Кто вводил тебя в курс дела.

Пока Коналл говорит, его взгляд гуляет по ней. Айлин внезапно чувствует себя почти голой в своей слишком большой поношенной футболке и выцветших пижамных штанах с дельфинами. Ей стоило надеть халат. Поэтому он так с ней и разговаривает, ведь она одета как шлюха. Ей следовало…

Коналл снова смеется, на этот раз лениво и дружелюбно.

— Да успокойся ты, успокойся, я просто прика-

---

[28] Сноски: 28

«Мокрая спина» (*англ.* Wetback) — уничижительный термин, использующийся американцами по отношению к нелегальным эмигрантам. Чаще всего применяется к мексиканцам, добравшимся до США вплавь через реку Рио-Гранде. (*Прим. перев.*)

лываюсь над тобой. Я пытался объяснить твоему отцу, что ты на самом деле не в моем вкусе, но-о-о… — Он берет открытую фляжку и отхлебывает из нее, затем морщится, будто содержимое обожгло ему горло.

Ей нужно уйти. Он отвратителен и пьян. Но теперь, когда потрясение уступило место пониманию, его слова начинают злить Айлин. Она у себя дома, а Коналл — гость, и как он смеет так с ней разговаривать?

— Я определенно не в твоем вкусе, — говорит она.

Затем Айлин поворачивается к нему спиной — но не уходит, потому что не хочет выглядеть так, будто убегает от него, даже если ей этого хочется.

Коналл хихикает. Ее это бесит.

— О-о-о, ну ладно, ладно, Айс, прости. Друзья, хорошо? Будем друзьями. Эй, я хочу тебе кое-что показать. — Когда она намеренно не поворачивается, он начинает шевелиться, отчего шезлонг скрежещет по бетону. От резкого звука Айлин вздрагивает и мигом оборачивается — она вдруг начинает бояться, что он встанет и… и что? Она ведет себя неразумно. Ее отец — полицейский, и он рядом, достаточно лишь крикнуть. Так что Коналл не посмеет. Впрочем, он все еще в шез-

лонге. Более того, он растянулся на нем еще больше, расставив ноги и опустив ступни на пол у бассейна, и… и нет, в штанах у него не бутылка. Айлин вздрагивает, заливается краской, с отвращением отворачивается и собирается уходить.

Коналл, к удивлению Айлин, ловит ее за руку, когда она проходит мимо.

— Уверена, что хочешь уйти?

— Отпусти меня, — огрызается она.

— Послушай, Айс, — говорит Коналл. Он понизил голос, убеждая ее. — Мы оба знаем, что ты так и помрешь здесь, в этом доме, если какой-нибудь парень не возьмет тебя в жены и не вытащит отсюда.

Это… Айлин замирает. Это же…

Он видит в ее потрясении испуганное признание реальности и расплывается в ухмылке.

— И мы оба знаем, что ты *никогда* даже не притрагивалась *ни к каким* парням, не говоря уже о больших толстых хренах из джунглей. Видел я таких, как ты. Правильных католичек, слишком напуганных, чтобы сделать хоть что-то. Хочешь узнать секрет? Никто не любит девственниц, Айс. Ты от этого не становишься ни чистой, ни особенной, зато ни черта не сможешь в постели, если кто-нибудь все-таки тебя захочет. — Коналл

держит ее уже так крепко, что ей придется постараться, чтобы вырваться, и он чуть притягивает ее вниз. — Папина дочка, все еще живущая дома. У которой никогда не было парня. Но ты ведь *хочешь* уйти, верно? Ты мечтаешь о настоящей жизни. Хочешь сбежать с этого дрянного островка. Кем-то стать. Верно?

— Отпусти меня, — снова говорит Айлин, но на этот раз ее голос звучит тихо и неуверенно, потому что некоторые из его слов задели ее за живое. Еще она дрожит, и ей это не нравится, потому что Коналл все чувствует. Но на нее снисходит внезапное озарение, и она с удивлением понимает, что дрожит не от страха. Он во многом попал в точку, но…

«…с этого дрянного островка?»

Ее рука дергается в его хватке, и он в ответ крепче стискивает ее.

Он думает, что она пытается сбежать. Это не так.

«Дрянного?»

— Вот твой билет, — говорит он, выпячивая бедра так, что его эрекция подпрыгивает в непристойном намеке. — Твой отец меня просто обожа-а-а-ает. Но ты ведь больше не хочешь принадлежать ему, верно? Так прими самостоя-

тельное решение и отсоси мне. Или можем даже начать делать ему внуков, если хочешь. У меня уже все готово. — Он широко скалится, а затем тянет за шнурок на штанах, пытаясь стянуть их вниз. — Или, если ты так уж хочешь остаться девственницей, анальный секс тоже сойдет. Больно вообще не будет. — Коналл заходится гоготом.

Он отвратителен. Айлин не может понять, как ее отец подружился с этим существом, зачем привел его в дом и оставил здесь. Но глубоко внутри она все понимает и приходит в ужас: ведь ее отец, пусть и отчасти, *такой же*. Айлин не может себе вообразить, чтобы Мэттью Халихэн так грубил ее матери, иначе бы бабушка и дедушка по материнской линии никогда бы не позволили Кендре выйти за него замуж, но под маской традиционного благоприличия он все такой же властный хам, любящий нажраться пивом. Айлин любит своего отца; конечно же, она его любит, но в одном Коналл прав: всю жизнь Айлин приходилось вертеться и бороться, чтобы сохранить хоть немного своего личного пространства. Если она в ближайшее время не покинет этот дом, отец заберет то, что осталось, и удвоит плату за все чувства, которые он не хочет, чтобы она испытывала.

Однако Коналл очень, очень ошибается кое в чем важном. Он считает, что кроткая, застенчивая девочка, которую описал ее отец и которую он сейчас запугивает, — это единственное, что представляет собой Айлин. Но это не так.

Есть в ней кое-что еще. Размером с город.

— Я же *сказала*, — говорит она Коналлу, наконец вырывая руку. — Отпусти. *Меня*.

На последнем слове от Айлин исходит сфера чистой силы. Она вдавливает Коналла в шезлонг, а затем, когда он делает потрясенный вдох, — поднимает его вместе с шезлонгом и швыряет через весь бассейн. Он врезается в деревянный забор и проламывает его; разлетаются щепки, трещат доски, после чего раздается сдавленное, запоздалое: «Что за?..»

Айлин сразу же выпрямляется и переводит взгляд на камеры, расположенные по периметру бассейна.

— «Все, что происходит везде, происходит и здесь, — быстро бормочет она. Это любимая поговорка ее отца. — Но хотя бы здесь люди стараются быть порядочными. *Стараются быть порядочными*».

На миг все вокруг нее начинает рябить. Меняется восприятие. Индикаторы на камерах недолго

моргают. И когда Коналл с трудом поднимается на ноги, покрытый листьями эонимуса с соседской живой изгороди и щепками от забора, он смотрит на Айлин с чем-то похожим на ужас. Она же свирепо смотрит на него в ответ.

— Меня здесь не было, — резко говорит она. Затем переступает через оставленный им мусор и выходит со двора.

Она не знает, куда идет. Это неважно. У Айлин нет с собой ни денег, ни документов, и она все равно не уйдет далеко, потому что на ее ногах — плюшевые тапочки в форме дельфинов. Но она идет быстро, напряженно, стискивая зубы, и ощущает, как остров, ее остров, искажает вокруг нее восприятие других людей. Никто не замечает и не обращает внимания на одинокую молодую женщину, шагающую посреди улицы (потому что на ее улице нет тротуаров). Они, конечно, видят ее — и водители проезжающих мимо машин, и соседи, которые выглянули на улицу, когда услышали громкий шум из дома Халихэнов. Просто когда они замечают Айлин, то тут же отвлекаются на что-то еще. На какой-то шорох в кроне деревьев, на проезжающую мимо машину с орущими динамиками, на визг тормозов автобуса где-то вдалеке. Входная дверь

дома Айлин распахивается, и наружу выходит Мэттью Халихэн с обрезом в руке. Он направляется в сторону пролома в заборе. Он тоже не видит Айлин, хотя в тот момент она находится всего в двадцати футах от него. Он видит лишь то, что она ему позволяет. Все, что происходит повсюду, происходит и на Статен-Айленде, но здесь люди стараются не замечать непристойностей, домашнего насилия и употребления наркотиков. А затем, отрицая то, что находится у них прямо под носом, они твердят себе, что, к счастью, живут в хорошем месте, полном хороших людей. К счастью, не в городе.

И Айлин, к счастью, в данную секунду не насилует мужчина, в котором ее отец видит самого себя. Поэтому — а еще потому, что она слышала, как Мэттью Халихэн высмеивал жертв изнасилований, — она не станет никому рассказывать о том, что пытался сделать Коналл. А если отец проверит записи с видеокамер, то увидит не Айлин, а смутный силуэт, который сначала стоит у бассейна, а затем вступает в борьбу с Коналлом и, проломив им забор, убегает. Мэттью Халихэн считает, что зло приходит откуда-то извне. Зло — это другие люди. Айлин не станет рушить для него эту иллюзию, хотя бы потому что завиду-

ет его способности находить утешение в простом, черно-белом взгляде на мир. А вот способность Айлин делать то же самое быстро улетучивается.

Поэтому она останавливается на углу, опустив голову, сжав кулаки и напрягая плечи. Она глубоко дышит, пытаясь взять себя в руки, и старается не расплакаться. Уже довольно поздно, и на улице, которая проходит через ее квартал, тихо. Секунду назад мимо проехала машина, а следующая тащится где-то в миле от нее. Здесь, в тишине, Айлин может бояться, испытывать горечь и злиться на все те силы, что сговорились и сделали ее такой, какой она стала. Она может мечтать о чем-то лучшем. Она может…

Машина, которая ехала по дороге почти целую минуту, наконец доезжает до нее. Она движется медленно и по мере приближения замедляется еще больше. Наконец она останавливается прямо перед Айлин, и водитель наклоняется, чтобы опустить стекло со стороны пассажира. Айлин напрягается еще больше, готовясь к тому, что он начнет свистеть или зазывать ее к себе.

Водитель страшно худ, темноволос и, похоже, не совсем белый. Во рту он держит зажженную сигарету и какое-то время пристально смотрит на Айлин. Затем он произносит:

— Статен-Айленд?

Она резко выпрямляется — и на миг мир меняется. Рядом проносятся высотки, между ними визжат автобусы, оборонительно щетинятся доки и пирсы. Перед ней маячит незнакомый, яркий, неоновый горизонт, столь огромный и загруженный зданиями, что он отбрасывает на нее тень. А затем он снова превращается в обыкновенного худого смуглого мужчину, который щурится на нее циничными, понимающими глазами.

— Садись, — говорит этот незнакомец. Айлин не раздумывая направляется к машине.

Однако не успевает она дотянуться до дверной ручки, как что-то пробуждается под ее ногами, и реальность вдруг быстро перетасовывается, как игральные карты. А затем внезапно между ней и машиной из земли вырастают белые ветви, извивающиеся, как хлысты.

Айлин останавливается, выпучив глаза, а мужчина, выругавшись, дает задний ход и пытается отъехать от них. Продолжая разрастаться, ветви быстро становятся выше самой Айлин. Затем они изгибаются в сторону от нее… и рвутся к машине, быстро окружая и опутывая ее. Она слышит, как ветви шлепают по корпусу и шипят, прожигая его.

И когда Айлин, спотыкаясь, отступает от буйной растительности, Женщина в Белом ловит ее сзади, крепко хватая за плечи и наклоняясь вперед, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Фух! Он чуть тебя не уволок. Ты в порядке?

— Что? Нет! Отпусти! — Айлин рефлекторно стряхивает ее с себя. Откуда она вообще взялась?

В тот же миг из сплетения белых растений доносится странный не-звук — вибрация, но уши Айлин ее не слышат. Она пронизывает часть зарослей, растворяя их, а затем машина, визжа шинами, вырывается оттуда. Потеряв управление, она скатывается на травянистый склон сбоку от дороги, а затем останавливается, мигая стоп-сигналами.

Айлин едва это замечает; она так спешит отскочить подальше от оставшихся ветвей и от Женщины в Белом, что чуть не спотыкается о свои плюшевые тапочки. Женщина выглядит совершенно не так, как в прошлый раз, два дня назад, когда Айлин видела ее на паромной станции. Сегодня она одета в спортивный костюм, из-за которого сразу становится заметно, что она намного полнее и ниже ростом, а ее седые волосы — в которых еще остались пряди выцветшего бутылочно-каштанового цвета — теперь коротко

пострижены до плеч. Ее лицо… «Это не та женщина», — вздрагивая от потрясения, осознает Айлин. Это некто совершенно другой. И все же… Она тоже Женщина в Белом. Все инстинкты Айлин твердят ей, что за этим обликом скрывается та же самая личность, что и раньше. С той же маниакальной энергетикой. С такими же яркими глазами и с тем же огнем в них. Женщина поднимает руки, словно пытаясь успокоить пугливого зверя.

(Разум Айлин вспоминает ее имя, но шарахается от него прежде, чем она успевает вспомнить все три слога. Или их было два? Наверное, все же три, но слившиеся воедино. Начинается имя с буквы «Р». Роузи. Она будет и дальше называть ее Роузи.)

Но это неважно.

— Не подходи ко мне, — огрызается Айлин. Она дрожит. В ее памяти всплывает тот тоненький белый побег, росший из шеи Коналла. Поначалу она сочла эти веточки красивыми, но ведь Женщина говорила, что с их помощью видит происходящее вокруг. А это означает, что она видела — и не остановила — то, что только что пытался сделать Коналл. Айлин закипает от гнева. — Я думала, мы друзья! Ты сказала, что поможешь мне!

Женщина хмурится с искренней обидой и непониманием на лице.

— Так я и пытаюсь помочь! Этот парень — он тоже город, другой город, и я его на дух не переношу. Он тебя не обидел?..

– *Другой* парень! — Айлин чувствует себя такой глупой. Неужели Женщина наблюдала за тем, как Коналл хватал Айлин и предлагал ей отсосать его нацистский член? Неужели она ничего не сделала, чтобы помочь, лишь потому, что это не касалось городов, боро и прочих странностей, наводнивших жизнь Айлин? — *Твой*, у меня дома! В моем собственном доме! — Почему-то от этого ситуация кажется еще более оскорбительной.

Тем временем смуглый мужчина выходит из машины и шагает к ним. Он выше, чем ей показалось вначале, одет в темный костюм без галстука; пиджак расстегнут, изо рта торчит сигарета, зловеще пылающая красным огоньком, а в пальцах, как складной нож, зажата визитная карточка. Он излучает стиль и угрозу… и Айлин с содроганием осознает, что он не имеет к ней никакого отношения. Он — не часть Нью-Йорка. Какие бы чары незнакомец ни наложил до этого, заставив Айлин подойти к нему, они рассеялись. Теперь она думает лишь о том, что он больше

и сильнее, что он мужчина и *чужак*.

От него Айлин тоже пятится. Незнакомец доходит до асфальтовой дороги и останавливается по другую сторону колышущихся зарослей. Ветви сразу же тянутся к нему; он делает затяжку и не глядя выдыхает в их сторону дым. Насколько видит Айлин, этот дым самый обыкновенный, но белые ростки реагируют так, будто их обдали химическим оружием. Они отшатываются от незнакомца, визжа и съеживаясь, и через несколько секунд оставшиеся ложатся на землю, мертвеют и быстро исчезают, становясь просто ничем.

В наступившей тишине они втроем смотрят друг на друга, образуя треугольник напряжения.

Женщина сверлит смуглого незнакомца широко распахнутыми, гневными глазами. Она клонит голову набок и, как с удивлением отмечает Айлин, принимает защитную, почти испуганную позу.

— Как же я от тебя устала, Сан-Паулу.

— Тысячи лет между нами царило взаимопонимание, — говорит незнакомец, который на самом деле даже не человек. Айлин никогда не слышала о городе под названием Сан-Паулу. Может быть, он где-то в Африке или в Индии?

Звучит его название экзотично. Да и Женщина произнесла «Сан» так странно. Почти как «сон», гортанно и с отчетливым «о». Такая же гнусавая музыкальность присутствует и в акценте мужчины. — Когда город рождается, твои атаки *прекращаются*. Прежде так было всегда.

Женщина негромко смеется.

— Брось. Не было никогда никакого взаимопонимания. Его и не может быть, потому что такие, как ты, *ничего не понимают*.

Сан-Паулу хмурится, затем склоняет голову набок.

— Так попробуй объяснить, — предлагает он. — Ты никогда раньше этого не делала; ты лишь пыталась убить нас. Конечно же, мы сопротивлялись! Но если ты умеешь говорить и если ты… личность, то ты можешь объяснить, чего хочешь. Может быть, нам не придется сражаться.

Женщина смотрит на него так, словно не верит своим ушам.

— Чего я *хочу?* — Ее глаза сужаются, несмотря на то что она смеется. — О, как же я вас порой ненавижу. Каждый в отдельности вы еще ничего. Даже лучше, чем ничего, — некоторые из вас просто чудесны, такие забавные и странные. Но все вы всегда поступаете одинаково, и я презираю

вас за это. Тебе действительно нужно было услышать, как я говорю, чтобы понять, что я личность, Сан-Паулу? Неужели, чтобы вы остановились, нужно сначала *возразить* против надругательства над собой?

Незнакомец напрягается, как и Айлин, услышав словно «надругательство». Но да, на его лице среди замешательства и гнева отчетливо читается вина. Он что-то совершил, этот смуглый иностранец. Причем он чувствовал себя вправе совершить это — возможно, он причинил вред этой женщине или же какой-то другой. И внезапно становится не так важно, участвовала ли Женщина в том, что сделал Коналл, — Айлин все равно охватывает ненависть к этому Сан-Паулу. И не только к нему. В ту секунду Айлин ненавидит всех мужчин, считающих, что могут по праву получить то, что брать не следует.

Она гневно смотрит на него.

— Чего вы хотите?

Сан-Паулу переводит взгляд с Женщины в Белом на Айлин, явно удивляясь ее тону. Или же он просто не ожидал, что кому-то вроде нее вообще хватит смелости заговорить. Может быть, он мусульманин или кто-то в этом роде — мало что ли в мире язычников, варваров и женонена-

вистников.

— Я искал тебя, — говорит он. Его тон остается спокойным, но она чувствует, что вопрос его озадачил. — Тебя и остальных. Этому городу нужна ваша помощь, чтобы он мог завершить созревание.

— Ну а мне не нужна *ваша* помощь, — огрызается Айлин. — Так что можете уходить.

Он удивленно смотрит на нее… а затем переводит взгляд на Женщину в Белом, подозрительно прищуриваясь. Словно пытается понять, не могла ли Женщина как-то *заставить* Айлин произнести эти слова. Словно он не верит, что Айлин способна говорить сама за себя.

И в этот момент терпение Айлин. Просто. *Лопается*.

— Вам здесь не место, — рычит она, стискивая руки в кулаки. — Ни в этом городе, ни на моем острове. Вы мне не нужны. Я не желаю, чтобы вы оставались здесь!

Айлин, только что проломившая Коналлом забор, все еще глубоко связана со своим боро; в ней все так же гудит энергия, гнев и ярость, которые она подавляла на протяжении тридцати лет, — и наконец они находят выход. Она отвергает Сан-Паулу так же яростно, как и Коналла.

Это не должно сработать. Айлин видела второе воплощение Сан-Паулу — оно огромно, больше, чем весь Нью-Йорк. Что важнее, он не раздроблен на части и потому сильнее ее. И все же. Она — Статен-Айленд. Она стоит на своей земле, а он — чужак, оказавшийся слишком далеко от окутанных грязным смогом башен своего родного города. Поэтому от Айлин снова исходит волна силы, которой она отшвырнула Коналла. Волна задевает Женщину в Белом; та вскрикивает, взмахнув руками, и внезапно исчезает так же быстро, как и появилась. На месте нее остается пухлая женщина средних лет с легким загаром и темно-рыжими волосами, которая ошеломленно моргает, а затем отворачивается и уходит в сторону соседнего квартала, не обращая внимания на все происходящее.

Но Женщину в Белом Айлин задела лишь вскользь, ведь та не была ее целью. Волна слов «вам здесь не место» всей своей мощью обрушивается на Сан-Паулу и действует на него гораздо сильнее, чем на Коналла — все-таки Коналл был всего лишь человеком. Сан-Паулу принимает на себя этот взрывной удар, словно вырвавшийся из невидимого огнемета, сразу в двух местах. В одном мире он поднимает руки, будто пыта-

ясь заслониться от ярости Айлин, и она видит, как ломаются кости в его предплечьях, после чего его отшвыривает в темноту, за припаркованную машину.

В другой реальности она с высоты птичьего полета видит, как вся агломерация Сан-Паулу содрогается от землетрясения. Рушатся старые здания, особенно те, что стоят в фавелах города. По четырехполосному шоссе, тянущемуся вдоль одной стороны большого города, пробегает трещина — такая же, как в его костях, — но, к счастью, шоссе не разваливается полностью, иначе сотни автомобилей упали бы в близлежащую реку, прямо как с Вильямсбургского моста. Не считая этого, урон колоссальный. Пригородные магистрали города — это его жизненные артерии. Еще несколько дней пятнадцать миллионов жителей Сан-Паулу будут с трудом добираться до работы, больниц и поддерживать все те бесчисленные связи, необходимые, чтобы город оставался жив и здоров.

В том, другом мире она вдруг видит балочные фермы; они смазываются, и Айлин понимает, что на нее замахиваются — впрочем, Сан-Паулу, похоже, отвечает на удар рефлекторно, а не по злому умыслу. Люди, которым с детства прихо-

дится бороться за жизнь, учатся отвечать ударом на удар, даже когда терпят поражение. Впрочем, рефлекторно или нет, удар наносится, и в другом мире Айлин чувствует, как железнодорожные рельсы пропарывают ее живот, словно когти. Ей *больно*, она чувствует, как глубоко внутри нее что-то ужасно горит и словно рвется — не органы и не сухожилия, а нечто столь же жизненно важное, хотя и не столь материальное. Может быть, это ее душа. Она ахает и сгибается пополам, хватаясь за живот и смаргивая навернувшиеся от боли слезы. Айлин чувствует, что где-то Статен-Айленду был нанесен серьезный урон. Ее остров пострадал вместе с ней.

И все же. Айлин осталась стоять на ногах, а Сан-Паулу — нет.

Айлин так долго не жила, а существовала, что восторг от победы, ощущение собственной силы, пусть лишь минутное, и эндорфины ударяют ей в голову. Она начинает хохотать, несмотря на боль в животе, и на какое-то головокружительное мгновение не может остановиться. Но затем она делает медленный вдох, потом еще один и заставляет себя успокоиться. Она становится такой же чокнутой, как Женщина в Белом. Она и *чувствует* себя чокнутой. Но еще

она чувствует, что Сан-Паулу все еще там, где-то в темноте, раненый. Поэтому Айлин заставляет себя выпрямиться, вдыхает сквозь стиснутые зубы и, превозмогая боль, кричит ему:

— Держитесь от меня подальше. Или… или хуже будет.

Угрозу можно было придумать и покруче. Впрочем, Сан-Паулу не отвечает. Может быть, он потерял сознание или обиделся. Это неважно. Она победила.

Затем Айлин, с трудом передвигая ноги, направляется домой. Ее ребра ноют, кожа раскраснелась, а мысли скачут, как Даффи Дак, съехавший с катушек от радости. Когда она наконец подходит к дому, в нем горит свет, но ее отец не внутри, а на заднем дворе, берет показания у Коналла. Еще две полицейские машины подъезжают как раз в тот момент, когда Айлин идет по дорожке ко входу, но копы, похоже, не замечают ее и направляются к заднему двору. Кендра стоит у задней двери и наблюдает за происходящим. Никому и в голову не приходит проверить Айлин, которая должна спокойно спать у себя, поэтому она просто тихонько проскальзывает по лестнице наверх и идет в свою комнату.

Приоткрыв окно, чтобы впустить свежий

воздух, она слышит отдаленный голос отца, говорящего с Коналлом на повышенных тонах. Похоже, он решил, что Коналл напился и сам проломил шезлонгом забор. Коналл так же громко возражает. («Да я же говорю, на меня напали! Огромный такой черный верзила!») Айлин даже немного интересно, чем завершится спор, но она понимает, что скоро ее отец пойдет проверять записи с камер видеонаблюдения и увидит «огромного черного верзилу» Коналла, на месте которого должна быть стадвадцатифунтовая[29] белая женщина, перезаписанная иллюзией, которую Айлин скормила камерам. Глубоко внутри она все еще надеется, что справедливость восторжествует и ее отец поймет, какое Коналл чудовище… но она слишком хорошо его знает. Отец всегда был прав: настоящая справедливость заключается лишь в том, чтобы тебе хватило сил защитить себя от нападения.

— Если город зовет тебя, услышь его, — бормочет Айлин себе под нос, повторяя слова матери. И Сан-Паулу сказал что-то похожее, сказал, что она нужна городу. Но в тот момент Айлин решает не отвечать на его зов. Ее защитил родной боро —

---

[29] Сноски: 29
120 фунтов = 54,43 кг. (*Прим. перев.*)

не Манхэттен, не Куинс, не Бруклин и не Бронкс. *Статен-Айленд*. Все, что ей нужно, находится прямо здесь. А город может идти лесом.

С этой мыслью Айлин падает на постель и, измученная, засыпает.

В нескольких милях от ее дома, у заваленного обломками железнодорожного депо, собираются инженеры метро и полиция. Они перешептываются, озадаченные появлением четырех огромных параллельных траншей, которые рассекли пути единственной безымянной линии метро Статен-Айленда. Траншеи были раскалены и дымились, когда их только обнаружил сонный кондуктор, уходивший со смены, — словно их не вырыли, а *прорезали* в гравии гигантским раскаленным ножом или мощным промышленным лазером. С того момента они уже остыли, и следователи смогли спустить внутрь лестницы, чтобы попытаться выяснить, что за устройство могло нанести такой ущерб. В глубину каждая траншея футов пятнадцать или шестнадцать, и пропаханы они сквозь почву, металл, бетон, камни и даже третий рельс, находившийся под напряжением. Как будто кто-то провел по земле огромными, размером с балки, когтями.

Заделать их будет несложно — достаточно

лишь заполнить углубления арматурой и цементом да заменить сломанные рельсы, — однако на это уйдет несколько дней. За это время многие из самых бедных жителей острова будут с трудом добираться на работу и с нее, не смогут навестить своих больных родителей или забрать детей из школы. Магистрали города — это его жизненные артерии.

И даже неглубокие раны порой могут загноиться.

Айлин спит.

Глава одиннадцатая
Кстати, а не пора ли поговорить о командной работе?

Ненависть с первого взгляда — вот что испытывает Бронка к этим аватарам других боро, которые теперь сидят и стоят в ее кабинете. Бруклин — она бесит Бронку больше остальных. О, Бронка сразу же узнает эту женщину — Эм-Си Свободную, одну из первых женщин «Эм-Си»[30]. Когда-то давно она чувствовала себя достаточно свободно, чтобы затевать ссоры со всеми другими женщинами в профессии и нести всю ту же гомофобную чушь, что и мужчины, имея при этом наглость называть себя феминисткой. Не удивительно, что она пошла в политику. Также не удивительно, что именно она морщит нос, видя беспорядок в офисе Бронки, и отказывается садиться на свободный стул, потому что тот заляпан высохшей масляной краской.

---

[30] Сноски: 30

MC (*англ.* Master of Ceremony или Microphone Controller) или просто «Эм-Си» — аббревиатура, с 1970-х годов применяющаяся к хип-хоп-музыкантам, рэперам, диджеям: исполнитель речитатива с ярко выраженными рифмами. (*Прим. ред.*)

Но Манхэттен с его чересчур зубастой улыбкой ничуть не лучше. Сначала Бронка думает, что они, возможно, с ним одной крови; что-то в его чертах кажется ей знакомым, хотя в нем явно намешано столько, что он может быть кем угодно. Затем она замечает, что подается ближе к нему и слушает его чуть внимательнее, чем остальных, и запоздало осознает, в чем дело. Наверное, так же улыбались голландцы, когда дарили безделушки индейцам ленапе из племени Канарзее и наложили лапу на то, что на протяжении тысячелетий принадлежало всем. Вероятно, с каким бы этносом ни столкнулся Манхэттен, его принимают за своего, хотя бы отчасти. Это тонкое и подлое колдовство, и Бронка, осознав его, приходит в крайнее возмущение.

Куинс — вот ее Бронке, наверное, ненавидеть не стоит, потому что она — обыкновенная девушка, явно слишком ошарашенная происходящими событиями и тем, что стала в них одной из главных действующих лиц. Но Бронка все равно не слишком-то верит внешней невинности девушки. Она — *Куинс*. А Куинс не может быть такой дурочкой. Впрочем, Бронка ведь Бронкс, а Бронкс не доверяет никому, кроме самого Бронкса. Так что, возможно, ее неприязнь к ним

столь же неизбежна, как и очарование Манхэттена. Такое объяснение ее устраивает, поскольку последние несколько дней выдались тяжелыми и ей совсем не хочется пытаться становиться лучше.

— Вы мне не нужны, — говорит Бронка. Она повторяет это уже в третий раз, а они все не слушают. Она уже готова силой вышвырнуть их за дверь. — Когда та *culo*[31] в белом напала на мой Центр, я отбилась. Причем *сама*. Вот тогда вы были мне нужны, но вас здесь не было, так что я справилась сама. А теперь вы мне не нужны.

Они переглядываются. Бруклин вздыхает и отворачивается, не то сдавшись, не то демонстрируя, что ей все равно. Поэтому снова заговорить пытается Манхэттен. Лить в уши он умеет, в этом Бронка готова отдать ему должное. Рауля бы он заболтал в два счета. Ицзин, наверное, кинет ему свои трусики, когда он выйдет из кабинета.

— Кажется, я не совсем понимаю причины вашего возражения, — говорит он. «Мэнни», так он себя называет. Бред. Какой же это бред. Вот и все ее возражение. Но ему еще хватает наглости принять обиженный вид. — Мы все знаем,

---

[31] Сноски: 31
Задница (*исп.*).

кто мы такие. Я уверен, вы тоже это чувствуете. Так зачем защищать лишь один боро, если, объединив силы с нами, вы сможете обезопасить весь город?

— Затем, что я дерусь в одиночку, — огрызается она. — Всегда. И затем, что, когда я «объединяю силы» с другими, я предпочитаю выбирать тех людей, которые прошли бы ради меня сквозь огонь и воду. Ты на это пошел бы?

Конечно же, он хмурится.

— Может быть. Сначала я должен узнать вас получше.

Ну он хотя бы не соврал.

— Что ж. А я вот узнавать вас получше не желаю.

— Огонь, через который мы должны пройти, *уже вовсю пылает*, сестренка, — говорит Бруклин. Но она произносит это, стоя спиной к Бронке и глядя через стеклянную стену кабинета на выставочный зал. Большее неуважение нужно еще поискать, и Бронка подозревает, что Бруклин даже не пытается ей нахамить. Она просто от природы такая засранка. — Дверь уже раскалилась, сирены орут, пора сбивать пламя.

— Никакая я тебе не сестренка. И не надо делать вид, что тебе есть до меня дело — ты на меня

и не помочишься, чтобы потушить пожар.

Бедняжка Куинс — она назвалась по-другому, но Бронка уже забыла как; да и вообще, она Куинс и точка — выглядит растерянной.

— Вы все знакомы друг с другом? — спрашивает она. — Между вами как будто какая-то вражда.

— Бронкс всегда враждебен к остальному городу, — говорит Бруклин. Впрочем, своей неприветливостью Бронка все же сумела обратить на себя все ее внимание, и Бруклин повернулась к ней лицом. Сама Бронка, скрестив руки на груди, тяжело смотрит на нее, как бы говоря: «Ах вот, значит, как». Что ж, видимо, пора снимать сережки. Бронка готовится к худшему. — В этом боро немало хорошего. Немало хороших людей. Но у них никогда не получается собраться, включить голову и воспользоваться своим потенциалом — поэтому, когда это получается у других, они устраивают истерику и заявляют, что к ним проявляют неуважение. Но, видишь ли, *сестренка*, дело даже не в этом. — Бруклин растягивает поджатые губы в улыбке. — Неуважение означало бы, что нам вообще есть до вас дело.

Бронка упирает ладони в стол и поднимается.

— Выметайся из моего кабинета.

Бруклин фыркает и направляется к двери прежде, чем Бронка успевает сделать вдох. Мэнни сердито смотрит Бруклин вслед, но затем разводит руками, продолжая упрашивать Бронку:

— Никто из нас не переживет этого в одиночку…

Она кричит:

— Пошли. *Вон!*

Они уходят. Смотрят на нее как на сумасшедшую, но все же уходят.

Бронка снова садится. Ее трясет. Она не знает, что чувствует. Она съела лишь половину пончика. Она спала всего пару часов за три дня, которые стали худшими в ее жизни, и за это время как минимум дважды сталкивалась со смертью. (Может быть, трижды. Бронка подозревает, что, будь она чуточку слабее в тот момент, когда пнула дверь туалетной кабинки… что ж. Как минимум дважды.) Возможно, она ведет себя неразумно. На самом деле Бронка почти уверена, что ведет себя неразумно. Но, черт возьми, они действовали ей на нервы.

Так она и сидит, кипя от злости и сверля взглядом недоеденную половину пончика, когда дверь открывается. Бронка сразу же втягивает носом воздух, чтобы опять закричать, но это Венеца.

Венеце можно. Поэтому Бронка погружается обратно в молчаливое кипение, а Венеца подходит и садится в кресло, которое до этого занимал Манхэттен, или как он там себя называет. Она просто бесстрастно смотрит на Бронку.

Этого достаточно. Бронка не выдерживает столь мягкого, безмолвного укора, падает на стол и опускает лоб на руки.

— Я этого не вынесу, — говорит она. Ее слова больше похожи на всхлип, чем на заявление. — Я слишком стара для таких дел. Мне страшно, я не могу вернуться домой, и *я больше не я*. Не могу. Я просто не могу.

Венеца делает глубокий вдох и, поджав губы, выдыхает через рот.

— Н-да, я так и подумала, что они вывалили на тебя сразу слишком много. — Какое-то время она молчит. Венеца всегда понимала, когда Бронке нужно посидеть в тишине. — Хочешь, я скажу им, чтобы вернулись попозже?

— Скажи им, чтобы вообще никогда не возвращались. — Но Бронка понимает, что это не пройдет. Так что она втягивает носом воздух и дает Венеце понять, что она не сошла с ума окончательно. — Скажи им, что мне нужен час.

— Ладушки. — Но Венеца не сдвигается с места,

и Бронка понимает, что она хочет сказать что-то еще. После долгого молчания, во время которого Бронка наконец перестает кипятиться, Венеца произносит: — Знаешь… я ненавидела Нью-Йорк, пока не встретила тебя. Именно ты показала мне, как полюбить его.

— Иди в задницу, — произносит Бронка в стол. Она понимает, что дуется, но все равно продолжает. — Я ненавижу этот город.

Венеца смеется.

— Ну да, конечно. Вы, ньюйоркцы — все, кроме только что приехавших, — всегда так говорите. Здесь грязно, и машин слишком много, и ничто не поддерживается в надлежащем состоянии, и летом слишком жарко, а зимой слишком холодно, и здесь почти везде почти всегда воняет, как в сортире. Но ты когда-нибудь замечала, что никто из вас никогда отсюда *не уезжает?* Да, время от времени у кого-нибудь в Нью-Мексико заболевает пожилая мама или случается еще что-то нехорошее, и этот кто-то переезжает туда жить. Или кто-нибудь, у кого появились дети, хочет, чтобы у них был настоящий двор, из-за чего вся семья сваливает в Буффало. Но большинство из вас просто остаются здесь, ненавидя этот город, ненавидя все подряд и вымещая злость

на окружающих.

— Не умеешь ты настроение поднимать.

Венеца хихикает.

— Но потом на вечеринке в соседнем квартале ты встречаешь кого-нибудь нормального; или идешь за вьетнамскими пирожками, или за какой-то другой причудливой хренью, которую не можешь достать нигде, кроме этого дебильного города. Или оказываешься в каком-нибудь крошечном офф-офф-бродвейском театре на постановке, которую больше никто не видел. Или случайная встреча в метро становится для тебя чем-то настолько особенным и прекрасным, что потом ты будешь рассказывать о ней своим внукам. И вот ты снова влюбляешься в город. *Светишься* им изнутри. Типа как аурой. — Она качает головой, задумчиво улыбаясь собственным мыслям. — Я каждый день по пути домой сажусь в вагон, иногда оглядываюсь и вижу, как люди вокруг меня *сияют*. Как их переполняет красота этого города.

Бронка хмурится и поднимает голову, чтобы посмотреть на Венецу. Та глядит в большое стеклянное окно кабинета. Из него мало что видно — только размытые очертания людей, проходящих по тротуару, и редкие автобусы.

И все же. Это — маленький кусочек города, движущийся, яркий и живой. Преломляющиеся через стекло разноцветные лучи света играют на лице Венецы, придавая ей неземные черты. Уже не в первый раз Бронка жалеет, что у нее нет дочери. Венеца удивительная, о таком ребенке она могла только мечтать. Впрочем, Бронка рада и тому, что вместо этого у нее есть потрясающая подруга.

Медленно, устало улыбнувшись, Бронка вздыхает.

— Ладно. Хорошо. Час. *Без перерывов*. — После она извинится перед другими воплощениями самой себя, засунет свою гордость поглубже и присоединится к ним, как и должна. Они ей все еще страх как не нравятся и, возможно, никогда не понравятся. Но. Они нужны Бронке, чтобы спасти город, который любит Венеца. Этой причины достаточно, чтобы смириться с творящейся вокруг лажей.

Венеца усмехается, будто слышит, о чем она думает, и выходит к остальным.

* * *

Бронка дивится тому, как мало знают остальные. Она — единственная, кому достались исто-

рические знания обо всех городских делах, но она думала, что и остальные получили *хоть что-то*. Это немного остужает ее гнев; если им и в самом деле пришлось выяснять все с нуля — в том числе и то, как найти друг друга, — тогда, пожалуй, Бронке стоит судить их не так строго. Также выясняется, что они собирались найти ее еще вчера, но потом потеряли день из-за того, что Бруклин чуть не выжгла саму себя дотла, наглухо запечатав свой боро. Бронка подавляет желание наорать на них, потому что им *нельзя этого делать*. Они нужны друг другу, должны действовать сообща, усиливать один другого, не сопротивляясь при этом своим же, и делать уйму других вещей, для которых еще не придумали слов. А чтобы сосредоточить их совместные усилия, им нужен главный аватар. Но Бронка не может накричать на них — даже на Бруклин, — потому что они *ничего не знали*. А это, в общем-то, ее вина.

Так что настало время объяснений.

Пока Ицзин и Джесс занимаются делами Центра, Бронка садится с другими боро в комнате отдыха для персонала. Венеца тоже с ними — она отшучивается, что пришла, чтобы усмирять Бронку, хотя на самом деле это не шутка, и Бронка благодарна ей за то, что она здесь. (Остальные

поначалу с сомнением косятся на Венецу, но затем она предлагает всем пакет с попкорном, который принесла с собой. Куинс говорит: «О-о-о, попкорнчик», — и все, Венеца уже своя.) На самом деле прошло уже несколько часов, а не один, потому что Бронке пришлось какое-то время отвечать на вопросы репортеров с двух телеканалов, без предупреждения заявившихся к ним, чтобы осветить нападение и арест вандалов. Естественно, заметив в Центре члена городского совета, они вынудили Бруклин Томасон тоже прокомментировать ситуацию. Бруклин на месте сымпровизировала неплохую речь, а на вопрос о том, почему член совета из другого боро помогает общественному центру Бронкса, она ответила: «Нападение на Бронкс — это нападение на весь Нью-Йорк». И ведь даже не солгала.

Так что сейчас они сидят и едят заказанный суп с лапшой. Теперь, когда перед Бронкой оказалась настоящая еда, она перестает быть такой злюкой, и у них получается поладить чуточку лучше. Бруклин даже извинилась за хамство, и, оказывается, они пытались дозвониться до Бронки, когда поняли, что не успеют попасть в Центр до сегодняшнего утра. (Только без толку. Автоответчик забит сообщениями «доброжелателей», и никто

его не прослушивал.) Теперь они все — лучшие друзья. И это хорошо, потому что Бронка должна многое им рассказать.

— Так, ладно, — начинает она. — Нам нужно найти Статен-Айленд. Теперь, когда нас четверо, сделать это должно быть довольно легко; мы уже взываем к ней, но вчетвером сможем точнее определить, где она находится, и отправиться туда — если она не найдет нас первой. Но пока мы ищем ее, нельзя забывать кое о чем более важном — о поисках главного аватара.

Они смотрят на Бронку так, словно она заговорила на языке манси. (Бронка даже переглядывается с Венецей, чтобы проверить, потому что иногда, устав, она переключается на этот язык. В молодости она несколько лет учила его, и теперь он порой неожиданно проскальзывает. Но Венеца качает головой. Нет, значит, она просто говорит на непонятном английском.)

— Выходит, шестой действительно существует, — наконец говорит Бруклин. Она бросает на Манхэттена взгляд, который Бронка не может понять.

Боже милостивый.

— Э-э, да, есть и шестой. Вы этого не знали?

Теперь на Манхэттена смотрят и Куинс,

и Бруклин. Манхэттен слегка морщится, затем делает глубокий вдох.

— Мы… подозревали. Но нашим источником информации была та женщина. — Ему не нужно ее описывать; Бронка кивает. Они все знают, что это за Женщина. — И, э-э, видение.

Ладно, этого Бронка услышать не ожидала. Она приподнимает брови.

— Видение.

Кожа у Мэнни не совсем темная, поэтому становится заметно, как он краснеет. Выглядит это почти мило. Затем Куинс откашливается и добавляет:

— Я тоже его видела. Мы все видели. Так мы и поняли, что не просто надышались, скажем, выхлопными газами.

— Но мы не знали, что и думать, — продолжает Манхэттен. Он все еще явно смущен. Бронка начинает гадать, что именно произошло в этом его видении. — Никто из нас толком не понимает, как это работает или почему все случилось именно с нами. Так что, естественно, сначала нам пришлось, гм, справиться с отрицанием.

— И с чего бы это, — бормочет Венеца себе под нос, хотя и достаточно громко, чтобы все ее услышали. — Подумаешь, из стен начинает лезть

какая-то хреновина с щупальцами…

Манхэттен качает головой и переводит взгляд на Бронку.

— Вы, похоже, понимаете в этом больше нас. Почему?

Бронка на миг испытывает искушение навешать им на уши какой-нибудь лапши — якобы обо всем этом рассказывается в легендах ленапе. Но она этого не делает, потому что слишком устала, чтобы дурачиться. Вместо этого Бронка говорит:

— Всем городам это известно. Как будто… даже не знаю. Словно от других городов, уже прошедших через то же самое, нам передается нечто вроде памяти предков. Когда мы становимся аватарами, знания просто появляются у нас в голове. В нашем же случае, поскольку нас шестеро — а обычно город воплощается в ком-то одном, — это знание появилось в *моей* голове. Впрочем, ребята, должна признаться, я думала, что вам хоть что-то досталось.

— У меня в голове много всего появилось, — говорит Манхэттен, судя по всему, без иронии. — Но ничего о том, почему города превращаются в… э-э… в нас. — Он обводит рукой стол.

— Да, что ж, — говорит Бронка. — Кое-что умеем

делать мы все, но еще каждый получает свои уникальные способности, потому что каждый район привносит в Нью-Йорк нечто свое. У Бронкса самая богатая история… — Бесконечные поколения ленапе, уходящие глубоко в прошлое, изменившиеся, но не уничтоженные колониальным режимом. Выжившие уехали в южный Джерси и жили там припеваючи, но Бронкс — это земля их предков. — Поэтому я получила знания о том, что было до нас.

— У меня, кажется, нет никаких особых способностей, — говорит Куинс. Похоже, она этим расстроена.

Бруклин задумывается. Бронка наконец замечает, что вид у нее усталый, — а затем вспоминает почему. Это помогает Бронке взглянуть на Бруклин чуточку иначе. Очистив свой боро, она отключилась на целый день, и ей повезло, что не на дольше. Возможно, поведение Бруклин вызвано не отстраненностью и высокомерием, а рассеянностью и бурлящим внутри гневом — причем последний направлен не на Бронку, хотя она уже видела, что Бруклин вполне готова бросаться на всех, кто к ней сунется. Похоже, в ее жизни что-то происходит — помимо того, что она превратилась в живой город. Бронка решает, что

разберется с этим позже.

— Я тоже сомневаюсь, что у меня есть какие-то особые способности, — говорит Бруклин. — Я слышу музыку города, но, может быть, это просто потому, что я, ну, раньше ее сочиняла.

На лице Манхэттена снова появляется то отстраненное выражение. Бронка не дает ему отмолчаться.

— Ну что?

Он делает глубокий вдох.

— Та картина внизу. Которую испортили вандалы; вы еще называете ее автопортретом Неизвестного. Я, эм-м… Именно такое видение мне и явилось. *Точно* такое же — с того же ракурса, с тем же освещением. И лица его я тоже не видел.

Интересно.

— Так ты знаешь, где он? — спрашивает Бронка.

— Нет. Если б знал, то уже был бы там. — Он ерзает, на его лице на секунду появляется раздражение, но затем Манхэттен его подавляет. — Он один, и эта женщина охотится за ним. Кто-то должен его защитить. *Я* должен его защитить. — Манхэттен хлопает глазами и замолкает. Судя по виду, он сам только что удивился своим сло-

вам. — Я *должен* его защищать.

— Похоже, твою фишку мы нашли, — растягивая слова, произносит Бруклин.

Куинс, добрая девочка, наклоняется вперед и кладет руку ему на плечо.

— Мы найдем его, — говорит она.

— Да. — А затем взгляд Манхэттена меняется, словно луна затмила солнце, а тепло обратилось в лед. От того, с какой скоростью это происходит, захватывает дух, а Бронку не так просто напугать. И ведь он смотрит даже не на нее, а всего лишь в пол. — Найдем.

И да поможет бог всякому, кто встанет у него на пути. Бронка, впрочем, качает головой, предупреждая Манхэттена, что на этот счет у нее никаких сведений нет.

— Я тоже не знаю, где находится главный. И, возможно, мы не сможем найти его без Статен-Айленд. Но чтобы сделать это, мы должны, э-э, стать самими собой в том другом месте. Оставаясь здесь. Понимаете? — Внезапно объяснять становится очень трудно, не из-за особенностей языка, а потому, что словами выразить это просто нельзя. Однако все кивают, будто понимают ее. Ладно, пока все хорошо. Воодушевившись, Бронка подается вперед. — Когда мы это сделаем, то

увидим все хитросплетения нашего бытия. В них найдется глубокая точка, которая станет затягивать нас к себе, — и внутри будет главный аватар. Затем мы вернемся в наш мир, и… вуаля. Узнаем, где он находится. Если все пройдет как надо.

Куинс оглядывает всех.

— Подождите, значит, все эти… ну… видения, которые все время на меня находят и в которых мы то люди, то огромные города, — это я заглядываю в реальное *место?* Я думала, что просто… — Она морщится. — Даже не знаю, как выразиться. Вижу образ мира? Вроде мандалы.

Бронка говорит:

— Я ничего не знаю о мандалах. Ты действительно видишь образ нашего мира. Но в то же время он представляет собой отдельный, самостоятельный мир — настоящий, где положение в пространстве, расстояния и размеры значат не совсем то же самое, что здесь. Я часто читала о чем-то похожем. Об австралийском времени сновидений. О коллективном бессознательном Юнга. О поисках видений и ритуальных омовениях в парны́х, которые устраивает мой народ.

Куинс делает вдох.

— О, я думала, ты латиноамериканка. А ты индианка *другого* рода.

— Самая подлинная, детка, — говорит Венеца, ища в пакете остатки попкорна. — По крайней мере, в этом полушарии планеты.

Бронка проводит рукой по своим коротким волосам. Как же ей нужно выспаться. И как странно рассказывать обо всем этом сейчас, летом. Сказки нужны зимой, когда животные впадают в спячку, — так всегда говорила ее мать. Впрочем, это, наверное, не столько сказка, сколько урок.

— Дело вот в чем, — говорит она им. — *Все* это — совершенная правда. Все иные миры, в которые верят люди, будь то мифические, или духовные, или даже просто воображаемые. Если образ достаточно яркий — то все они существуют. Представив себе мир, вы его *создаете*, если он уже не создан. В этом и заключается величайшая тайна бытия: оно крайне чувствительно к мысли. Решения, желания, ложь — чтобы создать новую вселенную, большего и не нужно. Каждый человек на этой планете от рождения и до самой смерти сотворяет тысячи миров, но наш разум так устроен, что мы этого не замечаем. Каждую секунду мы одновременно движемся в нескольких направлениях — нам кажется, будто мы смирно сидим на месте, но на самом деле мы проваливаемся из нашей вселенной в следующую и дальше,

так быстро, что все сливается в единую… анимацию. Только состоящую не из сменяющихся кадров, а из чего-то более сложного.

Бронка замолкает, чтобы убедиться, что они все еще слушают. Но они не просто слушают — они совершенно заворожены ее рассказом и не отрывают от нее глаз. Это немного нервирует, но Бронка понимает, почему все вовлечены: потому что хотя бы подсознательно они понимают ее. Теперь, когда они стали другими, их разум работает иначе. А объяснять то, что люди уже понимают, гораздо проще.

Поэтому она переходит к более сложным вещам и повторяет жест, который уже показывала Венеце: кладет одну ладонь на другую, затем переставляет их лесенкой. Слой за слоем, слой за слоем.

— То, чем мы стали, проходит через все слои миров. На самом деле, когда рождается город — когда *мы* перерождаемся и становимся городами, — процесс как бы пробивает миры насквозь. — Все еще держа одну ладонь на весу, Бронка опускает на нее вторую, пальцами вниз, сминая ее. — Такова наша сущность — мы сотворены из множества миров, сложенных вместе. Из реальности и легенд. Из этого мира,

где мы просто люди, и того, где мы можем быть городами, которые раскинулись на целые мили и просто случайно оказались в паре футов друг от друга, потому что законы пространства и физики работают там по-другому.

Манхэттен хлопает глазами, кое-что осознав.

— Когда я только приехал, то видел в том мире разруху. Разбитые фонари, трещины в земле. Как будто произошло землетрясение. И как только я стал частью города, я забыл, как меня зовут.

— Ты забыл… — Ладно, возможно, Бронке *вообще* нельзя судить их строго. — У тебя амнезия, что ли?

Он кивает, стискивая зубы и хмурясь, а затем смотрит на остальных.

— У нас у всех похожая история. Позавчера, примерно утром, в один… момент… что-то случилось. Город изменился. Кажется, я прибыл сюда сразу после этого. Здесь произошла какая-то битва. От нее и остались те разрушения, и думаю, что память я потерял тоже из-за этого. Затем, почти сразу же, на магистрали ФДР возникла та тварь… — Мэнни прижимает руку к боку и морщится, словно у него болят ребра. Но это всего лишь воспоминание, и через миг он руку опускает. — Если бы я ее не остановил, то она бы

меня убила. Я, в общем-то, к этому и веду. Если что-то причиняет вред городу, то оно причиняет вред и нам. А если оно нас *убьет*… То и город тоже погибнет, да?

— Скорее взорвется, — говорит Бронка.

Тишина. Все уставились на нее. Да, она подозревала, что это привлечет их внимание.

— Н-ну так вот, — говорит Бронка, подаваясь вперед. — Этот процесс? Он происходит постоянно. По всему миру, где бы ни находились города. Если в одном месте проживает достаточно людей, если они рассказывают о нем достаточно историй, развивают свою уникальную культуру, тогда все эти слои реальностей начинают уплотняться и преобразовываться. В конце концов, когда дело доходит до того, э-э, *момента,* — она кивает Манхэттену, заимствуя у него слово, — город выбирает кого-то своей… акушеркой. Защитником. Как и мы, этот человек воплощает город и защищает его — но он получает эту работу еще до того, как город преображается. Он *помогает* этому случиться.

— Бедолага, — бормочет Венеца. Манхэттен хмуро косится на нее.

— Если все проходит гладко, — продолжает Бронка, — город становится единым целым.

Враг ничего не может сделать с целым городом напрямую, ну или не приложив больших усилий. Но процесс родов может пойти не по плану. Например, если Враг поймает главного аватара и разорвет его в клочья до того, как город сможет родиться, то он умирает. И последствия у этого *тяжелые*. Названия многих городов, которые так погибли, нам неизвестны, но те, которые мы знаем, подскажут вам, с чем мы столкнулись: Помпеи. Теночтитлан. Атлантида.

— Атлантиды не существует, — говорит Бруклин. Затем, прежде чем Бронка успевает ответить, она делает судорожный вдох. — Или… ее *больше* не существует. Ты хочешь сказать, что *когда-то* она существовала, но ее аватар потерпел неудачу.

Бронка кивает.

— В историях Платона Атлантиду поглотили землетрясения и наводнения. Но настоящая катастрофа заключается в том, что *Атлантида превратилась просто в легенду*. Она потерпела настолько колоссальную неудачу, что все человечество переместилось в то ответвление реальностей, в которой Атлантиды вообще никогда не существовало.

Они все смотрят на нее и друг на друга.

— Ни хрена ж себе, — бормочет Венеца, похоже выражая мысли каждого. — Боже, Би.

Бронка медленно, осторожно выдыхает.

— Да уж. Но здесь нам повезло; наш главный аватар справился. Нью-Йорк, очевидно, выжил.

Тогда они все начинают говорить наперебой. Манхэттен выпаливает:

— Тогда почему же он спит…

Бруклин выдает:

— Но *что-то* же явно пошло не так.

А Куинс качает головой и раздраженно спрашивает:

— Тогда мы ему зачем?

Венеца же с сомнением смотрит на Бронку и говорит:

— Ты уверена? Про хреновину с щупальцами не забыла?

Шумные и невоспитанные, как дети. Бронка заглушает их болтовню.

— Он выжил, — говорит она и ждет, когда остальные замолкнут. К счастью, ждать долго не приходится. — Но битва была жесткой. И главный аватар, не знавший, что ему нужны мы, вступил в нее в одиночку. — Храбрый, сильный юноша, этот ее Неизвестный. — Он одержал победу, но растратил на нее все силы. Он впал…

наверно, это можно назвать комой. Он не может проснуться, не может укрепить город, пока мы не найдем его. И мы *должны* его найти. Такими вещами нельзя заниматься в одиночку.

Нарочно подчеркивая тоном последние слова, она смотрит на Бруклин. От той даже после дня отдыха исходит усталость. Бруклин, уже хмурясь, ловит на себе взгляд Бронки, понимает его и делает резкий вдох. Но затем она неожиданно поворачивается к Манхэттену.

— Похоже, я обязана тебе гораздо больше, чем думала. Сейчас вообще не время впадать в кому.

Манхэттен кивает, чуть повеселев.

— Если бы я сразу понял, что происходит, то и помог бы больше. В следующий раз не беги воевать в одиночку и в одной пижаме.

Раздражение Куинс тем временем уже улетучилось, и она, похоже, воодушевилась.

— Уравнения всегда намекали на одновременность событий, а не на чистую взаимоисключаемость. Кот в ящике *и* жив, *и* мертв! Для каждого из исходов существует своя вселенная, и еще, наверное, одна, где верны сразу оба! — Она сияет, глядя на них и явно ожидая, что они разделят ее восторг.

— Э-э, ну да, — говорит Манхэттен.

Куинс вздыхает с видом человека, привыкшего к тому, что его не понимают. Она достает свой телефон и начинает кому-то писать, слегка оттопырив нижнюю губу.

Бруклин мрачнеет. Обращаясь к Бронке, она говорит:

— Ты сказала, что, становясь городом, мы пробиваем другие вселенные.

А она соображает. Бронка склоняет голову, если не с одобрением, то с уважением.

— Да.

— Так. — Бруклин явно готовится к худшему. — И что же происходит с теми вселенными, через которые *пробивается* наш город?

Вид у Манхэттена становится ужасно несчастным. Выражение лица Куинс несколько раз преображается — от потрясения переходит к задумчивому подсчету, затем к ужасу и боли. Она зажимает рот руками.

— Они погибают, — говорит Бронка. Пусть ей и больно от этого, она решила не проявлять жалости. Никто из них не может позволить себе сентиментальности. — Место пробития становится смертельной раной, и такая вселенная прекращает свое существование. Всякий раз, когда рождается город… нет, даже до этого. Сам

процесс нашего сотворения, то, что делает нас живыми, приносит смерть сотням или тысячам других тесно связанных вселенных и всем существам, что обитают в них.

Бруклин прикрывает глаза.

— Боже мой, — выдыхает Куинс. — Боже мой. Мы все — убийцы.

— Но ведь исправить уже ничего нельзя, — говорит Манхэттен. Его голос звучит мягко, взгляд отстраненный и непроницаемый. — С того момента, как мы стали самими собой.

Куинс вздрагивает и переводит взгляд на него, приоткрыв рот.

— Да как ты можешь такое говорить? Что у тебя с головой? Это же… сколько, триллионы людей? Я даже примерно сосчитать не могу! И они все погибли? И это мы их убили? — Она, похоже, вот-вот расплачется. Ее руки дрожат. — Да ну к черту!

Бронка ждет, что Манхэттен снова ответит чем-то хладнокровным. Она знает его всего несколько часов, но уже заметила, что он легко впадает в то состояние. Однако вместо этого Мэнни на мгновение отводит взгляд, затем делает глубокий вдох и опускается перед Куинс на колени. Он берет ее трясущиеся руки в свои, смотрит ей в глаза

и говорит:

— Ты бы предпочла вместо этого пожертвовать всей своей семьей и друзьями? Возможно, существует способ это сделать.

Все замирают. Его слова звучат как угроза, хотя он просто предлагает. Бронка не знает, как у Манхэттена получается наводить такой ужас столь тихим заявлением, но, возможно, дело в том, что он произносит его с состраданием во взгляде, а не с холодом. Холод вызвал бы возмущение и отвращение. А сострадание не дает списать слова на злобу говорящего, отчего на душе становится лишь хуже.

Падмини долго, напряженно смотрит на него. Затем ее дрожь постепенно унимается. Она закрывает глаза и делает глубокий вдох. Манхэттен не шевелится, не давит на нее. Бронка, наверное, выбрала бы иной подход… и он, скорее всего, оказался бы неправильным. Отчего-то Падмини вызывает в Бронке те же чувства, что она испытывает к Венеце — будто эта девушка на самом деле младше, чем кажется, как приемная дочь, которую нужно защищать. Но это не так. Падмини — это Куинс, где живут беженцы, спасшиеся от всевозможных ужасов; «синие воротнички», пашущие до изнеможения; и лишние дочери,

чьи жизни отданы в залог ради будущего всей семьи. Она знает все о сложном выборе и неизбежных жертвах — и Манхэттен своим вопросом, каким бы жестоким он ни казался, обратился как раз к этому знанию.

Наконец, подобно тому, как вечернее небо темнеет по мере приближения ночи, Куинс принимает неизбежное. Она не стушевалась, но вид у нее становится очень печальный. Падмини поджимает губы.

— Конечно, нет, — говорит она Манхэттену. — Меня просто зло берет из-за этого, только и всего. — Она убирает свои руки от рук Мэнни… но затем кивает ему, признавая его правоту. — Мир, может быть, и ужасен, но нам это не обязательно должно *нравиться*.

К удивлению Бронки, Манхэттен улыбается ее словам, но тоже печально.

— Вот именно, — говорит он. Затем встает, подходит к маленькому окну, выходящему в главную галерею, и останавливается там спиной к ним.

Бронка испускает долгий, тяжелый вздох. Ей тоже было непросто с этим смириться, когда она все узнала. И все же.

— Таков закон природы, — говорит она. — Многие погибают, чтобы другие могли жить. А раз

мы остались в живых, то должны поблагодарить исчезнувшие миры за тот вклад, что они внесли в наше выживание, — и ради них, а также ради людей нашего собственного мира, мы обязаны бороться изо всех сил.

Куинс и Венеца недоуменно смотрят на нее. Да, городским эти тонкости неведомы; Бронка сама хорошо понимает девушек, потому что тоже родилась и выросла в городе. Ей пришлось усвоить этот урок довольно поздно в жизни. Однажды Крис, невзирая на ее яростные возражения, взял Бронку на охоту. И хотя ружье, из которого застрелили оленя, держала не она, Крис и другая охотница из местного племени заставили Бронку помочь им разделывать тушу. Они говорили, что люди должны знать, откуда берется их пища, и понимать, что не одна, а *множество* смертей помогли им выжить. Поэтому было крайне важно, чтобы Бронка использовала каждую часть убитой туши и не отнимала больше жизней, чем нужно. Убивать, придерживаясь таких правил, означало чтить природу. Убивать по любой другой причине было чудовищно.

Бронка замечает, что Манхэттен это понимает. Как и Бруклин, которая, вероятно, повидала на своем веку много дурного. Как и, наверное,

аватар Нью-Йорка, спящий мирным, зачарованным сном. Кажется, Нью-Йорк просто обязан понимать такие вещи.

Вскоре Манхэттен делает глубокий вдох и снова поворачивается к ним.

— Итак, каков наш следующий шаг? — спрашивает он. — Вы, кажется, лучше нас понимаете, как все это работает.

— Теперь нам нужно найти Статен-Айленд.

— Есть проблема, — говорит Бруклин. Она зачем-то поднимает свой телефон. — Я привлекла к поискам своих людей — тех, которые не пытаются выяснить, какая скотина украла мой дом, — и они не нашли в социальных сетях ни одной странности, за которую мы могли бы зацепиться.

Теперь уже Бронка приходит в замешательство.

— Странность, за которую можно зацепиться?..

Они объясняют ей, как искали друг друга, и Бронка окончательно прощает всех за то, что они не нашли ее раньше. На ее вкус, их подход слишком беспорядочен. И самое главное, что он не работает в случае со Статен-Айлендом, чего Бронка, в общем-то, ожидала. Статен-Айленд делает все по-своему.

Некоторое время они обсуждают, как поступить, пока наконец Бруклин не вздыхает и не трет глаза.

— Послушайте, нас уже достаточно много, чтобы просто поехать туда, взять напрокат несколько «Зипкаров» и колесить по городу, пока не сработает наш городской радар. Больше мне ничего в голову не приходит…

— Я не умею водить машину, — говорит Куинс. — Простите.

Венеца наклоняется к ней.

— Я сама только в прошлом году научилась. Солидарность, детка.

— …и-и-и, возможно, нам все равно стоит сосредоточиться на поисках главного аватара, — заключает Бруклин. — Как бы там ни было, он, похоже, более важная шишка. Мы все хотя бы не спим и сможем защитить себя, если те белые твари или Женщина в Белом найдут нас. Статен-Айленд, наверное, тоже может постоять за себя, раз остров до сих пор не превратился в кратер.

— Но сражаться в одиночку сложнее, — с обеспокоенным видом говорит Куинс. — И страшнее, потому что ты вообще не понимаешь, что происходит.

— Мы отыщем ее, как только сможем, — го-

ворит Манхэттен. — Но если существует способ найти главного… — Он смотрит на Бронку, как бы ставя в конце предложения вопросительный знак.

— Возможно, — говорит Бронка. — Как я уже говорила, этот способ может не сработать без пятого боро. Но, если хочешь, можем попробовать прямо сейчас.

— Хочу, — говорит Манхэттен. Остальные двое, похоже, не так уверены в своем желании, но они хотя бы выглядят заинтересованными.

— Эм-м, мне уйти? — спрашивает Венеца, хмуро глядя на Бронку. — Все становится слишком странным, когда вы начинаете, э-э-э, вытворять всякие странности.

— Ничего опасного мы вытворять не будем, но решать тебе, — говорит Бронка. Обращаясь к остальным, она прибавляет: — Начинайте делать то, что обычно делаете, когда попадаете в то, другое измерение. Медитируйте, молитесь, пойте — что угодно.

— Я делаю вычисления в уме, — говорит Куинс. Вид у нее смущенный. — Я еще в старшей школе никогда не получала по математике меньше ста баллов. Глупые дети смеялись надо мной из-за этого. Называли меня «королевой математики»,

будто мне должно быть из-за этого обидно. Да я, блин, *богиня* в математике… — Она краснеет, очевидно поняв, что отвлеклась. — В общем, когда я, э-э-э, взаимодействую с той другой частью себя, я делаю расчеты в уме.

— Чем бы дитя ни тешилось, — говорит Бронка.

Бруклин задумчиво кивает, затем замолкает. Через мгновение она начинает что-то тихо бормотать себе под нос и сосредоточенно покачивать головой в такт какому-то внутреннему ритму.

Только Манхэттен, похоже, обеспокоен.

— У меня никогда не получалось попасть туда нарочно, — говорит он. — Это просто происходит, когда я, э-э, чувствую себя ньюйоркцем.

— И когда ты думаешь о *нем*, — говорит Бруклин, прерывая свой фристайл, или что она там делает.

Манхэттен хлопает глазами, затем серьезнеет.

— Хм. Ну да.

Бронка медленно качает головой:

— Ты же сказал, что ты вроде как его телохранитель. Если *он* — твоя фишка, то и действуй исходя из этого.

— Да, хорошо. — Он вздыхает и чешет в затылке. Затем уже тише прибавляет: — Понять бы

еще, что это значит.

Бронка пожимает плечами, затем предлагает свое обычное решение для таких неловких ситуаций:

— Это значит, что, как только он проснется, ты пригласишь его на чашечку кофе. А потом, как и все простые смертные, будешь надеяться, что все сложится.

Манхэттен моргает, а затем чуть усмехается и расслабляется — видимо, от того, что Бронка назвала вещи своими именами, ему стало лучше. Наверное, к нему часто прыгают в постель, с такой-то мордашкой, но как наладить настоящие отношения, он, скорее всего, не знает. А еще ее ни капли не удивляет, что у воплощения Манхэттена тоже двойная душа. Бронка негромко фыркает при этой мысли. Все-таки не зря они тогда буянили в Стоунволле. Ну да ладно.

— Давайте начнем, — говорит она.

Место для духовного путешествия не самое подходящее — здесь холодно, флуоресцентные лампы светят чересчур ярко и слишком сильно пахнет химикатами и растворителями. Тем не менее они в Бронксе, и песни ее народа все еще гудят в этой земле. На самом деле и путешествовать-то никуда не нужно. Ее город и так рядом.

Бронка чувствует изменения еще до того, как открывает глаза, потому что внезапно она стала огромной. Раздаваться вширь ей не дают, так что она тянется вверх и вниз, в туннели и пещеры, куда уходят ее корни. Когда она открывает глаза, мир выглядит странно. Небо стало сумеречным, и Бронка видит себя: яркую и темную, призрачный силуэт размытых линий, окрашенного бетона и застроенных кирпичных заводов. Она — Бронкс.

И вокруг нее внезапно, накладываясь друг на друга, но почему-то не создавая парадоксов и не задавливая один другого, все вместе стоят ее новые соплеменники. Яркий Манхэттен, высокий и сверкающий, с глубочайшими тенями, пролегающими промеж его острых небоскребов. Нервная Куинс с зазубренным силуэтом, радостно приветствующая всякого, гениальная в своих творческих порывах и решимости пустить корни. Бруклин — старая, семейная, застроенная домами из бурого песчаника, мраморными залами и крошащимися многоквартирными домами; последняя остановка для истинных ньюйоркцев перед тем, как они отправятся в жуткие дикие джунгли Лонг-Айленда.

Все вместе они поворачиваются и наконец

видят свою потерянную сестру: Статен-Айленд. Она сияет не так ярко, застроена не так плотно и, в отличие от них, не заселена многими миллионами. Где-то на ее просторах даже есть настоящие *фермы*. И все же. Она щетинится крошечными метательными ножиками — паромами — и оборонительными укреплениями, возведенными в частных домах на две семьи. Остальные чувствуют ее силу и характер, пылающие ярче любой натриевой лампы. Она так отличается от них, так противится их родству… но, хочет того или нет, хотят они признать это или нет, она — самая настоящая, истинная часть Нью-Йорка.

Но есть и кое-что странное. Несмотря на то что Статен-Айленд прямо перед ними и в этом мире их не разделяет пространство — почему-то она очень далека от них. И видна не так отчетливо, как должна бы; ее высотки накрыты тенью, а улицы окутаны туманом, словно кто-то наложил его толстыми слоями, желая скрыть остров. Бронка протягивает руку, но не может дотронуться до нее. Манхэттен тоже пытается, и у него почти получается — его шумные конторы почти задевают ее транспортные узлы… но в последний момент Статен-Айленд отстраняется от них. *Очень* странно.

Но они пришли сюда не только за ней. Остальные беспокоятся, поэтому Бронка берет в руки штурвал и разворачивает их. Она — проводник. И чтобы увидеть, в какой точке находится центр сущности всего Нью-Йорка, они должны выйти из этого мира. Бронка должна вывести их восприятие на иной уровень, а затем еще выше, пока не сможет увидеть всю вселенную. (Бронка чувствует благоговейный трепет Куинс, потому что лишь она осознает весь масштаб того, что они видят, однако Бронка отстраняется от жадных подсчетов, которые ведет девушка. Они — огромны. Они вмещают в себя бесчисленное множество людей. Для Бронки этого достаточно.) А затем они снова переносятся выше.

Перед ними простирается необъятность пространства и времени, как их теперь понимает Бронка: не только здесь, но и повсюду, не одна вселенная, а бесчисленное множество. Бесконечно растущая масса, похожая на брокколи, которая существует в этом не-месте. В каждом ответвлении — тысячи вселенных, уложенные друг на друга, как пластинки слюды; они образуют колонны, которые извиваются и разветвляются, похожие на костяшки домино, беспорядочно расставленные кем-то. Впрочем, порядок в этом

есть (и Бронка слышит, как Куинс громко думает: «Фрактальное дерево!»), но он столь необъятен и динамичен, так бурлит в яростном вихре творения, что понять его почти невозможно. Масса не безгранична, как сперва кажется Бронке, а столь огромна, что поначалу не поддается ни восприятию, ни воображению. Тысяча ветвей — и это только те, что видит Бронка, — растут, а затем делятся на две тысячи потомков, которые затем порождают четыре тысячи внуков, и…

Внезапно раздается глухой *грохот*, дерево рябит, и одна из самых больших, густых ветвей рушится прямо у них на глазах. Все происходит так быстро. Вспыхивает мимолетное свечение с красным ореолом, а затем вся извилистая масса сгорает до самого стебля, от которого она разрослась. Бронка чувствует, как остальные содрогаются от боли и ужаса, и она разделяет их чувства. Как бы ни была прекрасна эта ветвь, ярко полыхающая и похожая на самый потрясающий фейерверк на свете, они все понимают, что это значит. На их глазах бесчисленное множество вселенных погибли или же ушли в небытие, подобно разветвлениям, которые когда-то породили Атлантиду.

Однако Бронка обращает их внимание на то,

что осталось на месте ветви: крошечное яркое сияние, не связанное с другими вселенными, но сверкающее и стабильное само по себе. Единственная светящаяся точка.

Бронка разворачивает их, и они снова видят самих себя — *они светятся точно так же*. Они стали свидетелями того, как где-то в мультивселенной родился другой город, подобный им самим. Дерево усеивают множество таких огоньков, вкрапленных в его разветвления и складки, — тысячи городов, сияющие, как драгоценные камни, на фоне бесформенной тьмы. Где-то вдали есть места, в которых, похоже, этих огней нет совсем; возможно, это ствол дерева? Но по кроне рядом с ними повсюду раскиданы города.

И теперь Бронка, используя силу остальных четырех, направляет их *обратно, вниз* и *глубже*, к самому средоточию…

Перед ними в пятне света лежит главный аватар Нью-Йорка. Он спит, свернувшись калачиком на лежанке из старых газет. На его черной коже осел слой светлой пыли; он здесь уже несколько дней. Он выглядит таким одиноким, самодостаточным, но беззащитным, юным и хрупким. Бронка слышит мысль: «Я сделаю для него все что

угодно», — но подумала об этом не она, а Манхэттен. Он вкладывает в мысль почти рыцарское стремление найти подвиг, которому можно посвятить свою жизнь, и немного обычной низменной похоти. И все же его пыл находит отклик и в сердце Бронки. «Наш», — вот что думает она, и эта мысль удивляет ее, ведь она никогда не испытывала ни к кому столь ревностных чувств. Остальные тоже откликаются, и в их ответе чувствуется удовольствие. «Да, — проносится мысль, которую на этот раз повторяют все они. Теперь уже не важно, чья она. — Он наш».

«Он

принадлежит нам, а мы, конечно же, ему, но

подожди-ка, что за ерунда, как это вы оказались у меня в голове».

«Сосредоточьтесь. — Бронка пытается прорваться сквозь их растущее беспокойство. Слишком много сильных личностей сплелись воедино. Надолго их не хватит. — Где он?»

Круг света поворачивается, и у них впервые получается рассмотреть стены того места, где лежит главный, хотя всего лишь мельком. Белая плитка, арки, украшенные мозаикой из разноцветных кирпичей… (Бронка внезапно ахает. *Она уже видела такую плитку*.) Но они не чувствуют,

где и в каком направлении находится это место. Бронка пытается остановить вращение, но у нее не получается совладать с ним; она снова протягивает руку вниз, к главному…

Они начинают удаляться, и далеко под ними главный аватар внезапно открывает один глаз — тот, что они видят.

«Уже теплее», — без слов говорит он.

Затем он зевает, и они кувырком проваливаются в зияющую черноту между его зубами…

* * *

Кто-то грубо трясет Бронку. Она страшно зла на того, кто это делает.

— Оставь меня в покое, — огрызается она. — Я старая. Дай мне отдохнуть.

— Старушка Би, если ты сейчас же не встанешь, я вылью на тебя холодный кофе, и если из-за этого у тебя не остановится сердце, то ты околеешь, когда будешь меня материть. *Вставай давай.*

Поэтому Бронка заставляет себя проснуться. Она лежит в комнате для совещаний на самом потрепанном из двух диванов, а это значит, что, когда она сядет прямо, у нее будет ныть и болеть вообще все. Наверху возятся резиденты; Бронка слышит, как кто-то из них что-то пилит

циркулярной пилой. Как же она, должно быть, вымоталась, раз продолжала спать, несмотря на весь этот шум. Впрочем, через стеклянную стену выставочного зала все еще проникает дневной свет, так что спала она явно недолго. Сейчас, наверное, часов восемь вечера? В июне солнце заходит лишь около девяти.

Остальные все еще здесь, валяются в креслах или на диванах. Венеца единственная, кто стоит на ногах. Манхэттен вообще сидит на полу, привалившись к дивану, и Бронка испытывает желание предостеречь его: если он проведет еще немного времени на холодном бетоне, то точно отморозит задницу. Но уже поздно; Манхэттен сонно моргает, будто тоже только что проснулся. Бруклин в сознании, хотя и не полностью. Куинс трет лицо, затем роется в рюкзаке, достает пакетик кофейных зерен в шоколаде и закидывает пригоршню в рот. Несколько штук она предлагает Бруклин, затем Манхэттену.

А затем к ним входит кто-то еще: высокий азиат в деловом костюме, лет пятидесяти, с лицом, словно высеченным из мрамора, и поджатыми губами. Бронку охватывает тревога — но не из-за него самого. На плече незнакомец несет кого-то еще. Безвольное тело в еще более стильном ко-

стюме, перемазанном землей и травой.

— О боже, — говорит Бруклин, достает свой телефон и сразу же нажимает на «экстренный вызов». Манхэттен вскакивает на ноги и трясет головой, чтобы прояснить мысли.

— Убери, — рявкает незнакомец на Бруклин. Говорит он с необычным акцентом. Британским с китайскими нотками. — Он же город. Врачи ему не помогут.

Все, выпучив глаза, смотрят на незнакомца, но Бруклин убирает телефон. Азиат грубо машет рукой в сторону Куинс, пока та не встает с дивана, а затем укладывает на него потерявшего сознание мужчину. Второй незнакомец моложе и стройнее, по-латиноамерикански смуглый, хотя и не очень. От него разит сигаретным дымом. Бронка не видит крови, но он *посерел* — причем речь не о цвете его кожи. Зрелище действительно странное — как будто весь мир транслируют в цветном HD-формате, но этот человек каким-то образом вернулся к временам трехканальных зернистых телевизоров. И что это вокруг него?.. Бронка моргает, щурится, а затем, частично перенеся свое сознание в мир городов, понимает. Бессознательного незнакомца окружает некая прозрачная оболочка, которая проникает в его

плоть. От нее тянется нить, похожая на пуповину, которая уходит куда-то в… Южную Америку. В Бразилию, догадывается Бронка, хотя она и не уверена, что смогла бы найти эту страну на карте, и не может вспомнить ни одного города тех мест, кроме Рио.

Она моргает, снова переключаясь между мирами, и видит, что пожилой азиат изучающе смотрит на нее.

— Значит, какая-то польза от вас все же есть, — говорит он, и Бронка напрягается от возмущения. Затем незнакомец таким же оценивающим взглядом осматривает всех остальных. Судя по всему, он от них не в восторге. — Но ни один из вас даже не заметил, как его ранили, хотя он находился в вашей вотчине.

— Он — город? Что с ним стряслось? — Куинс протягивает руку к лежащему без сознания мужчине, но тут же отдергивает ее, когда оболочка проминается, как бы отстраняясь от нее.

— И кто вы, черт возьми, такой? — Бруклин все еще сидит, но уже агрессивно подалась вперед. Манхэттен совершенно неподвижно стоит у нее за спиной. Они оба явно готовятся к нападению. Но Бронка качает головой, поднимается на ноги и машет им, чтобы они успокоились. Она ви-

дит этого незнакомца в ином мире, и он точно не имеет отношения к Женщине в Белом.

— Зовите меня Конг, — говорит азиат, недовольно глядя на лежащего без сознания мужчину. Вздохнув, он наклоняется, роется в его куртке — Конга оболочка почему-то пропускает — и достает пачку сигарет и зажигалку. — Он говорил, что здесь творится бардак, но ведь он любит драматизировать. Мне и в голову не могло прийти, что все настолько плохо. Однако же вот мы и приплыли.

Манхэттен оглядывает остальных и произносит одними губами:

— Конг… *Гонконг?*

Бронка кивает. Она никогда не была в том городе, но видела его на фотографиях. Ей запомнилась одна фаллическая башня, которую она теперь видит в ином мире. Город Гонконг стоит перед ними, хмурясь и закуривая сигарету.

— Эй, — окликает его Бронка. Когда он переводит взгляд на нее, она указывает на висящую на стене табличку: «Не курить».

— Да пошли вы, — отвечает он. Слова звучат вяло, в них даже нет того чувства, с которым обычно говорят «нет». У Бронки отвисает челюсть. Она не оскорбилась, просто удивлена. Однако затем

Конг прокашливается и бросает кислый взгляд на сигарету. — Терпеть не могу курево.

— Тогда какого черта… — начинает Венеца. Однако не успевает она закончить, как Конг делает глубокую затяжку, затем наклоняется и обдает бессознательного мужчину длинной струей дыма.

Дым как будто впитывается в него. По телу незнакомца проходит дрожь, и серость с размытостью частично сходят на нет. Теперь он окрашен в тона сепии и выглядит почти так же четко, как на не самом плохом мониторе девяностых годов. Бронка невольно ахает. Манхэттен быстро выходит вперед.

— Попробуйте еще раз, — говорит он Конгу.

— Нет, — отвечает тот, туша сигарету. — Больше одного раза не могу, и даже это едва сработало, потому что затяжку делаю я, а не он. На самом деле ему нужен грязный воздух его собственного города, но путешествовать через макрокосм сейчас небезопасно. Так что я не знаю, что еще можно сделать, чтобы ускорить его выздоровление, — если только один из вас не готов сесть на рейс и потратить десять часов, чтобы доставить его домой. А я этого делать точно не стану, поскольку сам только что летел пятнадцать ча-

сов и еще неделю не хочу видеть самолеты. — Он падает в ближайшее кресло, потирая лицо.

— Ладно, погодите-ка, — говорит Венеца. — Вы — Гонконг? Тогда кто он такой? — Она указывает на лежащего без сознания мужчину.

Конг на секунду поднимает голову, чтобы сердито посмотреть на нее.

— Сан-Паулу, конечно. Кто же еще?

— Рио? Любой другой город? — Куинс пристально смотрит на него. — Нам-то откуда знать?

— Рио еще не родился, — ядовито огрызается Конг. — В этом полушарии пока живы только два города: его и ваш. Поэтому он здесь. Будучи самым младшим из родившихся городов, он должен помочь вам пережить рождение. Теперь понимаете? Вы уже со всем разобрались?

Куинс какое-то время просто смотрит на Конга, ошеломленная его грубостью, а затем вспыхивает.

— Вовсе не обязательно вести себя как последний козел!

— Да ну? — Конг тычет пальцем в Сан-Паулу. — Он едва дышит и едва проявляется в этом мире, но вы четверо вообще ни капли не обеспокоены. И никто из вас, предполагаемых союзничков, не задал очевидных вопросов: кто его так уделал

и как за него отомстить?

— Сан-Паулу, Сан-Паулу, — бормочет себе под нос Венеца, слезает с кресла, бежит к мини-холодильнику и начинает рыться в морозилке. Остальные удивленно смотрят на нее, но Бронка, давно привыкшая к странностям девушки, не обращает на это внимания.

Манхэттен подходит к Конгу и лежащему без сознания Сан-Паулу. Бронка гадает, не нарочно ли он встал между чужаками и своими соратниками. Куинс выглядывает у него из-за спины.

— Мы не знаем этого парня, — говорит она Конгу. — Вы, кажется, думаете, что мы знакомы, но если он и должен был нам помочь, то он этого не сделал. Он теперь умрет?

— Сан-Паулу ведь еще стоит, верно? — Сказав эти загадочные слова, Конг откидывается на спинку стула и обводит всех жестким, бесстрастным взглядом.

Бруклин напряженно, но терпеливо произносит:

— Послушайте, мы впервые видим этого человека. Мне жаль, что ваш друг пострадал, но, если я все правильно понимаю, есть лишь одно существо, которое могло так с ним поступить. Мы

называем ее «Женщина в Белом», но…

Конг улыбается. Даже у Манхэттена улыбка не бывает такой же пугающей и очевидно фальшивой. Бронка никогда не видела в глазах Манхэттена искренней ненависти, но здесь ее проблески отчетливо заметны.

— Это сделала не *она*, — говорит Конг.

Бруклин настолько потрясена, что переглядывается с Бронкой. Та мотает головой, потому что тоже не понимает, на что намекает Гонконг.

— И откуда вы это знаете? — спрашивает Бронка.

— Город может получить такого рода травмы лишь в том случае, если переступит границы другого города и тот второй город воспротивится его присутствию. — Взгляд Конга скользит по каждому из них. — Здесь и сейчас лишь Нью-Йорк мог так сильно навредить Сан-Паулу.

— Ну-ка подождите, это же полная хрень, — говорит Манхэттен, хмурясь. Бронка запоздало осознает, что еще ни разу не слышала от Манхэттена ругательств. Какая странная черта для острова, где все постоянно шлют других куда подальше. — Никто из *нас* этого не делал. И вообще, мы все находились здесь, кроме…

Он замолкает. Медленно, неумолимо к ним

приходит понимание. Бруклин тихо стонет. Куинс недоверчиво качает головой. Выражение лица Манхэттена ожесточается. Бронка сама не хочет в это верить… Но вывод неоспорим.

Конг взвешивающим взглядом наблюдает за каждым из них — и Бронка понимает почему. Он проверяет, не притворяется ли кто-нибудь из них удивленным или встревоженным.

— Что ж, — наконец произносит он, и его тон немного смягчается, — мне говорили, что в Нью-Йорке пять боро, а я вижу только четверых. Ну и еще ее. — Он кивком указывает на Венецу, которая уже чуть ли не целиком залезла в морозилку. Похоже, она что-то ищет за древней коробкой неаполитанского мороженого, оставшегося от вечеринки по случаю дня рождения Джесс.

Статен-Айленд. Напала на Сан-Паулу. И поскольку это произошло здесь, в Нью-Йорке, так далеко от его родины, город не смог защитить своего аватара, и тот серьезно пострадал.

— Нет. — Манхэттен встает и начинает расхаживать по комнате. — Наверняка произошло какое-то недоразумение. Она — *часть нас*.

— Возможно… — Бронка проводит рукой по волосам. Она устала. Недосып и прогулки по мультивселенной сильно выбивают из ко-

леи. — Может быть, Статен-Айленд решила, что он — Женщина в Белом. Может быть, это просто несчастный случай.

— Или, может быть, — говорит Бруклин, прислонившись к стене и сложив руки на груди, — Статен-Айленд повела себя как обычно. Нам следовало этого ожидать.

Манхэттен резко поворачивается к ней:

– *Что?*

Она невесело смеется.

— Точно, ты же новенький и не знаешь. Статен-Айленд — заноза для нашего города. Весь Нью-Йорк голосует за синих, остров — за красных. Все хотят метро получше, а острову подавай больше машин. Знаешь, почему за проезд по мосту Верразано так дорого дерут? Они *сами* этого захотели. Чтобы к ним не лез «всякий сброд» из Бруклина! — Она с отвращением фыркает. — Так что если кто-то и мог ударить союзника в спину, так это тот боро.

— Мы не сможем пробудить главного, если не соберемся вместе. — Манхэттен не повысил голос, но его слова стали резкими, а тон угрожающим. — Она *нужна* нам.

— Значит, кому-то из нас придется пойти и поговорить с ней, — говорит Бронка. — Убедить ее

сотрудничать с нами.

Повисает тишина.

Конг вздыхает, достает из кармана шелковый носовой платок и зачем-то вытирает им лицо и шею.

— Паулу был прав; ситуация здесь хуже, чем была в Лондоне. Впрочем, полагаю, именно поэтому ваша «Статен-Айленд» и предала вас. Видимо, она узнала об опасности.

— О какой еще опасности? — Бронка удивленно хмурится на него. — При чем здесь вообще Лондон…

Затем Венеца приглушенно восклицает и вылезает из морозилки. В одной руке она держит полиэтиленовый пакет, в который завернуто что-то прямоугольное. Она тут же приседает и рывком раскрывает пакет.

— Они замороженные, но их все равно можно рассосать, — бормочет она. — Я боялась, что мой единокровный братец их съест, когда придет в гости, поэтому спрятала их здесь, на работе, а потом забыла… Ха!

И она с торжествующим видом вытаскивает из пластикового контейнера что-то маленькое и круглое, судя по всему, из шоколада.

— Это еще что за ерунда? — говорит Бруклин.

Венеца закатывает глаза.

— Бригадейро. Что-то вроде бразильских конфет. Они похожи на трюфели. Мой папа португалец, а не бразилец, но мы тоже их едим, потому что хвала колониализму. Они, конечно, не только к Сан-Паулу относятся, но все же… — Венеца спешит к дивану, присаживается на корточки и подносит бригадейро к губам мужчины. Если бы Бронка не смотрела во все глаза, она бы ни за что не поверила в то, что видит: Сан-Паулу начинает бить дрожь, и он становится еще четче от одного лишь прикосновения конфеты. К нему возвращается цвет, хотя и не полностью. Венеца бормочет что-то по-португальски, уговаривая его, и, похоже, одно лишь это уже помогает ему; Сан-Паулу вздрагивает, становится ярче и выглядит уже почти нормально. Он открывает рот. Венеца кладет туда маленькую конфету… и, ко всеобщему облегчению, он через секунду начинает жевать.

— Ах, beleza[32]. Просто прекрасно. Вот только я просто имитировала сан-паульский акцент; надеюсь, он не подумает, что я издеваюсь…

Сан-Паулу открывает глаза.

---

[32] Сноски: 32
Красота (*порт.*).

— Valeu[33], — отвечает он, а затем садится. Куинс хлопает в ладоши от восторга. Затем она подскакивает к Венеце, присаживается рядом на корточки и театральным шепотом спрашивает, можно ли ей взять один бригадейро.

Гонконг неприязненно смотрит на Сан-Паулу.

— Ты не умер. Славно.

Сан-Паулу смотрит на него мутным взглядом.

— Тебе понадобилось три дня, чтобы добраться сюда?

— Мне пришлось лететь на самолете. Самолетам тоже нужно время.

— Но не три же дня… — Затем Сан-Паулу прищуривается. — Совет. Ты уведомил их, и они заартачились. *Вот* куда ты дел еще один день.

Конг слегка усмехается, а затем достает свой смартфон и начинает что-то на нем пролистывать.

— Я уже тебе говорил, что в этом нет ничего личного, Паулу. Старики на дух не переносят молодые города, просто из принципа. Ну и, возможно, они считают тебя заносчивым.

— Конечно, я заносчивый — я же Сан-Паулу. А еще я *прав*, и они не хотят этого признавать. —

---

[33] Сноски: 33
Спасибо (*порт.*).

Паулу зачем-то вытягивает руки, рассматривая их, словно ожидает увидеть на месте своих конечностей что-то еще. Он сгибает их, а затем, удовлетворившись, расслабляется. — Поэтому они будут отрицать собранные факты и считать их результатом моей некомпетентности. Ты все время спрашиваешь меня, за что я их так ненавижу: *вот за это*.

— Я вправил тебе кости, когда нашел. Вылечил их с помощью бразильского кофе, который был у меня в машине. За это скажи спасибо модным кофейням Нью-Йоркского аэропорта. А за предусмотрительность можешь благодарить меня. Кстати, вкус у бразильских сигарет дерьмовый. — Затем Конг находит в своем телефоне то, что ищет. — А вот что сейчас должно беспокоить всех нас. — Он поворачивает свой телефон.

Бронка вместе со всеми остальными подходит посмотреть. Паулу со своего места мельком смотрит на картинку и вздыхает. Остальные ахают, но Бронка видит лишь размытое пятно. Раздраженно сопя, она всех расталкивает, забирает у Конга телефон и подносит его к глазам, чтобы рассмотреть.

Это фотография Нью-Йорка, сделанная с высоты птичьего полета на закате. Она уже видела

подобные снимки раньше, вычурные, снятые дронами или с вертолетов при помощи специального оборудования. Композиция типичная, с Манхэттеном в центре, но есть и кое-что необычное — в кадр попадают все остальные боро. Вертолет, похоже, висел где-то над серединой острова, примерно над Центральным парком, носом к югу. На переднем плане раскинулся Нижний Манхэттен с его небоскребами, неуютно жмущимися друг к другу на языке засыпанной свалки, которая образует ту часть острова. По краям изображение слегка выгнуто — скорее всего, намеренно, как бы намекая, что Нью-Йорк занимает бóльшую часть Земли. Слева, похоже, теснятся Лонг-Айленд-Сити, Куинс и, наверное, Бей-Ридж в Бруклине, изогнутый и уходящий к мосту Верразано. Справа у самого края — Джерси-Сити или, может быть, Хобокен; точнее Бронка не может сказать. Все это сверкает россыпью площадей, залитых энергоэффективной светодиодной подсветкой. Фотограф наложил на снимок легкий оранжевый фильтр, чтобы добавить холодному сиянию теплых оттенков и придать изображению живости. Нью-Йорк запечатлен здесь во всей своей ярчайшей красе.

Есть лишь одно исключение — самая далекая

точка, захваченная фотографией, которая отделена от нижней части Манхэттена темной полосой воды. Статен-Айленд.

Остров освещен тусклее — причем настолько, что Бронка удивляется, почему она ничего не слышала о просадках напряжения в том районе. Но, прищурившись, она понимает, что проблема не в свете. Почему-то кажется, будто Статен-Айленд расположился где-то далеко-далеко. Бронка моргает, затем мотает головой. Нет. Боро на своем месте, но с перспективой явно что-то неладно. Может быть, это такая оптическая иллюзия из-за искажений на фотографии? В чем бы ни было дело, складывается впечатление, будто Статен-Айленд находится на много миль дальше от Манхэттена, чем в жизни.

Бронка случайно нажимает на кнопку на телефоне Конга, и изображение съезжает в сторону, позволяя ей увидеть, что оно взято из ветки какого-то обсуждения в соцсети. Почти все сообщения написаны на китайском, но есть и несколько английских постов. «СНОВА ТЕРРИЗМ?!» — истерит какой-то малограмотный паникер.

Конг забирает у нее телефон.

— Такого раньше никогда не случалось, — говорит он, в основном обращаясь к Паулу, но все же

обводя тяжелым взглядом всех остальных. — Мир городов — это мир городов. Мир людей — это мир людей. Они находятся в разных вселенных, и обычно мы — единственный мост между ними. Однако эта фотография отражает то, что один из боро этого города активно пытается отстраниться от остальных *в мире городов*. А обитатели мира людей *заметили* это.

Паулу поднялся на ноги, хотя для этого ему и понадобилась помощь Венецы. (Бронка замечает, что он краснеет, кивает ей и негромко произносит на португальском что-то вроде: «Спасибо, что сообразила про бригадейро». Бронка вместо этого отчетливо слышит: «Эй, красивая, поехали кататься».)

— Об этом я вам, старым козлам, и твердил, — резко отвечает Паулу. Его слова слегка искажает почти незаметный акцент. — В этот раз что-то усложняет послеродовой период, и дело не только в том, что город не завершил свое созревание. Пересечения измерений нестабильны. Враг *слишком* активен и действует так, как никогда прежде…

— Да, да. — Конг отмахивается от него и переключает внимание на Манхэттена, видимо решив, что тот — главный в их группе. Наверное,

потому что он среди них единственный мужчина. — Я видел, как ты и твои товарищи пытались синхронизироваться с главным аватаром. Вы его нашли?

Манхэттен качает головой:

— Нет. Мы увидели его, но…

Тогда Бронка делает резкий вдох, вспоминая, что она случайно заметила во время их… скажем так, «сеанса».

— Та мозаика, выложенная плиткой, — говорит она. — *Я знаю* эту чертову плитку. — Затем Бронка поворачивается и идет к выходу из конференц-зала. Остальные сначала не шевелятся, а затем она слышит, как они, спотыкаясь и шаркая ногами, спешат за ней.

Центр уже закрыт на ночь. Придя в кабинет, Бронка находит на мониторе своего компьютера записку от Ицзин — а ведь та знает, что Бронка включает эту адскую машину лишь тогда, когда приходится. Записка гласит: «Нам уже пожертвовали 600 тысяч!!». Бронка какое-то время таращится на цифру, силясь ее осмыслить, а затем откладывает записку в сторону, чтобы сосредоточиться на чем-то более объяснимом. Например, на том, как выследить живое воплощение Нью-Йорка по подсказкам, которые она

увидела во сне.

Пока компьютер бесконечно долго грузится, она подходит к одному из книжных шкафов и достает большую книгу с фотографиями под названием «Век стиля бозар». И к тому времени, когда все набиваются в ее кабинет, чтобы попытаться выяснить, что же выяснила она, Бронка уже нашла, что искала.

— Вот. Вот оно! — Она хлопает рукой по одной из фотографий в книге, затем разворачивает ее к остальным. Изображение полноцветное, высокого качества, и на нем изображена комната с красивым сводчатым потолком, который выложен плиткой, похожей на декоративные золотые кирпичи.

Манхэттен наклоняется, чтобы рассмотреть фото, и стискивает зубы.

— Стиль тот. А место — нет.

— Да уж, сомневаюсь, что наш главный спит в устричном баре Центрального вокзала, — растягивая слова, произносит Бруклин. Впрочем, она хмурится. — Но у меня такое чувство, что я видела подобную плитку в других местах.

— Так и есть, — просияв, говорит Бронка, — потому что раньше, до того, как люди с напрочь атрофированным чувством вкуса начали за-

менять всю красоту в городе дешевой дрянью, эта архитектурная форма была одной из самых известных в мире. А центр этого направления искусства находился в Нью-Йорке. Это — плитка Гуаставино. Сейчас так уже не строят, но в те времена подобные арки делали огнеупорными и самонесущими. Они идеально подходят городу, который наполовину находится под землей и битком набит легковоспламеняющимся мусором. — Бронка стучит пальцем по потолку на фото. — В городе осталось лишь несколько примеров такой плитки. Так что…

— О-о-о, да, поняла, — говорит Венеца, садясь за стол Бронки и подтягивая к себе клавиатуру. Бронка видит, как она набирает «плитка Гуаставино» и «Манхэттен».

Манхэттен тем временем листает книгу.

— Здесь сказано, что своды Гуаставино делались в старых доходных домах, — обеспокоенно говорит он. — Теперь эти здания заброшены… — Он замолкает. Бронка видит, как его глаза расширяются. Затем он поворачивает книгу, причем так быстро, что сшибает со стола стакан с ручками. — Вот, — сдавленным голосом говорит он, тыча в книгу. — *Вот оно*.

Бруклин смотрит и усмехается.

— Боже мой. *Ну конечно*.

Венеца тоже смотрит, затем расплывается в улыбке и поворачивает к ним монитор, чтобы все могли посмотреть на веб-страницу, которую она только что открыла: «Выведенная из эксплуатации станция метро или архитектурная жемчужина нашего города» — гласит заголовок. Это то же самое место, которое Манхэттен нашел в книге Бронки.

— Старая станция метро «Сити-холл».

— Значит, он там, — бормочет Манхэттен. Он облокачивается на стол и с облегчением вздыхает. — Мы можем пойти и найти его. Наконец-то.

— Туда не так-то просто добраться, — предупреждает Бруклин. — Станция не работает и бóльшую часть времени закрыта для посетителей. Попасть туда можно лишь одним способом — если ты, конечно, не хочешь тайком пробираться по рельсам, рискуя попасть под поезд, убиться током или быть арестованным. Нужно заказать экскурсию в Музее транспорта, но их проводят раз в сто лет. Впрочем, я, кажется, знаю, кого можно попросить об услуге. — Она тянется к телефону.

— Разве шестой поезд не заезжает туда, когда идет на кольцо? — спрашивает Венеца. — Ту-

ристы все время так катаются. И я разок тоже проехалась.

— Можно, но *из* поезда тебя не выпустят. Он там даже не останавливается.

Пока они разговаривают, Конг подходит, чтобы взглянуть на книгу. Затем он нетерпеливо встряхивает головой и сердито смотрит на них.

— Ладно. Вам нужно добраться туда как можно скорее, даже без пятого боро. Будем надеяться, что сил, которые получит главный аватар, когда поглотит вас четверых, хватит, чтобы он наконец пробудился и защитил город.

Повисает тишина.

Затем Бруклин спрашивает:

— Прошу прощения, *что вы сказали?*

Глава двенадцатая
Там нет городов

Утром, позавтракав с родителями — и Коналлом, который все это время не смотрел на нее, — Айлин идет на работу. Однако на пороге дома она замирает как вкопанная, с удивлением обнаружив, что бóльшую часть ее двора занимает белая колонна шириной футов в двадцать.

Понять, что это за колонна, невозможно. Она просто большая и гладкая, лишенная каких-либо отличительных черт, цилиндрическая и белая, торчащая из земли и скрывающаяся из виду где-то в небесах. Айлин смотрит на нее, выпучив глаза, и пытается осознать, как кто-то смог возвести в ее дворе нечто столь огромное, да так, что ни она этого не заметила, ни ее домашние ничего об этом не сказали. Да еще столь быстро! Ведь еще прошлой ночью здесь ничего не было! Затем Айлин замечает, что видит сквозь колонну проходящую мимо стайку канадских казарок… и понимает, в чем дело. Ну, почти.

Колонна, похоже, явилась оттуда же, откуда ростки и женщина, что всегда одевается

в белое, — то есть Не Отсюда. И, как и в случае с ростками, никто, кроме Айлин, колонну не замечает — поэтому ее отец, проходя мимо нее и направляясь к своей машине, машет дочери и ни слова не говорит о колоссальном сооружении, которое теперь отбрасывает тень на весь дом. Айлин уверена, что и ее мать ничего не заметит. Лишь Айлин знает, что колонна здесь.

Их дом стоит на невысоком холме, откуда хорошо видно окрестности, поэтому, ступив на проезд, Айлин замечает на горизонте еще одну такую же колонну. Примерно рядом с Фрешкиллс-парком.

У Айлин есть автомобиль — подержанный гибридный «Форд», который она купила несколько лет назад. Ее отец терпеть не может эту машину — он считает, что только либералы заботятся об экологии. Однако, поскольку машина «хотя бы американская», он смирился с выбором дочери и даже дал Айлин половину денег, чтобы ей не пришлось брать кредит. Бензин и страховку она оплачивает из денег, которые зарабатывает в местной библиотеке. Работает она там неофициально. (Ничего преступного в этом нет, просто Айлин не может устроиться в штат. Она пока что выучилась только на младшего специалиста, а городские власти требуют степень бакалавра.

Чтобы ей дали работу, отец согласился «потерять» парочку внушительных штрафов за парковку, выписанных старшему библиотекарю.) Но часто кататься на своей машине она не может, потому что отец следит за пробегом. А еще Айлин подозревает, что он установил куда-то GPS-маячок. Отец всегда вытворяет что-нибудь подобное. Если Айлин хочет поехать куда-то тайком, она садится на автобус.

Но прямо сейчас, глядя на башню во дворе и думая о том странном человеке, который ее нашел, — городе Сан-Паулу, по всей видимости, — о Коналле, о своем страхе покинуть остров и… обо всем остальном, Айлин вдруг остро чувствует, что не выдержит больших потрясений.

Поэтому она поднимает взгляд на зеркало заднего вида, где мягко раскачивается тонкий, едва заметный белый росток.

— Привет, — говорит она. — Ты можешь прийти сюда? Мне нужно с тобой поговорить.

Несколько секунд ничего не происходит. Затем отражение в зеркале резко меняется. Только что Айлин смотрела на потрясающий вид проезда к дому Халихэнов. Теперь же в зеркале виден просторный зал. Он показан не полностью — Айлин видит лишь твердый серо-белый пол, по которо-

му разбросаны резкие тени, отчего кажется, будто где-то за пределами видимости горит мощный прожектор. Айлин не видит, что именно отбрасывает эти тени, но затем одна из них смещается, и через секунду из-за нижнего края зеркала появляется Женщина в Белом. Айлин замечает, что та снова выглядит иначе. Она все еще белая, но над глазами теперь заметен эпикантус, скулы стали экзотически острыми, а нос — другим. Может быть, теперь она русская? Брови у нее белые. А волосы… Айлин удивленно моргает.

— Лин, мой человекообразный друг! Я наконец сообразила, почему ты так рассердилась на меня вчера. Тот прислужник повел себя очень плохо. И додумался же, распускать руки с городом! Ты могла просто раздавить его.

Айлин рассеянно кивает.

— Ты что, лысая?

— Я что?.. — Женщина замолкает. Ее лицо тут же обрамляют густые, рыжевато-белые волосы, чуть не скрывшие из виду ее черты. Один локон эстетично ложится на глаз. — Нет, я не лысая.

— Э-э-э, ла-а-а-адно. — Затем Айлин хмурится, вспоминая, что она *действительно* должна все еще сердиться на Женщину. Несмотря на по-

давленное настроение Коналла, отец Айлин все утро был в восторге от гостя, хлопал его по плечу и называл «сынком». Судя по всему, ночью дело обстояло так: кто-то пробрался на задний двор, но Коналл отбился от налетчика, даже несмотря на то, что слишком много выпил и не запомнил его лица. Настоящий герой, по мнению Мэттью Халихэна. — Значит, ты знаешь, что натворил Коналл.

— Да, он самый. — Женщина ослепительно улыбается. — Тебе стоит знать, что направляющие линии — те штуковины, которые ты зовешь ростками, — *не управляют* людьми, по крайней мере, не напрямую. Они просто… подталкивают их. Усиливают уже существующие наклонности и сводят различные энергии к более совместимым длинам волн.

Из этой тарабарщины Айлин понимает только то, что Коналл распустил руки постольку, поскольку вообще склонен их распускать, и он мог напасть на Айлин вне зависимости от того, торчал бы из его шеи росток или нет. Но от этого, как и от объяснения, ей легче не становится.

— Зачем ты *вообще* что-то лепишь на людей? — спрашивает она. — У паромной станции я почти не обратила на это внимания, но теперь…

Совершенно ясно, что ростки или направляющие линии, как их ни назови, служат какой-то цели. И то, что эта цель — не подчинение людей, пугает не меньше. Что же случится, если направляющая линия проникнет внутрь человека? Айлин вдруг вспоминает, как однажды, когда в библиотеке почти не было посетителей, смотрела телевизионную передачу о паразитах. В одном из эпизодов рассказывалось о грибке, который прорастает в муравьях, как бы пронизывая их внутренности сетью, пожирая их и управляя поведением. Затем, когда все сочные кусочки муравья заканчиваются, грибок вылезает у него из головы, чтобы выпустить споры.

Не просто из головы, а из затылка, припоминает Айлин. Оттуда, где у человека находится загривок.

В зеркале Женщина в Белом подается вперед, щурясь.

— Хм-м, уже вижу, что ты все не так поняла, — говорит она. — О чем бы ты сейчас ни подумала, все совсем не так. Дай-ка объясню. Только так вести разговоры неудобно. Подожди секундочку, я перемещусь к тебе.

Что-то вылетает из зеркала, проносится мимо лица Айлин и попадает на заднее сиденье. У Ай-

лин перехватывает дыхание, и она рефлекторно отшатывается, однако не успевает испугаться того, что пролетело мимо. Насколько она может судить, это просто длинный толстый язык бесформенного белого вещества, который просачивается сквозь зеркало, словно его рамка — это конец какой-нибудь трубки или желоба. Когда она оборачивается, то видит не лужу слизи, как ожидала, а сапоги. Белые невыразительные сапоги, не прикрепленные к ногам, низ которых постепенно начинает обретать текстуру и цвет. Затем из них пикселями вырастают ноги, чинно скрещенные друг с другом. Затем появляются бедра и талия, лишь с запозданием приобретающие реалистичность и четкость, — и наконец Женщина в Белом появляется целиком, сияя улыбкой и держа на коленях маленькую сумочку-клатч.

В какой-то кратчайший миг разум Айлин пытается подать сигнал тревоги, предупредить о гибели, об экзистенциальной угрозе, включить первобытный инстинкт самосохранения. И прими поток субстанции какой-то другой вид, окажись он чем-то отвратительным, она бы закричала.

Не делает она этого по трем причинам. Первая и самая примитивная заключается в том, что

жизнь запрограммировала Айлин ассоциировать зло с вполне определенными вещами. Со смуглой кожей. С уродством, шрамами, повязками на глазах или людьми в инвалидных колясках. С мужчинами. На вид Женщина в Белом — полная противоположность всему, чего Айлин учили бояться, и поэтому… Пусть она теперь точно знает, что видит всего лишь личину, а истинная форма Женщины в Белом может быть *какой угодно*…

…Айлин думает: «Ну, на вид же она ничего».

Вторая причина заключается в том, что она подспудно, не совсем осознанно чувствует — эта Женщина опасна. Что случится, если она закричит? Отец прибежит защищать ее, а Айлин совершенно уверена, что обычный человек не сможет причинить Женщине вреда. И что тогда — Женщина подсадит на него очередной росток-паразит? Отец и так уже склонен к насилию и тирании. Не станет ли он тогда еще хуже? Айлин готова пойти почти на все, чтобы избежать этого.

Третья и, возможно, самая сильная из причин, которые ее останавливают, заключается в том, что она мучительно одинока, а Женщина уже стала казаться ей почти что другом.

Так что Айлин не кричит.

— А теперь ты просто езжай на работу, — говорит Женщина в Белом, протягивая руку и похлопывая Айлин по плечу. Снова появляется то мимолетное, едва заметное ощущение, словно ее что-то кусает, но не успевает причинить боль. На этот раз Айлин вздрагивает, понимая, что означает этот укус, однако, когда Женщина убирает руку, белого ростка на ее плече не остается. Женщина издает негромкий вздох. Айлин судорожно выдыхает.

(Она не позволяет себе услышать во вздохе Женщины разочарование. И не позволяет услышать в собственном вздохе облегчение. Иначе ей придется усомниться в том, что Женщина в Белом не так уж плоха. А это заставило бы ее засомневаться в своих собственных суждениях и предубеждениях и счесть их неубедительными. А учитывая то, как сильно в последнее время ей приходилось бороться, чтобы обрести *хоть какую-то* веру в себя, она не готова снова начать сомневаться. Так что все в порядке. Все в порядке.)

Сосредоточившись на важном, Айлин указывает пальцем на огромную белую штуковину, похожую на башню, которая выросла в ее дворе.

— Что это такое?

— М-м-м, можешь считать ее чем-то вроде кабеля-переходника, — говорит Женщина в Белом. — Ты ведь знаешь, что это такое, да?

— Да. Но это не кабель.

— Конечно, кабель. Просто *очень* большой.

Айлин качает головой. Еще минута, и она свихнется.

— Ладно. Допустим. И к чему же он тогда подключен?

— Ну-у-у, переходники обычно соединяют устройства, по-разному выполняющие одну и ту же функцию, верно? — Женщина пожимает плечами. — Ты хочешь послушать музыку. У тебя есть динамики, которые работают с одним проигрывателем, но вся твоя музыка записана на проигрывателе совсем другого типа. Понимаешь? Желаемого ты не получишь, и это раздражает. Однако есть простое решение. — Она указывает на белую башню.

Звучит бредово, но Айлин понимает. Она медленно качает головой.

— И что же такого *разного* можно передавать по *такой громадине?*

— Мою вселенную в вашу.

— Я… — Айлин выпучивает глаза. Затем закры-

вает рот. На это ей точно нечего сказать.

Женщина нетерпеливо вздыхает, а затем машет рукой в сторону руля:

— Поехали, поехали! Не хочу, чтобы ты привлекала еще больше внимания, отклоняясь от своей обычной рутины. Я не могу приглядывать за тобой постоянно. Поэтому тот мерзкий маленький Сан-Паулу чуть не добрался до тебя прошлой ночью. — Затем она довольно улыбается и восторженно хлопает в ладоши. — Но ты ему показала, верно?

Ее восторг заразителен. Айлин и правда почувствовала себя лучше, отправив того мужчину кувырком в воздух. И Коналла тоже. Она замечает, что машина Сан-Паулу уже исчезла, и утром сюда не приезжала ни полиция, ни «Скорая», так что она решает, что тот просто встал и уехал самостоятельно. С двумя переломанными руками? Ну да неважно. Айлин улыбается сама себе, затем поворачивается к рулю и заводит машину.

— Да. Ладно. Но если ты поедешь со мной на работу, то расскажи хотя бы, что происходит.

— Это я и собираюсь сделать, милая.

Айлин выезжает с участка и слышит, как Женщина устраивается на заднем сиденье. Когда она сворачивает на улицу и переезжает че-

рез водосточную канавку, происходит нечто странное — машина будто просаживается ниже обычного. Подвеска стонет, и Айлин слышит, как днище машины громко скрежещет по асфальту. Женщина в Белом бормочет что-то вроде: «Дурацкая *гравитация*, вечно забываю правильное соотношение», — а затем машина поднимается на свою обычную высоту и дальше едет уже без трудностей.

— Переходники дают дополнительную *возможность*, — говорит Женщина, пока они едут. Айлин пытается посмотреть на нее в зеркало заднего вида, ведь правила вежливости гласят, что во время разговора нужно смотреть на своего собеседника, но Женщина сидит не на том месте. — Просто на всякий случай. И расставлять их приходится там, где твоя вселенная стала чуточку дружелюбнее ко мне. То есть, к сожалению, у тебя во дворе. А еще на паромной станции, в том парке, где раньше была свалка, и в том колледже, куда ты раньше ходила. Где ты работаешь?

— В общественной библиотеке на… — и тут до Айлин доходит. Однажды после работы она пошла в «тот парк», и там на нее все время пялился работник, собиравший мусор. Произошло это не то в прошлом месяце, не то раньше. — Ты

что, ставишь эти штуковины всюду, куда бы я ни пошла?

— Не всюду. Лишь в тех местах, где ты так или иначе отринула эту реальность. Даже до того, как ты стала городом, подобные действия имели силу. Все-таки объекты в суперпозиции меняют свое состояние в зависимости от наблюдателя.

— Ладно. — Айлин это не нравится. Она даже не понимает, о чем речь. Но вряд ли это так уж важно, ведь Женщина в Белом милая и выглядит нормально, и поэтому у Айлин нет оснований бояться ее или чувствовать, будто ею воспользовались. И потом, Женщина ведь не *лжет*, а обо всем рассказывает; разве это не хорошо? — Э-э… хм… Ну ладно.

— Поэтому-то ты мне и нравишься, Лин. — Так ее называет мама. Отец никогда не называл ее Лин. И никому другому она тоже не позволяла этого делать. — Ты всегда готова пойти навстречу. Кто бы мог подумать, что из всех городов именно *у этого* окажется столь любезная составляющая! Такой толерантный женообразный сосуд.

Да. Айлин всегда старалась быть толерантной. Она делает глубокий вдох.

— Итак… переходники?

— Ах да. Так вот, если я смогу присоединить

еще несколько таких же, как в твоем дворе, то смогу выстроить… хм. Хр-р-р-р. — Айлин слышит, как Женщина в Белом раздраженно ерзает. — Этот мир такой примитивный. Я, наверное, даже не смогу найти достаточно подходящих аналогий, чтобы все объяснить, ведь ты едва понимаешь, как устроена эта вселенная, не говоря уже о других.

— Ого. Я и не знала, что их больше одной.

— Вот видишь? Ну как ты можешь не знать столь элементарных вещей? О, но их же почти-что-бесконечные-миллионы. *Хакретимаджиллионы.* И с каждой минутой их становится больше! — Но на этот раз в голосе Женщины не слышно восторга. — В этом, конечно, вся беда. Когда-то существовала лишь одна вселенная. Одно царство, где возможность превратилась в вероятность и появилась жизнь. Так много жизни! Она существовала почти на каждой грани и поверхности, парила в каждом слое воздуха, забивалась в каждую щель. Не то что в этой скупой вселенной, где жизнь ютится на нескольких мокрых шариках, которые бегают вокруг горстки шариков из газа. Ах, Лин, если бы ты только могла увидеть, как там прекрасно.

Что-то меняется в зеркале заднего вида, слов-

но в ответ на задумчивость Женщины. Айлин старается не смотреть, ведь она за рулем. Пусть они едут всего-навсего по двухполосной дороге в местности, где между районами пролегают поля и лесные массивы, ей все равно не хотелось бы узнать, что такое лобовое столкновение. И все же… Бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида, она уже не видит ни машину, которая ехала за ней, ни дорогу, ни школьный автобус, который собирался свернуть с перекрестка, который она только что проехала. Вместо этого она снова видит тот пустой затененный зал, из которого Женщина начала разговор. Затем Айлин замечает в воздухе завихрения пара… Или жидкости? Или краски? Просто извилистую цветную полосу, которая бегает и перетекает по зеркалу, похожая на жидкость и на нечто живое, бледно-розовое на фоне резких теней. По зеркалу движется что-то еще — и на этот раз Айлин начинает испытывать легкую тревогу, потому что это что-то — черного цвета, а все черное обычно плохое. Однако тревога быстро унимается, потому что она тут же видит, что чернота эта — округлая и цилиндрическая, а плохие вещи никогда прежде такую форму не принимали. Чернота похожа на хоккейную шайбу.

Айлин любит хоккей, хотя «Рейнджерс» играют слабовато. (Ей больше нравятся «Айлендерс», хотя они и не со Статен-Айленда.) Или, может быть, это что-то вроде тех шоколадных пирожных, которые в ее детстве обычно заворачивали в фольгу и которые она не ела с тринадцати лет, потому что отец однажды сказал, будто она набрала слишком много веса. Как они назывались? «Ринг-Донг»? «Динь-Хо»? В общем, когда-то давно она их обожала, поэтому теперь, видя, как эта штука проносится сквозь поток розовой дымки, стирая ее, Айлин просто думает: «Ха, странно, но довольно мило», — и едет дальше.

(Но дымка ведь не просто *движется,* а… бежит? Она отпрянула в сторону. Айлин слышит слабое, пронзительное бормотание, похожее на мольбу, на крик боли, на звуки борьбы и, наконец, вопль безнадежного отчаяния — а затем зеркало снова пустеет, и ей приходится переключить внимание на дорогу.)

— В той первой вселенной нет городов, — продолжает Женщина. Они тем временем едут мимо лесов и торговых центров. — Зато есть чудеса, какие ты и вообразить не можешь. Проявления физики и интеллекта переплетаются, превосходя все, чего когда-либо сможет достичь этот мир,

но там нет ничего столь чудовищного, как города. Знаю, тебе, должно быть, странно считать такую важную часть своей сущности чудовищной, ведь ты *сама* — город! Но для обитателей того царства нет ничего более ужасающего и кошмарного… — она издает тихий грустный смешок, — чем города.

Айлин задумывается и решает, что понять это совсем нетрудно. Стоя на причале парома и глядя через залив на маячащий вдали силуэт Манхэттена, она дрожала в его тени.

— Города и правда *чудовищны*, — говорит она. — Они грязные. В них слишком много людей и машин. Повсюду преступники и извращенцы. А еще они вредят природе.

— Да, да. — Женщина взмахивает рукой; в зеркале мелькают ее пальцы, на секунду заслоняющие место, полное теней. Когда пальцы исчезают, Айлин видит, что черная цилиндрическая штука вернулась и теперь держится у края зеркала. Она не стоит на месте, а неритмично подпрыгивает вверх и вниз. Странно, но мило.

Женщина продолжает:

— Все так, но столь ужасными города становятся не из-за этого. Кое-что ты уже, наверное, понимаешь, да? Ты заглянула за пределы этого

царства и увидела границы других реальностей. Все мыслящие создания познают сами себя хоть отчасти, такова их природа.

— Я… — Айлин хочет возразить. Ей не нравится, когда ее приравнивают к чему-то, что она ненавидит. А еще она не понимает, что пытается сказать Женщина. — Наверное?

— Да. Ну так вот. — Еще один взмах руки. Похожая на шайбу сосиска… нет, не сосиска — Айлин хихикает; такое название кажется ей грязным. Пусть лучше будет «Динь-Хо». Так вот, «Динь-Хо» внезапно перестает подпрыгивать или пульсировать, словно заметил движение Женщины. Будто они как-то связаны. Но то место с резкими тенями — оно ведь ненастоящее, правда? Оно будто находится где-то далеко-далеко за пределами заднего стекла машины. До сих пор Айлин была уверена, что это — оптическая иллюзия, отражение от одного из боковых задних окон или игра преломившегося света. Или же странный сон наяву. На завтрак она ела хэш из солонины; возможно, у нее галлюцинации из-за недопереваренной солонины или недожаренного картофеля.

(Много, много позже, когда все приключения почти подойдут к концу, Айлин вспомнит про тот момент и подумает: «Ну и дрянь же эта предвзя-

тость подтверждения».)

— Беда в том, — продолжает Женщина, судя по тону, начиная настоящую тираду, — что города подминают под себя все, до чего могут дотянуться. В бытии бесконечно много места, его хватает для всех вселенных, порождаемых жизнью, — даже для таких причудливых, как эта! Всем найдется свой уголок. Но некоторые формы жизни не способны довольствоваться лишь своей экологической нишей; они по природе своей посягают на все вокруг. Они *пробивают вселенные насквозь* — и, когда им это удается, превращают десять тысяч реальностей в ничто. — Она щелкает пальцами. — А могут они натворить и еще что похуже, если постараются. Или даже если не будут стараться.

В мире резких теней происходит нечто странное. «Динь-Хо»… становится больше? Нет, он просто приближается к зеркалу. Айлин ощущает затылком слабое дуновение холодного ветерка. Какое блаженство. Сейчас июнь, и кондиционер в машине работает скверно, лишь время от времени выплевывая порывы действительно холодного воздуха. Наверное, нужно жидкость залить. А Женщина в Белом, похоже, открыла сзади вентиляционное отверстие.

— Звучит, э-э-э, ужасно, — говорит Айлин, поглядывая на спидометр. Если ее оштрафуют, отец еще долго будет ей это припоминать.

— Это катастрофа, по сравнению с которой гибель всего вашего вида кажется сущей мелочью. — Айлин почти что слышит, как Женщина пожимает плечами. — В конце концов, что такое еще один вымерший разумный вид, если бесчисленное множество таких же ежедневно уничтожаются ужасными *городами?*

Айлин потеряла нить мысли Женщины.

— Подожди, что?

— Ты ведь работаешь в библиотеке. Читала что-нибудь из Лавкрафта?

Айлин потирает шею. Кажется, ее уже продуло. Она хочет попросить Женщину в Белом закрыть вентиляцию, но за окном редкие леса уже уступили место автомастерским, заправочным станциям и рекламным щитам торговых центров Нью-Джерси. Это значит, что они почти подъехали к библиотеке, где работает Айлин. Что ж, если станет совсем невмоготу, у нее в сумочке есть миорелаксанты.

— Читала, но немного, — отвечает она. Ей никогда особо не нравились научная фантастика и фэнтези, разве что любовное — она любит

хихикать над историями об инопланетянах с большими синими пенисами. Однако один из старших библиотекарей, большой поклонник Лавкрафта, все время настаивал, чтобы она что-нибудь прочла, и Айлин наконец сдалась. — То есть «Тень над Иннсмутом» показалась мне бессвязной, но я понимаю, почему люди снимают кино о чудовищах. Его рассказы я тоже пробовала читать. — Те оказались еще более бессвязными. Однако в одном рассказе действие происходило в Нью-Йорке, в Ред-Хуке, где находится «Икеа», и там звучали те же слова, какими отец описывает Бруклин: полный преступников, страшных иностранцев и банд преступников, состоящих из иностранцев. Тот рассказ ей понравился, по крайней мере, потому, что главный герой был ирландцем и боялся высоких зданий.

Голос Женщины стал мрачным.

— Лавкрафт был прав, Айлин. В городах и в их жителях есть нечто *иное*. По отдельности ваш вид — ничто. Микробы. Автотрофы. Но не забывай: однажды автотрофы уничтожили на этой планете почти всю жизнь.

— Подожди, что? — Да не может такого быть. Автотрофы? *Водоросли?* — Правда, что ли?

— Правда. Города — это заразная болезнь, ко-

торой подвержена жизнь на этих ветвях бытия. Посели в одном месте достаточно людей, позволь штаммам свободно меняться, дай им благоприятную среду для роста, и тогда ваш вид начинает сливаться в… общность. — Айлин слышит, как Женщину в Белом передергивает, как шуршит ее одежда. — Вы едите блюда других народов, изучаете новые кухни, сочетания специй, обмениваетесь новыми ингредиентами — и так становитесь сильнее. Вы носите одежду, модную у других, изучаете новые модели поведения, чтобы применить их в своей жизни, и благодаря этому *становитесь сильнее*. Один-единственный новый язык заражает вас совершенно иным образом мышления! Да что там, всего несколько тысяч лет назад вы еще считать не умели, а теперь понимаете квантовую природу Вселенной — и вы прошли бы этот путь еще быстрее, если бы не пытались все время уничтожить соседние культуры, из-за чего вам приходилось все начинать с нуля. Это просто чересчур.

Айлин хмурится.

— Что плохого в том, чтобы выучить новый язык? — В детстве она учила гэльский. Он труднопроизносимый и поблизости не было других носителей языка, с которыми она могла бы по-

практиковаться, так что Айлин уже забыла почти все, что выучила, кроме нескольких красочных фраз и пары песен. Но она не может понять, почему учить его было плохо.

— Ничего. Я не осуждаю, а лишь описываю вашу природу. Но в ней заключается вся беда, потому что *вы* растете, а вместе с вами растут и *ваши города*. Вы меняете друг друга, город — людей, а люди — город. Затем ваши города начинают объединять множество вселенных — и как только происходит несколько таких проколов, вся конструкция бытия подкашивается.

Теперь Женщина в Белом подается вперед. Айлин видит на подголовнике пассажирского сиденья ее руку.

— В бесчисленных мирах гибнет бесчисленное множество людей, а вы даже не замечаете. Целые галактики оказываются раздавлены ужасными, холодными основами вашей реальности. Некоторые из ваших жертв знают об опасности и взывают к вам, но вы не слышите. Некоторые пытаются бороться с вами, убегают в ближайшие миры, надеясь найти там убежище, даже поклоняются вам, моля о милосердии, — но ни у одной из этих несчастных душ нет шанса спастись. Как ты считаешь, Айлин, это справедливо? Ты

понимаешь, почему я должна вас остановить?

Как это ни ужасно, Айлин понимает. Если все это правда… Боже, как же ужасно. Вот только… она хмурится и чувствует себя немного виноватой за подобную мысль, но… разве это *зло?* Отчасти слова Женщины похожи на взгляды одной из библиотекарей, мисс Паппалардо — веганки, которая всегда твердит Айлин: «Бесчисленное множество живых существ были порабощены, чтобы ты могла добавлять в свой чай мед». Айлин же считала, что такие рассуждения неверны: пчелы производят больше меда, чем потребляют, а отношения между пчелами и людьми больше похожи на симбиоз, чем на рабство. Но Айлин продолжает добавлять в свой чай мед по совсем другой причине. Просто… Бога ради, это же всего лишь мед.

— Может быть, есть и другой способ, — вдруг произносит Айлин. Она вспоминает наклейку на бампере машины мисс Паппалардо. — Чтобы мы все… сосуществовали?

— Нет. Уже пытались. — Затем Женщина печально вздыхает. — Видишь ли, я знаю, что на самом деле вы не злые. В конце концов, меня создали для того, чтобы я помогла существам из моего мира понять вас, — и я понимаю вас

лучше, чем когда-либо удастся понять им! Но понимание не всегда помогает.

Да-дум.

Айлин в этот момент сворачивает на перекрестке. Отвлекшись на разговор и на этот странный звук, раздавшийся сзади, она запоздало выкручивает руль. Радиус поворота оказывается неправильным; она врезается в поребрик, вслух ругается и резко крутит руль, чтобы выправить машину. Сначала она забирает слишком сильно в сторону, из-за чего ей приходится вывернуть руль обратно, чтобы не врезаться во встречный автомобиль. Ее машину заносит из стороны в сторону, и Айлин снова начинает казаться, будто она перегружена и еле едет…

— Что за… проклятье, я же *сказала* тебе оставаться в промежутке! — резко произносит Женщина, когда Айлин наконец выравнивает машину. — Посмотри, что ты наделал!

Айлин обиженно отвечает:

— Прости! Я просто… услышала какой-то странный звук…

— Я не тебе, Лин, дорогая, извини. — Раздается резкий звук плотно захлопываемой двери, после чего холодный сквозняк прекращается. Машина немедленно поднимается, выпрямляется, и под-

веска издает скрип, который в воображении Айлин звучит как вздох облегчения. Надо бы ее проверить.

Заезжая на парковку у библиотеки, Айлин выбирает себе место, глушит машину и с облегчением вздыхает, радуясь, что не попала в аварию. Ей придется проверить, не помяты ли передние диски, и отец убьет ее, если машине потребуется серьезный ремонт, но все же Айлин рада, что не случилось чего похуже. Когда она смотрит в зеркало заднего вида, отражение в нем снова самое обычное: парковка, улица, машины, и мимо, ковыряя в носу, идет какой-то парень. Айлин оборачивается и видит, что Женщина в Белом тоже обернулась и сердито смотрит в заднее окно на этого парня, словно он лично и до глубины души оскорбил ее. Это странно, но не страннее обычного, поэтому Айлин говорит:

— Так что, тебе вызвать «Лифт» или какое другое такси? — Ей совсем не хочется, чтобы Женщина в Белом пошла вместе с ней на работу.

— Что? О нет, дорогая. — И Женщина улыбается, снова поворачиваясь к ней. Улыбка у нее добрая и ласковая. — Ты всегда такая заботливая. Я буду по тебе скучать.

— Ты куда-то уезжаешь?

— Нет. Послушай. — Она тянется к Айлин и касается ее руки, лежащей на пассажирском сиденье. — Ты ведь понимаешь, что я не испытываю к тебе ненависти, да? В мультивселенной вера очень важна, а я настолько похожа на вас, что тоже жажду доверия, привязанности и прочей ерунды. Итак… ты мне веришь? Когда я говорю, что ты мне не безразлична и что мне бы хотелось, чтобы обстоятельства были иными?

— Конечно, верю! — Айлин никогда не умела винить людей за их добрые намерения. И Женщина в Белом, кажется, сожалеет так искренне, что Айлин всем сердцем сочувствует ей. Она не может представить себе мир, в котором люди с добрыми намерениями могли бы причинить какой-либо настоящий вред. И у нее не получается сопоставить столь сложные и важные разговоры о мультивселенных, неизбежной гибели и живых городах с обыкновенной реальностью, в которой Женщина — просто хороший человек. А этому миру нужно больше хороших людей.

Поэтому она похлопывает Женщину по руке — учитывая их положение, получается неловко.

— Все будет хорошо. Вот увидишь.

Женщина улыбается.

— Какой же ты замечательный крушитель

измерений, — говорит она. — Я сделаю все, что в моих силах, и буду заботиться о тебе так долго, как только смогу.

А потом — если бы Айлин не смотрела прямо на нее, она бы в это не поверила — Женщина в Белом исчезает. Безо всякого дыма, хлопка и волшебной двери. Она просто пропадает.

Какое-то время Айлин сидит на месте, потрясенная и сбитая с толку, и гадает, почему она вдруг чувствует соленый запах океана. Однако она вот-вот опоздает, поэтому через несколько секунд просто качает головой, принимает то, чего не может понять, и спешит на работу.

Глава тринадцатая
В стиле бозар

— То же самое произошло с Лондоном, — объясняет живое воплощение города Гонконг, едва скрывая свое нетерпение. — Только в том случае аватаров было больше дюжины. Потом что-то случилось, и остался лишь один, но город с тех пор был в безопасности.

Повисает тишина. Какое-то время Мэнни и остальные, потеряв дар речи, просто смотрят на Конга, и он, похоже, злится от этого еще больше. Затем он свирепо смотрит на Паулу.

— Ты им не говорил?

Паулу, все еще опираясь на Венецу, громко вздыхает.

— Я их раньше *даже не видел*. И я бы все объяснил, но сначала подготовил бы их к этому, а не рубил бы сплеча, как *тупой бесчувственный осел*.

— Поглотит нас, — произносит Мэнни медленно, чтобы убедиться, что он все правильно понял. — То есть съест.

— То есть как каннибал, — выпаливает Куинс,

широко выпучив глаза. — То есть мы умрем!

— То есть как в Содоме и Гоморре, — говорит Конг, упирая руки в бока. — Хотя мне говорили, что Враг убил Содом еще до того, как слияние завершилось… пока они находились в переходном состоянии вроде того, в котором сейчас оказались вы. Согласно легендам, на те города «полились огонь и сера»; на деле же случилось извержение вулкана. Он уничтожил *четыре* города в том регионе, включая два, которые еще даже не ожили.

Мэнни потрясен от осознания того, что Содом и Гоморра действительно существовали. Голова идет кругом. «Хорошо еще рядом с нами нет вулканов», — думает он, не желая принимать действительность. Нью-Йорк стоит на островах на краю моря… и изменение климата все ближе. Скорее всего, их накроет наводнением.

— Нечто подобное может произойти и здесь, — продолжает Конг, будто услышав размышления Мэнни. Он неумолим. — Если Нью-Йорк не поторопится и не поглотит вас всех, то это *случится*. Вот только, учитывая, насколько взаимосвязаны города этого региона, мы полагаем, что в результате катаклизма пострадают части Нью-Джерси, Лонг-Айленда, Пенсильвании и Коннектикута. Возможно, и Западного Массачусетса тоже.

В этом регионе есть существенные тектонические нарушения.

Ладно. Может быть, и не наводнение. Или, может быть, сначала землетрясение, затем наводнение, а потом куски Восточного побережья свалятся в море. Столько вариантов, что не угадать.

Судя по виду, все потрясены. Мэнни тоже, но, похоже, в прошлом ему часто приходилось быстро приходить в себя и реагировать на шокирующие, ужасающие новости.

— Ты лжешь, — резко отвечает он. Конг стискивает зубы, но, судя по всему, больше от отвращения, нежели от злости. — Ты пытаешься манипулировать нами. Напугать нас, заставить сделать…

Сделать то, что нужно городу. Пожертвовать собой, чтобы не дать Женщине в Белом превратить агломерацию трех штатов в кратер.

— Я говорю вам, что *нужно* сделать, — отвечает Конг. Он произносит это медленно и холодно, словно они — плохие ученики, которых он вынужден наставлять. — Я рассказываю вам, что *уже происходило* во всех тех случаях, когда город рождался составным — то есть сложенным из нескольких городов, как ваш. Есть главный

аватар и один или несколько второстепенных, которые воплощают боро, или пригороды, или трущобы, или как они там еще могут называться. Рождение не завершается, и город остается под угрозой, пока главный не поглотит остальных.

— Если вам рассказывали об этом именно такими словами, то «поглотить» или даже «съесть» можно понять и в переносном смысле, — говорит Бронка. Она тоже говорит медленно, хотя Мэнни подозревает, что она просто переваривает сведения. Обдумывает идею вслух. — Может быть… Я даже не знаю. В духовном смысле. В сексуальном, кто ж знает.

— В сексуальном ничуть не лучше! — с ужасом говорит Падмини. Она обводит всех взглядом.

— Я не знаю, что подразумевается под словом «поглотить», — признается Конг. — Но я же вам говорил: в Лондоне аватаров было много, а потом остался один. Она была травмирована. Много лет вообще не разговаривала. Теперь она… не такая, как все мы. Когда заговаривает о том, что произошло, то утверждает, что ничего не помнит. — Он вздыхает и скрещивает руки на груди. — Ничего *хорошего* это явно не значит.

Мэнни хочет на кого-нибудь наброситься.

На кого угодно. Желание выместить на ком-то свою злобу бегает под его кожей, как ток, — но на ком? Главному аватару он не причинит вреда. Набрасываться на кого-то другого бессмысленно, потому что каждый в комнате — либо посыльный, либо еще один пассажир в этом путешествии в сюрреализм. Когда Мэнни делает глубокий вдох, чтобы попытаться успокоиться, это помогает. Наверное, сработала старая привычка. Да. Он не чудовище, бросающееся на всех подряд. Насилие — это инструмент, который нужно контролировать, направлять и использовать только для достойных целей. Он решил, что будет жить по таким правилам.

Мэнни обращает взгляд на Паулу, но не для того, чтобы напасть, а чтобы понять.

— Вы не могли «подготовить» нас к такому, — говорит он. — Никак.

Окидывая его циничным взглядом, Мэнни думает, что Паулу все еще выглядит неважно. Бразилец уже стоит сам, рядом с небольшим холодильником в офисе Бронки, но все еще горбится. Под глазами у него темные круги. Тем не менее он осторожно, с достоинством выпрямляется.

— Я бы сначала объяснил, каковы ставки, — говорит он. — Вы все — эгоисты, как и всякий

человек, но сущности вроде нас *не имеют права* думать лишь о себе. От аватара города зависят тысячи и миллионы жизней. Наш Враг уже ворвался в ворота, и времени больше нет. Если вы выяснили, где находится главный, то вы обязаны пойти к нему. — Он делает глубокий вдох. — А затем сделать то, что потребуется.

Из всех присутствующих первой из себя выходит Падмини. Мэнни этого не ожидал. Она кажется такой милой девушкой. Но она отскакивает от стены и бросается на Паулу, отталкивая его к холодильнику.

— Вы хотите, чтобы этот… эта… тварь… нас убила? *Сожрала?* Да вас даже не было рядом, когда вы были нужны нам, а теперь вы просто заявляетесь сюда и говорите нам умереть? Как вы смеете! *Как вы смеете?!*

Мэнни реагирует не задумываясь и хватает ее за плечи прежде, чем она успевает сделать что-то еще. Он делает это по двум причинам: во-первых, потому что Паулу поморщился, когда Падмини толкнула его, словно его травмы оказались серьезнее, чем они предполагали, или будто ее толчок причинил ему гораздо больше боли, чем должен был. «Только Нью-Йорк может так сильно ранить Сан-Паулу здесь, в черте города».

Пусть союзник из Сан-Паулу не самый надежный, но Мэнни подозревает, что он им еще пригодится.

Вторая же причина более рефлекторна. Дело в том, что Падмини назвала главного аватара «тварью».

— Прекрати, — рявкает он на нее. Мэнни понимает, что ему не стоит срываться на ней. Все же Падмини злится не просто так. Но он не может вынести ее отречения от главного аватара — от Нью-Йорка. Ведь они все — его часть. Мэнни тоже это чувствует, в тех уголках собственной личности, которые еще три дня назад не существовали: все, что они могут сделать с другим городом, они также могут сотворить и друг с другом. Но если Нью-Йорк станет воевать с самим собой, последствия будут ужасны — ведь разве может человек пырнуть себя ножом в живот и остаться невредим?

Падмини вырывается из его хватки, тут же стискивая руки в кулаки. Мэнни уже готовится к схватке, как человек и как остров с хрупкими небоскребами, построенными по самой низкой тендерной цене. К счастью, Падмини лишь кричит на него:

— Замолчи! Я больше не хочу тебя слушать!

Ты сумасшедший. Ты, наверное, вообще *хочешь*, чтобы он тебя съел. Зачем мне становиться одной из вас? Ух-х-х!.. — Она отворачивается, всплескивает руками и издает звук, похожий на рычание.

— Я тоже не хочу умирать, — отвечает он и тут же продолжает говорить, не давая себе задуматься над остальными словами Падмини. — И мы точно не знаем, умрем или нет! Паулу ведь сказал: происходит нечто *необычное*, непохожее на все предыдущие случаи. — Мэнни поднимает глаза и сурово смотрит на города-чужаки. Паулу старается делать вид, что он вовсе не опирается на холодильник, чтобы не упасть. Конг просто бесстрастно смотрит на Мэнни. — Я вижу, что вы тоже растеряны. То, как мы пробудились, и то, как действует с тех пор Враг, — вы оба ждали чего-то другого и раз за разом *удивляетесь* тому, что происходит. Похоже, сейчас вы знаете не больше нашего!

— Возможно, это и так, — с готовностью соглашается Конг. Вид у него скучающий. Неудивительно, что Паулу его на дух не выносит. — Рождение нового города действительно каждый раз проходит по-разному. Вам стало бы легче, если бы я умолчал о том, что во всех известных нам прецедентах второстепенные аватары исчезали?

— Нет. Нам нужно было узнать об этом, — говорит Бруклин. Она единственная пока что не поднялась на ноги и по-прежнему сидит в самом большом из разномастных кресел Бронки, чинно скрестив ноги и сложив руки на коленях. Наверное, только Мэнни видит, как побледнели ее костяшки.

Конг секунду смотрит на нее, затем согласно склоняет голову.

Падмини отворачивается и начинает расхаживать по тесному кабинету Бронки, что-то бормоча себе под нос. Она все время перескакивает с тамильского на красочные английские ругательства. Мэнни пытается не обращать на нее внимания, дать ей спокойно выговориться, но затем она произносит:

— Kan ketta piragu surya namashkaram, — что переводится не то как «Зачем смотреть на солнце, если ты уже ослеп?» или «Зачем заниматься утренней йогой, если ты поздно проснулся?», и Мэнни все же не сдерживается.

— Мы друг другу не враги, — говорит он. Падмини останавливается и пристально смотрит на него. — Враг у нас один, и она уже напала на каждого из нас, на некоторых даже несколько раз. Главный же пока не пытался нам навредить.

Он на нашей стороне. У него нет причин желать нам смерти…

— Ты этого не знаешь, — со вздохом говорит Бронка.

— Неважно, *хочет* он нас убить или нет, новенький, — говорит Бруклин. Ее голос стал жестче. Она скрещивает руки, глядя на Мэнни поверх них. Она все еще заметно измотана битвой с тварями, которые напали на ее семью, и потрясением от утраты собственного дома. — В жизни очень много дурного делается вовсе не по личным мотивам. Этот главный мог любить нас всех как родных братьев и сестер, но в конце концов он сделает то, что должен. Как и мы на его месте. Миллионы жизней в обмен на четыре? — Она пожимает плечами, как будто бы беззаботно, хотя это не так. — Тут даже обсуждать нечего.

Мэнни кивает ей, благодарный за поддержку. Бруклин в ответ смотрит на него прямо и холодно. Так он понимает, что она сказала это не для него.

Затем Конг тоже кивает.

— Что ж. Теперь вы все знаете. Тогда пошли.

Все поворачиваются и смотрят на него. Даже Мэнни качает головой, поражаясь полному отсутствию у него такта.

— Поспешил ты, чувак, — говорит Венеца. Одному богу известно, что она обо всем этом думает, но общий смысл девушка явно улавливает. — *Капец* как поспешил.

— Да мне плевать, — спокойно отвечает Конг. — Все вы заслуживаете знать правду, но в одном Паулу прав — места для сентиментальности, индивидуализма или трусости уже не осталось. Только что по дороге из аэропорта Кеннеди я видел, как белые щупальца покрывают целые кварталы. И вы заметили, что они сплетаются в *постройки?*

— В постройки? — Бронка хмурится. — Какие, например?

— Такие, что мне и сравнить их не с чем. На Статен-Айленде я видел… — Конг впервые колеблется и как будто сомневается. Затем он качает головой, и его выражение лица становится прежним. — Нечто вроде башни. Представить не могу, для чего она нужна. Но если ее построила Враг, то она явно затевает что-то недоброе.

Венеца резко встает и выходит из кабинета Бронки, оставив дверь открытой. Уже поздно, но закатные лучи еще проникают через главное окно галереи, поскольку ставни пока никто не опустил. Все смотрят на девушку, а она тем

временем останавливается у большого окна, купаясь в косых красных лучах, и подается вперед, вглядываясь вдаль. Затем она указывает на окно, поворачивается и кричит им:

— Башня, да? Эм-м, вот такая?

Все спешат в главную галерею и собираются у окна рядом с ней.

Отсюда ее трудно разглядеть. На таком расстоянии она кажется маленькой, хотя и изгибается дугой над деревьями, зданиями и мчащимися по какому-то шоссе машинами. Мэнни приходится прищуриться, чтобы разглядеть ее: башня похожа на нечто среднее между гигантской поганкой и воротами в Сент-Луисе: это неровная арка с кривыми изгибами и изворотами, приплюснутая сверху. С краев верхней площадки свисают ленты, которые медленно колышутся и постепенно становятся настолько тонкими, что рассмотреть их с такого расстояния совершенно невозможно. Однако нетрудно догадаться, куда уходят эти струящиеся ленты. Вниз. Туда, где они делятся на тонкие нити и расходятся по улицам.

— Я увидела ее сегодня, когда ходила на обед, — тихо говорит Венеца, пока все таращатся на башню. — Сначала подумала, что это какая-то художественная инсталляция, или плохой

маркетинговый трюк, или еще что. Собиралась после работы сходить поглазеть. Но когда я написала об этом подруге — она там живет, в Хантс-Пойнте, — та сказала, что ничего подобного не видела.

Бронка тихо стонет.

— Я живу в Хантс-Пойнте. Черт, да эта штуковина, наверное, торчит прямо над моим домом.

Конг косится на Венецу.

— Я бы не советовал приближаться к этому месту.

— Да ну, правда, что ли?

— Что это? — спрашивает Паулу.

— Понятия не имею. — Конг вздыхает. — Ты, похоже, был прав, когда говорил, что этот город — необычный случай.

— Да, прав. — Паулу гневно смотрит на него. — Кстати, огромнейшее тебе спасибо за то, что бросил меня на амбразуру.

— Не за что, — спокойно отвечает Конг.

— Смотрите, — тихо, с ужасом говорит Бронка. Она указывает на улицу прямо перед центром. На другой стороне по тротуару идет компания латиноамериканских подростков. Наверное, они возвращаются домой с внеклассного мероприятия. Подростки смеются и шутят, отвешивают

друг другу тумаки и радостно шумят, как и свойственно молодежи.

Всего их шестеро. У троих из шеи или из плеч торчат вьющиеся усики. У одного зараженного они покрыли все руки, и еще один маленький росток торчит прямо под глазом.

На некоторое время все замолкают.

Бронка нарушает тишину, делая шумный глубокий вдох.

— Мне нужно… черт. Пойдемте подышим воздухом. — Когда все лишь смотрят на нее, она стискивает зубы. — Просто обойдем квартал. Я здесь уже сорок восемь часов без перерыва. Мне недостаточно трепаться с вами, чтобы понять, что там на самом деле происходит.

Они переглядываются. Конг открывает рот, но Паулу толкает его локтем. Бронка раздраженно рычит и отворачивается от них, собираясь уйти.

Мэнни тут же идет за ней, но она останавливается и свирепо смотрит на него.

— Вам нельзя идти одной, — говорит он. Бронка прищуривается, сверля его взглядом, и, хотя она ниже его ростом, взгляд этот все равно пугает. Но Мэнни он нипочем. (Он уверен, что сталкивался с чем-то пострашнее, хотя и не помнит

с чем.) — Никому из нас нельзя ходить поодиночке, пока все не закончится.

— Бред какой-то, — бормочет Падмини. Венеца неловко похлопывает ее по плечу, но затем присоединяется к Бронке и Мэнни.

— У вас есть наготове конструкт, чтобы защититься, если нападет Враг? — спрашивает Конг.

Уголки рта Бронки приподнимаются, но на улыбку это не похоже.

— Мои ботинки всегда со мной. — Мэнни замечает, что она сейчас вовсе не в ботинках, но Конг, похоже, доволен ее ответом. Конг смотрит на Мэнни, и тот морщится, понимая, что у него ничего нет. Нетрудно догадаться, о чем говорит Конг, но чем же таким исконно манхэттенским он сможет вооружиться, случись что дурное? Он здесь всего три дня, а в своем боро провел меньше суток.

Что ж… Мэнни тянется к заднему карману и находит свой бумажник. Вот дебетовая карта. Пока на ней есть деньги, он будет в порядке.

Конг с сомнением смотрит на него, а затем кивает Бронке.

— Ладно, мы все равно в ее боро. Старайся не путаться у нее под ногами.

Мэнни корчит рожу, но следует за Бронкой

и Венецей на улицу.

Однако стоит им оказаться снаружи, как Бронка останавливается и хмурится. Мэнни замечает, что она вздрагивает, и кладет руку на бедро, словно ей больно.

— Черт, надо было выйти пораньше. Чувствую я себя *совсем* дерьмово.

— Да, но сейчас же жара, — говорит Венеца. Бронка лишь качает головой и начинает идти, заметно прихрамывая.

Центр расположен на пологом холме. Они направляются вверх по склону к небольшой аллее, которую Мэнни видит впереди. Ему кажется, что все выглядит нормально, не считая случайных людей или машин с усиками, которые изредка проезжают мимо. Больших шлейфов, как на магистрали ФДР, никто не оставляет, но раз столь многие в этом районе оказались заражены, значит, что-то где-то их заразило. Наверное, это сделали те башни. И, возможно, та штука на ФДР превратилась бы в нечто подобное, но он смог это пресечь.

Несмотря на свой возраст, Бронка шагает энергично, всякий раз поглядывая на зараженных и бормоча что-то на языке, который Мэнни наконец-то не может понять. Видимо, на Манхэттене

он встречается не так часто. Еще она, помимо бедра, потирает бок. Оба жеста кажутся Мэнни знакомыми. Когда она делает это снова, морщась, словно у нее изжога, он говорит:

— Когда я сражался с той тварью на магистрали ФДР, мне казалось, что она раздирает *меня*, а не только асфальт.

Бронка вздыхает.

— О, хорошо. Я уж боялась, что меня ревматизм прихватил.

Однако на углу Бронка резко тормозит. На ее лице появляется потрясенное выражение. Мэнни напрягается, сует руку в карман, чтобы вытащить дебетовую карту, но Бронка смотрит всего лишь на груды щебня, лежащие на пустом месте напротив. Похоже, что там недавно снесли здание. От него не осталось ничего, кроме нескольких кирпичей и свежевыкрашенного фанерного забора, на котором красуется объявление о том, что скоро будет возведено на этом месте. Мэнни не видит причин для расстройства, но Венеца тоже делает резкий вдох, когда видит это.

— О не-е-ет, — говорит она. — Боже мой. «Киллербургер».

— Что? — спрашивает Мэнни.

— «Киллербургер» исчез! — Всем своим ви-

дом Венеца излучает трагедию. — Там делали самые жирные и сочные бургеры в мире. И этой забегаловке было больше лет, чем мне. Она — *неотъемлемая часть* Бронкса. Когда, черт возьми, они успели его снести? И почему? Там людей всегда было битком набито. Я думала, их дела идут хорошо!

Бронка мрачно поджимает губы и, напрягшись, топает через улицу. Мэнни спешит за ней, чтобы не отстать. Когда она снова останавливается, Мэнни видит, что Бронка сверлит взглядом плакат, который висит на заборе. «Элитное жилье» — гласит надпись над прекрасной архитектурной визуализацией модернистского здания средней этажности.

— Кондоминиумы, — рычит она таким тоном, каким другие сказали бы «кобры». — «Киллер-бургер» занимал первый этаж жилого дома, где много лет жили десятки семей. Я слышала, что пару месяцев назад у них начались какие-то проблемы и им сильно повысили арендную плату, но боже мой. Всех этих людей просто вышвырнули на улицу. Чтобы построить дорогущие, уродливейшие *кондоминиумы*.

— Эй, старушка Би, — внезапно настойчиво зовет ее Венеца. Она заглянула в одно из мут-

ных пластиковых окон, встроенных в фанерный забор, и теперь пятится назад, выпучив глаза и безмолвно указывая в ту сторону. Когда Мэнни и Бронка заглядывают в окно, то поначалу ничего не могут разглядеть, но затем у Мэнни перехватывает дыхание.

По всей заваленной щебнем площадке среди обломков вьются короткие белые усики, похожие на только проросшие саженцы. Их здесь целое поле. По дальнему краю заваленной щебнем площадки неуверенной походкой бредет пожилая женщина, которая толкает перед собой ручную тележку, нагруженную бельем и продуктами. Женщина внезапно спотыкается, хмурится, опершись на тележку, и ненадолго наклоняется, чтобы потереть лодыжку. Когда она выпрямляется и идет дальше, из тыльной стороны ее ладони вырастает белый усик. Вероятно, такой же торчит и из лодыжки, но Мэнни его не разглядеть.

Дыхание Бронки учащается. Она резко поворачивается к плакату и прищуривается.

– *Это* началось еще до того, как город ожил, — рычит она, быстро пробегая глазами по тексту. — Плевать, скольким людям они дали на лапу и скольких подчинили, — в *этом* городе даже зловещие чудовища не смогут получить разреше-

ние на строительство за одну ночь. А это значит, что *доктор Белая* планировала свои ходы не в последние два или три дня, а задолго до.

— Но как? — Мэнни все еще смотрит в окно, хотя теперь, зная, что по ту сторону от забора растут белые усики, он старается отступить подальше. — Неужели она знала, что город вот-вот родится?

— Понятия не имею. Я с головой ушла в *дебильные* политические интриги Рауля… — Бронка вчитывается в мелкий шрифт и бормочет: — Не заметила того, что творилось прямо под носом. Земли в этих местах уже лет сто как нездоровы, но эта хворь — новая, и я *должна была ее заметить*. Они уничтожают все, что делает Нью-Йорк уникальным, заменяя все обычной безликой *ерундой*.

Бронка бьет ладонью по плакату… а затем, хлопая глазами, удивленно подается назад.

— Фонд «Сделаем Нью-Йорк лучше»?

Название кажется Мэнни знакомым. Он наклоняется, чтобы прочитать. Да; в углу вывески спрятан маленький логотип. Стилизованная буква «Л» и миниатюрный силуэт Нью-Йорка… точнее, Манхэттена.

Затем волоски на его коже встают дыбом, и он

запоздало понимает, что силуэт *вовсе не Манхэттенский*. Чем дольше Мэнни на него смотрит, тем больше отличий замечает. В центре находится запоминающееся сооружение, которое он поначалу принял за сиэтлский Спейс-Нидл: длинная сужающаяся колонна, увенчанная чем-то плоским и широким. Затем он замечает странные комочки, неравномерно липнущие к колонне по всей ее длине. Кроме того, сооружение наверху не похоже на ресторан или смотровую площадку. Форма у него более органическая. Оно смахивает на полип или на какой-то другой глубоководный организм.

— «Сделаем Нью-Йорк лучше» — именно этот фонд предложил нам то дурацкое пожертвование, о котором я вам рассказывала, — говорит Бронка. Ее гнев, похоже, прошел, сменившись замешательством и немалым беспокойством. — Тот самый, на который якобы работала «доктор Белая».

И тогда Мэнни вспоминает.

— А еще этот фонд получил в собственность дом Бруклин, — говорит Мэнни.

— Что?

— Вчера Бруклин получила уведомление о выселении из двух зданий, которые уже много лет

находятся в собственности ее семьи, — объясняет Мэнни. — Ее адвокат говорит, что существует какая-то городская программа, цель которой — реновация проблемных или заброшенных зданий. Они отдают дома некоммерческим организациям, которые их восстанавливают и продают. Но что-то пошло не так. Теперь программа завладевает недвижимостью, которая *не заброшена*, то из-за неправильно оформленных документов, то из-за мелких налоговых счетов, по которым не было просрочки. Или вообще на ровном месте, как случилось с Бруклин.

Бронка поднимает брови и слегка присвистывает.

— Так *вот* что с ней не так. Помимо того, что она — Бруклин.

Мэнни кивает. У Бруклин больше связей, чем у большинства людей, и она уже смогла получить какой-то судебный запрет, остановивший выселение на время расследования. Тем не менее из-за произошедшего она все еще на взводе, и неудивительно. Кроме того…

— Так вот, некоммерческая организация, которой передали в собственность ее дома, как раз и называется «Сделаем Нью-Йорк лучше».

Бронка поворачивается к нему; судя по виду,

она одновременно в ужасе и гневе, ее глаза широко распахнуты.

— Боже мой. Она *ждала подходящего момента*.

Венеца наконец отлипает от окна.

— Что?

— Это ловушка. Белая расставила подобные небольшие капканы по всему городу. Когда-нибудь Нью-Йорк должен был неизбежно ожить, и она подготовила все это просто *на всякий случай*.

— Может, она вообще по всему миру их расставляла, — мрачно говорит Венеца. Когда они поворачиваются к ней, девушка вздыхает. — Эта стерва с щупальцами любит планировать, верно? Значит… с чего бы ей не заняться этим и в других местах? Если большинство крупных городов в конце концов оживают, то она, наверное, повсюду, да? Может быть, все крутые щупальца с планеты Икс уже закупились у нас недвижимостью.

Бронка и Мэнни переглядываются.

Мэнни хватает свой телефон и быстро набирает адрес сайта фонда «Сделаем Нью-Йорк лучше», который видит на плакате. Однако не успевает он нажать на «ввод», как Венеца хватает его

за руку.

— Господи, да ты совсем рехнулся, что ли? Не вздумай заходить на их сайт! Что, если вместо вирусов ты подхватишь телефонные щупальца? Просто поищи новости про них или статью какую-нибудь.

Мэнни слушается.

— В Википедии сказано, что фонд существует с девяностых, — говорит он. — Есть активы в Нью-Йорке, Чикаго, Майами, Гаване, Рио, Сиднее, Найроби, Пекине, Стамбуле…

— Они и правда *повсюду*, — говорит Венеца, явно в ужасе от того, что ее теория оказалась правильной.

Мэнни выходит из Википедии обратно в поиск и несколько секунд просматривает другие новости.

— Похоже, до недавнего времени они ничем подобным не занимались — то есть не покупали недвижимость и не лезли в политику. Это они делают только последние лет пять. До этого фонд существовал, но в значительной степени бездействовал.

— Но что-то же этих гадов разбудило. — Венеца подходит к нему вплотную, чтобы заглянуть в телефон. Она тут же ахает и тычет пальцем

во что-то, что Мэнни собирался пролистать. Это ссылка на статью с сайта деловых новостей, заголовок которой гласит: «“МВУ”, материнская компания фонда “Сделаем Нью-Йорк лучше”, удостоена награды за успехи в венчурных инвестициях». — Что еще за «МВУ»?

— Полагаю, раз у них столько филиалов, то ими должен управлять некий единый холдинг, — говорит Мэнни, нажимая на ссылку. — Вряд ли в Бостоне прокатил бы фонд с Нью-Йорком в названии.

Бронка наконец тоже подается к ним и тихонько недовольно ворчит, когда ей приходится щуриться, чтобы прочесть текст. Мэнни услужливо увеличивает шрифт. Бронка сердито смотрит на него, хотя читать ей явно стало легче.

— Хм, у них, наверное, и правда было двадцать три миллиона долларов. Видимо, для них это мелочь, если учесть…

Она замолкает. Мэнни вздрагивает. У Венецы отвисает челюсть. Они одновременно замечают его. Название материнской компании.

ООО «МУЛЬТИВСЕЛЕНСКАЯ
ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ».

Гулять по району уже не нужно. Они выяснили, что происходит на самом деле.

* * *

Наступила ночь. Заперев Центр, они собрались в зале Марроу, под автопортретом главного аватара. Находясь здесь, Мэнни чувствует себя лучше, даже несмотря на ту угрозу, что исходит от главного. Он совершенно уверен, что больше никто не находит в этом портрете утешение, но его мало волнует, что думают остальные, пока они держат свои мысли при себе.

Впрочем, похоже, что о главном больше никто говорить не хочет. Стоило Мэнни и Бронке рассказать остальным, что они выяснили о фонде «Сделаем Нью-Йорк лучше», как лицо Конга впервые приобретает озабоченное выражение. Бруклин же приходит в бешенство.

— Они украли *мою собственность*, — рычит она, вскакивая и начиная расхаживать по залу. Тон политика окончательно исчезает из ее голоса, и Мэнни снова слышит в нем гнев Эм-Си Свободной. — Мой отец *кровью* истекал за эти дома, а эти мультивселенские мрази *украли* их. Что тебе об этом известно? — Она резко поворачивается к Конгу.

— Мы… то есть другие города и я… ничего подобного не замечали, — медленно говорит он.

Падмини недоверчиво смотрит на него.

— А вы вообще *смотрели?*

Паулу тяжело вздыхает. Во вздохе слышится невысказанное «Я же тебе говорил», но эмоций в нем меньше, чем должно бы быть — Паулу явно слишком измотан, чтобы позлорадствовать всласть. Конг хмуро смотрит на него, затем качает головой и говорит, обращаясь ко всем:

— До своего рождения город ничего из себя не представляет. Просто нагромождение зданий, людей и возможностей. Мы же наблюдали за тем, что было актуально.

— То есть, пока ты и другие города занимались обычными делами, *реагировали* на происходящее, эта тварь планировала превентивные удары по всем направлениям, — говорит Бронка. Она расхаживает по одной стороне галереи. По другой почти зеркально ходит Бруклин, только быстрее и со сложенными руками. Бронка же тычет в разные точки на воображаемой карте. — Расставляла маленькие корпоративные ловушки в каждом городе, на случай если какой-нибудь оживет. Вливала тут и там денежки, чтобы ослабить их еще до рождения… или вообще чтобы помешать родиться. — Она качает головой, а Конг и Паулу замирают. Им такая возможность в го-

лову явно не приходила. — Как бы там ни было, едва город все же *рождается*, у Врага уже есть в нем опорные пункты.

Мэнни стоит, прислонившись к стене рядом с портретом главного аватара. Венеца и Падмини сидят неподалеку на одной из скамеек и пытаются узнать больше о структуре компаний Врага. Структура ветвистая и очень обширная — куда только Враг ни запустила свои щупальца, — но они не упускают ни единой мелочи. Паулу занимает единственное кресло, которое прикатили из-за стола администратора. Выглядит он ненамного лучше, хотя забрал себе все бригадейро Венецы и изредка медитативно жует их, прислушиваясь к разговору. Венеца со вздохом смирилась с этой жертвой.

— И Враг, наверное, поджидал именно такой город, как *наш*, — говорит Бруклин. Она все еще сверлит Конга гневным взглядом, но ее ярость слегка поутихла, и голос политика вернулся. Мэнни подозревает, что на собраниях городского совета она наводит на всех остальных ужас. — Ты сказал, что большинство городов — ничто, они совершенно беззащитны, но не представляют никакой ценности. А когда города оживают, то становятся нужны Врагу, но сломить их уже

слишком трудно. Мы же застряли посередине. Идеальная мишень — уязвимая *и* ценная.

Паулу медленно кивает.

— Я говорил Совету, что поведение Врага изменилось. Но я не знал, что она приняла человеческий облик или что она умеет *говорить* — раньше такого не было. Но даже если не обращать внимания на это, Враг стала действовать умнее, хитрее, злее и опаснее. Последние два города, которые пробудились до вас, Новый Орлеан и Порт-о-Пренс, оказались мертворожденными — хотя этого ничто не предвещало. Но старшие города и даже некоторые помоложе не поверили мне. Они предположили, что мы, молодые города двух Америк, просто рождаемся раньше срока, не набравшись достаточных сил, чтобы пережить этот процесс. — Произнося это, Паулу кривит рот.

Конг гневно и нетерпеливо мотает головой. Мэнни думает, что они, похоже, уже давно ведут этот спор.

— Процесс рождения оставался неизменным на протяжении веков. Тысячелетий! Дольше, чем существует писаная история человечества! С чего бы ему измениться *сейчас?*

— Не знаю. Возможно, происходит что-то, о чем мы не догадываемся. Возможно, за пределами на-

шего мира нашелся некий катализатор, который заставил Врага эволюционировать. Но мы были *обязаны* начать расследование раньше. — Рука Паулу, лежавшая у него на колене, сжимается в кулак, и он стискивает зубы. — Мне самому следовало этим заняться, раз вы не хотели. Но я позволил тебе уговорить меня присоединиться к вашему бездействию.

На лице Конга ходят желваки, и он какое-то время сверлит Паулу взглядом.

— Я всего лишь хотел, чтобы ты не подвергал себя опасности, — наконец произносит он. Мягко. Мэнни хлопает глазами, удивленный переменой тона. На миг голос Конга прозвучал почти по-человечески. Неужели…

Паулу горько улыбается и разводит руками. Значение жеста понятно, хотя руки его уже зажили и выглядит он гораздо лучше, чем когда они увидели его в первый раз. Невредимым он из Нью-Йорка не уйдет.

— Города, — столь же мягко говорит он Конгу, — никогда не бывают в безопасности. Даже те, у которых лишь один аватар. Нас можно захватить и сжечь, затопить, когда строится новая плотина, разбомбить, оставив на месте лишь кратеры. Мы, аватары, живем ровно столько, сколько

живут наши города, и обладаем огромной силой… но ведь именно ты однажды сказал мне изучить историю. Я так и поступил. И я увидел, что совсем немногие города умирали *мирно*. — Конг хмурится. Паулу же неумолимо продолжает. — Но я не собираюсь жить в притеснении, во власти страха смерти. *Или* страха перед той тварью.

Конг лишь сердито смотрит на него, но… есть в его взгляде и что-то еще. Мэнни незаметно переглядывается с Бронкой. «Это то, о чем я думаю?» Бронка приподнимает брови и поджимает губы. «Это точно не то, о чем мы думали *раньше*».

Когда Конг продолжает молчать, Паулу издает протяжный вздох, собираясь с силами. Затем он поднимается на ноги. Бразилец, похоже, уже окреп, но все еще держится рукой за ребра — за то место, куда его толкнула Падмини. Мэнни видит, что она это заметила, но девушка лишь поджимает губы и вздергивает нос — извиняться она не будет.

— Вините за свои злоключения меня и Конга, — говорит им Паулу. — Вините другие города, если вам от этого легче. Но в отличие от вас всех я видел, как умирает живой город. И не хочу видеть это снова.

— Новый Орлеан? — спрашивает Мэнни. Он

как раз думал про ураган «Катрина».

Вместо Паулу ему отвечает Конг, качая головой.

— С ней разбирался я. В маленьких городах часто случаются сложности, поэтому Совет был *обеспокоен* и решил послать кого-то более опытного. — Он подчеркнуто смотрит на Паулу. Затем его лицо становится мрачнее. — Но тогда слишком многое пошло наперекосяк. Аватара ранили из огнестрельного оружия при попытке ограбления. Причем *до* рождения города, даже до моего прибытия туда. Тогда я подумал, что ей просто не повезло… но затем доктора в больнице что-то напутали с ее историей болезни и чуть не убили во время операции, а потом вообще выперли, не дав пройти реабилитацию, из-за того, что у нее не было денег… — Конг качает головой, что-то бормоча на кантонском о варварском американском здравоохранении, а затем продолжает по-английски: — Я позволил ей остановиться у меня, но к моменту, когда город начал перерождаться, у нее совсем не осталось сил. А затем пришел Враг. После ее гибели в городе прорвало дамбы, а ваши СМИ и некомпетентное правительство, вместо того чтобы помочь, на каждом шагу лишь усугубляли катастрофу. — Затем его

лицо становится еще более хмурым. — Но если здесь был замешан Враг, если он каким-то образом повлиял на город еще до того, как тот избрал своего защитника… — Конг замолкает, явно обеспокоенный этим.

У Паулу вид совсем безрадостный.

— Я должен был присмотреть за Порт-о-Пренс.

Мэнни не сдерживается и хмурится.

— Землетрясение. — То, которое погубило четверть миллиона человек, а затем еще несколько тысяч погибли от холеры, ошибок руководства и иностранного вмешательства.

Паулу кивает, но больше ничего не объясняет. Затем он приподнимает голову.

— Нью-Йорк намного больше Порт-о-Пренс. Почти со всех сторон его окружают города-сателлиты и огромные пригороды. Эта Женщина *разыскивает* главного… и, заразив своей сущностью стольких жителей, видя их глазами и слушая их ушами, она рано или поздно его найдет. Если к этому моменту вы его не пробудите…

Паулу качает головой, и какое-то время никто не произносит ни слова. Когда на его лице написано, какая трагедия их ждет, с ним сложно спорить.

— Послушайте, — говорит Бруклин. Она вздыха-

ет и прислоняется к стене. — Без Статен-Айленд… Вы не можете просить нас пожертвовать собой, не будучи уверенными, что это сработает. Если нужно умереть, чтобы другие оставались в безопасности, я заплачу эту цену. Не раздумывая. Но я не оставлю мою дочь сиротой ради *пустых догадок*.

— Тогда почему бы вам не найти Статен-Айленд? — осторожно спрашивает Венеца. Когда они поворачиваются к ней, она сидит у дальней стены зала, обнимая колени. Вид у нее усталый и несчастный. Мэнни понимает почему. Он еще не до конца понял, какие отношения связывают Венецу и Бронку — то ли как между матерью и дочерью, то ли как между супергероем и его спутником, или же у них просто такая странная дружба. Однако, как бы там ни было, они друг друга любят, и Венецу наверняка пугает, что если они пойдут до конца, то она потеряет Бронку. — Почему бы вам всем не отправиться к ней и не убедить помочь? Пока что это единственное, чего вы еще не пробовали сделать, но, по-моему, это… ну, очевидный следующий шаг.

Она права. Но Мэнни почему-то не нравится эта идея, и он не сразу понимает почему. Он никогда не был на Статен-Айленде. Так отчего же ему

так не хочется туда отправляться? Неужели он боится явно буйного, озлобленного и, возможно, безумного аватара? Но ведь точно так же можно описать почти их всех — в особенности его самого. Или же на Мэнни просто действует всеобщая манхэттенская неприязнь к самому маленькому и нелюбимому боро?

— Попробовать стоит, — наконец произносит Бруклин. Впрочем, ее слова тоже звучат неуверенно. Никто, похоже, не хочет этого делать, что лишь подтверждает теорию Мэнни. Но никто не возражает.

Конг трет глаза.

— Кажется, вы до сих пор не поняли, что решение этой проблемы не терпит отлагательств. Пока мы тратим время на бесконечную болтовню, процессы, происходящие в этом городе, стремительно *ускоряются*. Каждый зараженный человек заражает кого-то другого. Каждая новая выросшая и неуничтоженная башня заражает *многих*. Враг явно к чему-то стремится, и я не знаю к чему, но вы должны его остановить. Сейчас, пока не стало хуже.

— Мы ничего и не откладываем, — огрызается Падмини. — Еще несколько дней назад я делала курсовую работу, а сегодня стою с вами, не разво-

рачиваюсь и не ухожу подальше от незнакомцев, которые пытаются убедить меня покончить с собой. Куда быстрее-то?

— Если мы поедем на станцию «Сити-холл», — начинает Мэнни. Падмини издает стон, и он бросает на нее сердитый, раздраженный взгляд. — Если мы поедем туда сейчас и не сможем пробудить главного, то зря потратим уйму времени. Я считаю, что нам нужно разделиться. Кто-то пойдет к Статен-Айленд. Остальные посмотрят, можем ли мы что-то сделать в «Сити-холле»… и будут просто защищать главного, если окажется, что нет.

Падмини хлопает глазами. Бронка, похоже, тоже впечатлена.

— Согласна. Удивительно слышать от тебя здравые мысли, но я согласна.

Мэнни издает протяжный вздох, стараясь сохранить терпение.

— Я хочу, чтобы главный выжил. Никакой тайны я из этого не делал, но, учитывая ставки, я понимаю, почему этого можете не хотеть вы.

Бронка усмехается.

— Не мы ведь по уши в него втрескались, а ты, Маннахатта.

— Ну *не до смерти* же! — огрызается Мэнни,

одновременно с этим краснея. — Какой мне смысл спасать ему жизнь и тут же помереть у его ног? Я хочу… большего. — Господи. У него сейчас точно сосуды полопаются. Но это действительно так. — И я буду драться за большее.

— Почти мило, — говорит Бруклин. Она улыбается, хотя и с оттенком грусти. — Надеюсь, ты получишь чего хочешь. Как и все мы.

Бронка устало вздыхает и качает головой. Обращаясь к Мэнни, она спрашивает:

— Я так понимаю, ты пойдешь в «Сити-холл»?

— Конечно.

Она косится на Падмини.

— А ты?

— Я даже близко к «Сити-холлу» подходить не хочу, — заявляет Падмини.

— Значит, ты едешь к Статен-Айленд, — протяжно говорит Конг. — Поскольку Сан-Паулу не стоит возвращаться в тот боро, ему, очевидно, придется…

Он напрягается, замолкая посреди предложения. Паулу тоже хмурится и поворачивается, уставившись в никуда. Мэнни пытается понять, в чем дело, — и тогда они все начинают испытывать одно и то же ощущение. Земля будто уходит у них из-под ног. Возникает странный

гравитационный провал, но не в реальном мире, где есть свет, время и пространство и где все они стоят на полу, а в ином. И что бы ни стало этому причиной, оно уже близко.

— Что… — начинает Падмини. Паулу, хмурясь, качает головой.

— Я прежде никогда ничего подобного не чувствовал, — говорит Конг.

Бронка тихо стонет, сгибается и надавливает кулаком на солнечное сплетение, словно у нее изжога.

— Ох-х-х. Кажется, меня сейчас стошнит.

Мэнни тошноты не чувствует, но что-то он определенно ощущает. Нечто неправильное, странное… Неизбежное. Он опускает глаза вниз, его восприятие раздваивается, чтобы охватить реальный и иной миры, и Мэнни хмурится, услышав тихий шорох на краю его слуха.

— Звук слышите? Будто под нами что-то движется. — И почему-то этот звук кажется ему знакомым.

Бронка тоже смотрит в пол… и внезапно ее глаза расширяются.

— Так и есть. Оно поднимается на поверхность, *прямо к нам*. — Она хватает Венецу и рывком поднимает девушку на ноги. — Все вон! Сей-

час же!

— Что? Почему? — спрашивает Бруклин. Но она уже бежит.

Тогда это чувствуют все. Что-то разрастается под Центром, барьер неправильности встает между ними и городом, мешает той связи, которую они должны чувствовать, просто стоя на своей земле.

Мэнни ругается и хватает Паулу, так как тот к нему ближе всех. Паулу не возражает, хотя и спотыкается, все еще неуверенно держась на ногах. Однако с другой стороны от бразильца встает Венеца, и вдвоем у них получается поспевать с Паулу за остальными, бросившимися к двери. Когда они бегут по коридору, Бронка подается вправо и дергает за рычаг пожарной сигнализации. Раздается звон старомодного колокола. Мэнни вспоминает, что Бронка говорила о художниках, которые остаются ночью на верхних этажах Центра. Но едва сигнализация срабатывает, свет в здании начинает мигать.

Они слышат какой-то звук. Не то шепот, не то шелест. Словно что-то ползет под их ногами, и звук этот перерастает в рык. И сбежать от него они не успевают.

Мэнни пытается унять страх и что-нибудь

придумать, как вдруг вспоминает о том, как в первый и единственный раз очутился в метро. О том, как он несся по темным туннелям от станции к станции в брюхе металлического вагона. Вспоминает то чувство бесконечной, опасной, хаотичной скорости…

Этого мало. Он не в своем боро. И все же энергия города внезапно пробуждается, и вокруг них возникают призрачные очертания вагона. Ноги Мэнни отрываются от земли, и дальше он мчится уже со скоростью поезда; Падмини визжит, а Бронка ругается, когда их всех рывком уносит вперед. Затем мир проносится мимо, они чувствуют запах крысиного помета, рев промышленного гудка и внезапно вылетают из окна Центра, прямо *сквозь* стекло. На секунду их тела становятся неосязаемыми, словно они — пассажиры поезда-призрака…

Затем они оказываются на тротуаре через дорогу от Центра, чуть не падая и вскрикивая, когда поезд со скрежетом останавливается.

— Ничего себе, — выдыхает Венеца. — Дичь какая. Похлеще, чем на «Циклоне»!

Но когда призрак поезда рассеивается и они поворачивают к Центру искусств Бронкса, из земли вокруг здания вырывается белый столб, который

устремляется ввысь. Это происходит не здесь, не в реальном мире. Несколько секунд они еще видят внутри вздымающейся массы Центр, и само здание, кажется, не пострадало. Но поднявшаяся колонна быстро превращается в *тысячи* белых усиков, каждый из которых оказывается больше того фонтана, с которым Мэнни сражался на ФДР. Они сплетаются друг с другом и в считаные секунды оплетают весь квартал. Мэнни не может оторвать взгляд, он содрогается от ужаса и потрясения, охватившего их всех, и лишь смотрит на то, как перед ним вырастает белая плетеная стена. Пятьдесят футов. Шестьдесят, и усики начинают стягиваться плотнее и затвердевать в единую массу. Восемьдесят футов[34].

Они сплелись в башню.

— О нет, нет, нет, — выдыхает Бронка, пока все запрокидывают головы, наблюдая за ростом башни. Она явно будет столь же высокой, как та, что появилась в Хантс-Пойнте, если не выше. — Резиденты. Они же не успели… Я должна вытащить их оттуда! — И она в самом деле собирается перейти улицу, но Бруклин и Венеца вместе оттаскивают ее обратно.

---

[34] Сноски: 34
80 футов ≈ 24,38 м. (*Прим. перев.*)

— Вы не можете им помочь, — говорит Конг. Его голос звучит мягче, чем обычно, но правда от этого не становится менее жестокой. Бронка содрогается всем телом и стонет, как от боли.

— Нужно идти. — Падмини в смятении, она заметно дрожит, и ее глаза широко распахнуты. — Нам не стоит стоять так близко.

Мэнни полностью согласен. Движение на улице перед Центром затруднено — одни машины сворачивают в сторону и останавливаются посреди улицы, другие ускоряются и уматывают подальше от башни. Никто из водителей не видит ее, но все они ощущают чужеродное присутствие.

Однако в этом хаосе знакомый желтый силуэт внезапно делает разворот, быстро проносится по улице и, визжа тормозами, останавливается перед ними. Это такси. Желтый «Чекер». Кто-то повесил на пассажирское окно табличку с выведенными от руки крупными буквами: «ТАКСИ НЕНАСТОЯЩЕЕ. ПАССАЖИРОВ НЕ БЕРЕТ». Однако табличка падает в салон, когда девушка-водитель перегибается через пассажирское сиденье и опускает стекло. Она таращится на Мэнни, а Мэнни таращится на нее.

— Чтоб тебя, *я так и знала*, — говорит Мэдисон.

Поверить невозможно. Хотя нет. Это же в стиле Нью-Йорка. Как бы там ни было, Мэнни улыбается от уха до уха, хотя и подозревает, что выглядит так, словно у него вот-вот начнется истерика.

— Как тесен мир, да?

— Думаешь? — Мэдисон морщится. Сегодня на ней футболка с надписью «Я не идеальна, но я из Нью-Йорка, а это почти одно и то же. — Ну что, снова будешь ковбойствовать на моей крыше? Придется, наверное. — Она тычет большим пальцем в сторону Центра.

— Нет. — Город мог подогнать им такси лишь по одной причине. — Можешь отвезти нас к станции «Сити-холл»?

Мэдисон закатывает глаза.

— Даже не буду спрашивать, откуда ты знаешь, что я ехала именно в ту сторону. Залезай.

— Хорошо, только подожди. — Мэнни выпрямляется. — У нас есть еще одна машина для группы Статен-Айленд?

Бронка отрывает взгляд от ужасного строения, обволокшего ее Центр, а затем роется в карманах. Движения у нее дерганые, на лице написан шок, и Мэнни не может ее винить. Наконец она облегченно вздыхает и достает из кармана связку ключей. На ней висит электронный брелок.

— Да. Моя.

— Значит, я поеду с вами к Статен-Айленд, — говорит ей Бруклин. Она со странным видом косится на «Чекер». — А тебя, значит, гм, подвезут, да?

— Ну да, — говорит Мэнни. Чувство в груди, тянущее его в сторону «Сити-холла», превращается в нужду. Та его часть, которая понимает жестокость и стратегию ведения войны, уверена, что эта башня, это прямое нападение, может означать лишь одно. Женщина в Белом отбросила все притворство; она переходит к действиям, и они не готовы. Мэнни отправится в «Сити-холл» даже в том случае, если больше никто не пожелает пойти с ним.

Паулу, словно прочитав мысли Мэнни, говорит ему:

— Я поеду с тобой. — Выглядит он все еще неважно, но движется достаточно проворно, забираясь в машину и вежливо кивая Мэдисон.

Внезапно ахнув и заставив всех остальных подпрыгнуть от неожиданности, Венеца начинает хлопать себя по карманам, а затем громко вздыхает от облегчения, найдя ключи уже от своей машины.

— О боже, я уж подумала, что домой пойду пеш-

ком. Я тоже могу отвезти…

Бронка рычит:

— Ты поедешь домой и никуда больше!

Все снова вздрагивают. Все, кроме Бруклин. Бронка говорила материнским голосом, резким и непререкаемым. Бруклин лишь мрачно кивает и достает телефон.

Венеца смотрит на Бронку так, словно та сошла с ума.

— Старушка Би, ты чего, да вам же любая помощь сейчас нуж…

— Закрой рот! — Затем Бронка указывает на то, что раньше было Центром искусств Бронкса. Башня все еще продолжает расти, хотя и не так быстро. Мэнни видит, что она станет выше любого строения в Бронксе. А еще она *дышит*, неровно и неритмично, или же пульсирует, или ее гибкая, покрытая усиками поверхность просто подергивается. Она издает противный звук, словно кто-то скрипит ржавыми гвоздями по треснувшей меловой доске, и Мэнни замечает, что что-то напевает себе под нос, чтобы заглушить его. Он даже смотреть на нее долго не может, отчего следующие слова Бронки кажутся ему до боли ироничными. — Посмотри на эту дрянь! Ты хоть представляешь, что бы сейчас со мной было,

окажись *ты* внутри?

Венеца несколько секунд потрясенно хлопает глазами, а затем немного сникает.

— Ну да. Да, ладно. Я просто… — Она вздыхает. — Помочь хотела.

Бронка издает прерывистый вздох, подходит к ней и берет Венецу за плечи.

– *Ты не можешь нам помочь*. Я лишь буду за тебя волноваться.

«Она думает, что мы проиграем», — осознает Мэнни. Бронка считает, что Враг их прикончит, а город накроет какая-нибудь катастрофа. И она прогоняет Венецу, чтобы у той была возможность пережить грядущее.

Венеца ненадолго обижается на слова Бронки, а затем хмурится.

— Ну нет, не вздумай тут применять на мне реверсивную психологию. Я что, дура, по-твоему? Если тебе так сильно хочется, чтобы я ушла, просто скажи это прямо и не притворяйся, будто не хочешь, чтобы я была рядом…

— Я хочу, чтобы ты ушла, — говорит Бронка. Ее голос тверд, как кремень.

Венеца запинается и замолкает, затем морщится.

— Ладно. Блин. Ладно. — Через мгновение она

начинает отходить к своей машине, хотя и с явной неохотой. — Би, если тебя убьют, или съедят, или… превратят в чудище с щупальцами, или еще что-нибудь, то я тебя убью, — говорит она. — Я отправлюсь за тобой прямо в посмертные охотничьи угодья и устрою тебе там взбучку. — Но затем она поворачивается и бежит к своей машине, которая, похоже, стоит далеко, где-то в конце квартала.

Бронка, судя по виду, разрывается между печалью из-за ухода Венецы и облегчением от того, что девушка не обиделась на нее из-за резкости.

— Что я тебе говорила об этих стереотипах? — кричит Бронка ей вслед. — А? Что я тебе говорила?!

Венеца поднимает на прощание средний палец.

Какое-то время Бронка смотрит ей вслед, чуть улыбаясь, хотя ее губы плотно поджаты. Затем она делает глубокий вдох и манит к себе Бруклин и остальных.

— В машине будет тесно, — предупреждает она. — И кому-то придется заплатить за проезд по Верразано, а то у меня нет с собой наличных…

— Там теперь все делается через электронику, — рассеянно говорит Бруклин. Мэнни видит,

что она набирает на телефоне чей-то номер. — Они фотографируют номера и присылают потом счет.

— Что ж, гип-гип-ура нашему шпионскому государству. Моя машина здесь. — Бронка нажимает на кнопку, снимая с сигнализации джип, стоящий в двух машинах от них.

Остальные идут за ней. Падмини все это время яростно с кем-то переписывалась; через секунду ее телефон звонит, и все слышат голос Айшварии, орущей что-то на тамильском, пока Падмини хмурится и пытается объяснить ей, что семье нужно выбраться из города. Бруклин говорит:

— Да, пап. Как и договаривались. Мой помощник через тридцать минут вас заберет. Скажи ему, чтобы давил на газ так, словно убегает от землетрясения. — Пауза. — Я тоже тебя люблю.

Она вешает трубку, а затем одна из всех оборачивается, чтобы посмотреть на Мэнни. На ее лице он видит столько настороженности и страха, что ему становится больно. Бруклин, конечно же, боится не за них, ведь они друг для друга ничего не значат — так, удачно подвернувшиеся за последние три дня спутники. И все же судьба ее семьи теперь зависит от их общей победы или поражения. Слова вроде «прощай» или «уда-

чи» кажутся слишком фаталистичными.

Наконец Бруклин просто отворачивается и спешит за остальными к машине Бронки.

Мэнни еще какое-то время смотрит ей вслед, запоздало сообразив, что из них всех лишь у него одного нет ни семьи, ни близких, о которых он мог бы беспокоиться. Только Нью-Йорк. И его аватар.

Вместе с Паулу Мэнни садится в машину, и Мэдисон быстро отъезжает от тротуара, стремясь поскорее убраться подальше от башни. Теперь Мэнни хотя бы может сосредоточиться.

— Я уже еду, — негромко бормочет он себе под нос. Паулу мельком смотрит на него, но ничего не говорит. Он точно знает, к кому обращается Мэнни. — Скоро увидимся.

* * *

И когда Венеца беспокойно едет прочь от остальных, пытаясь убедить себя, что навестить ее козла-отца в Филадельфии гораздо лучше, чем остаться и встретить межпространственный конец света…

…на ее заднем сиденье что-то негромко сглатывает.

Да-дум.

Глава четырнадцатая
Полоса препятствий Второй авеню

Все начинается, едва они садятся в машину. Бронка достает свой телефон, чтобы включить навигатор. Она, как всегда, щурится, глядя на экран, и старательно вводит одним пальцем буквы и цифры, пока Куинс наконец не говорит:

— Давайте я, — и, протянув сзади руку, забирает у нее телефон. — Просто начинайте двигаться в сторону Статен-Айленда.

От Венецы Бронка терпела выходки и похуже, но Куинс — не Венеца.

— Спрашивай разрешения, прежде чем брать чужие вещи, нехристь.

— Я просто стараюсь действовать эффективно! Мне нужен конечный адрес. — Ее пальцы летают по виртуальной клавиатуре со сверхъестественной скоростью, свойственной всем, кто моложе тридцати. Бронка трогается с места. Поскольку Бруклин сидит на переднем пассажирском сиденье и разговаривает по телефону, Куинс смотрит на Конга.

— Я — Гонконг, — огрызается он.

— А, ну да, откуда же вам знать. — Когда Бронка трогается с места, Куинс открывает карту. — Но вы можете хотя бы указать, где нашли Паулу? Она, вероятно, где-то там рядом.

Пока Куинс и Конг пытаются разобраться, где примерно в последний раз была замечена аватар Статен-Айленда, Бруклин снова кладет трубку. На этот раз она говорила тише, и Бронка не беспокоила ее, потому что узнала этот тон. Так говорят родители, когда пытаются попрощаться со своими детьми, возможно, в последний раз. Наверное, ей тоже следовало поговорить с собственным сыном… но Меттшишу за тридцать, он живет в Калифорнии, и разговор их, скорее всего, превратится в спор, на который у нее сейчас нет сил. А оставить сиротой взрослого мужчину — совсем не то же самое, что оставить четырнадцатилетнюю девочку. Бронке хотелось бы попрощаться с внуком, который должен родиться примерно через три месяца… но, может быть, это и к лучшему — пусть, когда ребенку будут рассказывать о бабушке, конец ее истории будет загадочным, а не трагичным.

После телефонного звонка Бруклин какое-то время задумчиво смотрит в окно, и Бронка ей

не мешает. В такие моменты мало что можно сказать. Впрочем, она в конце концов пытается:

— Отправляешь ее к отцу?

Бруклин фыркает с такой горечью, что Бронка сразу же понимает — вопрос был неудачный.

— Ее отец мертв, так что надеюсь, нет.

Ой.

— Наркотики?

Бруклин поворачивается и гневно смотрит на нее.

– *Рак*.

Ах, черт. Бронка вздыхает.

— Слушай, я не хотела… просто когда-то давно я изредка слушала твои треки, и ты в них всегда говорила, что встречалась с дилерами, или бандитами, или… ну ты понимаешь.

— Да. Многим из тех ребят приходилось заниматься подобными вещами, чтобы заработать на жизнь себе и близким; и это делает их порядочнее любого «честного» кредитора, наживающегося на других. Но, как бы там ни было, в реальной жизни я не всегда делала то, о чем говорила в треках. Черт, я-то думала, только белые верят, что все, о чем читают рэп, происходит на самом деле. — Она качает головой и переводит взгляд на дорогу.

Бронка чувствует, что начинает закипать. Сейчас не время и не место для разборок, да и злится она не на того человека. Кроме того, ей хватает жизненного опыта, чтобы понять: она цепляется к Бруклин лишь потому, что на эту ситуацию может повлиять, в отличие от творящегося вокруг ужаса. Но даже зная это… Что ж, мудрой старейшины из Бронки не выйдет, даже если она до этого доживет.

— Да ну? Правда? — Она не сводит глаз с дороги, но ее руки крепче стискивают руль. — Помнится мне, кое-что из твоих текстов все же происходило на самом деле. «И если подкатит какая стерва, я уложу ее из своего револьвера» — помнишь это?

Бруклин издает одновременно стон и озлобленный смех.

— О, ну понеслась. Я давным-давно публично *извинилась* за тот текст. И я пожертвовала тысячу долларов центру Али Форни…

— Ты думаешь, это что-то меняет? Да ты хоть представляешь, скольких квир-ребят порезали и застрелили насмерть?.. — Она резко сворачивает, чтобы выехать на скоростную автомагистраль Брукнера; машину слегка заносит, и Бронке приходится сильно выкрутить руль, чтобы выровнять ее.

— Пожалуйста, пожалуйста, давайте устроим автокатастрофу, — вздыхает на заднем сиденье Конг. — Уничтожьте одним столкновением половину города, сделайте за Врага всю работу. Тогда я наконец пойду домой.

Бронка стискивает зубы, кипя от злости. Но Бруклин испускает долгий, медленный вздох.

— Я знаю, что извинениями ничего не исправить, — говорит она. В ее голос вернулся старый бруклинский акцент, вытеснивший интонации политика, и это почему-то немного смягчает гнев Бронки. Обе Бруклин — настоящие, но эта кажется чуть ближе к Эм-Си Свободной, а претензии у Бронки именно к ней. — Я все понимаю, ясно? Меня, черт возьми, саму столько раз называли лесбиянкой лишь за то, что я вышла на ринг, который рэперы-мужчины считали своим по умолчанию. Ублюдки пытались изнасиловать меня просто потому, что я не вписывалась в их стереотип женщины — и я передавала это дерьмо дальше. Я знаю, что делала. Но я *стала лучше*. У меня были друзья, вдалбливавшие мне здравые мысли, и я к ним прислушивалась. И я поняла, что раз у тех чуваков не все в порядке с головой, то и подражать им не стоит. Черт, да мы тогда просто… — Она с досадой взмахивает

рукой, затем тяжело вздыхает. — Чушь несли, да? Ловили кайф от шумихи. Пытались заполучить контракты и вытянуть из белых обывателей их доллары. Я просто… — Она вздыхает. — Черт. Что сделано — то сделано.

Бронка смотрит на нее и видит тяжелейшую усталость и печаль. И искренность. Так что она какое-то время едет молча, давая им время остыть, и лишь затем произносит:

— Извини за «наркотики». Это был, э-э, расизм. Точнее, *предвзятость*, поскольку мы с тобой обе не белые, но… — Она усмехается, стараясь сгладить неловкость. — У меня есть черные друзья. А еще тетушки и бабушки.

Бруклин красноречиво закатывает глаза. И все же спустя мгновение тихо произносит:

— Я действительно теряла друзей из-за наркотиков, так что меня легко…

Задеть. Да уж.

— Меня тоже. — Она усмехается. — Я же Бронкс.

Ответное фырканье, за которым следует усталое, сухое:

— А я Бруклин.

— Вы боретесь с преступностью! — сияя, говорит Куинс. Бруклин поворачивается и смотрит

на нее, пока та молча не откидывается назад.

Они выбирают самый быстрый маршрут, хотя им и придется отдать на нем непомерную плату за проезд. Но прямо перед съездом с Брукнера на ФДР телефон Бронки издает предупреждающий сигнал.

— Эм-м, на ФДР какая-то авария или что-то в этом роде, — говорит Куинс, хмурясь и подаваясь вперед, чтобы посмотреть на телефон. Она протягивает руку и что-то нажимает. — Есть альтернативный маршрут через город. Там, кажется, свободно.

— Хорошо, — говорит Бронка и подчиняется указаниям вежливой леди из навигатора.

— Неужели через город и правда быстрее, чем по ФДР? — спрашивает Бруклин. — Ха. Серьезный там, наверное, замес.

— Кажется, дело не… — Бронка вполуха слушала радио; оно было включено фоном. Но когда диджей упоминает магистраль ФДР, Бронка делает звук погромче.

— …перекрыли магистраль ФДР, — недоверчивым голосом произносит парнишка. — Полиция говорит, что демонстрация началась спонтанно, поскольку никто ее, по всей видимости, не согласовывал. Однако информационные агентства

города получили от группы заявление, отправленное за несколько часов до начала протеста. Они называют себя «Достойными мужчинами Нью-Йорка». Не путайте их с теми, кто организует нью-йоркские «марши достоинства», — эта группа правого толка была связана с различными погромами, такими как…

Репортаж еще недолго продолжается, а затем включается краткая аудиозапись. Бронка слышит множество голосов — судя по всему, исключительно мужских, — что-то неразборчиво скандирующих на фоне полицейских сирен.

— Мы хотим кое-что сказать Нью-Йорку! — на ходу произносит один молодой человек, голос которого дрожит от движения и адреналина. — Мы заняли Гринпойнт и Вильямсбург, и теперь Манхэттен должен понять, что мужчины… — Кто-то его толкает. — Слышь, чувак, ботинки же новые! Что мужчины Нью-Йорка не примут… — Дальше начинается чехарда слов, которую Бронка не понимает. Кто-то кого-то вытесняет или что-то в этом духе. — …феминистскую либеральную чушь! Быть белым мужчиной — нормально! Мы не станем испытывать чувство вины за то, что родились с белыми членами, и вы еще узнаете, каково это, когда…

Запись резко обрывается, возвращаясь к диджею, который неловко посмеивается.

— Ни-че-го себе, надеюсь, нам после такого не прилетит штраф от федеральной комиссии связи. Как бы там ни было, ребята, держитесь пока подальше от магистрали ФДР, если только вы не захотели там припарковаться и полюбоваться видом. — Музыка на станции возобновляется.

Бруклин таращится на панель радио.

— Это что, шутка? Марш белых расистов? В Нью-Йорке? Почти в *полночь?* Чего они пытаются добиться? Они даже движению почти не помешают.

— Ну *нам* они мешают еще как, — бормочет Бронка, сворачивая на Вторую авеню. — Держу пари, полиция Нью-Йорка даже не собирается их разгонять. Или вообще арестует всякого, кто выйдет на встречный протест или кого эти парни вытащат из машин, чтобы избить.

— И все же — разъяренные белые мужчины вышли на марш, — с тревогой говорит Куинс. — Такое ничем хорошим никогда не заканчивается.

Это уж точно. И Бронка задумывается о том, насколько это нетипично для Нью-Йорка. Да, видит бог, в нем с лихвой хватает расистов; этот город можно во многом назвать особенным, но,

увы, не в этом. Однако, как правило, те из них, кто живет здесь, не мешают жить другим, как и положено в любом крупном городе. Они ведь не хотят, чтобы их подкараулили и избили где-нибудь в метро.

— Как в Новом Орлеане, — бормочет Конг, так тихо, что Бронка его едва слышит.

— Что?

В зеркале заднего вида его каменное лицо становится еще жестче.

— Новый Орлеан погубило невезение, — говорит он. — Череда ужасных совпадений — государственные институты не справились с давлением, старая ненависть приняла новые формы, субкультуры выбрали неподходящий момент для радикальных перемен. Так я тогда думал.

И тут Бронка понимает, к чему он ведет.

— Думаешь, этот марш проспонсировал фонд СНЛ? Чтобы заставить нас поехать другой дорогой?

— Я понятия не имею. Но аватарам города, как правило, очень везет. События очень часто складываются в нашу пользу. Это часть наших способностей, то, как города помогают нам. Ваш город слаб. — Бронка видит в зеркале заднего вида, как он качает головой. — Или, возможно,

что-то изо всех сил старается противодействовать его усилиям.

На это им нечего ответить. В полной тишине ужас ощущается куда острее.

По Второй авеню они едут через Испанский Гарлем. Рабочий район, поздний будний вечер; Бронка не удивляется, что улицы почти пусты. Открыты лишь магазины шаговой доступности, стражи Города-Который-Никогда-Не-Спит-И-Иногда-Хочет-Молока-В-Два-Часа-Ночи. Джентрификация района породила здесь бесчисленные кофейни. Последние несколько кварталов занимают сплошь инди-заведения, гордо рекламирующие свои пуроверы местной обжарки, все с разным декором и шрифтами вывесок. Затем Бронка и остальные натыкаются на доказательство того, что самобытному духу района пришел конец: они проезжают мимо «Старбакса» на углу. Наверное. Бронка не уверена, что это именно он. Потому что заведение настолько заросло белыми усиками и жесткими наростами, что она едва может разглядеть его вывеску или фасад.

Он похож на какое-то животное. Слои белых усиков перекрывают друг друга, движутся, придавая «Старбаксу» пегий, мохнатый вид и размывая его прямоугольную форму. Заведение распо-

ложилось в типичном для Нью-Йорка здании с торговыми помещениями на первом этаже и квартирами наверху. В жилой части на каждом этаже заметны несколько усиков, но нет ничего похожего на чудовище внизу.

И когда этот монстр внезапно покрывается рябью, как вода, и *превращается в огромное нечеловеческое лицо с зияющей пастью…*

Бронка резко сворачивает в сторону. Рефлекторно. На дороге не так много других машин, но два такси и «Убер» тут же начинают сигналить, потому что резкие виляния плохо сочетаются с манхэттенским скоростным движением. Когда «Старбакс» остается позади, Бронка смотрит на него в зеркало заднего вида, а Бруклин и Куинс оборачиваются.

— Что за черт, — говорит Куинс. Она часто дышит. Затем звонит ее телефон, и девушка берет трубку. Все снова слышат голос Айшварии, уже более спокойный, чем раньше, но все еще напряженный. Она что-то спрашивает. — Прости, я не могу сейчас говорить, — бормочет Куинс, а затем вешает трубку.

Конг что-то негромко произносит себе под нос по-китайски. Затем говорит:

— Вам нужно приготовить конструкт. Если

придется сражаться…

— Твою!.. — кричит Бронка, и на этот раз ей приходится не просто вильнуть в сторону, но и выскочить на велосипедную дорожку — на правой стороне улицы другой «Старбакс», покрытый сверкающими белыми перьями, внезапно выпрыгивает на Вторую авеню. Прямо за ними. Примыкавшее к нему здание слегка кренится, но Бронка видит, что это происходит не в реальности: часть здания, его остов, осталась на месте, хотя в ином мире оно превратилось в чудовище и набросилось на них. Этот «Старбакс», должно быть, работает допоздна. Бронка видит сквозь шкуру чудища человеческие силуэты; они сидят в баре у окна, смотрят перед собой пустыми глазами и невозмутимо потягивают свои напитки, не замечая неуклюжего нападения твари.

А через два квартала Бронка видит еще одно здание, похожее на дикобраза, ощетинившегося гигантскими белыми шипами и приготовившегося к прыжку.

Водитель машины, которую Бронка только что подрезала, чтобы увернуться от пернатого «Старбакса», яростно сигналит. Бронка его не винит. Она проезжает один квартал, а затем останавливается у тротуара, дрожит, стискивая

руль, и переводит дыхание. (Она не сводит глаз с зеркала заднего вида, где отражается пернатый «Старбакс», но тот, похоже, не может отойти больше чем на несколько футов от своего фундамента. Свирепо глянув на Бронку в зеркало и щелкнув раз или два клювом из стеклянной двери, он пускает отвратительные кофейные слюни, а затем неохотно возвращается на прежнее место.) Разъяренный водитель объезжает ее, машет руками у окна и что-то кричит на универсальном языке «Научись Сначала Водить», а затем уезжает прочь.

— Все «Старбаксы» заражены, — говорит Бруклин, щурясь и глядя на улицу.

— И не только они. Смотри. — Куинс указывает на «Данкин Донатс», сильно заросший чем-то витиеватым, похожим на проволоку; издалека он похож на огромную белую массу пены. Через дорогу расположилось какое-то кафе, у которого выросла шелковистая белая занавеска, похожая на бороду. Она волочится по тротуару. — Та пекарня выглядит так, будто с минуты на минуту выйдет к отрытому микрофону и начнет травить анекдоты.

— Только они *не гоняются за нами по улице*, как чертов «Старбакс». — Бронка качает головой,

вглядываясь в конец Второй авеню. — Я могла бы объехать по Лексингтон или Парк-авеню, но беда в том, что эта дрянь здесь на каждом углу, особенно около Центрального вокзала, и везде, где есть туристы. — Она мельком жалеет о том, что они не взяли с собой Манхэттена. Он, возможно, смог бы каким-то образом обезопасить дорогу.

— Это же бред! — Куинс вытягивает шею, чтобы рассмотреть «дикобраза», поджидающего в соседнем квартале. Тот не шевелится, но Бронка не слишком доверяет его видимой безучастности. То здание — одно из новейших в округе, и оно может оказаться более прытким, чем старый, не отремонтированный пернатый «Старбакс». — «Старбакс» столько лет в городе! Он уже должен был стать частью Нью-Йорка!

— «Старбакс» есть повсюду, — громогласно заявляет Конг. — Мой город им тоже кишит. Крупные сетевые магазины делают город менее уникальным, похожим на любое другое место. Но у нас *нет времени* на истерики, Бронкс.

Бронка замирает, затем поворачивается к нему.

— Еще раз мне нахамишь, — огрызается она, — пойдешь в аэропорт пешком прямо от этого угла. Надеюсь, ничто не сожрет тебя по дороге.

Должно быть, голос Бронки полностью передает ее ярость: Конг отводит взгляд и делает глубокий вдох. Колко, с преувеличенной вежливостью он говорит:

— Прошу меня извинить. У вас есть иной план?

Бронку это ничуть не смягчило, но у них есть другие проблемы. В ответ на его вопрос она стискивает зубы и отъезжает от тротуара.

— Что ты собираешься… — начинает Куинс.

— Я собираюсь гнать, как полагается чертовым ньюйоркцам, вот что, — рычит Бронка. А потом она подрезает грузовик и разгоняется до пятидесяти миль в час[35].

Куинс вскрикивает, и Бронка слышит, как она пытается пристегнуться ремнем безопасности, который должен уже быть на ней. Грузовик сигналит Бронке оглушительной сиреной.

— В городе нельзя включать сирену! Оштрафуют же тебя! — кричит она, но ее губы растягиваются в широкой улыбке. Последние несколько дней были такими дерьмовыми. Поэтому она на полной скорости несется по Второй авеню, зигзагом объезжая другие машины, проскаки-

---

[35] Сноски: 35

50 mph = 80,47 км/ч; 35 mph = 56,33 км/ч; 70 mph = 112,65 км/ч. (*Прим. перев.*)

вая между двумя «Лендроверами» и проносясь через перекресток как раз в тот момент, когда на нем загорается красный свет. За ее спиной Конг матерится на кантонском. Бронка объезжает очередной автомобиль по правой полосе. Затем нетерпеливо огибает тормознутого пешехода. У Двадцать третьей стоит полицейский спидометр, напоминающий водителям, что в городе разрешено ехать не быстрее тридцати пяти, и на нем загорается зловещее красное «70», когда Бронка проносится мимо.

Но чудовищные «Старбаксы» не могут к ним прикоснуться. Через десять кварталов Бронка краем зрения замечает, как вокруг ее джипа начинают скользить серебристые огоньки. Через пятнадцать они уже окутывают машину оболочкой белого света. Похожий на змею «Старбакс» стрелой вылетает из вестибюля сетевой гостиницы; его призрачная пасть широко распахнута, и прямо за его прозрачным белым пищеводом усталый бариста тяжело опускается на колени, оттирая разлитое холодное нечто. Но призрачные клыки змеи отскакивают от машины Бронки, словно от прикушенного камня. И Бронка мчится дальше.

Копы ее не останавливают и, похоже, даже

не замечают. Конг и Куинс вжимаются в сиденья, вцепившись в подлокотники и проверив, что они пристегнуты. Бруклин, благослови ее господь, помогает Бронке тем, что орет из окна на любую машину, которая готовится им помешать: «Ты что, слепой, урод?!» — и все в том же духе. Бронка осознает, что так Бруклин усиливает ее конструкт, объединяя мощь двух районов в одну неудержимую волну, как бы кричащую: «Валите все с дороги». Теперь энергетическая оболочка вытягивается в пулю, настолько длинную, что она разводит по сторонам машины, которые едут слишком медленно или вот-вот их подрежут. Улыбка Бронки становится широкой, как у клоуна. Бруклин тоже смеется, словно быстрая езда вскружила ей голову. Это прекрасно.

Вторая авеню заканчивается у станции метро «Хьюстон-стрит», поэтому навигатор выводит их на более извилистый маршрут в сторону Бруклина. Теперь они в Нижнем Ист-Сайде. «Старбакс» здесь только один, на Деланси-стрит — старый, потрепанный, похожий на рыбу, он безуспешно брыкается и даже не может выскочить за пределы собственного бордюра. Чтобы окончательно его унизить, Бронка, проезжая мимо, сбавляет скорость до разрешенной.

Вильямсбургского моста больше нет, да упокоится он с миром. В воде, за предупреждающими знаками, бетонными заграждениями и мемориальными фотоколлажами, виднеется что-то белое, органическое, как будто дышащее. Это нечто, похоже, заполняет всю Ист-Ривер; оно настолько огромно, что возвышается над одинокой опорой моста, оставшейся стоять. Когда они проезжают Деланси-стрит, прямо у них на глазах это белое нечто начинает медленно подниматься. Оно излучает тошнотворный зеленовато-белый свет, от которого у Бронки начинают болеть глаза, и из-за этого она сворачивает с Деланси раньше, чем могла бы.

— О нет, — негромко, полным ужаса голосом бормочет Куинс. — Это же та тварь, которая разрушила мост. Я не думала, что она *все еще тут*. — Никто ей не отвечает, в основном потому, что сказать-то и нечего.

Вместо этого Бруклин клацает пальцем по телефону Бронки.

— Я меняю маршрут, чтобы мы проехали через Бруклинский мост. На магистрали Бруклин — Куинс нет сетевых магазинов.

— Да, хорошо, — говорит Бронка. Затем, пока они все еще находятся на одной из небольших

улиц, где нет опасностей, она снова останавливается у тротуара.

— Что…

— Терпеть не могу ездить через Бруклин, — говорит Бронка, отстегивая ремень безопасности. — Твой боро, вот ты с ним и разбирайся.

Бруклин невольно смеется и выходит, чтобы поменяться с ней местами.

— Можешь сесть за руль, когда доберемся до Статен-Айленда. Хочешь? — спрашивает она у Куинс, пока они пристегиваются.

— Я же не умею водить, помнишь? — Куинс выглядит смущенной.

— О, точно, забыла.

— Что значит «не умею водить машину»? — хмурясь, спрашивает Конг.

— А то, что *обычно* ньюйоркцам это не нужно, — рявкает на него Бронка. Не то чтобы ей сильно нравилась Куинс, но она привыкла защищать других женщин от нападок мужчин, и, кроме того, Куинс — это Нью-Йорк, а Гонконг вообще не местный. — А теперь снова заткнись. Ты только-только перестал меня бесить.

Остальная часть поездки к Статен-Айленду проходит без происшествий. Тем не менее когда они въезжают на самую высокую точку Верраза-

но, откуда открывается хороший вид на остров, то видят еще несколько башен. Их по меньшей мере две, хотя вдалеке виднеется еще что-то горбатое и покрытое узлами, похожее не то на страшно уродливый стадион, не то на вообще не пойми что.

На Статен-Айленде Бруклин сбавляет скорость — во-первых, улицы здесь у́же и вокруг много полицейских, а во-вторых, оказавшись во владениях аватара Статен-Айленда, они *чувствуют* ее. Ощущение странное, но оно не сильно отличается от той связи с главным аватаром, которая пронизывает их всех и которая осталась с того момента, как они вошли в коллективный транс. Как будто в их головах есть что-то вроде компаса, одна стрелка которого указывает не на север, а на станцию «Сити-холл». Другая же стрелка ведет их куда-то в центр Статен-Айленда, в район, который Конг указал им на карте и который называется Хартленд-Виллидж.

Чтобы добраться туда, им приходится ехать через обширный холмистый лес, который в ту ночь полон странных теней. Всю дорогу они проводят в напряжении, вглядываясь в пустоту между деревьями и готовясь ко всему. Ничего не происходит, но и беспокойство никуда не ухо-

дит — Бронка замечает, что оно усиливается по мере их продвижения вглубь острова. Вскоре они выезжают на аккуратную маленькую улочку с симпатичными двухэтажными домиками на одну семью, которые перемежаются дуплексами. По форме эти дома до жути похожи один на другой, хотя все они по-разному покрашены, облицованы разным сайдингом и обнесены разными изгородями. Это пригород, где конформизм важнее комфорта. Бронке никогда не нравились такие места.

Однако здесь они останавливаются. Потому что на лужайке перед домом, который, вероятно, принадлежит их цели, растет еще одна белая башня. Бронка думает, что это уже дурной знак. Однако, когда они выходят из машины и направляются к дому, из ниоткуда появляются белые вьющиеся растения, похожие на виноградные лозы. Они вырываются из почвы, спускаются с башни, становятся толще, сплетаются, образуют клубок размером с человека… и наконец перед ними возникает Женщина в Белом. Ее руки скрещены, ноги широко расставлены, и она твердо стоит на земле.

На этот раз у нее длинные прямые волосы, уложенные в рваную прическу. Этот изящный

стиль из семидесятых очень подходит ее новому лицу — заостренному, узкому и черноглазому. Одежда, правда, подобрана нелепо: на ней вызывающе короткие шорты и свободный топ. Она похожа на злобную версию Джони Митчелл в середине ее карьеры.

И на этот раз она не одна. За живой изгородью и на газонах соседей Бронка видит длинные, мягкие, узкие тени, которые, как ей кажется поначалу, принадлежат фонарным столбам на улице. Но когда тени начинают раскачиваться и двигаться, становится ясно, что они представляют собой нечто иное. Это движение сопровождают звуки: живое, ритмичное гиканье, сухой треск, словно от ломающихся ветвей; низкие, едва слышные вибрации — топот, который издает нечто тяжелое, но почти невидимое. Красочных людей-пятен здесь нет. Мельком посмотрев на новых противников, сотканных из теней, Бронка даже немного скучает по ним.

— Я почти ничего не вижу, — приглушенно говорит Куинс. — Почему я не могу их разглядеть? Мне приходится отводить взгляд. А если я смотрю прямо на них…

— Да уж, — говорит Бронка. — Похоже, с каждой новой встречей трюков у нее становится все

больше. — Слева от Бронки что-то раскачивается из стороны в сторону, изредка останавливаясь и неуклюже подпрыгивая вверх, как какая-нибудь амфибия. Оно не близко, прячется за живой изгородью одного из соседних домов, но Бронке это движение почему-то сильно не нравится. У нее складывается чувство, будто та тварь готовится к прыжку.

— Все *неправильно*, — говорит Конг. Сунув руку под пиджак, он судорожно пытается за что-то схватиться. — Она всегда была огромной и чудовищной, нападала на города сразу после рождения, пока те еще слабы. Но никогда не принимала человеческий облик. Никогда не *разговаривала*. Ни разу. Нам казалось…

— Когда кажется, — говорит Женщина в Белом, — креститься надо.

Внезапно всех четверых резко переносит в другое измерение, где время и пространство не имеют значения, и все они щетинятся строительными кранами, ржавыми балками и мутными витражами. За их спинами маячит гигантский Гонконг, но он не на своем месте — куда лучше него Бронка видит небоскребы Манхэттена, хотя тот и стоит чуть поодаль. Статен-Айленд тоже здесь, но она почему-то в стороне от остальных

и уступает им размерами и блеском, хотя они и находятся в ее владениях.

Но между ней и остальными стоит кое-что еще. *Другой* город, заслонивший собой Статен-Айленд, будто бы защищая ее.

Город этот — не часть Нью-Йорка. Он огромен, больше всех них, вместе взятых. Каждая его деталь кажется неправильной, и стоит он так близко, что Бронка отшатывается и, защищаясь, рефлекторно поднимает строительные леса. В плане этот город идеально круглый. Его башни сверкают, районы расползаются в стороны, парки пышут цветом и здоровьем, но все же все они *неправильны*. «Это не башни, — с растущим ужасом думает Бронка. Они ведь дышат. — Это не здания. Я не знаю, что это за…» — Она даже не может думать. Чужой город стоит слишком близко. На него больно даже смотреть.

И каждое перекошенное здание, каждая идеально выверенная улица и гниющий организм этого города сверкают ярчайшим, совершенным, неестественным белым светом.

Они резко возвращаются в мир людей — точнее, их *вышвыривает* туда. Они стоят, обомлев от осознания того, что Женщина в Белом — *город, еще один город, чудовищный город не из этой*

вселенной и даже не из ее окрестностей, каждая черта которого и даже его улицы враждебны всему их миру.

— Здравствуйте, аватары Нью-Йорка, — произносит Женщина в Белом, пока они недвижно стоят в ночной тени ее башни. Ее глаза — ядовито-желтые, уже даже не притворяющиеся человеческими — мельком, пренебрежительно пробегают по Конгу. — И Гонконг. Неужели настало время для последней стычки? Мне включить какую-нибудь будоражащую музыку? Или, может, зачитать злодейский монолог? — Она внезапно смеется. Смех настолько довольный, что по спине Бронки пробегает мерзкий холодок. Так смеются те, кто совершенно уверен в своей победе.

Бронка замечает, что Конг тяжело дышит, и, когда он начинает говорить, голос его выдает глубочайшее потрясение. Под ярким современным нарядом и грязной репутацией скрывается город с древней историей и крепко укоренившимися традициями. Он явно с трудом воспринимает все, что не укладывается в его мировоззрение.

— Этого не может быть, — бормочет он. — Мы боролись с тобой испокон веку. Неужели ты… Я не понимаю.

— Очевидно. — Женщина в Белом закатывает глаза и становится, подбоченясь. — Что ж, даже умненькие амебы остаются всего лишь амебами, не так ли?

Бронка все еще пытается сопоставить эту чокнутую дамочку с чопорной, утонченной доктором Белой — хотя все недавно приобретенные инстинкты твердят ей, что это *один и тот же человек*. Который даже и не человек.

— Тогда кто же ты, а? — требовательно спрашивает она, надеясь, что ее голос не дрожит. — На самом деле.

— На самом деле? — Женщина в Белом широко, довольно улыбается, словно целую вечность ждала, чтобы ей задали этот вопрос. — На самом-*самом* деле. О да, теперь, когда фундаменты соприкоснулись и мои саженцы нашли место, где прорасти, я могу заявить о себе во весь голос. Спасибо, что спросила, осколок Ленапехокинга, или аватар Бронкса, или как ты там хочешь, чтобы тебя называли. Мое имя — *Р'льех*. Можешь его произнести?

Звук ее имени ввергает Бронку в трепет, ее барабанные перепонки вздрагивают, и каждый волос на теле от кончика до корня становится дыбом. И хотя для нее это имя ничего не значит,

Бронка краем зрения замечает, как Куинс, выпучив глаза, одними губами шепчет: «Ох, ни хрена себе…»

Затем Женщина в Белом внезапно хихикает и, вытянув руку, делает вид, что держит в ней что-то наподобие швабры. Притворно-хриплым и низким голосом она говорит:

– *Ты не пройдешь*. Всегда хотела так сказать! И вы действительно не пройдете — вы, мерзкие создания, частички этого кровожадного города, куски дерьма. Статен-Айленд решила поступить правильно, и я не позволю вам вмешаться. Так что давайте погрохочем, боро Нью-Йорка и душа Гонконга! Вы ведь так это называете? Погрохотать? — Где-то под ними, в самых недрах, раздается раскатистый звук, похожий на гром, грянувший глубоко под землей. У Бронки перехватывает дыхание, она вспоминает свой Центр и поглотившую его башню, но сейчас ничто не рвется у них из-под ног. Пока что это лишь звук. Просто грохот.

А перед ними, скалясь так широко, что они видят почти все ее зубы, живое воплощение города Р'льех разводит свои элегантные белые руки с длинными пальцами и ногтями, как бы приглашая их.

— Начнем же, Город-Который-Никогда-Не-Спит. Я покажу вам, что таится в пустоте, куда не смеют ступать даже кошмары.

Глава пятнадцатая
«И посмотрела красавица на лик Чудовища...»

Поездка на такси проходит гладко и без происшествий. Даже Мэдисон замечает:

— Ха, я слышала, на ФДР какой-то протест — вечно там что-то случается, да? — и людям приходится объезжать черт знает как. Но я не видела ни одного указателя на объезд. Да и вообще поток как будто уступает нам дорогу.

Мэнни, заметивший слабое сияние, очерчивающее окна и видимые из них части автомобиля, косится на Паулу, и тот кивает.

— Ты же сама говорила, что я нравлюсь твоей тачке, — говорит Мэнни. — Кстати, спасибо, что подвезла.

— Да, да, — отвечает Мэдисон. Голос ее звучит скорее весело, чем раздраженно. — Вообще я поехала в эту сторону только потому, что мэру захотелось устроить завтра какую-то фотосессию, типа старый Нью-Йорк и новый Нью-Йорк. Так что везет тебе, как черту, парень.

Паулу снова кивает. Видимо, города сами тво-

рят свою удачу.

Мэдисон высаживает их у сводчатого входа с колоннадой, ведущего на станцию метро «Бруклинский мост — Сити-холл». Оттуда попасть на старую станцию оказывается почти совсем просто. Вокруг толпятся полицейские, и Мэнни, приближаясь к ним вместе с Паулу, стискивает зубы, готовясь к неприятностям. У троих копов из шеи и плеч торчат белые усики.

Однако двое незараженных перехватывают «усатых», когда те начинают вякать, что не пускают никого на станцию, потому что там заложена бомба.

— Пропустите их, — говорит женщина, по-видимому превосходящая остальных по рангу. Она одета в штатское и не обращает внимания почти ни на что, кроме кипы бумаг на своем планшете. — Они здесь, чтобы все починить.

—

Э-э, не похожи они на инженеров из «Кон Эд», — говорит один из полицейских, преградивших им путь. Из его левой скулы торчит усик толщиной с электрический кабель.

Женщина в штатском впивается в него грозным взглядом.

— Я что, специально для тебя должна повто-

рять дважды, Мартенберг?

— Нет, я просто подумал…

— Я разве спрашивала, что ты думаешь, Мартенберг? — Он снова возражает, и она снова отчитывает его, в конце концов опуская планшет и распрямляя плечи, чтобы показать, кто здесь главный. В то время как напарники двух полицейских наблюдают за препирательством, Мэнни и Паулу беспрепятственно проходят на станцию.

— Не хочешь объяснить, что там только что произошло? — спрашивает Мэнни, пока они идут. — Мы ведь и правда не похожи на рабочих из «Кон Эд».

— Те, кто готов помочь в защите города, видят то, что им нужно видеть.

Что ж, ладненько.

Поезда шестого маршрута не ходят — остановились на время полицейского расследования. Мэнни и Паулу минуют еще нескольких полицейских, инженеров метрополитена, пару людей в форме, вероятно, из службы Национальной безопасности, и нескольких настоящих инженеров «Кон Эд», но никто больше их не останавливает и, кажется, даже не замечает. Когда они спускаются на платформу станции, людей становится меньше, но их смех и шутки гулким эхом раз-

носятся по туннелям. Они явно не переживают ни из-за какой бомбы. Мэнни не видит, чтобы здесь велись какие-то работы. Кто-то во власти просто закрыл станцию безо всякой видимой на то причины.

У платформы стоит пустой поезд с открытыми дверями и без кондуктора внутри.

— Может, нам просто подождать? — говорит Мэнни, входя в первый вагон. Паулу садится напротив будки кондуктора, но Мэнни слышит, что в ней никого нет. Он становится у переднего окна поезда и всматривается в темноту, которая ждет его в извилистом туннеле, уходящем вниз.

— Он поедет, если мы подождем? — спрашивает Паулу. Кажется, он искренне интересуется, а не язвит, поэтому Мэнни не обижается. Более того, он запоздало догадывается, что Паулу пытается чему-то его научить. И через секунду, ощутив мощную тягу в сторону главного аватара, он все понимает.

Поэтому Мэнни делает глубокий вдох и кладет руки на гладкий металл вокруг окна. Он ездил в метро всего раз, но, как и в Центре искусств Бронкса, заставляет себя вспомнить то чувство. Мощь невидимых неутомимых двигателей, приводимых в движение таинственным и смер-

тоносным третьим рельсом. Ошеломляющая, бешеная скорость. И все это повинуется нуждам сотен людей, путешествующих внутри него, которые по важным причинам желают добраться до важных мест, найти теплый уголок для сна, и чтобы в пути им ничто не угрожало.

«Чтобы ничто не угрожало. — Мэнни думает о главном аватаре и об окружающем их поезде. — Да. Я иду, чтобы уберечь тебя. Уже иду».

— Осторожно, двери закрываются, — шепчет он. В стекле, в отражении, он видит, что Паулу улыбается за его спиной.

Динамики издают негромкий «динь-дон», после чего двери захлопываются. Снизу, из-под днища вагона, доносится едва слышный шум — это поезд включает двигатели, и те прогреваются. Впереди, в туннеле, сигнал сменяется с красного на зеленый. Затем поезд медленно, толчком приходит в движение.

Мэнни отчасти ждет, что кто-нибудь выбежит на платформу и попытается остановить их, но они ведь в Нью-Йорке — если кто-то из работников станции и слышит, что поезд тронулся с места, они не обращают на это внимания. Для них это обычный фоновый шум, гораздо более привычный, чем странная прежняя тишина.

Так что «шестерка» Мэнни беспрепятственно проскальзывает в туннель, а затем, на удивление быстро, они оказываются у платформы старой станции «Сити-холл». Мэнни поворачивается к двери, поезд замедляется, а затем останавливается сам по себе. Он лучше самого Мэнни знает, куда ему нужно. Нью-Йорк заботится о своих.

Когда двери разъезжаются в стороны, платформа за ними погружена в кромешную тьму; на неработающей станции нет электричества. Приглядываясь, Мэнни тут и там видит в потолке светопроводящие купола, обрамленные художественной ковкой в стиле бозар, которую он помнит из книг Бронки, и неяркий лунный свет, проникающий в них. Свет из вагона чуть разгоняет тьму, но даже он меркнет, когда Мэнни и Паулу отходят от поезда и углубляются в недра станции. Мэнни роется в кармане, достает телефон и включает фонарик. Его мощности едва хватает, чтобы озарить на каменном полу круг шириной чуть более фута; кроме того, Мэнни не заряжал телефон с Инвуда, и батарея уже садится. И все же это лучше, чем ничего.

Стоит им выйти на пару шагов за границу круга света, исходящего от огней поезда, как те внезапно издают громкий электрический треск

и гаснут. Мэнни невольно вздрагивает. Но ему больше не нужно видеть, он и так знает, куда идти. Он чувствует.

— Сюда, — говорит он.

Паулу хватает его сзади за куртку, позволяя Мэнни повести его дальше.

— Нужно быть осторожнее, — говорит Паулу. — Прийти сюда было необходимо, но Враг видела нас. — Мэнни морщится, вспоминая копов с усиками. — Теперь она будет знать, что ее цель здесь.

Мэнни стискивает зубы.

— Вас понял.

Примерно через двадцать шагов они натыкаются на ступеньки. Посветив фонариком, Мэнни понимает, что они ведут наверх, в сводчатый колодец. Вывеска над аркой, выгравированная на зеленой плитке, гласит, что они находятся на станции «Сити-холл». Свод арки покрыт элегантными белыми узорами плитки Гуаставино.

Мэнни поднимается по лестнице, почти не обращая внимания на то, как Паулу спотыкается о ступеньку и бормочет по-португальски какие-то проклятия. Звук их шагов и дыхания шепотком отражается от сводов потолка. В голове Мэнни шепот складывается в слова: *«здесь здесь здесь»*

и «*наконец наконец наконец*». А затем он поворачивает за угол.

То, что он видит, одновременно похоже и непохоже на его видение. Перед Мэнни — лежанка из связанных пачек старых газет. На ней в пятне бледного лунного света, свернувшись калачиком, неподвижно лежит человек. Он дышит, но так медленно, что это едва заметно. Обыкновенный тощий чернокожий юноша в изношенной дешевой одежде, спящий на груде мусора, как какой-то бездомный. И все же… от него исходит сила. Мэнни вздрагивает, когда ее волны пробегают по его коже, подпитывая внутри него нечто оголодавшее. Наконец-то, вот он, самый особенный человек во всем городе.

Не раздумывая Мэнни подходит ближе и протягивает руку, чтобы потрясти его и разбудить. Ему нужно прикоснуться к нему. Но в нескольких футах от плеча главного аватара рука Мэнни застывает в воздухе. Что-то не дает ему дотронуться до него, рука будто наталкивается на мягкую губку, которую Мэнни не видит и даже не ощущает. Он пробует снова, надавливает посильнее и с досадой вздыхает, когда, чуть поддавшись, невидимое сопротивление становится твердым, как бетон. Он не может прикоснуться к глав-

ному.

— Неужели не терпится, чтобы тебя съели? — Мягкий голос Паулу заставляет Мэнни резко обернуться. Он на секунду позабыл о том, что тот здесь. А затем Мэнни вздрагивает, вспомнив.

— Я… не подумал об этом, — признается он. Теперь ему хочется прикоснуться к главному чуточку меньше… но всего лишь чуточку.

Во тьме Паулу похож на гравюру: телефонный фонарик почти не освещает его, зато отраженный лунный свет очерчивает его силуэт. Он с печальным видом смотрит на Мэнни.

— Я принадлежу ему, — выпаливает тот. Это больше похоже на оправдание, но Мэнни сейчас сам не свой. — А он — мне.

Паулу склоняет голову, принимая такой ответ.

— Должен признаться, я вам немного завидую, — мягко говорит он. — Я восхищен тем, что вам довелось пройти через все это *вместе*, как часть группы. Это чудесно. Мне же, как и большинству городов, пришлось переродиться в одиночку.

Мэнни даже и не думал посмотреть на это с такой точки зрения.

— Так ты его знал? До того, как… — Он указывает рукой на лежанку из газет.

— Конечно. Так обычно и происходит. Самый юный город присматривает за следующим. — Паулу негромко вздыхает, глядя во тьму. — Следующим должен был стать Порт-о-Пренс. Но я был рад увидеть успех Нью-Йорка… пока он не свалился мне на руки и не исчез.

Мэнни размышляет над этим, глядя на спящего молодого человека. Он пытается представить себе главного пробудившимся, живым, способным смеяться, и танцевать, и бегать — и у него это с легкостью получается. Даже сейчас, во сне, главный пышет жизнью. Но затем Мэнни представляет себе, как его яркий свет тускнеет, как в его голосе появляются те же нотки одиночества, что пропитывают голос Сан-Паулу, и ему становится больно от этой мысли. Даже несмотря на то что это означает его собственную гибель, Мэнни думает: «Мне жаль, что мы оставим тебя совсем одного».

— Какой он? — неожиданно для самого себя шепчет Мэнни. В этом тесном, тихом закутке даже шепот звучит громко.

Он почти что слышит, как Паулу улыбается.

— Нахальный. Обозленный. Напуганный, но он не позволяет страху сковывать себя. — Чуть помолчав, Паулу обходит постель из газет, стано-

вясь по другую сторону от главного аватара. Он с теплотой улыбается, глядя на паренька. — Он притворяется, будто в нем нет ничего особенного, потому что мир наказал его за любовь к себе. И все же он особенный. Пусть незнакомцы судят о нем поверхностно, но он знает, что представляет собой гораздо больше.

Город Нью-Йорк ведь такой же, да? Мэнни пробыл здесь всего три дня, но ему кажется, что все именно так. Он вздыхает. Как жаль. Он ведь и правда хотел начать здесь новую жизнь.

Мэнни поднимает взгляд на Паулу.

— Чтобы прикоснуться к нему, мне нужны остальные.

— Да, я вижу. В таком случае нам придется положиться на Конга и твоих товарищей.

Мэнни кривит рот.

— На моих товарищей я положиться готов. А Конг может идти к чертовой матери.

Паулу издает смешок.

— Не суди его слишком строго, — говорит он, чем удивляет Мэнни. — Прежде чем стать городом, он пережил Опиумные войны. Он видел столько смертей… и городов, и обычных людей… что его характер можно понять. Как бы он порой ни раздражал.

Мэнни хмурится, пытаясь вспомнить хоть что-то из истории Китая.

— Господи, так ведь это же было… Конгу что, лет двести с хвостиком? Мы бессмертны? — «Если нас не сожрут».

— Нет. Но мы живем столько, сколько живут наши города, если, конечно, не лезем драться с другими городами. — Паулу морщится, кладет руку на ребра, но тут же ее опускает. — Наконец зажили. Будь я дома, ребра бы срослись за несколько секунд.

— Только с другими городами? Враг больше не может тебе навредить?

— О, подозреваю, что теперь может, раз уж она стала еще злее и *целеустремленнее*. — Паулу качает головой. — С Нового Орлеана весь процесс пошел наперекосяк. Может быть, даже раньше. Надеюсь, теперь остальные наконец прислушаются и что-нибудь предпримут… и я молюсь, чтобы еще не стало слишком поздно.

Кое-что из того, что сказал Паулу, беспокоит Мэнни.

— А много городов погибло в процессе рождения?

— Бесчисленное множество за несколько тысячелетий. В последнее время это происходит

все чаще. — Когда Мэнни прищуривается, Паулу улыбается одним уголком рта, а затем начинает шарить по своим карманам в поисках сигареты. — Да, все именно так, как ты и подумал: смертей становится все больше. Полагаю, это логично, если Враг ослабляла новые города прежде, чем те успевали родиться. Ужасно, что все пришло к этому.

— С тобой было по-другому?

Найдя сигарету и закурив ее, Паулу несколько секунд смотрит на него из-за мерцающего огонька, а затем выдыхает дым.

— Нет. В моем городе были волнения, конечно же. В стране случился военный переворот, установилась диктатура… скорее всего, по милости властей твоей же страны, так что спасибо. Новое правительство решило очистить город от фавел — уничтожить их, невзирая на то, остались в них жители или нет. Поскольку я сам был из одной такой фавелы, мне это не понравилось. Как и моему городу, Сан-Паулу, который избрал меня своим защитником. — Мэнни видит, как от воспоминаний у него теплеет взгляд. А затем вспоминает, что военный переворот, о котором говорит Паулу, случился где-то в шестидесятых. Для семидесяти- или восьмидесятилетнего Паулу

выглядит очень даже неплохо.

— Когда пришла Враг, — продолжает Паулу после долгой, сладкой затяжки, — она, как обычно, испытала мою выдержку. Я и мой город сошлись с ней на развалинах рынка, где я разорвал ее предвестников на кровавые ошметки из ракетницы, которую украл у военных. — Мэнни, не ожидавший этого, смеется. Паулу чаще всего ведет себя благовоспитанно — о, но под стильной маской Мэнни видит холодную жестокость, сравнимую с его собственной. Он подозревает, что и Паулу доводилось раньше вредить людям, до того, как он стал городом, пронизывающим множество измерений.

«Ты тоже решил стать другим? — хочет спросить у него Мэнни. — Поэтому город выбрал тебя?»

Но едва он открывает рот, как по старой пустой станции прокатывается громкий *«клац»*. Мэнни осознает, что звук этот ему знаком — точно такой же они слышали, когда погас свет поезда метро. Клацанье не стихает, к нему присоединяется негромкий металлический скрежет, щелканье и хлопки, словно где-то отлетели заклепки. Поначалу звуки не особо беспокоят Мэнни — наверное, просто электрика барах-

лит, — но затем он осознает, что те становятся громче. Ускоряются, а не замедляются: клац клац *клац клац* КЛАЦ КЛАЦ **КЛАЦ КРА-А-А-АК**.

На секунду повисает тишина. Затем Мэнни слышит нечто новое и ужасающее: низкий, медленный скрежет сминаемого металла. Раздается звон разбитого стекла. Мэнни пытается сообразить, что еще может издавать подобные звуки, но приходит к единственному возможному ответу: поезд пришел в движение. Без помощи людей и при отключенном питании. Он движется так, как не должен двигаться ни один поезд.

И он сзади. На платформе, откуда они только что ушли.

Паулу испуганно смотрит на него. Мэнни понимает. Он должен подготовить конструкт, чтобы направить силу города. Подумать о чем-то типично нью-йоркском, о привычке, жесте или символе, а затем воспользоваться им как оружием. Они сейчас на Манхэттене, стоят на бетоне и под землей, которые принадлежат его боро. Здесь Мэнни должен быть почти непобедим.

Но по мере того как лязг и металлический скрежет становятся оглушительными, а тварь, пришедшая за главным аватаром, ползет, издавая голодный скрежет, вверх по ступенькам, Мэнни

вдруг обнаруживает, что его разум полностью отключился от охватившего его чистейшего, абсолютнейшего ужаса.

* * *

Айлин резко просыпается из-за криков, доносящихся с улицы прямо перед домом. Затем весь дом содрогается, как при землетрясении.

Испуганная, она сначала нащупывает нож под подушкой — хотя знает, что Коналла нет дома. Он и ее отец ушли на всю ночь; отец — на смену, а Коналл — бог знает куда (если богу вообще есть до него дело). Дома осталась лишь ее мать, и Айлин по опыту знает, что в подобные вечера, будучи предоставлена самой себе, Кендра Халихэн будет топить свои горести в бутылке джина. Айлин не знает, считается ли это алкоголизмом, если ты напиваешься до одури только раз в неделю или около того, но… что ж. Фактически Айлин осталась в доме одна.

Поэтому она встает. Она снова в пижаме, но на этот раз решает надеть тяжелый махровый халат, несмотря на то что на улице жарко. Пока Айлин одевается, снаружи вспыхивает яркий свет, чуть не ослепляющий ее даже сквозь занавески. Кто-то — похоже, молодая женщина — издает

визгливый, полный отвращения крик на грани истерики. Кто-то еще с тембром пониже ритмично, но с придыханием, словно зачитывая стихи на бегу, выкрикивает: «Но едва мы на сцену делаем шаг, королям тут же ставим шах и мат». Еще один удар сотрясает дом, и Айлин наконец выбегает из своей комнаты, после чего яркий свет за окном гаснет. Что-то огромное и нечеловеческое, с голосом, похожим на автобусный гудок, издает пронзительный визг. Айлин вскрикивает, закрывает уши и натыкается на стену, сбивая с нее старый семейный портрет. (На нем — она, мама и папа, а еще плюшевый мишка вместо Коналла).

Внезапно воцаряется тишина. Снаружи все замирает. С пересохшим от страха ртом Айлин спешит к входной двери и открывает ее.

Во дворе перед домом она видит четырех женщин и пожилого мужчину. Мужчина — наверное, японец — поднимается с земли. В его руке Айлин замечает странный ярко-красный конверт, покрытый золотыми иероглифами. Мужчина держит его как сюрикен из одного аниме-сериала, который Айлин когда-то смотрела. Линза в его очках покрылась паутинкой трещин. Одна из женщин — коренастая мексиканка с корот-

кой стрижкой — стоит, расставив ноги и низко пригнувшись, будто готовясь применить какой-то борцовский прием, хотя на вид она годится Айлин в бабушки. А еще на ней самые большие и уродливые старые ботинки, какие Айлин когда-либо видела. Высокая, статная чернокожая леди кажется ей смутно знакомой, хотя Айлин никак не может вспомнить, где она ее видела. Леди одета в строгий костюм с юбкой, весь ее бок перемазан грязью, и она стоит на земле босиком. Неподалеку, на тротуаре, рядом с изящными туфлями на каблуках, лежит пара маленьких золотых сережек-петелек. Третья женщина сидит, дрожа, на земле — она индианка, пухленькая и молодая, по-видимому, ровесница Айлин. Кажется, с ней все в порядке, несмотря на дрожь, но она отряхивает руки, будто отчаянно пытается что-то с них стереть.

А над всеми ними *парит* Женщина в Белом. Она сияет так, словно сквозь ее кожу просвечивает белое солнце. Во дворе есть и кто-то еще, эти существа движутся по краю зрения Айлин, и… она вздрагивает и решительно не смотрит на них снова.

Когда Айлин выходит на улицу, Женщина оборачивается и лучезарно улыбается ей.

— Лин, дорогая! Прости, что разбудили. Тебе хорошо спалось?

— Что за чертовщина? — Айлин внимательно смотрит на незнакомцев. Они стоят на проезде и на лужайке, держась подальше от большой белой башни. Но внезапно Айлин *узнает* их, хотя никогда раньше не встречала этих людей, уж в этом она уверена. Даже не слышав имен, она знает их так же хорошо, как саму себя. Высокая черная дама? Это может быть только *Бруклин*. Злобная на вид старушка — явно *Бронкс*. Нервная индианка — *Куинс*. Они — это она, а она — это они.

— Мы — Нью-Йорк, — шепчет она, а затем вздрагивает. Нет.

Среди них недостает одного, потому что старый японец — точно не Манхэттен, хотя Айлин сразу же чувствует, что он — тоже город. Еще одна замена. Японец стоит — или пытается стоять, поскольку у него, похоже, подкашиваются ноги, — на клумбе. На клумбе Айлин, где она выращивает травы и ромашку, которую кладет себе в чай. Она видит, как его грязная, чужая нога сминает ее укроп.

Гнев овладевает ею быстрее, чем когда-либо прежде. Кажется, будто Коналл разрушил внут-

ри нее плотину, и теперь каждой капле ярости, которую она подавляла в течение тридцати лет, хватает малейшего повода, чтобы излиться наружу. Айлин выходит из дома на дорожку, и ее окружает мерцающий, жуткий свет; она призывает себе на помощь все, что связывает ее с островом, — а связывает их столько всего, что будь здоров. Пришелец и ее другие «я» поворачиваются к ней, во все глаза глядя на проявление ее силы. Они в *благоговейном трепете* перед ней, и это восхитительно. Айлин скалится.

— Проваливайте с моей лужайки, — говорит она.

Дальше все происходит в мгновение ока. В один миг они топчут ее травы и газон, который отец так усердно поддерживает в идеальном порядке. В следующую же секунду всех четверых подхватывает и отшвыривает назад какой-то невидимой силой прямо на улицу. Женщина в Белом, которая формально не стоит на лужайке, остается на месте; остальные с криками, стонами или проклятиями приземляются на асфальт. Женщина радостно хлопает в ладоши, видя, что сделала Айлин.

Другие аватары, похоже, потрясены — кроме японца, выражение лица которого осталось

каменным. Он поднимается на ноги. Куинс, морщась и пошатываясь, помогает подняться старушке Бронкс. Бронкс потирает бедро, затем по очереди поднимает каждую ногу и осторожно опускает, словно не может поверить, что их сдвинули вопреки ее воле.

— Так вот что ты сделала с Паулу, — говорит девушка-Куинс. В ее голосе звучат удивление и ужас. — Господи, почему ты нападаешь на *нас?*

— Потому что я вас не знаю, — огрызается Айлин, — и вы стояли на моей лужайке.

— Ты знаешь, кто мы, — говорит Бруклин. Она хмурится, придерживая правой рукой левую. — Ты наверняка уже это поняла. И ты знаешь, что *это* за тварь. — Она кивает в сторону Женщины в Белом.

— Да, — говорит Айлин, оскорбившись. — Она — *мой друг.*

— Да ты сошла с ума. — Девушка-Куинс недоверчиво качает головой. — Господи, ты действительно сошла с ума. Ты хоть знаешь, что она собирается с тобой сделать? И со всем городом, если у нее получится?

Айлин терпеть не может, когда ее называют сумасшедшей. Ее отец постоянно так говорит; по его мнению, все женщины сумасшедшие.

Она любит его, поэтому не возражает, но эти люди — чужаки, так что их она вполне может ненавидеть.

— Она этого не хочет, — холодно отвечает Айлин. — Ей приходится. Иногда люди… — Отец. Мать. *Она сама*. Айлин вздрагивает от этой мысли, а затем стискивает зубы. — Иногда люди совершают плохие поступки, потому что им приходится. Такова жизнь. — Айлин скрещивает руки на груди. — И в ее мире не может быть ничего такого, чего уже не существует здесь. Просто там люди *стараются* быть порядочными. Так что, может быть…

Она прерывается, видя выражения их лиц. Они смотрят на нее, словно не понимают. Словно она *не права*. Но кто они, черт возьми, такие, чтобы судить ее? Да, возможно, они — это судьба, к которой Айлин стремилась всю свою жизнь; но судьба эта заявилась к ней домой, прошлась по лужайке, вытоптала ее травы, стала хамить и швыряться оскорблениями. Так что теперь она почти уверена, что не желает такой судьбы. Судьба груба и уродлива, и, может быть…

— Может быть, я не хочу, чтобы с остальным городом все было в порядке, — рычит Айлин. — Может быть, ему и правда стоит *провалиться*

в тартарары.

Их глаза расширяются, и они ахают. Японец поджимает губы в узкую линию, смиряясь со случившимся. Затем лицо чернокожей леди искажается от гнева, и она начинает двигаться вперед.

— Слушай сюда: моя дочь не умрет из-за того, что ты оказалась эгоистичной мелкой ксенофобкой. А ну быстро подошла сюда. — Бронкс, похоже, пришла к тем же умозаключениям и тоже направляется к Айлин. Они обе явно намереваются заставить ее пойти с ними.

Айлин, спотыкаясь, пятится назад.

— Вы не посмеете… Вы что, собрались меня *похитить?* Мой папа — коп, и я…

— Ну-ну-ну, — говорит Женщина в Белом. Две женщины постарше останавливаются, когда она оказывается между ними и Айлин, в то время как сама Айлин прижимается спиной к входной двери своего дома, тяжело дыша от начинающейся панической атаки. Но Женщина в Белом улыбается… и, повернувшись, открывает дверь в воздухе.

За арочным проемом находится небольшая пещера с черными блестящими стенами. На полу этой пещеры Айлин видит еще одну девушку,

на этот раз круглолицую, смуглую, с распущенными вьющимися волосами. Она лежит в пещере на земле, похоже, без сознания. А еще она покрыта чем-то отвратительным, липким и мокрым на вид.

— О нет, — стонет Бронкс, замирая от потрясения. — Венеца?

— Всегда проверяйте свое заднее сиденье, — с широкой ухмылкой говорит Женщина в Белом. — Я раньше думала, что это эвфемизм такой: мол, проверяйте, что у вас к попе ничего не прилипло! Но нет, смысл самый буквальный. Вы, люди, никогда не шутите, когда я этого жду. — Она серьезнеет. — Если вы хотите вернуть ее в физическом и психическом здравии, то уйдете. И оставите меня здесь с *моей подругой*. — Она одаривает Айлин обаятельной улыбкой.

— И тогда ты разрушишь город, — говорит японец.

— Естественно. Но я, по крайней мере, позабочусь, чтобы все прошло быстро и безболезненно, ладно? Мы никогда не хотели причинять страдания. Этим обычно занимаетесь вы. — Она чуть приподнимает подбородок. — Мы можем решить все цивилизованно. Вы отступите. Я перенесу мой город в этот мир и с его помощью начну

стирать эту вселенную со всеми ее предшественницами и ответвлениями. Если хотите, я создам временную карманную вселенную, в которой некоторые представители вашего вида переживут коллапс — хотя, конечно, без поддержки ближайших вселенных-ответвлений или силы города ее в конечном итоге поглотит энтропия. Но произойдет это нескоро, и времени должно хватить, чтобы ваши короткие, бессмысленные жизни закончились естественным образом. Мирно. Так мы все останемся в плюсе. — Она радостно улыбается.

Японец в замешательстве трясет головой, не желая понимать, что она говорит.

– *Что?*

Но старушка — Бронкс — отрицательно качает головой. Ее губы плотно сжаты.

— Ну уж нет, — говорит она. — Так не делается. Ты не можешь заявиться сюда и угрожать уничтожить все, что мы любим, и при этом заявлять, что ты действуешь *цивилизованно*.

— Господи, — говорит Куинс. Она смотрит на девушку в пещере, кривясь от отвращения. Айлин заглядывает туда, чтобы понять, что же так ужаснуло Куинс, и запоздало замечает, что стены пещеры начали странным, аритмичным образом

пульсировать. Когда одна из стен выгибается, Айлин видит, как из-за нее высовывается нечто твердое, с зубцами. «Расческа?» — гадает она. Да, наверное, расческа. Она черная, не то мужская, не то для чернокожих. Зубцы у нее торчат беспорядочно, на концах они острые, как иголки, и немного загнутые. Внутрь, по направлению к девушке, почти как…

«…зубы, это зубы, а не расческа, зубы, зубы, зубы…»

И место, в котором лежит девушка, — это вовсе не пещера.

Складка сверкающей (нет, блестящей, осознает Айлин, и к ее горлу подкатывает тошнота; она блестит от *слюны*) стены пещеры немного сдвигается в сторону, обнажая узкую, уходящую прямо вниз глотку, которая на миг сжимается. При этом из нее вырывается звук — не голос, а мертвый ровный, ритмичный гул. *Умп*. Глотка снова сжимается. *Дад. Умп.*

Это «Динь-Хо». «Динь-Хо», который держит эту бедную девушку в своей распахнутой пасти, грозя проглотить ее живьем.

— Ты — самая ужасная тварь во всем мире, — говорит Куинс. Она плачет, но ее кулаки сжаты. — Венеца даже не одна из нас. Она просто

обычный человек! Зачем тебе вредить ей? — Куинс поднимает свои пухлые кулачки, готовая драться. Все три других боро Нью-Йорка напрягаются и подбираются, готовясь сразиться с Женщиной в Белом. Сразиться с единственным другом Айлин.

Айлин хватается за голову и мотает ею. Это чересчур. Она просто хочет, чтобы все наконец закончилось. Поэтому она закрывает глаза, сжимает кулаки и изо всех сил желает, чтобы эти опасные незнакомцы просто *ушли*.

Дальше все происходит очень быстро.

* * *

Существо медленно показывается из лестничного туннеля, не столько двигаясь, сколько *выпячиваясь вперед*. Не быстро, но расторопно. Оно похоже на призрака: изменчивое, трепещущее, мерцающее, белое и почти бесформенное. Однако в его облике легко угадывается скелет поезда, который и преобразился в это существо: живое, гибкое и змееподобное, настолько густо покрытое белыми усиками, что они больше похожи на мех. Этот мех колышется, прижимается к выложенному плиткой камню, помогая поезду протиснуться в узкую пасть арки так же, как рес-

нички в тонком кишечнике перемещают по нему переваренную пищу. На глазах у Мэнни поезд начинает водить своим длинным носом, поворачиваясь и осматриваясь, как живое существо на охоте, с каждой секундой меняя очертания… и, наконец, фокусируясь на Мэнни, Паулу и спящем главном аватаре.

Паулу держит сигарету так, как обычно держат нож. Он выпускает в чудовищный поезд мощную струю дыма, и хотя между ними несколько ярдов, тварь вздрагивает, ее неземной свет на мгновение меркнет, и усики, покрывающие ее нос, увядают. Под ними показывается обнаженный металл и проволока, оставшиеся от первого вагона поезда, ужасно искореженные и спрессованные в форму пули. Однако через мгновение усики из нетронутой части вагона снова быстро разрастаются, покрывая оголенный нос. Еще секунда, и чудовище как ни в чем не бывало возвращается к своему прежнему виду.

Затем по всей длине твари прочерчивается тонкая линия, и ее нос раскрывается, разделившись на две части. На две половинки одного целого. Это *пасть*. А за ней — черная глотка, усеянная острыми обломками сидений.

Паулу негромко ругается и делает шаг назад.

На его лице написан страх. Мэнни сжимает кулаки и, наоборот, шагает вперед, поскольку страх за главного аватара перебарывает в нем страх за себя. Он все еще не придумал, каким конструктом воспользоваться, но из его груди вырывается рык, и красная пелена инстинкта затмевает все.

— Он мой, — рычит Мэнни. Его голос стал глубоким, раскатистым; Паулу бросает на него удивленный взгляд. — Мой! Ты его не получишь!

Поезд-монстр издает шипение, похожее на звук раздвижных дверей, и распахивает пасть еще шире. Теперь она состоит из четырех частей, как у червя, и выглядит неправильно. Нижние челюсти заканчиваются зубами-молярами из металлических колес поезда, теперь острых как бритва и вращающихся с безумной, голодной скоростью. Сзади над колесами даже болтается маленький язычок — красная ручка на цепочке, за которой находится потрескавшаяся табличка, гласящая: «ЭКСТРЕННЫЙ ТОРМОЗ».

И, о ужас, оно *разговаривает*.

— Ос-с-с-сто-ороооожно… — нараспев мурлычет чудовище искаженным электронным голосом. — Д-д-двеееееери з-зак-к-крываааают-с-ся…

Но Мэнни чужда осторожность. Он готов драться. И он тоже меняется. Он становится больше

и выше; чувствует, как отлетают пуговицы с его рубашки, как рвутся джинсы, и в ту же секунду его голова и плечи задевают потолок. Он сжимает кулаки и оскаливается, больше не заботясь о том, чтобы притворяться красивым и дружелюбным. Важен лишь главный аватар. И Мэнни хочет лишь того, ради чего он был создан, — защитить его.

Черный мех и мерцающая сила города окутывают конечности Мэнни, а его плечи расширяются и тяжелеют от нечеловечески сильных мышц. И прежде чем он окончательно превращается в зверя, которым всегда был глубоко внутри, в его голове проскальзывает последняя мимолетная мысль:

«Да уж, надо будет посмотреть о Нью-Йорке фильмы получше».

Затем Кинг-Конг бьет руками в пол и с поднятыми кулаками бросается в бой.

* * *

Мир вокруг дома Айлин содрогается.

— Уходите! — кричит она. — Оставьте меня в покое! *Вам всем здесь не место!*

Связь и *узы* так же важны для Статен-Айленда, как *стойкость* для Бронкса, *возможность*

начать все сначала для Куинс и *умение сносить перемены* для Бруклин. Чужаки стоят на ее земле, *на Статен-Айленде*, где воля Айлин становится сверхъестественным законом, и поэтому…

Ее голос разносится эхом, а вслед за ним волна городской энергии пробегает по траве, листьям, воздуху и асфальту, подобно урагану, громыхающему как тысяча труб…

А затем они исчезают. Исчезает и их машина. И те ужасные, тощие создания, которые подбирались все ближе к Айлин, двигаясь настолько неровно и нелогично, что за ними было невозможно уследить, и негромко бормоча что-то нечеловеческое — все они исчезли, даже то, что держало во рту бессознательную девушку. Когда оно пропадает, раздается слабый, удивленный *«умп?»*. Но после этого на дворе перед домом Айлин наконец воцаряется тишина и спокойствие.

Лишь Женщина все еще парит рядом, потому что ее Айлин не хотела прогонять.

Айлин стоит, дрожа от всего произошедшего, ее руки опущены, голова кружится. Она устала. Совершенно обессилела, вот так разом. Она понимает почему — ведь, чтобы оторвать от себя так много частей, нужно потратить уйму сил. Но иногда, чтобы выжить, это необходимо сделать.

Она садится на корточки, закрывает голову руками и сидит на пороге своего дома, дрожа и раскачиваясь взад-вперед. Через мгновение Женщина приземляется рядом с ней, легко касаясь ногами бетона. Затем на плечо Айлин ложится рука, нежная и теплая.

— Друзья, — произносит Женщина. — Верно? Вдвоем против большой страшной мультивселенной.

Удивительно, но Айлин приободряется.

— Да, — тихо бормочет она, не поднимая головы, хотя дрожит она уже меньше. — Друзья.

Она снова чувствует внезапный острый укол в плечо, около шеи. Однако боль быстро проходит — а после, когда Женщина в Белом убирает руку и наконец удовлетворенно вздыхает, Айлин чувствует, что ей стало теплее. Она в безопасности. И в голове прояснилось.

Она поднимает голову и улыбается Женщине в Белом, а та тепло и радушно улыбается ей в ответ. И, наверное, впервые за всю свою жизнь Айлин не чувствует себя одинокой. Она нужна целому городу! И неважно, что этот город — не Нью-Йорк.

По всему Статен-Айленду начинают тихо расти новые башни и странные сооружения. Инфра-

структура другого города, прокладывающего себе дорогу в чужой мир. И остановить его теперь может лишь одно.

Глава шестнадцатая
Кто здесь Нью-Йорк?

Они возникают перед Атакующим быком на Уолл-стрит и падают ему прямо под бронзовый нос. Туристы постоянно что-нибудь здесь вытворяют ради селфи, поэтому ни ранние бегуны — а уже почти рассвело, — ни группа монахинь, которые направляются на утреннюю молитву, почти не обращают на них внимания. Незамеченные, аватары Нью-Йорка — точнее, трое из пяти аватаров — так и лежат там, тяжело дышат, потрясенные, и пытаются прийти в себя после столь сокрушительного поражения.

Бронка, еще не успев собраться с силами, с трудом приподнимается, чтобы посмотреть на Венецу, которая переместилась вместе с ними. Малышка Би видала и лучшие времена. Ее смуглая кожа выглядит желтее обычного, а волосы грязные и все еще мокрые, пропитанные чем-то… вонючим. Вонь совершенно чужеродная. Отходы непостижимых метаболических процессов совершенно иной ветви эволюции, отвратительный запах рта из иного измерения. Но Бронка не обра-

щает внимания на вонь и проверяет, дышит ли еще Венеца. Девушка морщится и приоткрывает глаза. Однако Бронка не престает беспокоиться. Она не видит на Венеце белых отростков, но бедняжка все же побывала в лапах… точнее, во рту… той твари.

Впрочем, стоит Венеце увидеть Бронку, она со стоном выдает:

— Я ехала прочь из города. Честно. Не начинай.

От ее жалостливого тона многие страхи Бронки сразу же рассеиваются, и она издает слабый смешок.

— Я и не собиралась. Просто рада, что ты жива.

— Ага. Eu tambem[36]. — Венеца садится, потирая глаза. — Господи боже, *жуть какая.* Я думала, что мне конец. Даже просто *глядя* на тех тварей… я чувствовала, будто вот-вот отключусь. Их не должно быть в природе. Того места не должно быть в природе.

— Что? — Бруклин, поднявшись на ноги, безуспешно пытается запахнуть порвавшуюся юбку. Ничего неприличного там не видно, но так уж она воспитана.

---

[36] Сноски: 36
Я тоже (*порт.*).

— Хорошенькие ножки, — говорит Бронка, просто чтобы подразнить ее. Бруклин в ответ корчит гримасу.

— То место. Откуда явилась стерва с щупальцами. — Когда Венеца опускает руку, вид у нее затравленный, и именно тогда Бронка видит, чего ей стоило произошедшее. Венеца хорошо притворяется, но на ее лице читается глубокий, первобытный страх. — На самом деле она не оттуда. Слава богу, она не утащила меня *туда*, потому что я, наверное… То место было больше похоже на какое-то промежуточное измерение, где могут существовать создания из обоих миров. Там она и тусуется, когда ее нет здесь. Вот только это уже само по себе неправильно, да? Ничто не должно быть таким. Я просто не понимаю, как можно вообще *построить* такие здания.

— Какие «такие»? — спрашивает Куинс, прежде чем Бронка успевает заткнуть ее суровым взглядом. Бронка протягивает руку, чтобы проверить лоб Венецы, и прижимает тыльную сторону ладони к ее щекам. Жара у девушки нет, она скорее замерзла и дрожит, причем не только от холода. Голос Венецы становится выше и громче, когда она отвечает:

— Такие, какие не должны *существовать*, черт

возьми! Все перекошенные, и… — Она зажмуривается. Ее так сильно трясет, что у нее дрожит голос. — *Старушка Би, у них все углы были шиворот-навыворот. Все неправильные.*

Произнеси она это своим обычным язвительным тоном, Бронка все равно бы занервничала. Но от того, что Венеца говорит пронзительным сценическим шепотом, каждый волосок на ее коже встает дыбом.

— Так, ну-ка хватит, — говорит она, беря Венецу за плечи и легонько встряхивая, пока та не опускает руки и не переводит взгляд на Бронку. — Перестань думать об этом дерьме, — говорит она. — Некоторые мысли отравляют душу. И думать их можно лишь тогда, когда у тебя хватает на то сил — или рядом есть психиатр. Но до тех пор — отстранись от них. Сосредоточься на том, что видишь здесь и сейчас.

— Я… Я не… — Но Венеца сглатывает и делает глубокий вдох. — Ладно. Я попробую. — Внезапно она морщится и оглядывается. — Какого хрена я сижу на земле? И… Фу. — Она принюхивается к себе, затем корчит гримасу ужаса.

— Да, разит от тебя будь здоров, — говорит Куинс, хотя она облегченно улыбается, видя, что с Венецей все в порядке. — Когда все закон-

чится, я схожу домой и принесу тебе хороших благовоний. А моя тетушка, наверное, пришлет тебе миллион идли[37], когда я расскажу ей, что ты съела все мои. — Венеца хихикает, и Бронка чувствует, как напряжение уходит.

Но затем Куинс моргает, серьезнеет, и теперь затравленной выглядит уже она.

— Вот только все *уже* кончено, да? Без Статен-Айленд…

— Не могу поверить, что она так поступила. — Бруклин хмурится и протягивает руку, помогая каждому из них подняться на ноги. К стыду Бронки, помощь ей действительно нужна. Она выбилась из сил, у нее болит бедро и что-то в спине. — Причем я даже не знаю, что именно она сделала. Провернула какую-то хрень, как в «Звездном пути». Мы не просто быстро сдвинулись с места, как когда Мэнни вынес нас из Центра, а *переместились*. Она даже не на паром нас отшвырнула. А прямо телепортировала.

Бронка потирает поясницу.

— Что ж, зато теперь мы знаем, какая у нее

---

[37] Сноски: 37

Идли — классический гарнир для многих основных блюд южноиндийской кухни: небольшие паровые лепешки из ферментированного черного маша и рисовой муки, пропитанные вкусовыми добавками. (*Прим. ред.*)

суперсила — волшебная ксенофобия. — Она оглядывается один раз, а затем снова. Внутри у нее все сжимается. — Конг.

Теперь оглядываются все. Конга нигде не видно.

— Может, он вернулся в свой город? — Куинс морщится. — Он ведь все время твердил, что этого хочет. Может быть, он первым пришел в себя и…

— Будем на это надеяться, — мрачно говорит Бруклин. — Нет, я в самом деле буду надеяться, что он оказался законченным придурком и бросил нас, пока мы были без сознания.

Потому что иначе получится, что странная, невозможная мгновенная телепортация со Статен-Айленда каким-то образом забросила Конга… куда-то еще. Может быть, в чистилище. Или вообще в никуда.

Бронке тяжело думать об этом, поэтому она отбрасывает подобные мысли и сосредотачивается на практических вопросах.

— И где мой чертов… о, вот он. — Ее старый джип, ничуть не пострадавший от того, что его телепортировали прямиком через гавань Нью-Йорка, стоит рядом с Быком. Под одним из дворников уже торчит штраф за неправильную парковку. Что ж, его хотя бы не эвакуировали. Бронка взды-

хает. — Ладно, идем. Я отвезу нас к «Сити-холлу».

Она делает шаг вперед, но останавливается, когда Куинс хватает ее за руку.

— Вы меня не слушаете, — резко говорит девушка. — Это *бессмысленно*. Мы не сможем разбудить главного аватара без пятого боро. И что будем делать? Просто пойдем туда и позволим ему нас сожрать?

– *Да*, — говорит Бруклин, сверля Куинс взглядом и обходя их, чтобы подойти к машине. — Либо так, либо мы возвращаемся на Статен-Айленд, задаем этой мелкой тупице трепку и тащим ее с собой. Но это займет еще примерно час, а мне почему-то кажется, что времени у нас осталось не так уж много. Так что лучше отправиться к главному. — Она хлопает себя по одежде, находит телефон в заднем кармане юбки, а затем морщится. — У меня нет номера Манхэттена. Чем мы только думали, когда не обменялись номерами?

— Так он все равно в подземке, а связь там вряд ли ловит, — отвечает Бронка. Она находит свой брелок и открывает двери.

— И что, вы хотите просто пойти туда и умереть? — Куинс не идет за ними, а недоверчиво переводит взгляд с одной на другую. — Вы, что ли,

все с ума посходили?

— Ага, — говорит Бронка, устало усмехнувшись. — Не забывай, мы — Нью-Йорк, так что у нас у всех с головой не в порядке. Манхэттен не один тут такой.

— Я не собираюсь сдаваться, — говорит Бруклин, обращаясь к Куинс. С неумолимым видом она упирает руку в бок. — И не смей так выворачивать мои слова, юная леди. Сдаешься здесь *ты*. Так что давай беги обратно в Джексон-Хайтс, прячься и надейся, что эта женщина и ее чудовище тебя не достанут. Или проваливай из города, и тогда у нас будет надежда, что следующий Куинс хотя бы попытается спасти людей…

На этих словах Куинс вздрагивает.

— Я хочу спасти людей! Конечно же, хочу. Но мы даже не знаем, сработает ли это… — Она замолкает, хмурится и опускает плечи, признавая поражение. — Но… Ах, черт.

Бронке удалось унять боль в бедре, и одно это уже кажется ей победой.

— Чего?

Венеца стащила с себя легкий свитер — прошлой ночью, целую жизнь назад, она жаловалась, что кондиционеры в Центре слишком сильно холодят. Теперь свитер перемазан невесть чем,

поэтому она бросает его на землю прямо под нос Быку.

— Дыши глубже, капитализм. — Затем она тоже направляется к машине Бронки.

— До меня просто дошло, что вы уже все просчитали. — Куинс печально смотрит на них и улыбается. — Мне тоже стоило посчитать, но на нас столько всего свалилось… Однако вероятности довольно однозначны, правда? Если сбежим, то гарантированно не сможем спасти город. Можно попытаться вразумить Статен-Айленд, и шанс тут ненулевой, но он настолько мал, что смысла в этом нет. Остается лишь попытаться разбудить главного, хотя бы и вчетвером… и здесь у нас шансы самые высокие. — Она качает головой, затем наконец вздыхает и подходит к машине Бронки. — Меня просто бесит, что нет сценария с вероятностью успеха хотя бы девяносто процентов.

— Ага, отстойно, правда? — Бронка хлопает Куинс по плечу, и они все садятся в машину.

Телефон Бруклин сел почти полностью, но он предупреждает, что на станции «Бруклинский мост — Сити-холл» случилось какое-то происшествие с участием полиции. Она звонит одному из своих волшебных помощников и обо всем

договаривается.

— Нас встретит сотрудник Музея транспорта, — говорит она, вешая трубку, а затем бросает телефон на пол. — Он пустит нас на старую станцию.

— У меня вообще-то зарядка в машине есть, — говорит Бронка, поджимая губы при виде умирающего телефона.

— Не нужно, — говорит Бруклин, отворачиваясь к окну. — Иначе я просто снова позвоню дочери.

Бронка вздыхает и думает: «Хоть бы моему внуку придумали нормальное имя».

Попытки припарковаться у городской ратуши превращаются в кошмар. Сначала они тратят полчаса, чтобы туда добраться, хотя ехать совсем недалеко — они, наверное, дошли бы быстрее пешком, даже если бы останавливались на каждом углу, чтобы полюбоваться рассветом. Заторы на дорогах, скорее всего, образовались из-за странных белых сооружений, которые теперь прорастают по всему городу. Бронка проезжает мимо узловатого нечто, как паутина опутавшего небольшой парк промеж офисов двух крупных финансовых корпораций. На стволах деревьев виднеются искаженные лица с распахнуты-

ми ртами. Еще одно нечто, поменьше, сидит на южной лужайке Сити-Холл-парка, похожее на маленькую горбатую лягушку без ног или глаз. У нее есть лишь рот и бородавки, она прикована к земле и дрожит, как от холода.

Но есть кое-что похуже этих строений — люди. Бронка видит все больше и больше финансистов и политиков с проросшими на них усиками. На некоторых ростков всего один или два, но другие покрыты ими, как беловолосые йети, решившие прогуляться по городу в костюме от кутюр.

— Становится хуже, — зачем-то говорит Венеца.

— Да, я заметила, — отвечает Бронка.

Она чувствует, что Венеца поворачивается и смотрит на нее.

— Ты ведь уже знаешь, что она такая же, как вы? Тоже город. Просто не из этого мира.

Бронка вздыхает, выискивая, где бы припарковаться, и наконец находит узкое место, откуда ее почти наверняка эвакуируют. Ну и хрен с ним.

— Ага, это мы тоже заметили.

— И вы знаете, что она хочет *переместиться* сюда? Для этого и нужны те белые штуковины, которые выросли по всему городу. Она называла их «пилонами-переходниками». — Венеца криво

улыбается. — Она пытается *подключить* себя к *нам*. Перенести сюда свой город, прямехонько на место Нью-Йорка.

— Что? Каким образом? — спрашивает Бруклин. Бронка глушит машину; она настолько потрясена, что забывает поставить рычаг коробки передач в положение «парковка», и двигатель, недовольно фыркнув, замолкает.

— Я не знаю каким. Но вы тень разве не заметили?

Бронка непонимающе смотрит на Венецу. Бруклин хмурится, внезапно выходит из машины и смотрит на небо. Затем ругается. Бронка спешит наружу вслед за ней, и Куинс делает то же самое.

Поначалу Бронка не видит на небе ничего, кроме безупречной голубизны. Утро кажется типичным для июля, и теперь, когда рассвет уже занялся, солнце почти что выпрыгивает из-за горизонта. Вот только… Бронка хмурится, оглядываясь по сторонам, и замечает, что все на земле словно оказалось в тени. Под деревьями и людьми тени тоже есть, но они едва различимы и почти сливаются с общим отсутствием света. А утро сейчас светлое, точнее, должно быть таким. На небе ни облачка. Свет солнца должен

заливать все вокруг, делая тени резкими. Но этого не происходит.

И Бронка внезапно начинает подозревать, что если она заберется повыше, то увидит, что тень накрыла весь город. Словно что-то повисло над ним — что-то обширное и ужасное, но пока видимое лишь по тому, как оно влияет на мир. Однако скоро…

Венеца тоже выбралась из машины. Бронка замечает, что она решительно не смотрит наверх. Боится снова увидеть что-то, чего видеть не стоит.

— Н-да, в общем, — сдавленным голосом говорит она, — вам, ребята, стоит сделать все, что можете. И, эм-м-м, поскорее.

Да уж. Это Бронка уже поняла.

Они находят вход старой станции — незаметный, выкрашенный в зеленый цвет, с нелепой вывеской: «Метро “Брод-стрит”, входа нет» и с опущенными снаружи жалюзи. Там их ждет беспокойного вида юноша. В глазах Бронки он еще совсем подросток, поэтому она решает, что это, скорее всего, стажер, которого взяли на лето.

— А, советница Томасон, — говорит юноша, когда они подходят, улыбаясь и пожимая Бруклин руку. — Мы получили ваше сообщение, спасибо.

Вам понадобится экскурсовод? К сожалению, наши штатные сейчас подъехать не смогут, но я могу сам…

— В этом нет необходимости, директор, — спокойно отвечает Бруклин. — Благодарю вас. Я уже была здесь прежде и со всем справлюсь сама. Вот только мы не взяли с собой фонарь.

— О, так возьмите мой. — Юноша — точнее, *директор*, Бронка изумлена, чертовы дети в наши дни уже повсюду, — передает Бруклин свой фонарик. Это одна из тех машинок для выживальщиков, в которую нельзя вставить батарейки и вместо этого нужно крутить ручку, однако она полностью заряжена. — И долго вы там пробудете?

— Недолго. Я прослежу, чтобы вам завтра же утром вернули ключи. — Бруклин протягивает руку.

Директор недоуменно хлопает глазами.

— Вы… Я не думал, что… — Теперь он оглядывает всех остальных. Гадает, наверное, зачем член городского совета заявилась на заброшенную станцию метро с компанией избитых, грязных, усталых людей. — Эм-м.

— А еще я прослежу, чтобы мой друг из совета директоров Бруклинского музея узнал, насколько

вы были любезны и профессиональны, — с совершенной, самодовольной улыбочкой говорит Бруклин. Бронка почти начинает испытывать к ней восхищение. И директор, который явно хочет повышение, не может перед ней устоять. Он вздыхает, передавая Бруклин ключи. Они еще недолго обмениваются любезностями, слушать которые невыносимо, ведь город тем временем меркнет все больше. Бронка уже не может различить во всеобщем сумраке собственную тень. Наконец дитя-бюрократ уходит, и Бруклин какое-то время возится с замком. Вскоре они оказываются внутри. Спускаются по ступенькам, сворачивают за угол… а затем все разом останавливаются, потрясенные.

На изогнутой платформе, прямо под аркой, выложенной великолепной плиткой Гуаставино, лежит разодранный, искореженный труп биомеханического чудовища. Его туша отчасти свисает с платформы метро. Глядя на нее, Бронка понимает, что заднюю ее часть составляет самый настоящий поезд, последний вагон которого все еще стоит на рельсах. Однако все передние вагоны с них сошли. Самые первые вообще забрались на платформу и превратились в нечто, больше похожее на кольчатого червя, чем на неодушев-

ленное средство передвижения. У него даже есть крошечные толстые ножки, выросшие из искореженных частей двигателя. Еще он покрыт белыми сияющими отростками, уложенными плотно, как мех… но Бронка с облегчением видит, что все они мертвы и рассыпаются в ничто прямо у нее на глазах. Впрочем, пока они обходят останки поезда, она все равно старается держаться от ростков подальше.

Более того, Бронка видит, что это чудовище не просто умерло — его *убили*. Разорвали на части. Кусок первого вагона, смятый, лежит на противоположной стороне платформы, куда его отшвырнула некая невообразимо мощная сила. Вторая часть забита в боковой коридор станции. И прямо за застрявшим там куском Бронка слышит чье-то тяжелое дыхание.

— Есть тут кто? — зовет она.

Раздается португальское ругательство, и в узкой щели за вырванной будкой кондуктора появляется Паулу.

— Слава богу, — говорит он, и в его взгляде читается облегчение. — Статен-Айленд с вами?

Они начинают перелезать через обломки. Бронке стыдно за то, что ей приходится опереться на Куинс, но у нее получается перебраться.

— Нет, — говорит Бруклин. — Мы ей понравились ничуть не больше тебя. Женщина в Белом уже…

Она замолкает. Бронка протискивается через оторванный кусок метро-чудовища и, проследив за ее взглядом, видит Мэнни, привалившегося к стене. Это он тяжело дышит и к тому же весь перемазан кровью и явно выбился из сил. А еще он совершенно голый, хотя его поясницу прикрывает пиджак Паулу.

— Что?.. — ошалело спрашивает Бронка.

— Поезд-монстр, — отвечает Мэнни.

— Эм-м, ну да, но я спрашиваю…

– *Статен-Айленд*, — резко прерывает их Паулу. Он недоверчиво качает головой. — Вы говорите, что она все же перешла на сторону Врага? Окончательно? Она хоть понимает…

— Она все понимает. — Куинс подошла к Мэнни, чтобы помочь ему встать. Выглядит он так же жалко, как Бронка себя чувствует, — поднявшись на ноги, Мэнни сутулится и старается двигаться поменьше, чтобы ничто вдруг не заболело. Пиджак он прижимает к своему достоинству, и Бронка думает, что Паулу вряд ли захочет его забрать. — И она вышвырнула нас с острова. Мы, э-э-э… Мы, кстати, не знаем, куда подевался Конг.

Паулу смотрит на всех, потеряв от ужаса дар речи. Мэнни вздыхает, затем поворачивается и, спотыкаясь, идет куда-то к нише в стене.

— Значит, сделаем все, что сможем.

— А если этого окажется недостаточно? — спрашивает Бруклин.

— Должно оказаться достаточно. — Мэнни явно настолько больно, что Бронка подходит к нему, чтобы попытаться помочь. Однако стоит ей нагнуться, как у нее прихватывает спину. Венеца качает головой, подбегает к ним обоим и сердито сверлит Бронку взглядом, пока та не отходит. Затем Венеца подставляет Мэнни плечо.

— Мы хотя бы свои боро сможем защитить? — Бруклин страдальчески улыбается, и становится ясно — она прекрасно понимает, насколько это мерзкий вопрос. Впрочем, Бронка ее не винит.

— Я-то откуда знаю? — Но затем, чтобы не казаться совсем уж бессердечной, она мягко прибавляет: — Они успели уехать? Твой отец и дочка?

— Надеюсь. — Бруклин отворачивается и быстрым шагом уходит к нише.

Бронка хромает вслед за ней и в нише видит главного аватара. Он такой же, как на портрете: слишком худой, слишком молодой, слишком беззащитный в тающем свете города.

— Он точно сможет нас съесть или только понадкусывает? — шутит Бронка. Никто не смеется.

Подходит Паулу, берет Венецу за руку и, к огромному облегчению Бронки, отводит ее назад.

Остаются лишь они и главный. Четыре звезды из пяти — хорошо, но не отлично. Бронка затаивает дыхание и ждет, стараясь не бояться. Она смотрит на Мэнни, который, похоже, лучше других понимает, что нужно делать теперь.

Однако Мэнни с обеспокоенным видом смотрит на главного.

— Ничего не изменилось, — говорит он. Протянув руку к обритой стороне головы главного, он замирает в нескольких дюймах, как будто боится прикоснуться. Он хмурится от досады, и Бронка внезапно видит происходящее совсем по-другому. Это не Мэнни остановил руку, а *ее что-то остановило*. Что-то, чего она не видит.

— Что… — Есть лишь один способ узнать. Бронка собирается с духом. «Пусть я погибну как Тундееви Лоосоксквью, — думает она. — Как Женщина, в Которой Полыхает Пламя, как член клана Черепахи. Как воительница, которой меня всегда считал Крис». И она тоже

протягивает руку к голове мальчика.

Что-то ее останавливает. Поначалу Бронка ничего не ощущает, просто ее рука замедляется, а затем замирает и отказывается двигаться дальше. Куинс вздрагивает, затем протягивает дрожащую руку. Та тоже повисает в воздухе. Все смотрят на Бруклин, выражение лица которой посерело. Она уже понимает, что это бессмысленно. Но поскольку так нужно, она тянется к главному. И ее рука тоже упирается в незримый барьер.

Над ними дневной свет, проникающий через световой фонарь, меркнет еще больше. «Похоже на затмение», — думает Бронка, вспоминая тот странный, зловещий сумрак, который она видела несколько раз за свою жизнь. «Р'льех приближается». — Она вздрагивает от этой мысли, которая рассекает ее сознание, как удар хлыста.

— Она приближается, — зачем-то произносит Паулу. Вид у него мрачный. Он смотрит наверх. Они все смотрят наверх.

— Значит, она и правда это сделает, — говорит Куинс полным отчаяния голосом. — Она просто… разместит город *оттуда* здесь. Прямо поверх нашего. Что же тогда будет?

— Очень многие погибнут, — говорит Бруклин. — Ты ведь ее слышала. Если тот город

окажется здесь, вся наша *вселенная* обрушится.

— Но как? Я этого вообще не понимаю, — стонет Куинс, проводя рукой по волосам.

— Тебе тоже стоило уйти, — говорит Бронка Паулу. Это бессмысленно, но она никогда не могла упустить возможности сказать: «Я же тебе говорила». Наверное, это главная причина, почему она теперь одна.

Паулу делает глубокий вдох.

— Что бы ни случилось, меня, скорее всего, просто отбросит в мой родной город. Так что я ничем не рискую. По крайней мере, пока вселенная не обрушилась.

— Так ты все же думаешь, что Конг…

— Э-э-э, Старушка Би?

Все удивленно поворачиваются. Венеца говорит так, словно она не в себе. Тяжело дыша, девушка поднимает голову; ее лицо покрыто испариной. Но она не выглядит больной или словно вот-вот потеряет сознание — и Бронка этому рада, ведь она даже думать не хочет, могло ли то чудовищное создание ужалить ее, укусить или отравить чем-нибудь неземным. Наверное, глупо так беспокоиться о жизни одного человека, когда космическая сила вот-вот впечатает в асфальт целый город, но так уж устроено человеческое

сердце.

Так что она подходит к Венеце.

— Да, детка? Что…

И тогда она останавливается. Венеца резко делает шаг назад. Бронка тоже замирает. Выпучив глаза, они смотрят друг на друга.

Она грязная и маленькая, вынужденная бороться за жизнь в тени величия, но гордая собой. Потенциал — вот что у нее имеется в избытке. Она протягивает свои коротенькие пирсы, выпячивает впалую грудь давно исчезнувших производств и поднимает выше голову, увенчанную короной из новеньких аляповатых небоскребов, как бы заявляя: **«Давай же, нападай! Подумаешь, громадина какая — я тоже крутая, ничуть не хуже тебя…»**

— Не может быть, — потрясенно выдыхает Бронка.

— Эм-м, — произносит Венеца. Она немного дрожит. Но при этом широко улыбается. — Народ, что за фигня?

— Что происходит? — Мэнни переводит взгляд с Венецы на остальных и обратно. Куинс озадачена не меньше него.

— Это уже неважно, — бормочет Бруклин. Опустив голову, она оплакивает свою семью.

Однако Паулу смотрит на Венецу с широко распахнутыми глазами. Он все понял. По его лицу пробегает странное выражение. Он быстро обегает груду газет и хватает Венецу за руку с такой силой, что девушка вскрикивает. Бронка сразу же реагирует и хватает за руку уже его.

— Эй, ты чего творишь вообще…

— Живые города определяются не политикой, — отвечает Паулу. Он говорит так спешно, что почти кричит. — И не границами между округами. *Они сотворены из того, во что верят люди, которые живут в них и в окрестностях*. Есть лишь одна причина, по которой она могла прямо сейчас стать одной из нас… — Затем он прекращает попытки объяснить и снова тащит Венецу к груде газет. На этот раз Бронка понимает. Ее рука немеет. Она отпускает Паулу, затем спешит следом.

В маленьком помещении становится темнее. У фонарика директора уже заканчивается заряд, да и солнце только что скрылось окончательно. Когда Бронка смотрит наверх, она видит синее небо — темно-синее, словно на нем вот-вот появятся звезды. Прищурившись, она замечает, как из ничего начинает обретать очертания нечто материальное, неземной фундамент, воз-

никший высоко в небе прямо над Нью-Йорком…

Венеца упирается, не давая Паулу утащить себя, и испуганно смотрит на Бронку.

— Би! Би, мне страшно. Что за…

Бронка колотит Паулу, пока тот не отпускает Венецу, а затем сама втягивает девушку в круг, к главному аватару.

— Все жители Джерси-Сити, которых я знаю, всегда говорят, что они из Нью-Йорка, — торопливо, но негромко произносит она. — Не ньюйоркцам, конечно, потому что мы сволочи и просто засмеяли бы их, но всем остальным. И остальной мир просто *принимает это как данность*. Верно? Потому все, у кого есть здравый смысл, видят, что этот город расположен в двух шагах от Манхэттена, ближе даже, чем Статен-Айленд, а значит, *почему бы ему и не быть частью Нью-Йорка*. Верно?

Вокруг и над ними нарастает какой-то звук; он разносится по всему городу. Это не рокот — он бы исходил от земли, — а нечто, больше похожее на низкий вой сирены, на хор десяти тысяч голосов, вопящих одновременно. Или… нет. На завывания ветра, дующего с такой силой и скоростью, что воздух накаляется. Бронка не слышала ничего подобного со времен разрушительного урагана

«Сэнди», а то, что происходит сейчас, гораздо хуже. Р'льех надвигается.

Но остальные уже все поняли. Даже Венеца, которая теперь глядит на них. На ее глаза навернулись слезы. Она улыбается, ликует — и Бронка запоздало осознает, что именно на это Венеца и надеялась. Ведь она была с ними с самого начала, все видела и хотела помочь. Наверное, понимала достаточно, чтобы позавидовать. И город Нью-Йорк, заглатывающий всех приезжих глупцов, которые желают стать его частью, с готовностью принял ее.

Даже сейчас, накануне конца света, невозможно не ответить Венеце такой же улыбкой. Радость есть радость. Бронка берет ее за руку, не скрывая своей любви. Теперь они семья. Мэнни с сосредоточенным видом берет Венецу за вторую руку.

— Кто ты, Малышка Би? — с широкой улыбкой на лице спрашивает ее Бронка.

Венеца смеется, словно опьяненная, запрокинув голову назад.

— Я *Джерси-Сити*, черт возьми!

Лицо Мэнни наконец разглаживается. Он облегченно выдыхает, и странные механизмы его психики переключаются, позволяя сосредоточиться на дальнейших шагах.

— А кто *мы?* — спрашивает он у остальных, и в ту же секунду в крохотном помещении становится совсем темно.

Совсем, если не считать тот свет, что окутывает главного аватара, который лежит на постели из таблоидных сказок и недосказанностей. Они наконец видят, что он *сияет*. И свет всегда исходил только от него.

Прямо у них на глазах он делает вдох, потягивается, переворачивается на спину и открывает глаза.

— Мы — Нью-Йорк, — говорит он. И улыбается. — О да.

* * *

Они — Нью-Йорк.

Они — оглушительный грохот, рвущийся из каждого сабвуфера, из каждого круга стальных барабанов, что вечно раздражают пожилых соседей и будят малышей, тайно давая при этом каждому повод улыбнуться и пуститься в пляс. Этот звук, эта необузданная ударная волна чистейшей силы, вырывается из тысячи дверей ночных клубов и из оркестровых ям, взмывает ввысь и расходится в стороны, накрывая весь город. Произойди это в мире людей, многие бы

оглохли. Но это происходит в мире городов — там, где нахальная Р'льех осмелилась посягнуть на место Нью-Йорка. «Ну уж нет», — огрызаются они и отталкивают незваную гостью прочь.

Они — зеленое метановое пламя из канализации, проносящееся по улицам, ненастоящее, но межпространственно-жгучее, очерчивающее отмостки и поребрики и выжигающее каждый незваный атом из иной вселенной, поселившийся на городском асфальте. Каждая башня и каждое белое сооружение замирают, а затем рассыпаются, превращаясь в ничто. Офисные работники, все утро опутанные усиками, останавливаются и хлопают глазами, когда волна начисто сшибает с них паразитов. Им не больно. Может быть, они чувствуют слабое покалывание на коже. Некоторые вздыхают и мажутся кремом от раздражения, а затем продолжают заниматься своими делами.

Но *они* уже превратились в охотничьи стаи многоруких безликих биржевых брокеров, идущих по следу с той же алчностью, с какой они вынюхивают инсайдерскую информацию. *Они* ползут по стенам города, перепрыгивают на его плоские крыши и довольно, необузданно скалятся. *Они* — вооруженные грабители в переулках,

одетые в подделанные «барберри», таящиеся в тенях и поджидающие свою жертву. *Они* — визжащие «яжматери» из Ассоциации родителей и учителей, со стандартизированными тестами в одной руке и острыми как бритва когтями на другой.

Их цель — Женщина в Белом, которая мчится по городу, спасаясь бегством. Теперь они видят, что у нее несколько дюжин воплощений: множество тел, несчетные обличья и одна сущность — все вместе они целиком посвятили себя той войне, ради ведения которой она была создана. Но она, в конце концов, город — прекрасная Р'льех, где улицы всегда прямые, а здания — извилистые, вознесшиеся из темных бездонных глубин, что пролегают меж вселенных. И ни один город не может оставаться в границах другого, если ему там не рады.

С каждым своим воплощением, пойманным и разорванным на безликие единообразные частички ур-материи, Р'льех все больше дрожит от страха. Она беспомощно застряла между мирами, ее вторжение уже зашло слишком далеко, и вернуться в промежуточное измерение она не может. Башни служили одновременно адаптерами и направляющими «рельсами»

для тех ее частей, что уже перенеслись сюда, и когда очищающая волна нью-йоркской энергии прокатывается от Манхэттена к Уэстчестеру, Кони-Айленду и Лонг-Айленду, все башни оказываются уничтожены. Лишившись якоря, Р'льех может затеряться в бесформенных эфирах, лежащих за пределами самого бытия. Ей нужно найти хоть какую-то точку опоры. Подойдет все что угодно. Она мечется, отчаянно ища спасения. Любую возможность…

Вот она.

Такая крошечная. Ее недостаточно, чтобы вместить целиком огромный город… но, возможно, целый боро сможет послужить своеобразным якорем. У Р'льех не получится пройти, но с помощью Статен-Айленда она сможет *удержаться*. Она может закрепиться здесь, в этом новом самостоятельном пригороде, наладить связь с жителями, подпитаться ресурсами и таким образом сохранить жизнь — по крайней мере, пока что. И в то же время эта маленькая озлобленная часть Нью-Йорка, так давно стремившаяся к свободе, наконец получит то, что желала.

Но что же *они?* Оставшиеся воплощения Нью-Йорка вместе с их новым почетным боро Джерси-Сити? У *них* все просто прекрасно.

У нас все в порядке, спасибо, что спросили. Мы — Нью-Йорк. Добро пожаловать на вечеринку.

Эпилог

Яживу городом. Чертов город.

Мне никогда не нравился Кони-Айленд. Летом здесь толчется слишком много людей. А в любое другое время года здесь слишком холодно. Да и делать тут нечего, если у вас нет денег и вы не умеете плавать. И все же. Я стою на дощатой дорожке, чувствуя, как дерево дрожит под моими ногами, когда ему передается кинетическая энергия тысяч идущих взрослых, бегущих детей и скачущих собак. А еще я чувствую, как нечто неотделимое от моего существа резонирует с пятью другими душами. Моя душа тоже там, вместе с ними. Теперь мы стали едины, превратились в эдакий спиритический цирк уродов, которому самое место на Кони-Айленде, — именно это, кстати, и означала та ерунда с «поглощением». Если не можешь кого-то съесть, присоединяйся к ним.

Несмотря ни на что, я наслаждаюсь днем. Сегодня девятое июля. Не четвертое. Этот день кое-что значит для *нас*, поскольку Нью-Йорк провозгласил свою независимость от Англии

именно девятого июля тысяча семьсот семьдесят шестого года. Как всегда, решил модно опоздать. Еще сегодня прошло почти три недели с тех пор, как мы превратились в города, и мы решили, что самое время отпраздновать. Все еще живы, ура-ура, передайте-ка косячок.

Паулу кладет трубку и подходит к перилам, на которые я облокачиваюсь. За нами раскинулся песчаный пляж, где дочь Бруклин, Жожо, плещется в воде. Она играет в Марко Поло с Куинс и Джерси. Делает их, как детей, потому что она ловкая и умная, как ее мама. Куинс явно развлекается, позволяя другим ловить себя, а Джерси слишком боится воды — она не умеет плавать и всякий раз, поймав теплое течение, думает, что это кто-то поссал, а задев комок водорослей, считает, что наступила на медузу, — так что в игре от нее толку мало. На берегу, сидя на разложенных полотенцах, воркует над своим малышом тетушка Айшвария, в то время как ее муж, невысокий мужчина с огромными усами, склонился неподалеку над переносным хибати. Судя по запаху, он готовит что-то невероятно вкусное. Бронка дремлет на солнце, похожая на огромное бронзовое изваяние, распластавшееся на полотенце. Я не знаю, где бабуля нашла такое большое

бикини, но от нее исходит столь мощная волна пофигизма, что хоть хватай доску для серфинга и катайся. (Уж не знаю, почему почти все мои части оказались женщинами, но меня это устраивает. На меня это так похоже. А я — это они.)

Манхэттен тоже сидит на одеялах. Он искупался, но уже почти обсох и просто наблюдает за другими, наслаждаясь их радостью. Как и все приезжие, он дивится тому, как это солнечное, песчаное место могло оказаться на самой окраине величайшего города в мире. Впрочем, он уже расслабился и принял это как данность. Манхэттен у нас такой, ко всему относится философски.

Затем я вижу, как мышцы его спины слегка напрягаются — он почувствовал, что я на него смотрю. Большинство людей не обратили бы внимания, но только не этот парень. Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня в ответ, и я отвожу глаза, потому что не могу выдержать его пристального взгляда. Я никогда не просил о… рыцаре? Телохранителе? Кем бы он там себя ни мнил. Но я знаю, что из всех именно ему предначертано… служить мне. Черт, по-моему, это уж слишком попахивает БДСМ, и я даже не знаю, что думать. Он готов убивать ради меня. Он готов и любить меня, если я ему позволю. На этот счет

пока ничего не решено, поскольку я никогда не хотел больного на всю голову светлокожего парня из Лиги Плюща. Ну, то есть… он вроде бы симпатичный? Но его надежды на большее… Я ведь не просто так уже давно не ввязывался ни во что «большее», а только притворялся.

Он чуть опускает глаза. Они все меня понимают, мы понимаем друг друга, но Мэнни лучше других чувствует мои настроения. Он понимает, что я нервничаю из-за него. (А еще понимает, что я не хочу в этом признаваться.) Так что пока он держится на расстоянии. Ждет, когда я ко всему привыкну. А потом мы уж как-нибудь разберемся.

Я вздыхаю и тру глаза. Паулу издает что-то похожее на смешок.

— Все могло быть и хуже.

Да, нас всех могли разорвать на куски неевклидовые «Динь-Хо». Я это понимаю. И все же.

— Все равно дичь какая-то.

— Это — ты. Хочешь ты того или нет. — Он вздыхает, со слишком уж самодовольным видом глядя на остальных. Теперь, когда я отторг ту часть себя, которая пыталась прогнать Паулу, ему стало лучше, ведь он перестал быть в Нью-Йорке нежеланным гостем. Впрочем, он подошел,

чтобы поговорить о серьезных делах. — Другие города Совета потрясены. Все считали, что с вами все закончится трагедией, как и в Лондоне, но, возможно, думать так было глупо. Я не могу представить себе двух более разных городов, чем ты и Лондон.

— Да я понял, понял. — Он все еще слишком много болтает. Я выпрямляюсь и немного потягиваюсь. (Мэнни секунду пожирает меня взглядом, а затем отворачивается. Какой воспитанный.) — Твой китайский парниша в порядке?

— Конг не «мой парниша». Но да. Оправившись от неожиданного возвращения в свой родной город, он созвал остальных на встречу в Париже. Нью-Йорк тоже приглашен, поскольку вы наконец стали полноценным городом. Совету нужно будет поговорить с вами и обсудить… — Он вздыхает и обводит рукой пляж, небо, высотки позади нас. А потом смотрит через воду.

Мы в той части Кони-Айленда, куда почти не заходят туристы, поэтому, несмотря на великолепный летний день, здесь не слишком людно. Формально мы уже в Брайтон-Бич, просто пляж все равно называют Кони-Айлендом. Смысла в этом столько же, сколько в названии Кони-*Айленд* — ведь он уже лет сто как не остров. Ну да

ладно. Видите ли, мы пришли сюда не просто так. Отсюда видна длинная полоска Статен-Айленда. Интересного там почти ничего нет — остров в этой части в основном плоский, поросший деревьями и застроенный домами на сваях, а его низкий профиль прерывается редкими строительными кранами или вышками сотовой связи. Хорошенький. Скучный.

Все это, однако, окутано глубочайшей тенью. Над островом нет облаков. Нет ни спутников, ни затмений. Никто не сообщал об этом в новостях, хотя в социальных сетях мы все же нашли несколько комментариев, в которых люди упомянули это любопытное явление, — но не более того. Только мы видим его, мы и жители, которым был дан дар или проклятие видеть то, что видит город. Ничего страшного. Просто тень над Статен-Айлендом, огромная и идеально круглая, — Бруклин пролетела на вертолете над гаванью и рассказала нам об этом.

Да уж. Все так. Статен-Айленд предала нас окончательно и бесповоротно.

Паулу, оттолкнувшись от перил, выпрямляется.

— Мой самолет вылетает через несколько часов. Мне пора в аэропорт.

Неожиданно. Я, конечно, понимал, что это произойдет, ведь он приехал сюда лишь для того, чтобы помочь мне пережить перемены. Самый молодой город обязан помочь новенькому, и теперь его долг выполнен. И все же. Я прикусываю щеку и стараюсь не показывать, насколько мне больно.

— Моя квартира проплачена до конца месяца, — продолжает он. — Если хочешь, можешь пожить там. Просто оставь ключи и закрой дверь, когда будешь уходить. И постарайся не устроить там бардак.

Я вздыхаю.

— А потом что? — Снова на улицу. Хорошо еще сейчас лето.

— А потом, — говорит Паулу, многозначительно переводя взгляд с меня на тех, кто сидит на пляже перед нами, — у тебя есть целых пять воплощений, которые могут позаботиться о тебе вместо меня.

Он тактичен. Бывали у меня расставания и похуже. Хотя это, наверное, и расставанием не назвать. И все же. Я кладу руки на перила и опускаю на них подбородок, стараясь не сердиться на свои другие воплощения. «Позаботятся» они обо мне, ага.

— Ты им нужен, — говорит Паулу. Снова очень мягко.

— Чтобы жить.

Он качает головой.

— Чтобы быть великими. Увидимся в Париже.

Затем он достает сигарету, закуривает ее и уходит. Вот так просто.

Я смотрю ему вслед и *не скучаю* по нему, а потом смотрю на других и *не хочу* быть с ними. Но мы все — Нью-Йорк. Нью-Йорк, который порой врет как дышит, и никто не понимает этого лучше, чем он сам.

Куинс подбегает ко мне первой, прямо из воды, смеющаяся и мокрая. Она хватает меня за руку и жалуется, что я воображаю себя слишком крутым и не хочу ходить по песку, как все остальные. Наконец я сдаюсь и позволяю ей стащить меня с досок. А потом Джерси-Сити — ей больше нравится, когда мы зовем ее Венецей, поэтому мы так и делаем, но она ведь и Джерси-Сити тоже — подбегает, протягивает мне завернутый в фольгу сэндвич и говорит:

— Мне надоело чувствовать, какой ты голодный. Тебе нужно больше есть. — Она тащит меня по песку к одеялам. (Бутерброд, кстати, вкусный. С курицей-кебаб. Паулу говорил, что я больше

не должен испытывать голод, но Нью-Йорк всегда голоден.) Когда Жожо плюхается в воду, обрызгав всех, Бруклин с кривой усмешкой протягивает мне бумажное полотенце, чтобы вытереть лицо. Потом Бронка говорит, чтобы я, скотина такая, лег поскорее и не загораживал ей солнце. Она, видите ли, пытается впитать достаточно света и тепла, чтобы пережить следующую зиму, хотя до нее еще полгода. Когда я сажусь, Мэнни отодвигается, освобождая мне место, — но все равно держится рядом. Как телохранитель. Достаточно близко, чтобы я мог прикоснуться к нему, если захочу. Когда буду готов.

— С возвращением, — говорит он, протягивая мне «Снэппл» из сумки-холодильника. Розовый лимонад. Мой любимый вкус — наверное, он случайно угадал. — Хорошее место, да?

— Во всем мире лучше не найти, — говорю я, и мы все улыбаемся этой волшебной истине.

Благодарности

Для меня стало неожиданностью (хотя, возможно, ожидать это все же стоило), но для того, чтобы написать историю, действие которой разворачивается в настоящем месте (даже в том, которое я хорошо знаю), мне пришлось изучить больше материала, чем для всех остальных фэнтезийных романов, которые я написала, вместе взятых. По большей части так получилось из-за того, что в настоящем мире живут настоящие люди, и моя обязанность — изобразить их так, чтобы никого не оскорбить и никому не навредить. А еще, поскольку многих из этих людей я знаю лично, они бы нещадно занудствовали, опиши я неправильно, скажем, Шораккопоч. Ребята, оставьте меня в покое. Нью-Йорк огромен. Я и так старалась, как могла.

К несчастью, по разным причинам (в том числе из-за произошедших в мире событий) во время написания книги я не смогла посетить ни Гонконг, ни Сан-Паулу. Прописывая характеры и способности персонажей, я основывалась на тех крупицах информации, которые подсмотрела

в книгах или узнала из разговоров с друзьями, которые там бывали, однако, в конце концов, оба героя были описаны мной довольно вольно. Надеюсь, что когда-нибудь я все же встречусь с этими городами (и их жителями!) лично, но я не знаю, получится ли у меня съездить туда до того, как я закончу трилогию. Мне остается лишь восхищаться ими на расстоянии — пока что.

Перехожу к благодарностям, а их немало. Вдобавок к той помощи, что мне предоставляют мой редактор и агент (спасибо вам!), для этой работы мне понадобилась небольшая армия советчиков и вдохновителей. Во-первых, позвольте мне поблагодарить писателя Джона Скальци за фразу «расист, сексист, гомофоб и придурок». Она оказалась очень полезной. Также спасибо творческому гению Жан Грей за стихи, которые зачитывает Бруклин во время своей рэп-битвы; написаны они были мной, но она их поправила. Отдельное спасибо моему чтецу, пожелавшему остаться неназванным, за проверку текста на политкорректность, за помощь с языком ленапе, за культурные отсылки и за ленапское имя Бронки! Также хочу поблагодарить племя Нантикок Ленни-Ленапе за материалы с их веб-сайта (простите, что пропустила пау-вау). Также спасибо

за советы и наводки другому консультанту, тоже представителю коренных народов Америки, который также пожелал остаться неназванным и помог мне найти моего ленапского консультанта. Огромное спасибо писателям Мэри Энн Мохарандж за вычитку культурных тонкостей тамильского происхождения Падмини и Мими Мондал за вычитку культурных особенностей и нюансов касты неприкасаемых, к которой Падмини принадлежит, а также бывшему стажеру издательства «Orbit» Стути Таливдера за общие замечания и помощь. Спасибо Даниэль Фридман за контекст о выживших во время Холокоста. Спасибо «Crash Override Network» за подсказки по организации кибербезопасности — к сожалению, мне уже несколько лет приходится пользоваться подобными средствами, чтобы обезопасить свою жизнь. Также спасибо корректорам Кевину Уайту за проверку математических формул, Ананде Феррари Оссанай за заметки по Бразилии и божественно вкусные бригадейро, а также редактору «Orbit UK» Дженни Хилл за британизмы Бела и за то, что помогла сделать эту книгу более понятной для тех, кто никогда не был в Нью-Йорке. Математические выкладки о гипоциклоиде в седьмой главе взяты из статьи с интернет-ре-

сурса «Math World» (http://mathworld.wolfram.com/SpherewithTunnel.html). Огромное спасибо моей коллеге, писательнице Женевьеве Валентайн, за редактуру и общие советы по развитию истории, а также за то, что она неумолимо расправилась с наиболее вопиющими нью-йоркскими жаргонизмами в моем тексте. Спасибо давней подруге по писательской группе К. Темпест Брэдфорд за то, что познакомила меня с парком Инвуд-Хилл и Инвудом в целом. Также спасибо художественному руководителю «Orbit» Лоурен Панепинто за то, что развеяла многие мифы и предрассудки о Статен-Айленде. Сердечное спасибо моему отцу, Ною Джемисину, за то, что посвятил меня в мир нью-йоркского искусства, в его чудеса и политические хитросплетения.

А еще отдельное спасибо самому Нью-Йорку. Я считаю себя ньюйоркцем примерно наполовину. Большую часть детства я провела в Алабаме, но на каждое лето и каникулы уезжала в Бруклин. На постоянной основе я живу в городе с 2007 года, но как личность я в основном сложилась в те ранние, фрагментарные моменты нью-йоркской жизни. Я ходила по флаконам из-под кокаина, прыгала через две скакалки (примерно три четверти попыток заканчивались

ударами по лицу, но когда у меня все же получалось, я чувствовала себя богиней), каталась на «Циклоне», пока меня не переставали пускать на него, пробегала под струями сломавшегося пожарного гидранта, обливалась пóтом в жару без кондиционера, усыновила бездомного кота, пинала уличных крыс, когда они на меня бросались. Благодаря Нью-Йорку я люблю хип-хоп и боюсь копов. У него я научилась мужеству и авантюризму. И благодаря ему я научилась решать любые проблемы.

Я ненавидела этот город. Я любила этот город. Я буду сражаться за этот город до тех пор, пока он от меня не устанет. Это — моя ода ему. Надеюсь, она у меня получилась.